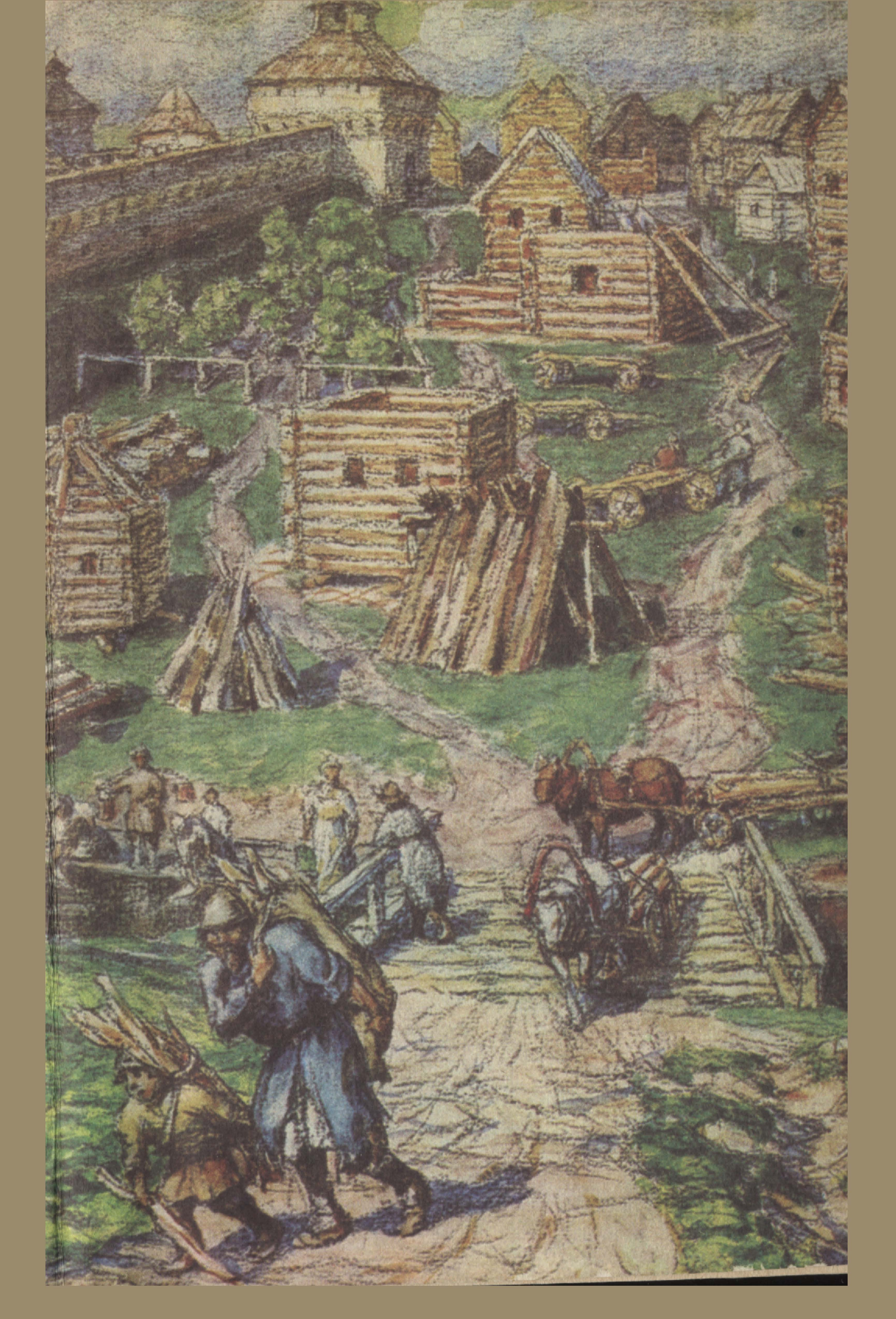
В.Ф. Антонов

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ по ИСТОРИИ СССР с древнейших времён до конца XVIII века

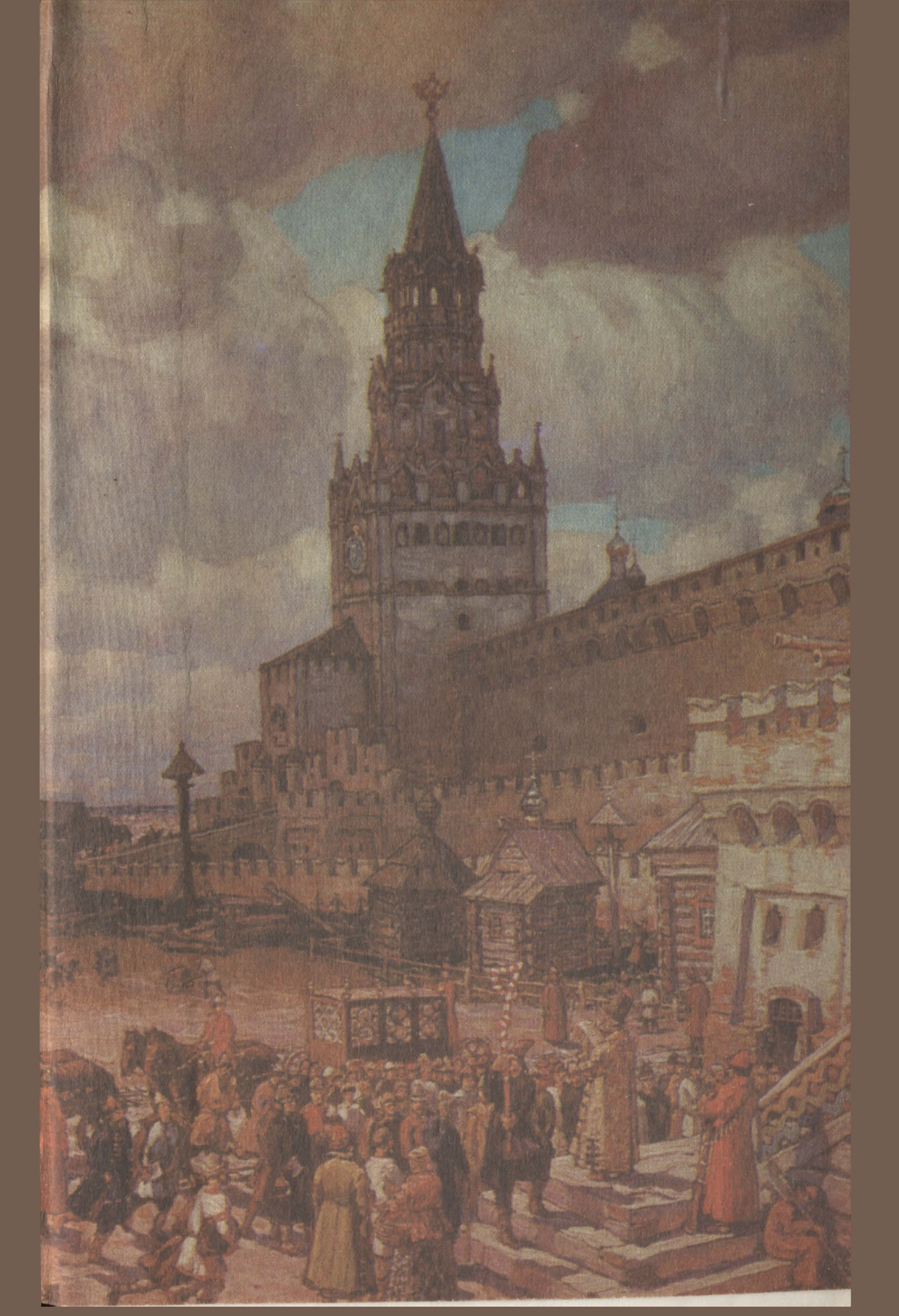

„Просвещение"

В.Ф.Антонов

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ по ИСТОРИИ СССР с древнейших времён до конца XVIII века

ПОСОБИЕ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ
7 КЛАССА
СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

*Рекомендовано
Главным управлением общего среднего образования
Министерства просвещения СССР*

**3-е издание,
переработанное и дополненное**

Москва
«Просвещение»
1988

ББК 63.3(2)я72
А72

Рецензенты:
доктор исторических наук,
профессор А. А. Преображенский
(Институт истории СССР АН СССР);
учитель специальной школы № 40
Ленинградского района Москвы А. Ю. Карпов

Антонов В. Ф.
А72 Книга для чтения по истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века: Пособие для учащихся 7 кл. сред. шк.—3-е изд., перераб. и доп.— М.: Просвещение, 1988.—240 с., 4 л. ил.: ил.
ISBN 5-09-000547-8

Очерки, вошедшие в книгу, рассказывают о различных сторонах жизни народов нашей страны с древнейших времен до конца XVIII в. Книга повествует о политических событиях, о народных восстаниях, о борьбе с иноземными захватчиками, об известных исторических деятелях, о материальной жизни, быте и культуре разных слоев населения.

Предназначена для учащихся VII класса средней общеобразовательной школы. Предыдущее издание книги вышло в 1984 году.

А $\frac{4306020600-395}{103(03)-88}$ инф. письмо —88 **ББК 63.3(2)я72**

ISBN 5-09-000547-8

АНТЫ-ВОИНЫ[1]

Был ненастный летний день. Над селением, прижавшимся к берегу реки, с ночи висели тяжелые тучи. То и дело начинался дождь. Жители, укрывшиеся в землянках, казалось, безмятежно предавались своим занятиям: женщины хлопотали у очагов, мужчины — кто чинил, а кто мастерил что-либо из хозяйственного или военного снаряжения. И вдруг, перекрывая шум дождя, раздался условный крик. Одно мгновение — и землянки опустели. Анты поспешно садились в долбленки[2] и устремлялись на противоположный берег, некоторые входили в реку и словно растворялись в ее серых водах.

Что же случилось? На землю антов вторглись византийцы.

В VI в. славяне все больше вытесняли византийцев с Балканского полуострова и постепенно заселяли его территорию. Но императоры Византии, собирая силы, время от времени совершали карательные походы за Дунай против славян и при этом истребляли, грабили, уводили в рабство население захваченных ими земель.

Один из императоров Маврикий (годы правления 582—602), которому приписывается сочинение «Стратегикон» — наставление для ведения войн, указывал на то, как надо воевать со славянами и безудержно грабить их. Многовековой опыт предков научил антов хранить запасы в тайниках, устраивать потайные выходы из жилищ и всегда быть начеку.

Вот и теперь, обнаружив появление византийцев, староживший с дерева дал сигнал тревоги. Всадники ворвались в селение на полном скаку, но было уже поздно — в селении никого не осталось. Разъяренные неудачей византийцы принялись искать добычу.

Обшарив все углы и ничего не найдя, отряд византийцев покинул безлюдное селение. Через некоторое время стали возвращаться с противоположного берега долбленки и, словно в сказке, появились из воды женщины, подростки, старики. Оказывается, они пережидали беду на дне реки. Маврикий знал об этом приеме славян и рассказывал о нем в

[1] *Анты* — византийское название южной группы восточных славян. Действие рассказа происходит в VI в., когда анты вместе с другими славянскими племенами усиливают борьбу с Византийской империей.

[2] *Долбленки* — лодки, сделанные (выдолбленные) из ствола большого дерева. Иначе их называли *однодеревками*.

своем «Стратегиконе», но всадники византийского отряда были невнимательны и не заметили коротких камышинок, там и сям рассеянных в прибрежных зарослях. А они-то и спасли скрывшихся под водой жителей. «Мужественно выдерживают они (славяне.— *В. А.*) пребывание в воде,— писал Маврикий,— так что часто некоторые из числа остающихся дома, будучи застигнуты внезапным нападением, погружаются в пучину вод. При этом они держат во рту специально изготовленные большие, выдолбленные внутри камыши, доходящие до поверхности воды, а сами, лежа навзничь на дне, дышат с помощью их; и это могут проделывать в течение многих часов, так что совершенно нельзя догадаться об их присутствии». Если же враг опытен и обнаруживает по камышинкам затаившихся в воде славян, неминуемо следует жестокая расправа.

Однако славяне не только умело прятались от врагов, но и владели большим и разнообразным арсеналом наступательных и оборонительных приемов ведения боя. Прежде чем рассказать об этих приемах, надо поближе познакомиться с самими антами. Для этого мы обратимся к произведениям Маврикия и другого византийца, тоже жившего в VI в.,— Прокопия Кесарийского[1].

Указывая на большое сходство славянских племен — склавинов и антов, Прокопий сообщал: те и другие очень высокого роста и огромной силы; цвет кожи у них не очень белый или золотистый, но и не совсем черный. По существу, это не плохие и совсем не злобные люди. Маврикий добавлял к этой характеристике славян их гостеприимство, радушие, проявляемое к иноземцам, и свободолюбие. Славян, говорил он, никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране. Они выносливы, легко переносят жару, холод, дождь, наготу, голод.

Храбрейшими из славян Прокопий назвал антов. В бой они шли с двумя небольшими копьями, а некоторые имели прочные и тяжелые щиты. Вооружение их составляли также лук и стрелы. Панцирей славянские воины не носили и летом, по словам Прокопия, сражались в одних коротких штанах.

Маврикий пишет, что в сражении славяне избегали открытых местностей, предпочитая встречать врага в лесах, теснинах или у обрывов; при этом они широко пользовались искусством засады, прибегали к различного рода военным хитростям, владели многими способами ведения боя днем и ночью, были чрезвычайно искусны в переправах через реки. В то же время Маврикий отмечал, что в целом славяне не имеют единого командования и не способны сражаться правильным строем. Разумеется, славяне, жившие отдельными племенами, еще не могли создать тогда сильную армию с единым военным командованием, как это было в классовом обществе Византии.

Славяне начинали набеги на Византийскую империю небольшими отрядами. Перейдя Дунай, они рассыпались на еще более мелкие группы. Однако, даже действуя раздробленно, славяне представляли собой грозную опасность для Византии.

Маврикий описал один из «правильных» боев антов. Вот они сошлись с противником на открытой местности. Плотный строй антов прикрыт выставленными вперед щитами. Издав грозный крик, воины переставляют щиты и делают шаг вперед.

[1] Прокопий Кесарийский был секретарем полководца Велизария времен императора Юстиниана (годы правления 527—565).

Так, шаг за шагом, грозная масса антов сближается с врагом. Византийцы не выдерживают и бегут с поля боя, подставляя свои спины стрелам и дротикам антов. Если же такая атака антам не удавалась, если противник оказывался стойким, тогда сами анты начинали отходить, стараясь увлечь византийцев за собой в лес, в овраги, где преимущества регулярного строя византийцев терялись.

А вот еще один случай боя антов на открытой местности. Дело происходило в 594 г. Отряд славян примерно в 600 человек, среди которых были женщины и дети, возвращался с богатой добычей после удачного нападения на византийские города. В то же время в сторону Дуная шла грабить славянские земли византийская армия, руководимая полководцем Петром, братом императора Маврикия. Конный авангард в 1000 человек, обнаружив славян, стремительно пошел в атаку. Анты были застигнуты врасплох, но не пали духом. На глазах неприятеля они быстро соединили повозки и заняли круговую оборону. Женщины и дети скрылись за этой своеобразной стеной, а воины встали на повозки и с копьями в руках приготовились к бою. Византийцы, боясь «копий варваров с высоты укреплений», спешились и, вооруженные мечами, стали наступать, прячась за лошадей. Бой, несмотря на численное превосходство византийцев, затягивался, но наконец одному из воинов удалось вскочить на повозку. Действуя мечом направо и налево, он дал возможность своим товарищам приблизиться. Византийцы растащили в этом месте повозки, ворвались внутрь лагеря и истребили поголовно всех.

Конечно, не всегда такой способ защиты оканчивался трагически для обороняющихся. В противном случае анты его не применяли бы и не отваживались отправляться в столь опасный путь с женами и детьми. Описания византийскими авторами побед славян-антов весьма малочисленны и пристрастны, тем не менее мы узнаем из этих описаний об умении антов брать укрепленные византийские города.

Совершая очередной поход на Византию, славяне в 551 г. сначала разбили византийцев в открытом сражении, затем обратили в бегство многочисленных всадников, телохранителей императора Юстиниана, а их предводителя взяли в плен.

В этом походе анты овладели многими городами. О подробностях штурма одного из них — прибрежного городка Топера, находившегося в 12 днях пути от столицы Византии[1],— сообщил Прокопий Кесарийский. Анты не стали штурмовать хорошо укрепленный Топер. Скрыв большую часть отряда в засаде, меньшую они направили к стенам города. Византийцы, стоявшие на крепостной стене, вообразили, что перед ними все силы противника, и решили сделать вылазку, чтобы его разгромить. Анты прикинулись насмерть перепуганными и обратились в бегство. Византийцы, предвкушая победу, начали преследование. Но в заранее условленном месте анты неожиданно круто повернули и бросились на врага. Тут же с тыла ударила засада. Византийцы были разбиты наголову. В городе уже поняли, что произошло. Жители отчаянно защищались, лили на головы атакующим кипящее масло и смолу, сбрасывали камни, но сопротивление длилось недолго. Анты стрелами смели защитников со стен, по лестницам взобрались на них, и город был взят.

Прошло еще несколько десятков

[1] Так тогда указывали расстояние.

лет, и анты уже владели всем арсеналом тогдашнего тяжелого вооружения. В 597 г. мы видим антов при штурме греческого города Фессалоники. У них теперь были осадные машины, железные тараны, огромные механизмы для метания камней и так называемые «черепахи» — подвижные башни. Эти грозные сооружения медленно двигались к крепости. Помещавшихся на них воинов скрывали деревянные барьеры — щиты, обитые для предохранения от огня сырыми шкурами. Как только «черепахи» подбирались к крепости, воины выскакивали из укрытий и, осыпая защитников стрелами, овладевали стеной.

Грозной силой были железные тараны и метательные орудия — массивные четырехугольные сооружения с широкой основой и узким верхом, где крепились толстые деревянные цилиндры, по концам обитые железом. В них-то и находились метательные механизмы. Они были так устроены, что позволяли выбрасывать на головы противника тяжелые камни. Лобовые и боковые стороны орудия обивались досками для защиты воинов.

При осаде анты умело организовывали взаимодействие этих мощных средств нападения. Прежде всего противника забрасывали камнями, разили его стрелами. Защитники вынуждены были укрываться за стеной, не имея возможности даже выглянуть из-за нее. А тем временем начинала совершать свой неумолимый ход «черепаха», приводились в действие стенобитные орудия.

Византийцы признавали, что славяне к концу VI в. «научились вести войну лучше, чем римляне» (т. е. чем они сами).

Славяне показали себя также искусными моряками. Византийские авторы не оставили описаний морских сражений с антами, но они упоминают, что в 623 г. славянский флот действовал у Крита, а в 642 г. — у берегов Италии. Видимо, немалой силой обладал славянский флот, если он проходил проливами из Черного моря в Средиземное. Значит, Византия вынуждена была пропускать его через свои внутренние воды. Одно время во главе флота Византии стоял славянин Доброгаст.

Сухопутные и морские победы антов закладывали традиции воинского мастерства, которые потом приумножили их потомки. Вторжение славян на Балканы ускорило падение рабства в Византии.

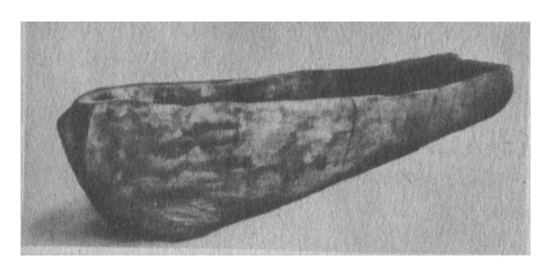
НА ОДНОДЕРЕВКАХ «В ГРЕКИ»[1]

Торговый путь из Руси «в греки» шел по Днепру, а затем западным берегом Черного моря. Он был нелегок и небезопасен.

К июню каждого года новгородские, смоленские, черниговские, вышгородские и другие купцы на лодках-однодеревках свозили свои товары в Киев. Здесь их поджидали торговые люди князя и бояр. По установившемуся обычаю киевский князь на зиму уходил с дружиной в полюдье, а с наступлением весны возвращался с обильной данью. Часть ее грузили в лодки и отвозили в Константинополь. Для снаряжения такой торговой поездки требовалось большое количество лодок, поэтому они были важным предметом дани и торговли.

Еще зимой лодочных дел мастера иногда целыми артелями уходили в глубь дремучих лесов, подыскивая

[1] Рассказ относится ко времени первой половины X в.

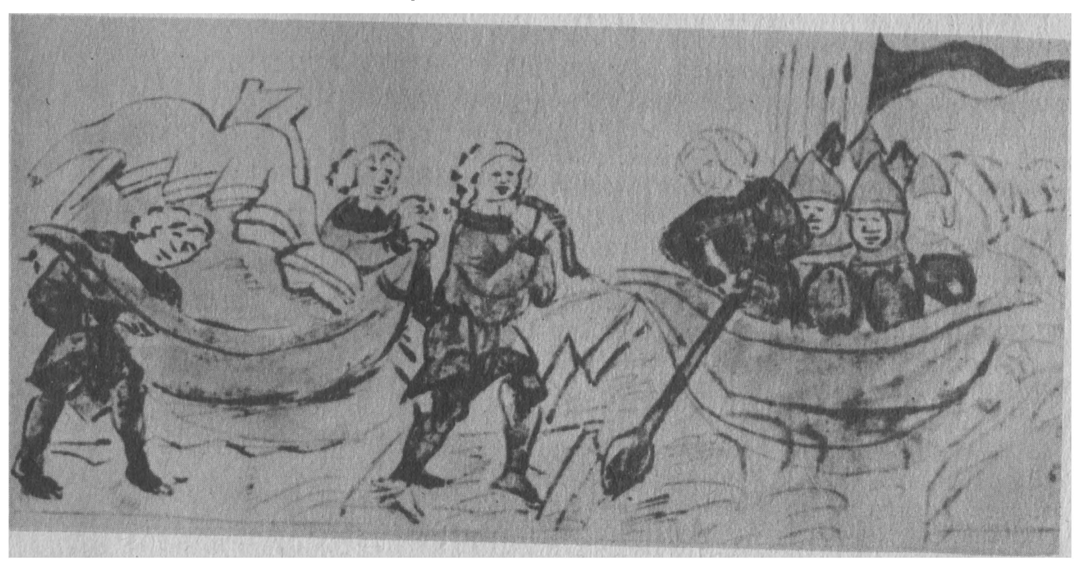

Однодеревка была обнаружена на обрывистом берегу Дона в 1954 г. Она имела 7,16 м в длину. Однодеревка датируется II тыс. до н. э. Однако в те времена изменения в технике постройки судов происходили очень медленно и эта находка дает представление об однодеревках времен Киевской Руси.

Погрузка купцами товаров перед отправлением в плавание.

Перенесение лодок. *Миниатюра из Радзивиловской летописи.* Радзивиловская (Кёнигсбергская) летопись — одна из ранних русских летописей, события в ней доведены до 1206 г. Дошла до нас в списке XV в. Он принадлежал литовскому князю Радзивилу, а затем находился в библиотеке Кёнигсберга. Замечательной особенностью летописи является большое количество (617) красочных миниатюр, ценных для изучения культуры, быта и искусства Киевской Руси.

самые могучие и стройные деревья. Изо дня в день стук топоров сотрясал студеный воздух лесных чащ. Немало сил приходилось приложить артельщикам, чтобы свалить лесного великана. Затем ствол очищался от сучьев и коры, и начиналась самая ответственная работа — стволу придавалась форма лодки: его выдалбливали, а концы обтесывали. Такую заготовку весной спускали на воду и доставляли в Киев, где и продавали приезжим и местным купцам.

Теперь к делу приступали киевские плотники. Однодеревки надо было оснастить. Для этого снимали со старых однодеревок весла, уключины и прочие снасти и прилаживали к новым, а, чтобы однодеревка могла взять больше груза, на ее борта нашивались ряды досок. Вот почему ее называют еще и набойной ладьей. Ученые предполагают, что для большей устойчивости лодки к ее бортам подвязывались пучки сухого камыша, как это позже делали запорожцы. О том, какой груз выдерживала однодеревка, можно приблизительно судить по ее способности брать на борт до 40—60 человек.

Сборы в далекий путь были важным событием. В это время жизнь города особенно оживлялась. Людно и суетливо было на пристани: с утра до ночи над ней стоял шум и грохот, стучали топоры, звенели кузнечные молоты. Из княжеских и боярских подвалов слуги выносили на берег и грузили в лодки меха, воск, мед и другие товары, пользовавшиеся спросом на византийском рынке.

И вот лодки отплывают вниз по течению к месту последнего сбора — городу Витичеву, расположенному к югу от Киева.

\Наступал день отплытия, предстоял далекий и нелегкий путь. «Среди бесконечных гирл, глубоких лиманов, корчей, порогов и заборов[1],— говорится в одном описании Днепра,— только опытный пловец мог плавать, не рискуя своей жизнью; среди бесконечных островов, топких болот, среди непроглядных камышей мог не потеряться только тот, кто отлично изучил Днепр и его плавни». Не случайно поэтому в языческие времена перед отплытием по Днепру его водам приносились жертвы, а позже — после принятия христианства,— чтобы умилостивить реку, совершались богослужения. Так пытались склонить на свою сторону «тайные» силы Днепра и отстранить от себя опасности. А их, как мы видим, было достаточно.

Но самой страшной опасностью было нападение степных кочевников печенегов.

Трудности пути начинались с порогов. В наши дни, когда плотины значительно подняли уровень вод Днепра, эти пороги исчезли, но в те времена они были крайне опасны. Порогов, перегораживавших Днепр на протяжении более 65 км, было девять.

Первый из них выразительно назывался в древности «Не спи» (позже — Старокойдацкий) и находился ниже (в 17 км) современного Днепропетровска. Посредине этого неширокого порога выступали крутые скалы. Обрушиваясь на них и с грохотом низвергаясь, вода внушала немалый страх. Подходя к порогу, гребцы не отваживались преодолевать его с ходу. Лодки причаливали к берегу. Слуги и воины раздевались и с величайшей осторожностью проводили однодеревки вдоль берега. Миновав та-

[1] *Гирло* — узкий водный рукав; *лиман* — залив, образованный затоплением морем устья реки; *корча* — подводные пни и корни; *порог* — выступ твердых горных пород, пересекающих русло реки; *забор* — тот же порог, но занимающий лишь часть русла реки.

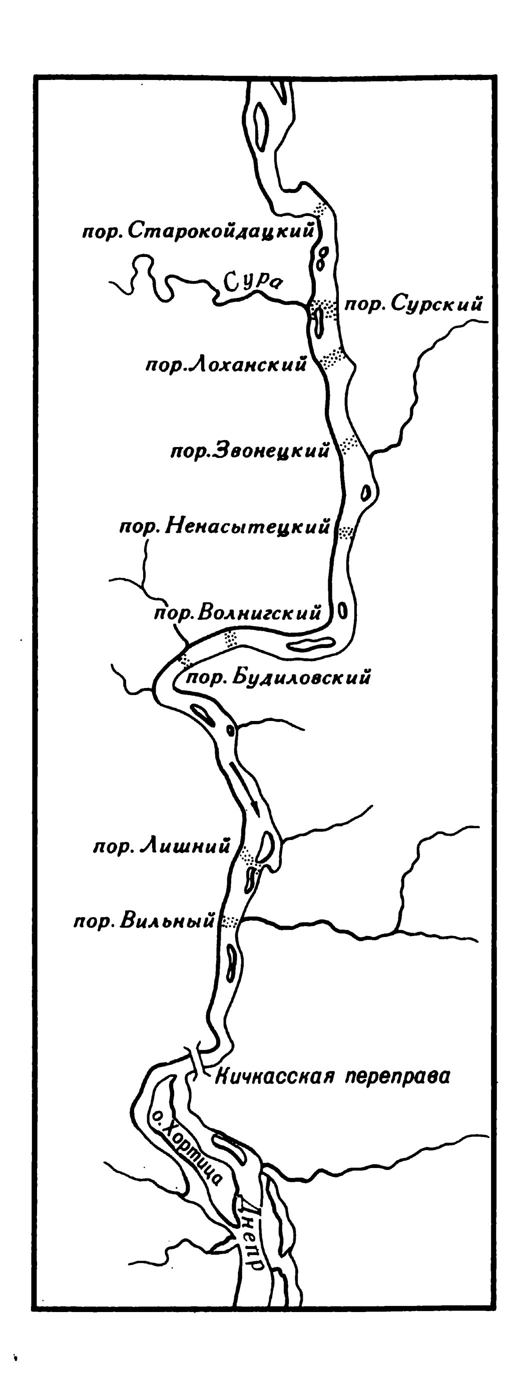
ким же образом несколько первых порогов, торговцы оказывались перед самым грозным из них, позже именовавшимся Дид, Ненасытецкий или Разбойник.

Если все другие пороги во время половодья скрывались под водой, то этот оставался на поверхности. Вечно ревущий и покрытый сединой пены и брызг, он вызывал восторг и страх. Зная норов порога, печенеги облюбовали его для своих засад. Одно удачливое нападение могло погубить всю годовую торговлю Руси с Византией[1].

В этом месте лодки причаливали, а отряженные для охраны каравана воины занимали позицию поодаль от берега. Оставшиеся разгружали однодеревки и переносили товар по другую сторону порога, а затем по суше на плечах или волоком перетаскивали и сами однодеревки.

В момент переноса однодеревок печенеги обычно и нападали. Они пользовались тем, что люди были заняты, и им требовалось какое-то время, чтобы сбросить тяжелый груз и взяться за оружие. У переправы через Днепр караван снова попадал в опасную зону. Пороги оставались позади, но для печенегов это было еще одно удобное для нападения место. Здесь они были особенно частые гости, так как переправа являлась отправным пунктом их набегов на славянские селения правобережья

[1] Сохранилось предание, что именно здесь, у порога Ненасытецкий, печенеги убили киевского князя Святослава, когда он с малочисленной дружиной возвращался из похода на Византию. На вершине скалы Гроза в память об этом печальном событии была установлена чугунная плита с надписью: «В 972 году у Днепровских порогов пал в неравном бою с печенегами витязь-князь Святослав Игоревич». Когда после Великой Отечественной войны восстанавливалась плотина Днепрогэса, плиту сняли и перенесли на площадь села Никольского.

Карта Днепровских порогов.

Днепра. Здесь же проходил торговый путь из Херсонеса[1] на Русь.

Русло Днепра на месте переправы было сравнительно узким. Стрела, пущенная с одного берега, почти достигала другого. Это давало возможность печенегам прицельно стрелять из лука по движущимся лодкам. Хорошо еще, если враг устраивал засаду на одном берегу. В этом случае, прижавшись к противоположному берегу и ожесточенно отстреливаясь, торговцы могли проплыть дальше без особых потерь. Но при засаде на обоих берегах положение осложнялось.

Но вот плавание по Днепру заканчивалось, и измученные путешественники наконец-то приставали к желанному берегу — месту отдыха. Византийцы называли его островом Святого Георгия (потом он стал известен как остров Хортица). Посредине его стоял огромный вековой дуб, который древние славяне наделяли чудодейственной силой. Торговцы собирались под его могучей кроной, и каждый приносил ему жертву. Один нес кусок хлеба, другой — мяса, третий — что-либо еще, и неизменно на жертвенный алтарь приносились живые петухи.

Передышка на острове использовалась для многих неотложных дел. Раненым и больным спешили оказать посильную помощь, но если они быстро не выздоравливали, то их оставляли на острове, выделив им лодку, провиант и оружие, с тем чтобы выздоровевший мог возвратиться домой. Обычай этот был жестокой необходимостью. Больной в столь опасном плавании был тяжелой обузой.

Передышка использовалась и для приведения в порядок однодеревок. Снова стучали топоры и молотки. Отдохнув, починив лодки, торговцы пускались в дальнейший путь. Через четыре дня они оказывались в лимане Днепра, причаливали к острову Эферия (позже — Березань) и оставались на нем на три-четыре дня.

Теперь условия плавания резко менялись: впереди караван ожидало море и следовало подготовить однодеревки к морскому плаванию. Необходимые для переоснастки судов мачты и реи торговцы везли с собой из Киева. Их устанавливали на лодки, крепили паруса.

Оснастка лодок для морского плавания окончена, подняты паруса, и подгоняемая ветром флотилия, словно стая чаек, несется вдоль извилистого берега к Днестру. В его устье делалась остановка для отдыха, а затем, совершив еще два перехода, караван судов достигал гирла Дуная.

Путь по морю был не только долгим: здесь караван ждали новые трудности и опасности. Борьба со стихией требовала невероятных сил и отличного знания мореходного искусства. Случалось, внезапно налетала буря, крушила и ломала ветхую оснастку, срывала паруса и угоняла утлые однодеревки в открытое море. А то бросала на берег, била о скалы.

На берегу потерпевших крушение поджидали те же печенеги. Они подстерегали караван вплоть до устья Дуная. Зорко наблюдая за однодеревками, они все время следовали вдоль берега. Как только потерпевшая аварию лодка причаливала, она тотчас же могла стать их добычей. Но у славян в традиции была надежная взаимовыручка. Мореходы внимательно следили за лодками во время шторма и по сигналу приходили на выручку терпящим бедствие.

Если же одну из лодок выбрасывало на берег, туда спешили и остальные, чтобы спасти ее от печенегов. В этом случае завязывался ожесточенный бой.

[1] *Херсонес* — бывшая греческая колония на юго-западном берегу Крыма; в описываемое время — владение Византийской империи.

Сделав три остановки на болгарском побережье, караван оказывался в византийской области. Месемврии. Здесь многодневное и тяжелое плавание оканчивалось.

По договору киевского князя Олега с греками в 911 г. русским предоставлялось право вести в Константинополе свободную и беспошлинную торговлю. Для постоянного жительства им отводилась территория у монасты-

Древнейшие монеты Киевской Руси. Их начал чеканить князь Владимир (980—1015). На лицевой стороне монеты изображен князь с надписью «Владимир на столе»; на оборотной стороне — так называемый знак Рюриковичей (родовой знак русских князей) и надпись — «А се его серебро». Монеты чеканились в X—XI вв.

На смену монетам в XII—XIII вв. пришли слитки серебра — гривны. Они были двух видов — киевские — шестиугольной формы и новгородские — в виде продолговатых палочек. Гривнами назывались на Руси шейные украшения. Они использовались в качестве денег. Затем это название перешло на специальные денежные слитки.

Договор Олега с греками. *Миниатюра из Радзивиловской летописи.* В договоре, в частности, говорилось: «Если убьет Русин Христианина (византийца) или Христианин Русина — пусть умрет там, где совершил убийство. Если же убийца скроется, а окажется имущим, то ту часть имущества, которая принадлежит ему по закону, пусть возьмет близкий родственник убитого, но жена убийцы сохранит принадлежащую ей по закону другую часть имущества. Если убийца окажется неимущим, то останется обвиняемым доколе будет найден, и тогда умрет».

ря святого Мамы. Как только русский караван достигал столицы Византии, императорские чиновники составляли список прибывших купцов и по этому списку выдавали каждому в течение шести месяцев содержание: хлеб, вино, мясо, рыбу и овощи. Купцам разрешалось бесплатно и неограниченно пользоваться баней.

Византийцы радостно встречали торговый караван из Руси. Все привозимые издалека товары вызывали у них большой спрос.

Торговля шла бойко. Славяне не только продавали, но и немало покупали. Для князя приобретали дорогие материи, особенно поволоку (шелковая узорчатая ткань) и парчу, золото и всякое «узорочье» (изделия греческих ювелиров), сосуды «разноличные», пряности, вино.

По мере того как продавались привезенные товары, лодки постепенно загружались покупками. Одновременно суда ремонтировали, готовя в обратный путь. По условиям того же договора византийцы обязаны были снабдить торговцев Руси якорями, реями, парусами. Когда караван отправлялся в обратный путь, византийцы давали купцам продовольствие на все время долгого и опасного плавания.

Теперь надо было в целости и сохранности довезти купленное, а возвращаться обратно приходилось в еще более сложных условиях — против течения...

Мы видим, какой слабой была ниточка торгового пути из Руси «в греки», какой нелегкой ценой доставалось ей экономическое общение с Византией.

Кроме того, Русь торговала с Западом, со Скандинавией, ее товары шли по Волге в страны Востока. И всюду торговцев тех далеких времен ждали трудности, подстерегали неведомые опасности.

ИБН-СИНА

Абу Али Хусейн ибн Абдаллах — таково полное имя одного из величайших ученых средневековья Ибн-Сины (Авиценны).

Великий медик, прославленный философ, Ибн-Сина в то же время оставил труды по логике, психологии, математике, физике, зоологии, химии, геологии, астрономии, музыке... Он писал стихи и занимал высшие государственные должности. Его познания были столь обширны, разнообразны и глубоки, что о нем с полным основанием можно говорить как о живой энциклопедии. Его историческая заслуга заключается в том, что он сумел заметно поднять уровень научных знаний своего времени и тем оказал могучее воздействие на общечеловеческое развитие. Наибольшую известность и славу доставил ему пятитомный труд по медицине «Канон врачебной науки». Один из среднеазиатских писателей XII в. так высказался о значении этого труда: «Те врачи, которые познакомились основательно с «Каноном», не нуждаются в изучении других сочинений». С XII в. «Канон» становится известным в Европе и с тех пор, вплоть до XVII в., остается одним из основных руководств для врачей всего мира. И на Руси при составлении лечебников и травников использовались советы Ибн-Сины.

Где, когда и как жил и трудился этот удивительный человек, имя которого по решению Всемирного Совета Мира в 1952 г. занесено в список величайших мыслителей человечества?

Вот что рассказывается о нем в его биографиях. Ибн-Сина родился в 980 г. в селении Афшана, что в 12 километрах от Бухары. Отец его Абдаллах был состоятельным чиновником и образованным человеком. С пе-

реездом в 986 г. в Бухару отец отдал сына в учение. Ибн-Сина стал постигать Коран[1], грамматику, поэтику, стилистику. Мальчик, одаренный необыкновенной памятью и сообразительностью, поразительно быстро усваивал эти науки. По его словам, к десяти годам он уже овладел Кораном, что само по себе считалось у мусульман подвигом целой жизни, освоил «литературную науку»[2]. Кроме того, его обучали «индийским цифрам», т. е. арифметике. У правоведа он «приобрел большое искусство в диспутах» и в ведении судебных дел.

Не по годам развитый Ибн-Сина все более и более вслушивался в философские и политические разговоры взрослых, собиравшихся в их доме, и отец решил учить сына дальше. Как раз в это время в Бухару приехал философ Натали. «Отец,— рассказывал в автобиографии Ибн-Сина,— поселил его в нашем доме, надеясь, что он обучит меня чему-нибудь из философии». Философ сразу был поражен быстрыми успехами своего ученика, ставившего перед ним такие вопросы, о которых сам учитель до сих пор не думал. В дальнейшем Натали только указывал Ибн-Сине, что надо изучать. Названные наставником науки мальчик одолевал самостоятельно, по книгам. Так были постигнуты Ибн-Синой логика, алгебра, геометрия, космография[3].

Когда учитель уехал, Ибн-Сина стал собирать и читать книги по физике и математике. «Изо дня в день,— говорил Ибн-Сина,— врата знания раскрывались передо мной все шире». Так прошли годы от десяти до шестнадцати лет. К этому времени Ибн-Сина, продолжая прежние занятия, увлекся и медициной. И в этой области он так преуспел, что вскоре стал давать советы даже известным врачам своего времени. Вместе с тем Ибн-Сина приобретал практику в лечении больных.

Став взрослее, он решил вернуться к изученному ранее и в течение полутора лет заново прошел логику и прочие философские науки.

«Во все это время я с ночи до утра не спал и с утра до ночи не отдыхал и, кроме умственной работы, ничем не занимался». «Так я работал,— говорил Ибн-Сина,— пока не укрепился в основах наук и сокрытые тайны не раскрылись передо мной».

Но достигнутое не удовлетворяло юношу. В философии он подошел лишь «к подножию горы», которой ему представлялось учение гениального мыслителя Древней Греции Аристотеля. И вот, взявшись за чтение его сочинений, Ибн-Сина вдруг обнаружил, что не понимает прочитанного. Он читает еще и еще раз, наконец, выучивает всю книгу наизусть, а результат тот же. Привыкнув одолевать препятствия на пути познания, юноша был обескуражен и стал отчаиваться. Но случай выручил его.

Ибн-Сина любил посещать базар переплетчиков, который был центром бухарской книготорговли и местом сбора ученых и литераторов. Один из продавцов, громко выкрикивавший название какой-то книги, уговорил Ибн-Сину приобрести ее. Раскрыв дома этот труд, молодой ученый был несказанно обрадован, когда увидел, что в нем трактуется смысл непонятной для него книги Аристотеля. Все трудности разъяснились. «Возрадовался я этому случаю и на другой день в благодарность за это роздал нуждающимся обильные подая-

[1] *Коран* — главная мусульманская «священная книга».

[2] В «литературную науку» входили грамматика, стилистика, поэтика и др.

[3] *Логика* — наука о законах мышления; *космография* — описание небесных светил.

ния»,— говорится в автобиографии Ибн-Сины.

Вскоре на долю Ибн-Сины выпало первое серьезное испытание. Тяжело заболел правитель Бухары Мансур, и никто из придворных врачей не мог излечить его. Тогда правителю назвали уже известного своей начитанностью Ибн-Сину, и Мансур потребовал привести юношу к себе. В те времена на Востоке придворный врач всегда мог поплатиться не только местом службы, но и собственной головой, если не добивался успеха в лечении. Однако Ибн-Сина излечил Мансура и даже приобрел его расположение.

У правителей Бухары была богатейшая библиотека, которую называли хранилищем мудрости. Благодаря покровительству Мансура Ибн-Сина получил возможность пользоваться книгами библиотеки. Она занимала целый дом. В каждой комнате хранились рукописи по одной из отраслей знаний. В библиотеке был и каталог. Когда Ибн-Сина вошел в комнаты, то, по его словам, он увидел такие книги, которые «многим людям неизвестны даже по названию». Да и сам он ни раньше, ни позже нигде не видел такого богатого собрания. «Я прочитал эти книги, извлек из них пользу и понял значение каждого человека в его науке» — так говорил Ибн-Сина о результатах своих занятий.

К этому времени Ибн-Сине исполнилось восемнадцать лет. По его словам, он уже закончил изучение всех наук. (Речь идет о познании Ибн-Синой того, что было создано до него.) И теперь сам он стал углублять и развивать научные знания своей эпохи.

Однажды сосед, поражавшийся учености Ибн-Сины, попросил его написать книгу, которая охватывала бы все вопросы знания. Ибн-Сина исполнил его желание. Так появилась первая его книга, названная им «Собранное». Ученому в это время был 21 год.

Казалось, что при материальной обеспеченности ничто не могло помешать Ибн-Сине спокойно восходить к еще неведомым людям вершинам мудрости. И в другом отношении все складывалось как нельзя более благополучно для него. Эмиры династии Саманидов, правившие в Средней Азии более ста лет, слыли покровителями наук и искусств. К тому же эмир Мансур ценил и уважал Ибн-Сину.

Время правления Саманидов было временем расцвета среднеазиатской культуры. Но расцвет культуры был обеспечен жестокой эксплуатацией феодалами и правящей династией крестьян и горожан. Угнетенное население города и деревни неоднократно восставало. Сильное антифеодальное движение под руководством хлебопека Абу-Бекра произошло в 930 г. в Бухаре. Тревожна была и политическая жизнь. Феодальные междоусобицы ослабляли государство Саманидов, чем воспользовались их противники — тюркские племена степных районов Семиречья и северо-востока от него, создавшие мощный союз во главе с Караханидами. В начавшихся войнах Саманиды стали терпеть поражения. В 999 г. пала Бухара и над частью Средней Азии, Ирана, Индии и Афганистана установилась деспотическая власть Махмуда Газневи (годы правления 998—1030).

Произошли изменения в жизни Ибн-Сины. В 1002 г. умер его отец, и ему пришлось для содержания семьи поступить на службу, стать чиновником. Однако, неудовлетворенный службой, Ибн-Сина покинул Бухару и переселился в соседнее государство Хорезм. Здесь в Гургендже (Ургенч), столице государства, он был

принят правителем Хорезма Мамуном на службу.

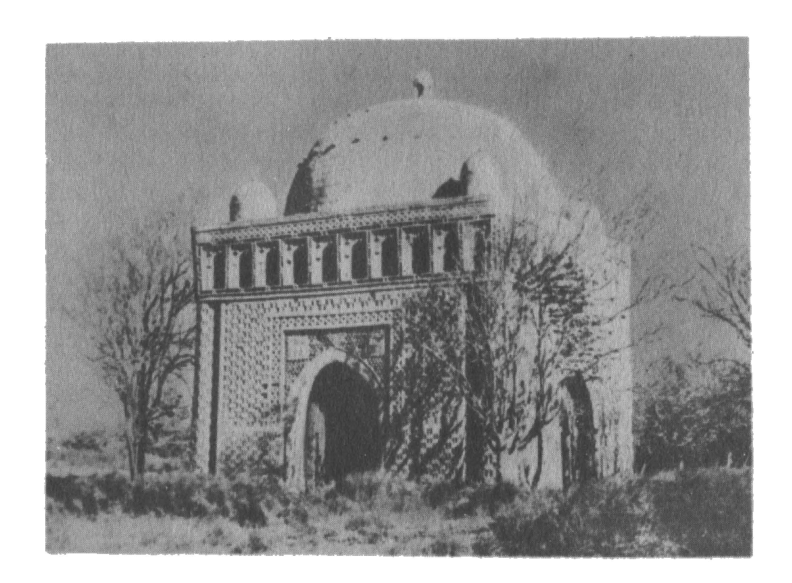
Хорезм еще переживал пору подъема. Мамун широко покровительствовал ученым. В его столице в начале XI в. был собран едва ли не весь цвет среднеазиатской культуры. Достаточно сказать, что в Гургендже жил Бируни[1], другой величайший ученый Средней Азии. Это собрание ученых называлось «академией Мамуна». В академию вошел и Ибн-Сина. Общение с корифеями науки, участие в дискуссиях оказали благотворное влияние на молодого ученого. В то же время он много практиковался здесь в медицине.

Так прошло пять лет. Но вот завистливый тиран Махмуд Газневи потребовал от своего вассала Мамуна

[1] *Бируни* — великий среднеазиатский ученый. Производил астрономические вычисления, точность которых подтверждается учеными нашего времени; как географ имел представление и о территории русов и варягов; доказывал вращение Земли вокруг Солнца, наличие земного тяготения; ему принадлежат капитальные труды «Хронология», «Индия», «Минералогия», «Фармакология» и многие другие.

Инб-Сина. ***Миниатюра из средневековой книги.***

Мавзолей Исмаила Самани в Бухаре. Он был построен в 892—907 гг. Это один из наиболее выдающихся памятников времен Ибн-Сины. Мавзолей построен из обожженного кирпича. Основной эффект достигается чередованием кирпича, положенного то горизонтально, то под углом, то плашмя, то вертикально, то диагонально, то в «елочку». Из него выложены крупные диски, четырехлепестковые розетки, сквозные фигурные решетки окон.

отправить всех ученых Хорезма в его столицу. Большинство ученых, зная жестокий нрав Махмуда, подчинилось его требованию. Но не таков был Ибн-Сина. Его свободолюбивая натура не могла смириться с мыслью о покорности Махмуду.

Ибн-Сина решил бежать. Тайно, в сопровождении одного из учеников, он покинул Хорезм и пустился в опасный путь через пески пустыни Каракумы.

Потеряв в пути не выдержавшего лишений спутника, Ибн-Сина добрался до города Гургана (Джуржана), столицы одноименного государства, где правил эмир Кабус.

По поводу своих странствий по городам и государствам Ибн-Сина однажды сказал с горькой улыбкой: «Я так вырос, что никакой город меня не вмещает». А дело заключалось в том, что Махмуд, разгневанный бегством Ибн-Сины, приказал размножить его портрет и разослать для опознания и ареста ученого.

Кабус хорошо принял Ибн-Сину, приблизил его к себе и стал оказывать ему покровительство. Хотя Кабус формально и был вассалом Махмуда, фактически он сохранил полную самостоятельность. Однако жестокостью своей Кабус вызвал гнев воинов. В начавшейся борьбе он погиб. Опасаясь за жизнь, Ибн-Сина бежал в городок Дехистан (южный берег Каспийского моря). Однако вскоре выяснилось, что его опасения были излишни, и ученый возвратился в Гурган. Теперь ему покровительствовал некий богатый горожанин, который построил рядом со своим двором дом для Ибн-Сины и этим дал ему возможность заниматься науками. Здесь Ибн-Сина работал над самым знаменитым своим трудом «Канон врачебной науки», начал две крупные философские работы «Книга исцеления» и «Книга спасения» (последняя была кратким изложением первой). Одновременно ученый вел большую медицинскую практику. Его дом постоянно окружала толпа больных. Здесь же Ибн-Сина приобрел ученика и друга — Абу Убейд Джурджани. Тот прожил рядом с учителем до конца его дней и оставил потом записанную им со слов Ибн-Сины автобиографию ученого, а также свои заметки о его жизни.

По какой-то причине Ибн-Сина вынужден был вновь пуститься в скитания и странствовал, пока не обосновался в Хамадане, где вылечил местного правителя, в благодарность за что тот назначил ученого своим везиром, т. е. дал ему высшую должность в своем государстве. Все свободное от исполнения чиновничьих обязанностей время Ибн-Сина посвящал науке, занятиям с учениками и лечению больных. Так сравнительно благополучно и спокойно прошло шесть лет. Но вот эмир-покровитель умер. Не ожидая ничего хорошего от нового правителя, Ибн-Сина решил переехать в Исфагань, правитель которой Ала ад-Доуло поощрял развитие наук и искусств. Ибн-Сина завязал с ним тайную переписку, но письма его были перехвачены, Ибн-Сину арестовали. Через четыре месяца друзьям удалось организовать его побег. Переодетый дервишем[1], Ибн-Сина благополучно добрался до Исфагани, где был встречен с большими почестями. Сам эмир прислал Ибн-Сине в дар одежду, а затем издал указ, которым повелел созывать в ночь по пятницам собрания ученых для обсуждения научных вопросов и для диспутов в присутствии Ибн-Сины, который руководил этими собраниями. Так началась пора самой плодотворной деятельности ученого. В Исфагани были закончены его главные труды по медицине, философии

[1] *Дервиш* — мусульманский монах в странах Востока.

и создано много новых работ по разным отраслям знаний.

Любопытны некоторые сведения о распорядке дня Ибн-Сины. Вставал он до рассвета и сразу принимался за работу. Утро же посвящал ученикам.

Ибн-Сина был добрым, но требовательным учителем. Однажды ученики прокутили ночь, а на утро оказались не в состоянии что-либо усвоить из толкований учителя. Ибн-Сина это заметил и спросил:

— Я полагаю, что истекшей ночью вы потеряли славное время и часть своей драгоценной жизни, предавшись праздности и беспечности?

Ученики подтвердили, что это так и было.

Шейх-ур-раис (глава ученых), как звали ученики Ибн-Сину, сильно разволновался, на его глазах появились слезы. Глубоко вздохнув, он с укоризной произнес:

— Как я горько сожалею, что бесценное время вашей жизни вы истратили попусту, ничего не приобретя из области науки!

Вместе с учениками во двор Ибн-Сины с утра собирались его пациенты, толпа которых ко времени выхода Ибн-Сины нередко достигала двух тысяч человек. Лишь в полдень, когда наступало время обеда, Ибн-Сина прекращал прием больных, однако многие из пришедших лечиться садились с ним за стол.

О медицинской практике Ибн-Сины слагались легенды. Впрочем, один из случаев, лежащий в основе легенды, описан самим Ибн-Синой в «Каноне».

Когда Ибн-Сина проживал в Гургане, он был приглашен правителем к его тяжело больному племяннику, которого никто не мог вылечить. Юноша был истощен, жизнь покидала его. После тщательного исследования Ибн-Сина, к недоумению придворных, обратился с просьбой найти человека, который хорошо знал бы все улицы города. Когда таковой отыскался, Ибн-Сина, нащупав пульс больного, велел перечислять названия улиц. При упоминании одной из них он отметил изменение пульса больного. Тогда Ибн-Сина попросил назвать ему подряд все дома этой улицы, и при упоминании одного из них пульс юноши также изменился. Наконец Ибн-Сина захотел услышать имена жильцов этого дома, и пульс больного в третий раз дрогнул, когда было названо имя жившей в нем девушки. Предположение Ибн-Сины оправдалось: причиной болезни была безнадежная любовь юноши. Выяснилось, что дядя был против женитьбы племянника на любимой девушке.

Придя к выводу, что расстройство нервной системы является причиной многих тягчайших заболеваний, Ибн-Сина на этот раз столкнулся именно с таким случаем. Ему удалось убедить правителя дать согласие на брак племянника. Когда юноше стало известно о согласии эмира, он быстро поправился.

Конец жизни Ибн-Сины был омрачен новыми гонениями. Началась война. В сражениях эмир терпел поражения. Сын Махмуда Газневи даже овладевал Исфаганью. Во время его нашествия погибло двадцатитомное сочинение Ибн-Сины под названием «Книга справедливости».

Ухудшилось здоровье великого целителя. У Ибн-Сины обнаружилась тяжелая болезнь желудка. При благоприятных условиях жизни он мог бы лечиться, но ему приходилось принимать участие в походах, терпя лишения. Ибн-Сина был подавлен и морально.

Реакционные круги мусульманского духовенства, несмотря на то, что Ибн-Сина был вполне верующим человеком, обнаружили в его трудах вольнолюбивые мысли и, объявив его еретиком, предали проклятию. Ибн-Сина снова вынужден был скрываться. Го

нимый и больной, он не вынес новых тягот и на 58-м году жизни скончался в Хамадане. Чувствуя приближение смерти, Ибн-Сина все свое имущество раздал бедным. Этим он как бы подчеркнул, что жизнь его была посвящена народу.

ЗА ЕДИНСТВО РУСИ

Уже при жизни Ярослава Мудрого отдельные усилившиеся земли Руси стали делать попытки отделиться от киевского князя, и ему не без труда удавалось сохранить единство государства. До 1069 г. согласно правили страной три его сына — Изяслав, Святослав и Всеволод. Но остановить распад экономически окрепших земель было уже невозможно.

Поражение братьев от нового врага — половцев в 1068 г. подорвало их авторитет. Начались распри и между ними. Редко кто из князей не притязал тогда на чьи-либо владения. Из-за них брат шел на брата, сын на отца. Междоусобицы несли горе, разорение, они ослабляли страну в то время, когда ей стали угрожать беспощадные половцы.

Но не только вторжение половцев переживала тогда Русь. Соседние государства, пользуясь ослаблением недавно могучей державы, стали вмешиваться в ее внутренние дела.

Вспоминая и оплакивая это время, автор «Слова о полку Игореве» писал, что в княжеских крамолах век людей сокращался и по «Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, деля себе трупы».

И вот в такой обстановке между князьями неожиданно воцарился мир. Русь снова обрела единство и силу для отпора внешним врагам. Что же произошло?

1113 год. В Киеве княжит жадный Святополк. Он обременял народ поборами, сам наживался на спекуляции солью, на ростовщичестве. Смерть Святополка в 1113 г. будто развязала руки народу. В Киеве поднялось восстание горожан. Они разорили двор близкого к Святополку тысяцкого Путяты, дворы сотских и ненавистных всем ростовщиков. Поднялось против своих угнетателей и крестьянство окрестных селений.

Перепуганная феодальная знать стала держать совет, кого в таких условиях лучше всего пригласить на княжение в Киев.

Боязнь народного гнева — вот что теперь руководило действиями феодалов, выбиравших князя на киевский стол[1]. Выбор их остановился на Владимире Мономахе[2], хотя по тогдашним понятиям о старшинстве он не был первым кандидатом на великое княжение. Но правящей знати нужен был авторитетный человек, способный прежде всего прекратить внутренние распри. И вот из Киева отправились посланники в Переяславль, где княжил Мономах, и сказали ему: «Пойди, князь, на стол отцовский и дедовский»[3]. Владимир Мономах сначала отказался, но после вторичной просьбы и напоминания, что его отказ может привести к расширению восстания «на бояр и на монастыри», согласился. Княжеско-боярская знать, митрополит и церковники, простые горожане встретили князя «с честью великой».

Почему же именно Владимира Мономаха пригласили киевляне?

Уже в детские годы он, по собственным словам, трудился в боевых «разъездах и на охотах» и за долгую жизнь свою совершил более 80 походов.

---

[1] *Стол* — здесь: престол, княжение.

[2] Мономахом князь Владимир назван по матери, дочери византийского императора Константина IX Мономаха.

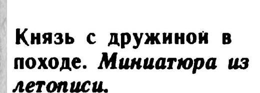
[3] До Святополка великим князем киевским был отец Мономаха Всеволод Ярославич.

«А остальных,— говорил он,— и не упомню меньших». Особую славу ему доставили победы над половцами. В одном из своих походов он прогнал их за «Железные ворота» на Кавказе (Дербентский проход). «Тогда Володимер Мономах пил золотым шеломом Дон, приемши землю их всю»,— вспоминал летописец сто лет спустя.

Именем Мономаха половцы пугали своих детей. Его побаивались прави-

Шлем, найденный в 1808 г. на месте Липицкой битвы 1216 г. около города Юрьева-Польского. В этой битве новгородцы при поддержке смолян разгромили владимиро-суздальское войско во главе с князем Ярославом Всеволодовичем (отцом Александра Невского). Ему и принадлежал шлем, что было определено по надписи на нем. Шлем изготовлен в середине XII в. Битва явилась одним из важных этапов феодальных усобиц на Руси и значительно усилила влияние Новгорода.

Князь с дружиной в походе. ***Миниатюра из летописи.***

Битва Игоря Святославича с половцами. ***Миниатюра из Радзивиловской летописи.***

тели соседних государств, и, согласно летописи, даже сам император византийский, «страх имея, затем и великие дары посылал к нему, чтобы великий князь Владимир Царьграда[1] его не взял».

По подсчетам историков, Владимир Мономах выиграл 12 сражений с половцами. Его авторитет полководца утвердился столь прочно, что самыми крупными походами против половцев князья доверяли руководить именно ему. Мономаху принадлежала и инициатива этих походов.

В 1101 г. «вся братья» — Святополк, Владимир Мономах, Давид, Олег, Ярослав — предприняли грандиозный поход против половцев, и те запросили мира. Но было ясно, что половцы, вынужденные уступить объединенным русским силам, ждут лишь удобного случая для ответного удара.

Острее всех чувствовал эту опасность сам Владимир. Уже ранней весной 1103 г. он стал настаивать на новом походе против половцев и предлагал провести его до лета, чтобы опередить возможное нашествие врага. Это было смелым новшеством в военном деле, ломавшим традицию воевать в «удобное» для походов время. Мономах рассчитывал не только на внезапность удара, но и на неспособность противника (кони которого ранней весной были тощи[2]) в это время применять свои стремительные маневры.

Владимир и Святополк, собравшись на совет в Долобске, недалеко от Киева, сидели в шатре и вместе с дружинниками думали, как быть.

— Не время теперь отнимать поселян от поля,— заявила дружина Святополка.

В ответ Мономах взволнованно сказал:

— Дивлюсь я, дружина, что вы лошадей жалеете, на коих смерд пашет, а о том не помыслите, что когда смерд начнет пахать, а половчин, наехав, убьет его стрелой, то он и лошадь его заберет, а потом, въехав в село, и жену, и детей, и все его именье захватит. Вы лошадей жалеете, а самого смерда вам не жаль.

Эта страстная речь произвела на дружинников и Святополка сильное впечатление.

— В самом деле, так,— ответила дружина.

— Я готов,— сказал Святополк.

— Великое, брат, добро сделаешь ты Русской земле,— произнес взволнованный Мономах.

К Мономаху и Святополку присоединился черниговский князь Давид со своей дружиной. Так весной 1103 г. было решено совершить необычно ранний поход против половцев.

Объединенные силы русских князей, состоящие из дружин и народного ополчения, пройдя пороги Днепра, свернули затем на восток и глубоко вторглись в кочевья половцев, где и произошла решительная битва. Несмотря на то что старшим, как великий киевский князь, был Святополк, боем руководил Мономах.

Половцев вышло против русских великое множество, но дрались они вяло, как и предполагал Мономах. Летописец замечает, что в ногах коней их не было резвости.

Бой завершился полным разгромом половцев, которые только ханов одних потеряли двадцать человек. Любопытен рассказ летописца о судьбе пленного хана Бельдюза. Сначала его привели в стан Святополка. Все — золото, серебро, коней, скот — предлагал Бельдюз за сохранение ему жизни, но Святополк не стал самостоятельно решать его судьбу и отослал к Мономаху. И

[1] Константинополя.

[2] Табуны лошадей половцы содержали на подножном корму, поэтому, естественно, за зиму животные теряли вес и силу. Русские же заготавливали корм для лошадей на зиму.

Мономаху Бельдюз сулил свои богатства, однако князь напомнил пленному все зло, причиненное земле Русской половецкими набегами — набегами, предпринимавшимися в нарушение клятв и договоров,— и приказал казнить хана.

С половцами был заключен выгодный для Руси мир. С почетом встретили русских воинов дома. Победители привели с собой много скота и пленных. Однако, хотя могущество половцев было подорвано, набеги их не прекратились. В 1107 г. русские нанесли половцам новый сокрушительный удар. В тот год половецкая орда во главе с ханом Боняком подошла к Лубне на реке Суле. Против нее выступили Мономах с сыновьями Мстиславом (будущим великим князем киевским), Вячеславом и Ярополком, великий князь Святополк, князья Олег и Святослав. Враг был разгромлен. Желая обезопасить Русь от возможных в будущем набегов половцев, дальновидный князь Владимир Мономах женил своего сына Юрия (Долгорукого) на дочери одного из ханов. Но, как и раньше бывало, породнившись, стороны были далеки от примирения. В 1110 г. их войска пытались наступать друг на друга, однако дело до боя не дошло. Русские возвратились «для (из-за.— *В. А.*) великой стужи и падежа конского»,— как говорит летописец. Половцы же совершили разбойничий набег на переяславские земли.

В ответ на это в 1111 г. Мономах, Святополк и Давид нанесли врагу такой удар, после которого он долго не мог оправиться. Поход был предпринят теперь по санному пути. Русские свернули в сторону половецких степей севернее порогов Днепра. Овладев несколькими половецкими городками, они 24 марта сошлись с противником и наголову разбили его. Однако из глубины кочевий шла еще одна половецкая рать. 27 марта на реке Сольнице, правом притоке Северского Донца, разгорелось новое сражение. Поначалу казалось, что русским, на которых насели бесчисленные орды врага, придется туго, но бой завершился полным разгромом противника. Вероятно, эту победу следует считать самой блистательной победой Владимира Мономаха. Ведь поход был совершен по его «думе» и «по хотению», он же и руководил боем. Когда-то страшные половцы теперь, после своего поражения в 1111 г., перестали представлять столь грозную опасность для Русской земли.

Победители из похода 1111 г., как говорит летописец, пришли домой со славою великой; она разнеслась и по всем странам дальним, дошла до греков, венгров, поляков, чехов и даже до Рима.

Воздал должное летописец за победы над половцами и самому Владимиру Мономаху, назвав его «добрым страдальцем за Русскую Землю».

За Мономахом утвердилась и слава «братолюбца», человека, не падкого на чужие земли, радевшего за прекращение губительных междоусобиц.

В 1093 г. умер отец Владимира, великий князь киевский Всеволод. Но занять место отца Владимир не мог.

— Если сяду на столе отца своего,— говорил он,— то будет у меня война со Святополком, потому что этот стол был прежде отца его.

Желая избежать братоубийственных распрей, он остался в Чернигове, где до этого княжил. Но это не значит, что Мономах не хотел и не стремился к власти. Боярство еще не связывало свои классовые расчеты в управлении страной с его именем. Он это понимал и старался поступать благоразумно. В этот год Мономах пережил и военную неудачу.

Не сумев отговорить братьев от участия в сражении с половцами в невыгодных для русских условиях, разделил с ними горечь поражения. Ос-

лаблением братьев — Владимира, Святополка и Ростислава, участвовавших в неудачном сражении,— решил воспользоваться Олег, княживший в далекой Тмутаракани на Таманском полуострове.

В 1094 г., объединившись с одной из половецких орд, Олег осадил Чернигов. Восемь дней отбивался Мономах с дружиной. Однако, видя, какие насилия творят половцы в окрестных селах, он, по словам летописца, пожалел горящие дома и монастыри, кровь христианскую. Сказав: «Не хвалиться поганым», он принял решение добровольно отдать город Олегу и тем самым спасти население от половцев.

В дальнейшем Олег, выступавший в союзе с половцами против братьев, был изгнан из Чернигова и оказался в Муроме. Там княжил сын Мономаха Изяслав. Он вступил в бой с Олегом и был убит. Пришедший на выручку в Муром старший сын Мономаха Мстислав заставил Олега бежать, после чего тот укрылся в Рязани, а затем вынужден был удалиться и оттуда.

Не раз Мстислав предлагал Олегу мир, говоря ему:

— Не бегай, но шли к братьям с просьбой о мире: не лишат тебя Русской земли; а я пошлю к отцу своему просить за тебя.

И действительно, Мстислав направил отцу такое письмо. Получив его, Мономах предложил Олегу мир. Изгнанный Олег не был страшен, но Мономах учитывал, что Олег женат на половчанке и вражда с ним может навлечь на русские земли нашествие половецких орд.

«Следовало бы тебе,— пишет Мономах, упрекая Олега за гибель Изяслава,— увидев кровь его и тело его, увянувшее, подобно цветку, впервые распустившемуся, подобно агнцу заколотому, сказать, стоя над ним, вдумавшись в помыслы души своей: «Увы мне, что я сделал! И, воспользовавшись его неразумием[1], ради неправды света сего суетного нажил я грех себе, а отцу и матери слезы!» «Надо бы,— говорил далее Мономах Олегу,— тебе покаяться, а ко мне написать грамоту утешительную да сноху мою послать ко мне... Ради бога, пусти ее ко мне поскорее с первым послом, чтобы, поплакав с нею, поселил у себя, и села бы она как горлица на сухом дереве, горюя, а сам бы я утешился в боге». «Тогда,— продолжал Мономах,— и волость получишь добром, и наше сердце обратишь к себе, и лучше будем, чем прежде: ни враг я тебе, ни мститель... Ибо не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле».

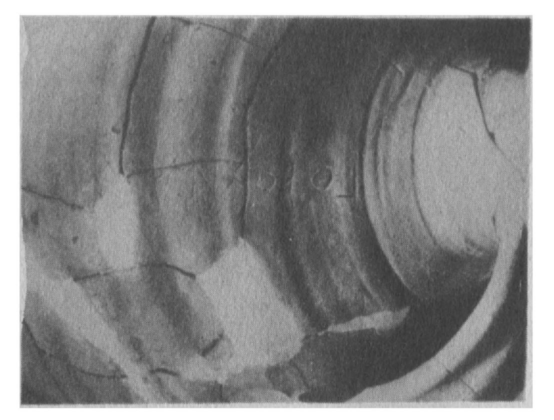
Получив послание от князя Владимира, Олег пошел на примирение, а Мономах уже хлопотал о созыве съезда всех князей, который и состоялся в 1097 г. в городке Любече под Киевом, и принял закон против усобиц князей: «Каждо да держить отчину свою». Был узаконен распад Руси на отдельные княжества.

Заняв в 1113 г. киевский великокняжеский стол, Владимир Мономах сразу вынужден был созвать наиболее видных феодалов на совет и с ними разработать новые законы, известные под названием «Устав Владимира Мономаха». Прежде всего, чтобы успокоить народные массы, новый князь облегчил условия займа денег под проценты и улучшил положение тех, кто мог попасть в рабство за долги. «Устав» Мономаха, защищая достоинство женщины, требовал за ее убийство судить виновного как за убийство мужчины[2]. Есть в «Уставе» специальное указание и о защите малолетних детей.

Но при всем этом Владимир Мономах был и остался выразителем инте-

[1] Перед боем с Олегом Изяслав отказался уйти из Мурома, который раньше принадлежал роду Олега.

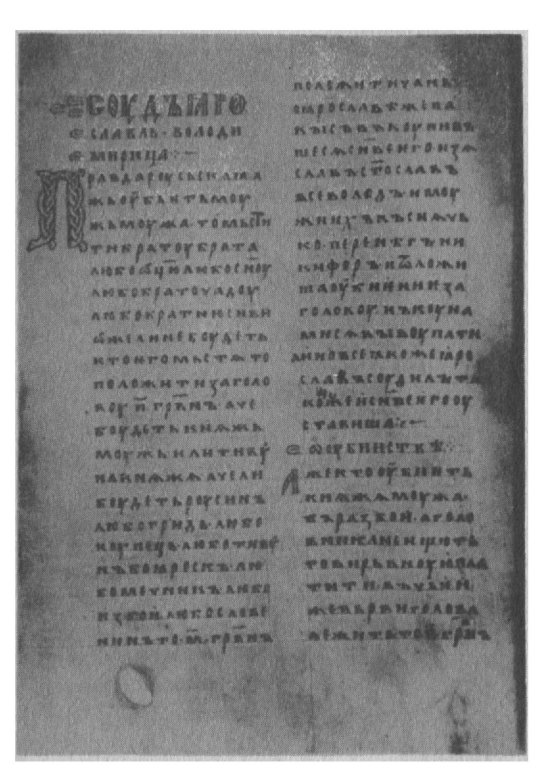
[2] Раньше этого не было

ресов класса феодалов. Его «Устав» прежде всего оберегал права господ, права частных собственников, закреплял общественное и имущественное неравенство.

Ограничение в «Уставе» произвола ростовщиков и феодалов было проведено с целью успокоить народ, предотвратить развитие классовой борьбы. Такая политика проводилась Мономахом в течение всего времени его правления.

С первых дней княжения в Киеве Владимир Мономах проявил себя

Древнейшая надпись на русском языке. На сосуде X в., найденном при раскопках Гнездовского кургана под Смоленском в 1949 г., написано «гороухща», т. е. горчица. Надпись кириллицей на хозяйственном предмете говорит о широком распространении письменности на Руси до принятия христианства.

Русская правда — первая известная запись законов Киевской Руси. Древнейшая часть Русской правды — Правда Ярослава — составлена скорее всего около 1016 г. В Русской правде содержатся уникальные сведения о развитии феодальных отношений на Руси, о положении различных слоев населения, о суде и т. д.

Одна из берестяных грамот. Впервые грамоты найдены в Новгороде в 1951 г. С тех пор обнаружено уже несколько сот грамот XI—XV вв. в разных городах. В отличии от стран Западной Европы, где грамотность долгое время являлась привилегией лишь части духовенства, на Руси она была широко распространена как среди феодалов, так и среди горожан и крестьян, мужчин и женщин. Это объясняется тем, что в Западной Европе в письменности в начальный период средних веков господствовал латинский язык, на Руси же письменный язык был понятен всему населению.

талантливым правителем государства. Все свои силы он сосредоточил на укреплении единой власти, сохранении единства земель и преобразовании страны.

Летописец, отдавая должное заслугам Мономаха, пишет, что благоверный и великий князь всея Руси Владимир Мономах, как луч солнца, просветил землю Русскую и прославился делами своими на все страны. Однако летописи почти не дают нам конкретных сведений о созидательной деятельности киевского князя[1], уделяя главным образом внимание его ратным подвигам.

Более подробно древние документы рассказывают о личности Владимира Мономаха. «...Больше на сырой земле спит, дому избегает, платье светлое отвергает, по лесам ходя, нищенскую одежду носит и, только по нужде входя в город, облекается в одежду властелинскую»,— пишет митрополит Никифор в послании великому князю о самом князе. «...Мы знаем,— продолжает Никифор,— что для других ты любишь готовить обеды обильные, чтобы на них пригласить всех, и достойных и случайных людей, ради княжеского величия, а сам служишь и работаешь своими руками... другие насыщаются и упиваются, а сам ты сидишь и смотришь только, как другие едят и пьют, довольствуясь малою пищею и водою. Так ты угождаешь своим подданным, терпеливо сидишь и смотришь, как рабы твои упиваются, и этим поистине угождаешь им и покоряешь. Так ты относишься к вкушению, что я сам знаю». Никифор говорит и о бескорыстии князя, его щедрости: «...никогда не прятал ты сокровищ, никогда не считал ты золота или серебра, но все раздавал, черпая обеими руками, так и до сих пор. А между тем сокровищница («скотница») твоя... не скудна и не истощима, раздаваема, но неисчерпаема».

Никифор не был угодливым льстецом. Здесь же митрополит писал Мономаху о неприятном: «...Кажется мне, что так как сам ты не можешь все видеть своими глазами, то служащие тебе... иногда представляют тебе донесения ко вреду души твоей... Подумай об этом со вниманием, княже мой, и помысли об изгнанных тобой и осужденных в наказание, о презренных, вспомни обо всех, кто на кого сказал что-нибудь, кого кто оклеветал, сам судья, рассуди таковых». Никифор говорит, что он пишет об этом не по чьей-либо жалобе, просто для напоминания, в котором нуждаются владыки («великиа власти»): «многим пользуются они, но за то и многим искушениям подвержены...»

Посвятив всю свою жизнь борьбе за независимость и процветание Руси, Владимир, конечно, не мог не задумываться о ее будущем. Он хотел, чтобы и при детях его Русь оставалась единой, сильной и хорошо управляемой. Это заставило его взяться за составление наказа своим детям и потомкам, известного под названием «Поучение детям Владимира Мономаха».

«Поучение» позволяет нам судить не только об образе жизни и взглядах одного из самых выдающихся деятелей Руси, но и об эпохе, в которую он жил.

Прежде всего хотелось бы выделить вот какое требование Мономаха к своим детям: «Пусть не застанет вас солнце в постели». Встав же рано, надо, не ленясь, браться за труд. Бичуя леность, Мономах дает наставление, как следует относиться к учению, ведению домашнего хозяйства, как нужно вести себя на войне.

«Что умеете хорошо,— писал он,— того не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома

---

[1] Известно, например, что в 1115 г. был построен мост через Днепр.

сидя, знал пять языков, от того и честь от других стран. Леность ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее».

Мономах призывал детей самим, не полагаясь на слуг, наблюдать за всем, «чтоб не посмеялись приходящие к вам ни над домом вашим, ни над обедом вашим».

Нельзя лениться на войне и полагаться на воевод: «...ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряжайте и ночью, расставив охрану со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает».

«Поучение» Мономаха славит труд, знания и порицает один из самых прискорбных людских пороков — лень.

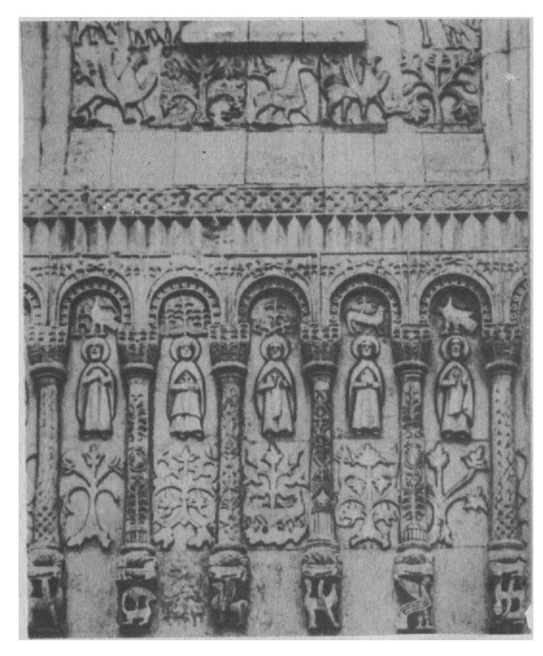
Мономах предостерегал детей от гордости в уме и сердце, от произнесения без нужды клятв. «Если же вам придется крест целовать, братии или кому-либо, то,— писал он,— проверив

Шедевр мировой архитектуры — церковь Покрова богородицы на Нерли (1165). Она поражает исключительной стройностью, легкостью и устремленностью вверх. Строителям удалось найти совершенные пропорции, органически вошедшие в ландшафт. Расположенный на холме у озера, храм словно вырастает из земли, отражаясь в глади воды.

Дмитриевский собор (1194—1197) во Владимире. Созданный в годы могущества Владимиро-Суздальской земли, собор вместе с сооружениями княжеского двора составлял чрезвычайно красивый и неповторимый ансамбль. Собор выделяется также исключительной отделкой. Русские резчики по камню проявили подлинное художественное мастерство. Колонны как бы нависают над стеной, создавая впечатление изящества и легкости каменного узора.

Дмитриевский собор во Владимире. Аркатурный пояс.

сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей». Иначе говоря, давая клятву, надо быть рассудительным, дав же клятву,— твердым, неотступным в исполнении ее.

«Лжи остерегайтесь и пьянства, от того ведь душа погибает и тело»,— наставлял Мономах.

С особым старанием князь призывал детей к милосердию, гуманности, добродетели. По его мнению, нельзя убивать не только правого, но и виноватого; нельзя допускать, чтобы сильный губил слабого; нельзя убогого забывать; следует, сколь по силам, кормить сироту, защищать вдовицу; держа путь куда-либо по землям своим, не причинять вреда ни своим, ни чужим: «ни селам, ни посевам, чтоб не стали проклинать вас». Мономах учил чтить старых как отца, а молодых — как братьев; не пропускать человека, не приветствовав его и не сказав ему доброго слова; навещать больного и провожать покойника.

Русское гостеприимство, как мы знаем, берет свое начало из глубокой древности. Владимир требует блюсти этот старый обычай: «...более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям или добрым, или злым».

Во многих правилах Мономаха подчеркнуто, что нужно быть честным, трудолюбивым, сдержанным, скромным, верным своему слову, внимательным и вежливым в отношениях с людьми, заботливым, гостеприимным.

Однако не надо забывать, что «Поучение» было написано для представителей господствующего класса и устанавливало не порядок взаимоотношений всех людей в обществе, а служило назиданием лишь правящей верхушке. Мономах учил своих наследников неразумным поведением и беззаконием не отягчать сверх меры положения простого народа, ибо это угрожает новыми восстаниями. Его требование почитания старшинства, соблюдения законов, взятых обязательств имело целью уберечь князей от тяжб и ссор за земли и возобновления междоусобиц.

Требования Мономаха, изложенные в «Поучении», имели прогрессивный характер. Многие из них полезны и для нас.

Мономах приводит назидательные примеры из своей жизни. Охота воспитывала в нем выносливость, ловкость, мужество. Он сам ловил диких коней на равнине и своими руками связывал их. «Два тура метали меня рогами вместе с конем,— писал он о своих охотничьих злоключениях,— олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал. Вепрь (дикий кабан.— *В. А.*) у меня с бедра меч сорвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мной опрокинул... И с коня много падал, голову себе дважды разбивал, в юности руки и ноги свои повреждал, не дорожа жизнью своей».

Далее Мономах говорил, что он сам всегда делал то, что полагалось делать слуге его,— «на войне и на охоте, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя».

В заключение Мономах пишет, что он не хвалит ни себя, ни смелости своей, а лишь отмечает то, что был создан не ленивым, к любому человеческому делу способным, потому всегда и храним был от всех бед. Стараясь воодушевить современников, он призывал их не бояться ни смерти, ни войны, ни зверя, ни любого мужского дела.

Конечно, и законы Мономаха, и его литературные произведения служили не

только общему делу страны, но и достижению личных политических целей — стремлению к власти и ее упрочению. Надо ли нам упрекать его в этом? Другие правители, не имея его достоинств, часто только тем и отличались, что все свои поступки, всю свою власть соединяли исключительно с личными интересами, со стремлением к личному возвеличению. Владимир же Мономах, несомненно, был одним из самых выдающихся политических, военных и культурных деятелей Древней Руси и «много поту утер за русскую землю». С его именем связано прекращение разорительных для народа княжеских усобиц и нашествий половцев, восстановление единства русских земель во главе с Киевом. И после его смерти в 1125 г. Русь до 1132 г.— еще семь лет — оставалась единой под властью его талантливого сына Мстислава, прозванного Великим. Затем опять «раздрася вся земля Руссия» на отдельные княжества. Мономах остался на века примером мудрого правителя, славного воина и патриота земли русской.

Собор Спаса-Преображения в Переяславле-Залесском (1156).

Церковь Спаса на Нередице близ Новгорода (1198). Во время Великой Отечественной войны погибли уникальные фрески, которыми были расписаны стены церкви. Они производили очень сильное впечатление.

Киевская мозаика начала XII в. с изображением святого Дмитрия Солунского. Героический образ отважного воина-победителя, защитника родной земли, чрезвычайно характерен для искусства Руси. Мозаика поражает виртуозным мастерством соединения мозаичных кубиков — смальты. Секрет смальты был утерян после монголо-татарского нашествия и восстановлен лишь М. В. Ломоносовым.

«Повесть временных лет», главная летопись Киевской Руси, дважды — в 1116 г. и в 1118 г., при нем и по его указанию правленная, вполне понятно, отмечала лишь его достоинства, и, таким образом, его летописный портрет кажется несколько идеализированным. Но академик Б. А. Рыбаков говорит о единодушии оценок Мономаха и в летописях, и в дружинной поэзии, и в народном былинном эпосе. «Память о Владимире Мономахе,— пишет он,— в самых поэтических формах сохранялась и в конце XII («Слово о полку Игореве»), и в начале XIII в. (Ипатьевская летопись и «Слово о погибели земли Русской»). Даже в XV—XVI вв. во время создания Российского централизованного государства вспоминали «старого Владимира». Иван III венчал внука на царство «шапкой Мономаха» (изготовленной в конце XV в.), а Иван Грозный украсил свое царское место в Успенском соборе сценами из военной и государственной деятельности Владимира Мономаха».

ПОДВИГ ЕВПАТИЯ КОЛОВРАТА

Когда-то единая и могучая Русь крепко стояла против натиска печенегов и половцев, а затем распалась на десятки отдельных государств, которые к тому же очень часто враждовали друг с другом. В этот-то момент с востока нагрянул новый враг — орды Батыя. Зимой 1236 г. хан Батый привел их к границам Рязанской земли. Через своих послов хан потребовал от рязанского великого князя Юрия Игоревича «десятины во всем: и в людех, и в князех, и в коних — во всяком десятое». Это означало, что князья и население земли Рязанской должны были отдать хану десятую часть своего имущества.

Тяжел был налог, но рязанцы поняли, что этим дело не ограничится, что неспроста Батый привел свои несметные орды к границам земли Русской. Юрий Игоревич спешно послал гонцов к самому сильному тогда на Руси великому князю владимирскому Юрию Всеволодовичу и просил его о помощи.

Настал час испытаний. Весь народ русский должен был собраться вместе для защиты родины, но этого не случилось из-за княжеских распрей и вражды. Юрий ни сам не пошел к рязанскому князю, ни помощи не дал, или не мог дать, не успел.

Несмотря на отчаянное положение, Юрий Игоревич не утратил мужества и стал скликать своих многочисленных братьев-князей, сидевших недалеко в небольших княжествах — Муроме, Коломне, Пронске и др. Послал он гонцов и в другие земли, в том числе и к сильному черниговскому князю.

Пока скакали гонцы, рязанский князь с боярами «начаша совещевати (совещаться.— *В. А.*), яко нечестивого подобает утоляти дары», т. е. как ответить на требования Батыя. Было решено послать сына великого князя Федора Юрьевича и «нарочитых» (знатных) людей «к безбожному царю Батыю» с дарами и молением, «чтобы не воевал Рязанския земли».

Федор явился в стан Батыя, поднес ему дары и стал просить отступиться от Рязанской земли. Лицемерным и немилосердным называет летопись Батыя. Он взял подарки, но тут же, «яряся», стал похваляться, что завоюет всю Русскую землю. Устрашая так рязанских послов, Батый нагло потребовал от них привести к нему в шатер княжеских дочерей или сестер. А тут нашелся предатель, который, желая заслужить милость грозного хана, стал нашептывать ему, что жена князя Федора царского рода и славится красотой.

Чингисхан. ***Рисунок из китайской летописи.*** **Чингисхан (Темучин) (около 1155—1227) в начале XIII в. объединил монгольские племена и начал завоевательные походы для покорения мира. Он создал гигантское паразитическое государство, основанное на терроре против покоренных народов. В итоге это предопределило длительный период отсталости самого монгольского народа.**

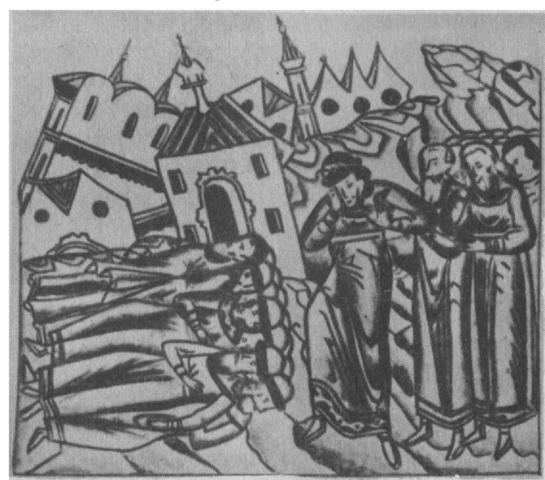
— Дай мне, княже, видети жены твоей красоту,— потребовал Батый.

Когда Федор отказал хану, Батый пришел в ярость и повелел убить Федора, а тело его отдать «зверем и птицам на растерзание». Началась жестокая резня. Были преданы смерти не только Федор, но и остальные послы Рязани. Чудом уцелел один. Он, превозмогая страх, тайно схоронил тело Федора и принес страшную весть о гибели посольства.

Первой услышала ее жена князя Федора Евпраксия.

Узнав о гибели мужа, княгиня с малолетним сыном на руках бросилась вниз из окна терема и оба насмерть разбились.

Плакали о гибели Федора и семейства его великий князь с княгиней, плакали другие князья и бояре, «плака-

Суздальская земля после нашествия Батыя. Нашествие имело катастрофическое последствие для развития Руси. Погибли и были угнаны в рабство десятки тысяч человек, разрушены сотни городов и сел. Особенно губительным было нашествие для ремесла. Лучшие ремесленники регулярно уводились в Орду. В результате исчезли многие виды производства, искусства, надолго прекратилось каменное строительство.

Чингисхан на троне. ***Миниатюра из Джугатайской рукописи.***

Оборона Козельска. ***Миниатюра из лицевого летописного свода.*** **В течении семи недель оборонялись в 1238 г. жители города. Они уничтожили около 7 тыс. ордынцев. Предпочитая смерть плену, все жители погибли в неравном бою.**

шася весь град на много час». Но слезами делу не поможешь. Рязанцы начали собирать «воинство свои». Видя, как бесстрашно готовятся к бою князья, бояре, воеводы и весь народ, великий князь Юрий Игоревич поднял руки к небу и со слезами провозгласил:

— О, милая братия моя! Потерпим ли мы зла? Лучше нам смертью пасть, чем под погаными быть! Я готов первым испить смертную чашу за отечество и веру.

Затем Юрий Игоревич принял благословение на бой от великой княгини, епископа, всего духовенства и повел войска на врага.

«Бысть,— говорит летописец,— сеча зла и ужасна». Уж многие полки Батыя пали, но силы оставались слишком неравными. Когда пал брат Юрия Давид Игоревич Муромский, Юрий Игоревич, обращаясь к войску и братьям, воскликнул:

— О, братия моя милая! Князь Давид, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сей чаши не пьем!

И с этими словами, сменив коня, он ринулся на врага и стал биться, как говорит летописец, еще более «прилежно».

Дивился Батый крепости и мужеству рязанских полков и едва сумел одолеть их. Пали в бою мужественные защитники, «удальцы и резвецы рязанские». Все испили смертную чашу, никто не вернулся с поля боя.

После этого сражения полчища врага вторглись в Рязанскую землю и осадили Рязань. Пять дней неотступно они штурмовали город. Батый все время сменял свои полки, а горожане, сражавшиеся от мала до стара, боролись с несметным врагом бессменно.

На шестой день, 21 декабря, начался приступ. Одни несли факелы для поджога домов, другие — топоры, третьи волокли стенобитные орудия и множество штурмовых лестниц. Город не выдержал натиска и пал.

Захватчики принялись расправляться с рязанцами. Ворвавшись в храм, они изрубили укрывшихся там мать убитого Юрия Игоревича, княгинь, боярынь, всех, кто с ними был, а сам храм сожгли. Затем стали рубить и топить в реке всех, кто попадался на глаза, кого вытаскивали из домов и укрытий. Город был разграблен и сожжен дотла.

Опустошив Рязанскую землю, орды Батыя вторглись во владения великого князя владимирского Юрия Всеволодовича. Теперь настал его черед испить чашу смертную...

Но прежде вышел постоять за землю Русскую один из ее славных богатырей-героев — Евпатий Коловрат. Он был, по преданию, рязанским боярином и в момент разорения Батыем Рязани находился в Чернигове.

В народной легенде о нем говорится, что Евпатий сразу же выступил в поход с малой дружиной и стремительно продвигался вперед. Когда он увидел родную землю и город разоренными, он «воскрича в горести душа своея и распалялся в сердцы своем».

Евпатий стал скликать разбежавшихся и укрывшихся по лесам рязанцев. Ему удалось собрать дружину в 1700 человек.

Воины, словно на крыльях, бросились догонять монголов и с ходу напали на стан Батыя в Суздальской земле.

Евпатий с дружиной начали сечь застигнутого врасплох врага без милости и пощады. Страшен был сам Евпатий Коловрат, удалой воин-богатырь. Когда меч его притуплялся, он бросал его, поднимал с земли другой и снова шел в бой.

Полки Батыя пришли в смятение и долго не могли опомниться и понять, откуда и кто это такой грозой налетел на них и сеет смерть. Врагу, говорит предание, казалось, что сами мертвые восстали и нагрянули на него. И Батый «возбоялся» силы и удали Евпатия.

Врагу удалось в ходе боя захватить пятерых русских дружинников. Они были изранены и обессилены. Когда их приволокли к Батыю, хан спросил:

— Какой вы веры, какой земли и за что мне много зла творите?

И рязанцы ответили с достоинством:

— Веры мы христианской, слуги великого князя Юрия Игоревича Рязанского, а полку Евпатия Коловрата. Посланы от князя Игоря Игоревича Рязанского тебя, сильна зверя, почтить, и честно проводить, и честь тебе воздать.

Батый был удивлен их гордым ответом и послал против Евпатия Коловрата своего шурина Хостоврула со свежими и сильными полками. Хостоврул хвастался, что приведет к Батыю Коловрата живым. Но вот полки сошлись, и похвалявшийся Хостоврул съехался с Евпатием Коловратом. «Евпатий-де,— говорится в легенде об этом единоборстве,— исполин силою и рассече Хостоврула на полы[1] до седла. И начаша сечи силу татарскую и многих тут нарочитых богатырей батыевых побил, иных на полы пресекаша, а иных до седла крояша». Но силы сторон были слишком неравны. Враги убили Евпатия и принесли его мертвого хану.

Батый велел созвать всех своих мурз и князей и стал в их присутствии выражать удивление невиданному мужеству рязанских воинов. Мурзы и князья отвечали Батыю:

— Мы со многими царями во многих землях, на многих бранях бывали, а таких удальцов и резвецов не видали, и отцы наши о том не возвещали. Эти люди крылаты и не знают смерти, крепко и мужественно ездят, сражаясь один с тысячью, а два со тьмою (десятью тысячами.— *В. А.*).

Сам Батый, стоя перед телом Евпатия, сказал:

— О, Коловрате Евпатий, сильно ты повредил мне своею малой дружиной, да многих богатырей сильной орды и многие полки побил. Если бы у меня такой служил,— держал бы его у сердца своего.

Батый повелел отдать тело Евпатия Коловрата «его дружине остаточной» (т. е. тем, кто остался жив), а дружину эту отпустить, ничем ей не вредя. Где похоронен богатырь и герой земли Русской, неизвестно, но и Суздальская и Рязанская земля по праву могут воздвигнуть памятник славы Евпатию Коловрату и его грозной дружине.

Рязанские герои первыми подорвали силы орд Батыя, которые, пройдя затем с тяжелыми боями русские земли, так были истощены, что не сумели пробиться в глубь Европы и под ударами поляков, чехов и венгров откатились назад. Подвиги Рязани и дружины Евпатия Коловрата были первым вкладом русского народа в дело спасения им Европы от порабощения ордами монголо-татарских ханов.

СОЛНЦЕ ЗА ТУЧАМИ ПЫЛИ

Более 240 лет Русь страдала под игом Золотой Орды. К. Маркс говорил, что это «иго не только давило, но оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой».

Было ли в те века утро, когда русский человек встречал восход солнца без тревоги? Часто, слишком часто содрогалась земля под копытами скачущих орд, и поднятая ими пыль закрывала само солнце, которое, словно наливаясь кровью, принимало тогда зловеще-бурый цвет. Тускнело небо. Объятые страхом жители городов и сел бежали с наскоро захваченными пожитками в леса, подальше, поглубже в их дебри.

[1] *На́ полы* — пополам.

Ханы Золотой Орды коршунами вились над разоренной Русью, зорко следя, чтобы не зажили ее раны, не набралась бы силы какая-нибудь из ее земель. Они хитро и коварно разжигали рознь и междоусобицы князей и для этого особенно часто использовали право выдавать ярлык (грамоту) на Владимирское великое княжение (князь владимирский считался старшим на Руси и получал право собирать дань в пользу Орды).

Надолго запомнила Русь год 1281-й. В этот год городецкий князь Андрей Александрович, подстрекаемый недругами своего старшего брата Дмитрия Александровича переяславского, решил отнять у него ярлык на великое княжение Владимирское. Сын славного Александра Невского затеял бесславную борьбу и тем самым немало горя навлек на всю страну.

Обобрав свою городецкую вотчину, Андрей явился в Орду, щедро одарил хана, его жен и вельмож и, как говорится в летописи, испросил себе княжение великое. Испросить-то испросил, но не так-то просто было получить вожделенный ярлык. Сил для борьбы с братом у Андрея не хватало. Знал это и хан, задумавший поддержать слабого и с его помощью свалить опасно усилившегося Дмитрия Александровича. Поэтому хан отправил Андрея домой в сопровождении своих послов Кавгадыя и Алчедая, послав с ними значительное войско.

Дойдя до Мурома, ордынцы рассыпались по русским землям, разорили Ростово-Суздальский край и «около Твери пусто сотвориша по самый Торжок». Сокрушенный летописец засвидетельствовал, что в этот год в Орду угнали множество пленных мужчин, женщин и детей, опустошили города и волости, села и погосты, разграбили монастыри и церкви. Декабрь выдался лютый. Разбегавшемуся населению негде было укрыться, много людей померзло тогда в лесах. Такой ценой платил народ за алчное стремление одного брата отнять власть у другого.

Андрей, сев на великокняжеский стол во Владимире, задал пышный пир своим помощникам-ордынцам и отпустил их в Орду с богатыми дарами (да и сами они немало награбили). Однако Дмитрий, бежавший было в Прибалтику, возвратился в Переяславль и стал укреплять его. Андрею руками монголов удалось опять прогнать брата. Теперь Дмитрий бежал к Черному морю и нашел поддержку у повелителя ногайской орды Ногая, самого сильного феодала Золотой Орды. С его помощью Дмитрий занял Владимир.

В 1285 г. Андрей в третий раз призвал на Русь монголов. Отвезя новые дары в Орду, он снова вернулся оттуда с ярлыком на великое княжение и, конечно, с ордынским войском, которое, по словам летописи, «много зла сотворило христианам». Такая политика Андрея лишила его поддержки русских князей и народа. Против него с переяславским князем Дмитрием Александровичем объединились его младший брат московский князь Даниил Александрович и двоюродный брат тверской князь Михаил Ярославич. Совместными усилиями они прогнали Андрея и его помощников.

В начале 90-х гг. в Орде в очередной раз произошла смена власти. Андрей с несколькими князьями-сторонниками отправился к новому хану. Новая поездка, новые дары, новая милость хана и... новая карательная экспедиция на Русь. Хан Тохта послал с Андреем войско под начальством своего брата Дюденя. Дюдень разрушил четырнадцать городов и «всю землю пусту сотвориша». Уцелели лишь решительно сопротивлявшаяся Тверь да откупившийся Новгород. Пока шла борьба между переяславскими и городецкими князьями, крепли Московское и Тверское княжества. После смерти враж-

довавших братьев Дмитрия и Андрея Михаил Ярославич Тверской и Юрий Данилович Московский в 1304 г. едут в Орду и затевают там спор за ярлык на великое княжение. Князья новые, а тяжба старая.

Когда соперники появились в Орде, их стали там натравливать друг на друга. Им сказали: «Кто из вас больше выходу (дани.— *В. А.*) даст, тот получит ярлык». Дары Михаила превзошли подношения Юрия, и он сел на великое княжение во Владимире.

С этого момента и на многие годы затянулась борьба московского и тверского князей за власть. В сущности, решалась историческая судьба Москвы и Твери — кому из них быть во главе русских земель.

До 1313 г. Тверь явно выигрывала соперничество с Москвой. Но в этом году в Орде умершего Тохту сменил его молодой племянник Узбек. Михаил спешно поехал к новому хану, задарил его, получил ярлык, однако Узбек на два года задержал Михаила при себе и тем самым как бы развязал руки соперникам тверского князя. И действительно, новгородцы, которыми исстари управлял великий князь владимирский, свергли Михаила и пригласили к себе Юрия Даниловича. Замысел Узбека удался. Теперь Михаил вынужден был просить у него помощи против Юрия, и хан охотно ее дал.

Так появился у золотоордынцев повод для нового вторжения на Русь.

Пришедшие с Михаилом ордынцы помогли ему одержать победу над новгородцами, а сами принялись грабить и разорять их земли. Казалось, Михаил мог торжествовать победу. Но не тут-то было. Ослабив с помощью Михаила Юрия и новгородцев, Узбек нашел, что все это слишком усилило самого Михаила. Теперь он пригласил в Орду Юрия, ласково принял его и в конце концов женил на своей сестре Кончаке.

В 1317 г. Юрий возвращался из Орды родственником самого хана и великим князем. Его сопровождало множество ордынцев во главе с уже известным нам Кавгадыем.

Навстречу им, поддержанный суздальцами, вышел тверской князь. Войска сблизились у Костромы. Долго они стояли тут. Михаил вел переговоры с Кавгадыем и наконец уступил Юрию великое княжение, а сам вернулся в Тверь и стал спешно укреплять ее.

Кавгадый же с Юрием успели связаться с новгородцами и вместе с ними стали готовить удар на Тверь. Первыми выступили новгородцы, но действовали они вяло. Мешкали и Кавгадый с Юрием. Михаилу представилась возможность воспользоваться нерешительностью союзников и попытаться разбить их по отдельности. Так он и поступил. Первый удар был нанесен им по новгородцам. Запросив мира, новгороды обязались быть нейтральными в споре Твери с Москвой.

Юрий с монголами пошел через Ростов, Переяславль, Дмитров к Клину. По пути они «много зла творяху»,— повествует о новых злодеяниях золотоордынцев летописец.

Пять недель враг простоял около Твери. Кавгадый «с лестью» направлял к Михаилу послов, но мира не заключал. А тем временем рать его опустошала все тверское правобережье Волги. По-видимому, он специально затягивал переговоры, чтобы разграбить княжество. Когда на правом берегу все было опустошено, золотоордынцы хотели переправиться на левый берег Волги, но тут Михаил вышел из Твери и 22 декабря 1317 г. наголову разбил Юрия с Кавгадыем. В числе многих пленных оказались брат и жена Юрия Кончака. Сам Юрий укрылся в Новгороде.

Как видим, мощь Твери, одержавшей победу над силами врага, была велика, но князь Михаил, опасаясь нового нашествия Орды, вынужден был

быть сдержанным и осторожным. На следующий день после битвы он пригласил к себе Кавгадыя с остатками его рати, угощал его обильно, богато одарил и отпустил в Орду. Лукавый Кавгадый заверял при этом Михаила, что не будет жаловаться хану на князя. Однако думал он совсем иначе. Положение Кавгадыя, не сумевшего посадить на великокняжеский стол родственника хана, Юрия, было критическим. Как оправдаться перед своим повелителем?

Михаил же, понимая, что и ему надо ждать грозы со стороны Орды, сделал все, чтобы помириться с Юрием. Русские князья решили ехать в Орду и там просить хана рассудить их.

Казалось, русские князья уладили спор между собой и все складывалось против Кавгадыя, но случай спас его. Неожиданно умерла еще не освобожденная из плена Кончака. Сразу изменилась вся обстановка. До того посрамленный поражением Юрий вдруг оказался в выгодном положении. Теперь он мог легко расправиться со своим противником. Присланный Михаилом к нему для переговоров по этому случаю посол был убит. Сразу воспрянул духом и Кавгадый. Он вновь объединился с Юрием. Все знали, что хан жестоко отомстит за смерть сестры.

Перепуганные ожиданием ханской мести, на сторону Юрия стали поспешно переходить князья и бояре других земель. При этом московский князь настолько почувствовал себя господином, хозяином положения, что уже «повелевал» тому или другому из них ехать с собой. В Орду Юрия и его многочисленную свиту сопровождал «начальник всего зла, беззаконный треклятый» Кавгадый, как именует его летописец.

Действительно, тучи над Русью сгустились. Что-то будет теперь? Предусмотрительный Кавгадый сумел собрать у русских князей, ехавших с ним в Орду, много лжесвидетельств против Михаила. Теперь он возвращался к хану во всеоружии.

Если в обычные приезды в Орду русские князья щедро одаривали хана и его окружение, то теперь и князья и бояре соперничали друг с другом в щедрости. Драгоценные камни, золото, меха ложились к ногам ордынской знати. При этом свита Юрия наперебой продолжала наговаривать на Михаила всякие небылицы. Но более всех в этом последнем усердствовал Кавгадый.

В августе 1318 г. Михаил собрался в Орду. По пути он остановился во Владимире. Здесь ханский посол Ахмыл, враг Кавгадыя, предупредил русского князя, что Кавгадый «оболгал его в Орде».

Встревоженные сыновья, бояре стали отговаривать Михаила от поездки в Орду, но он отвечал им: «Царь хочет не кого-либо другого, а именно меня — если я не поеду, то вотчина моя в полону будет и множество христиан убито; придется же когда-нибудь умирать... Не лучше ли теперь положить свою душу за многие души».

Раньше, как уже говорилось, он сам вел борьбу нередко с опорой на ордынцев, теперь же все было против него. В обстановке, которая требовала или подвига или унижения, Михаил принял решение пожертвовать собой «за многие души» соотечественников и тем самым предотвратить нашествие врага. Он отпустил сыновей в Тверь, «написал грамоту, разделив им отчину свою», а сам со всей поспешностью поскакал к хану.

Путь от Владимира до устья Дона, где Михаил нашел хана Узбека, был преодолен им меньше чем за месяц. В начале сентября тверской князь уже раздавал в ханском стане богатые подарки.

Узбек не торопился судить русских князей. Он дал Михаилу охрану и только через полтора месяца повелел начать суд. В кочевой юрте (веже) ря-

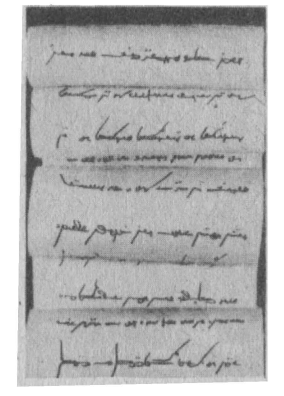
дом с ханским двором собрались виднейшие золотоордынские феодалы. Среди судей главную роль играл Кавгадый: он и обвинял, и судил. Ответчик был один — тверской князь Михаил Ярославич.

Михаил должен был ответить за утайку дани Орде, гордость и непокорность хану, за бой с его послами и войсками, убийство многих из них, намерение бежать к немцам, за отравление сестры хана Кончаки.

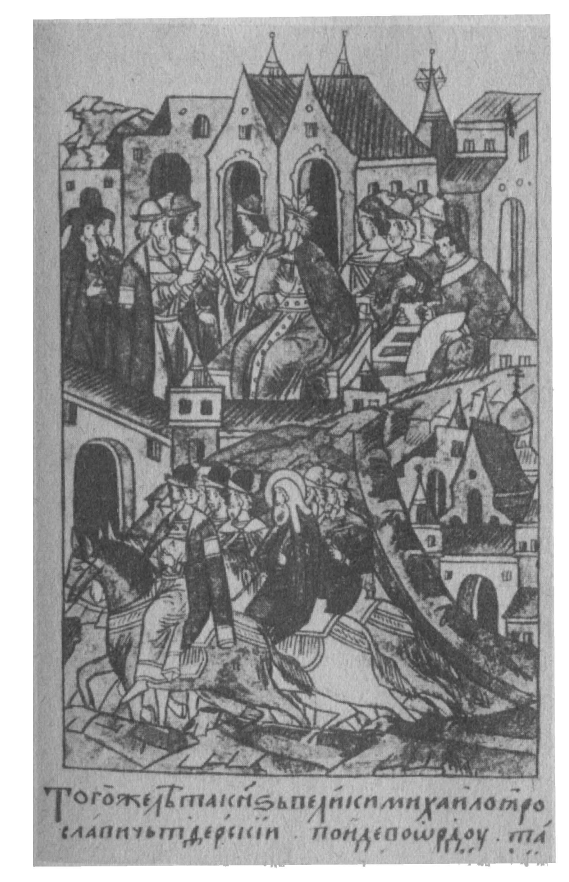
Любого из этих обвинений было достаточно для расправы с Михаилом

Байса (пайцза) — серебряная или золотая пластинка, на которой вырезались повеления ханов Золотой Орды. На пайцзе хана Узбека написано: «Вечного неба силою, покровительством большого величия и блеска. Кто приказу Узбека не покоряется (тот) человек виновен, умрет».

Ярлык золотоордынского хана русскому князю на княжение.

Отъезд Михаила Ярославича из Твери в Орду на суд.

Спор в Орде о великом княжении. Ханы Золотой Орды умело разжигали соперничество русских князей.

Борьба между князьями надолго задержала падение ордынского ига на Руси.

или даже для нового нашествия на страну. Тверской князь мужественно обличал неправду, но его никто не слушал. Кавгадый объявил Михаила виновным и достойным смерти. Это же повторили вслед за ним и все другие. Хан утвердил приговор.

На следующий день снова в шатре собралась золотоордынская знать. Ввели Михаила. Теперь, по настоянию Кавгадыя, он был связан. Ему заковали руки, а на шею надели тяжелую деревянную колоду. То ли враг хотел поиздеваться над своей беззащитной жертвой, то ли хана отвлекла его вражда с правителем Ирана, так или иначе, но Михаила не убили, а повезли вслед за Узбеком, шедшим во главе большого войска на Иран.

Недели скитания за ордой Узбека были для Михаила мучительны. Однажды Кавгадый приказал вывести русского князя на торг и в присутствии массы людей подвергнуть унизительной процедуре: наговорив «много злого» на Михаила, Кавгадый заставил поставить князя перед собой на колени и произнес такие слова: «Гнев ханский на виновных и наказание с милостью всегда пребывает, но этот достоин смерти; известно и достоверно слово хана и суд его праведен. Хан нашел, что князь Михаил милости недостоин и заслужил смерть своими злыми делами, и вот он теперь в тягости и нужде и скоро смерть примет; но по ханской милости и по его величеству подобает его почтити, потому что он уже при смерти». После этих слов, из которых Михаил впервые узнал, что и хан согласился на его казнь, князя расковали, обмыли и облачили в другую одежду. Принесли ему еду и питье, но он к ним не притронулся. Тогда Кавгадый приказал одеть князя по-прежнему и снова заковать.

Картину такого унижения известного и сильного русского князя наблюдали не только местные люди, сошедшиеся на торг, но и многие иностранцы — греки, немцы, литовцы. Разыгранная Кавгадыем сцена унижения Михаила имела цель показать всем силу и могущество Орды. Это было тем более кстати, что описанный случай происходил в конце октября, когда Орда еще двигалась на Иран.

Прошел месяц. Хан с войском находился около Дербента. Здесь 22 ноября 1318 г. и решилась судьба князя Михаила Ярославича.

Он, очевидно, знал, что в этот день враги решили покончить с ним (у него были сторонники в Орде и среди них третья жена хана, дочь византийского императора Боялунь, которая обещала князю в критический для него момент свою помощь). Во всяком случае, Михаил с утра стал готовиться к смерти. Он призвал к себе младшего сына Константина, посланного в Орду заложником после смерти Кончаки, и дал ему последние наставления.

Едва Михаил успел покончить со своими неотложными делами, как в шатер вбежал один из его слуг и с тревогой сообщил о приближении на конях Кавгадыя, Юрия и следующей за ними толпы. Михаилу стало ясно, что смертный час его пробил, но он еще надеялся, что Боялунь сможет его выручить. Он велел Константину спешить к ней.

Но поздно. Не доехав до шатра Михаила «на расстояние полета камня», Кавгадый и Юрий спешились и стали ожидать конца задуманной ими расправы.

Ворвавшись в шатер, сторонники Кавгадыя начали свое кровавое дело. Зверски убили князя. Дикой расправе подверглись его свита и слуги. Как рассказывает летописец, одних убили на месте, других волочили за ноги, нещадно терзали. Тех, кто выживал, заковывали в железо. Спасся лишь Константин и немногие бояре, успевшие убежать с ним к Боялуни.

Доволен был хан Узбек устранением одного из самых сильных и влиятельных тогда князей русских; доволен был Кавгадый, наконец-то избавившийся от опасного противника; ликовал и князь Юрий, ставший теперь обладателем ярлыка на великое княжение.

Летом 1319 г., ведя с собой в качестве пленников Константина, бояр и слуг Михаила, спасшихся от резни, Юрий возвращался домой. Теперь он был великим князем, соперник его мертв, однако покоя Юрий не обрел. На первых порах ему удалось заставить нового тверского князя Дмитрия Михайловича платить дань Орде и отказаться от притязаний на великокняжеский стол. Но это длилось недолго. Дмитрий, прозванный за свой крутой нрав «Грозные очи», не собирался вечно терпеть над собой власть убийцы отца.

Скоро Дмитрий дождался удобного случая; Юрий, взяв с него 2 тыс. рублей дани Орде, сразу не отправил их туда, а поехал с ними в Новгород. Дмитрий тотчас же устремился в Орду, обвинил там Юрия в утайке дани и получил ярлык на великое княжение.

Снова хан менял свою милость. Его цель — разыграть новую драму и добиться ослабления новых претендентов на власть на Руси. Желая добиться дальнейшего ослабления Твери, хан теперь замыслил расправиться с Дмитрием с помощью не Юрия, а его брата Ивана, прозванного потом Калитой. И шел к своей цели хан окольным путем. Он сначала пригласил в Орду Ивана Даниловича и держал его у себя два года. Когда в Ростове произошло восстание против поработителей, хан послал Ивана с ордынским войском для наказания ростовчан. Пришедшие ордынцы, как рассказывал летописец, «много людей посекли и пленили, а Ярославль почти весь сожгли», «много зла учинили» и другим городам.

Между тем Юрий был вызван на суд в Орду. Тверичи же хотели расправиться с ним сами. Они по пути устроили ему засаду, отобрали казну, но самому Юрию удалось спастись. Он бежал в Псков, оттуда — в Новгород. В 1324 г. через северные новгородские владения ему удалось пробраться в Орду. Но там уже был и Дмитрий, который, не дожидаясь ханского суда, убил приехавшего Юрия. Целый год Узбек держал при себе Дмитрия, а затем приказал казнить его.

Казалось бы, ярлык на великое княжение теперь должен был перейти Ивану, но вышло иначе: хан продолжал интригу с русскими князьями. Он передал ярлык брату казненного им Дмитрия — Александру Михайловичу, тверскому князю.

В 1327 г. послом Орды в Тверь был назначен двоюродный брат хана и сын уже известного нам Дюденя Шевкал (Шелкан, Чол-хан в былинах). Прибыл он в Тверь в сопровождении войск, которые по обыкновению грабили, убивали тверичей, чинили над ними всяческие насилия. Шевкал даже прогнал князя из его дворца и сам расположился в нем.

В народной песне о Шелкане Дюдентьевиче так описывается его хозяйничанье в Твери:

И в те поры млад Шелкан
Он судьею насел
В Тверь ту старую,
В Тверь богатую;
А немного он судьею сидел:
А вдовы-то бесчестити,
Красны девицы позорити,
Надо всеми надругатися,
Над домами насмехатися.

Народ стал взывать к Александру Михайловичу, прося помощи и защиты от пришельцев, но князь был бессилен. Обстановка крайне осложнилась. Любой новый повод мог вызвать народное восстание. Долго ждать его не пришлось.

Один тверской дьякон вел к берегу реки напоить свою лошадь, а монголы

набросились на него и стали лошадь отнимать. Произошло это 15 августа в церковный праздник, по случаю чего в Тверь из окрестных сел сошлось много народу. Когда раздался вопль дьякона: «Тверяне, не выдайте», народ бросился его выручать. Ордынцы пустили в ход оружие. В ответ на это восстал весь город. Монголы были перебиты. Убит был и Шевкал. Весть об этом в Орду принесли пастухи, пасшие коней в поле и ускользнувшие от расправы.

Разъяренный хан Узбек срочно вызвал в Орду Ивана Калиту и поручил ему расправиться с тверичами. С большим карательным войском Иван возвратился на Русь. Как рассказывает летопись, ордынцы во главе с ним «взяша Тверь и Кашин, а прочая грады и волости пусты сотвориша, а люди иссекоша, а иных во плен поведоша».

Новгород откупился 2 тыс. рублей серебра и множеством других даров. Иные же русские земли были начисто разорены.

Монголы возвращались в Орду «со многим полоном и богатством, и бысть тогда всея Русской земле великая тягость, и томление, и кровопролитие от татар».

С 1328 г. великим князем становится Иван Калита. Несколько раз разоренная Тверь так ослабла, что надолго оставила мечту о соперничестве с Москвой...

Орда и после этих событий не прекратила своей вероломной политики по отношению к русским князьям, но положение дел менялось. Московский князь, умело используя противоречия среди феодалов Орды, на целых сорок лет обеспечил «тишину» на Руси, оградив ее от ордынских вторжений. А вскоре взошла победная заря над Куликовом полем, где Дмитрий Донской нанес поражение Орде и положил начало освобождению родины от ненавистного ига.

ДОНСКОЙ НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

Вспомним о подвиге русского народа в битве с ордой Мамая на поле Куликовом, и перед нами встанет благородный образ его предводителя — московского князя Дмитрия Ивановича, прозванного позже за славную победу над врагом Донским. Трудная, но и почетная судьба была уготована ему историей. Со времени его деда, Ивана Калиты, Русь стала оживать, набирать силы, в то время как в Золотой Орде с конца 50-х гг. XIV в. началась феодальная усобица. Московские князья ловко пользовались распрями в стане поработителей, стремились владеть титулом Владимирского великого князя, означавшего старшинство среди русских князей, и тем самым постепенно утверждать главенство Москвы на Руси.

И вот случилось, что в столь ответственный момент в истории страны на московском престоле оказался девятилетний мальчик Дмитрий. Это произошло в 1359 г., когда внезапно умер его отец, Иван Иванович Красный. А через три года юный князь потерял и мать. Он оказался под опекой умного митрополита Алексея.

Но и Дмитрий был не по годам смышленым и серьезным. Летописец засвидетельствовал, что он «разумом же и бодростию всех старее сый», «пустошных бесед не творяше и срамных глагол (разговоров) не любляше, и злонравных человек отвращашеся...». В первое время малолетством московского князя попытался воспользоваться суздальско-нижегородский князь Дмитрий Константинович. Ему даже удалось получить в Орде ярлык на великое княжение и сесть во Владимире, но вскоре Дмитрий Иванович вернул этот титул; «сбра силу многу», пошли с войском к Суздалю и «пусто створи»

вокруг города. Дмитрий Константинович не только отказался от великого княжения, но и признал над собой «волю» московского князя, а через три года (1366) выдал за него свою дочь. «Воле» московского князя тогда же покорился и ростовский князь, а галицкий и стародубский князья были согнаны со своих престолов. Казалось, удачно начиналось княжение Дмитрия. Но вот зашевелились внешние враги. Когда Дмитрий в 1363 г. утверждал свою «волю» над некоторыми русскими князьями, на Западе литовский князь Ольгерд Гедиминович «повоева» русские владения, а через два года было совершено разорительное нашествие из Орды на Рязанское княжество. К тому же два года подряд (1364 и 1365) Русь пережила страшные бедствия от чумы и пожаров. В великий мор 1364 г. не успевали хоронить мертвых: «И бысть скорбь велиа по всей земли, и опусте земля вся, и порасте лесом, и бысть пустыни всюду непроходимыа, а полагаху в едину могилу по седми и по десяти, и по двадцати человек... Того же лета бысть сухмень велиа по всей земле и въздух куряшеся и земля горяше...» Как видим, страшный мор совпал с не менее страшной засухой. В следующем году засуха повторилась: «...и зной и жары бяху велицы, лесы и болота и земля горяше, и реки презхоша... и бысть страх и ужас на всех человецех и скорбь велиа». В такую «сухмень» загорелась Москва. Поднялась «буря с вихром силна зело и размета огнь повсюду, и много людии поби и пожже и вся погоре и безвести бысть». Тогда сгорел весь московский посад, Заречье и сам Кремль. Летописец назвал этот пожар великим.

В годы активизации внешних врагов Дмитрий Иванович начал укреплять свою столицу. Деревянные стены Кремля восстанавливать не стали. Дмитрий с двоюродным братом Владимиром Андреевичем «замыслиша ставити Москву, город камен» и, не откладывая дела, зимой 1366 г. «камень повезоша», а летом следующего года уже вовсю шло строительство каменного Кремля. Дмитрий «заложи град Москву камен и начаша делати безпрестани».

Строительство каменных стен Кремля было нежелательно для тех князей, которые не хотели повиноваться Москве. Между тем Дмитрий Иванович, как отмечает летопись, усиливал свое давление на них: «И всех князей русских привожаше под свою волю, а которыа не повиновахуся воле его, а на тех нача посегати». Тверской князь Михаил Александрович был вызван им в Москву в 1368 г. и судим за связь со своим зятем литовским князем Ольгердом. Тогда Михаил вновь побежал в Литву, и скоро Ольгерд пришел на Русь с большим войском и произвел всюду опустошение, но Москва устояла. С пленными и стадами скота он вернулся в Литву.

Немцы в эти годы не раз подходили к Изборску и тоже разоряли окраинные русские земли.

Опасность с Запада возрастала, особенно со стороны Литвы, в чем немалую роль играл тверской князь. В 1370 г. он вновь бежал в Литву. Дмитрий Иванович послал на Тверь большую рать, которая пожгла, покрушила ее владения и возвратилась в Москву, а в следующем году Дмитрий Иванович сам пошел на Тверь.

Борьба обострялась. Тверской князь подался из Литвы в Орду и там получил ярлык на великое княжение. Ехал он оттуда в сопровождении ордынского посла Сарыхожа. Дмитрий Иванович «негодова о сем и розсла на все пути заставы, хотя изымати его; и много гонявше по нем и не обретоша его». Тверскому князю удалось ускользнуть и скрыться в Литве. В ноябре 1370 г. Ольгерд совершил новое опустошительное нашествие на Русь. Он подошел

к Москве и выжег все вокруг нее, но города не взял. Узнав, что Владимир Андреевич, пронский князь, и рязанский Олег Иванович «ополчились» против него, Ольгерд запросил мира. Хотя перемирие было заключено, Ольгерд уходил от Москвы, все время озираясь и боясь погони. Помирились и с тверским князем, но он не хотел этим довольствоваться и отправился в Орду за ярлыком. Как и в первый раз, он получил его и в сопровождении того же посла стал возвращаться на Русь.

То, что произошло дальше, говорило уже о серьезном влиянии Москвы на общерусские дела. Дмитрий Иванович срочно посылает своих бояр во все города русские привести людей «к целованию не даватися великому князю Михаилу Александровичу Тверскому» и в землю его на великое княжение Владимирское не пускать. Сам же с братом Владимиром Андреевичем «ратью сташа на Переславли». Когда Михаил Александрович попытался занять стол великокняжеский во Владимире, владимирцы его не пустили. И на слова посла Орды, позвавшего Дмитрия во Владимир к ярлыку, московский князь гордо ответил: «К ярлыку не еду, а в землю на княжение Володимерское не пущу, а тебе, послу, путь чист».

Однако тверской князь не сдавался. Теперь он послал в Орду за ярлыком своего сына. Это заставило и Дмитрия Ивановича поехать туда же. Ему удалось задобрить большими дарами темника Мамая, фактического правителя Орды, хана с женой и князей татарских и сохранить за собой титул великого князя Владимирского. Но тверской князь совершил поход и взял Кострому, Мологу, Углече поле, Бежецкий Верх и всюду посадил наместников.

Сложный год пережила Москва и ее князь. К тому же и погода опять оказалась неблагоприятной. Люди были поражены необычно сильным «знамением в солнце»: «места чръны по солнцу аки гвозди; и мгла велика была, яко за едину сажень пред собою не видети; и мнози человеци лицем ударяхуся, разшедшеся, в лице друг друга, а птицы по воздуху не видяху летати, но подаху с воздуха на землю, овии о главы человеком ударяхуся; тако же и звери, не видяще, по селом ходяху и по градом, смешающеся с человеки, медведи, волцы, лисици и прочяа звери». Если затмение Солнца, здесь описанное, порожало воображение людей того времени, то повторившаяся засуха оказалась тяжелым бедствием: «Сухмень же бысть тогда велика, и зной и жар мног... реки многи презхоша, и езера, и болота; а лесы и боры горяху, и болота, высохши, горяху, и земля горяще; и бысть страх и трепет во всех человецех. И бысть тогда дороговь хлебьнаа велика и глад велий по всей земле».

Третью свою попытку совершить в тайне поход на Москву Ольгерду в 1372 г. не удалось. На этот раз Дмитрий Иванович встретил его и присоединившуюся к нему тверскую рать в полной готовности. Он пошел на врага, разбил его передовой полк и заставил пойти на перемирие.

Теперь все чаще на Русь стали нападать ордынцы. Как только в Орде происходила смена власти, так следовало требование новой дани. А неудачники во внутренних распрях старались поправить свои дела вторжением в русские земли.

Но при каждом появлении ордынцев на окраинах русских земель то сам Дмитрий Иванович, то его брат Владимир Андреевич, то другие князья выходили навстречу врагу.

Всячески заинтересованная в ослаблении Москвы, Орда оказала новую поддержку тверскому князю и в 1375 г., выдав ему ярлык на Владимирское великое княжение. Этот шаг Орды взволновал всех русских князей. Боль-

шинство из них решительно поддержало московского князя, когда он позвал их в поход против Твери.

Воистину, это было торжеством назревающего единения русских земель, когда в лагерь у Волока к Дмитрию Ивановичу пришли князья из Суздаля, Городца, Ростова, Смоленска, Ярославля, Белоозера, Кашина, Стародуба, Брянска, Чернигова, Оболенска, Торуссы «и инии князи со всеми силами своими». Вот как они объясняли свои действия: «Вси бо вознегодоваша на великого князя Михаила Александровича тверскаго, глаголюще: «колико сей приводил ратью зятя своего, великого князя литовьскаго Олгерда Гедимановича, и много зла христианом сътвори, а ныне сложися с Мамаем и со царем его, и со всею Ордою Мамаевою; а Мамай яростию дышет на всех нас и аще ему попустим, сложився с ними, имать победити всех нас». В этих словах выражен общерусский интерес «всех нас», во имя его они и пошли с московским князем на Тверь. Четыре недели общерусские силы простояли под Тверью. Узнав об этом, против Твери выступили и новгородцы. Михаил Александрович делал вылазки из города, но не сдавался, так как ждал условленной помощи от Литвы и Орды. Действительно, Ольгерд вскоре оказался со своим войском под Тверью, но, узнав, что тут стоит с «безчисленными силами» московский князь, «убоашася, побегоша назад». Теперь тверскому князю пришлось просить мира у московского князя. Не желая разорения города и кровопролития, Дмитрий Иванович «взя с ним мир на всей своей воле».

Практически это означало признание всеми русскими князьями главенства Москвы. Но Русь не могла стать единой, не освободившись от ордынского ига.

Между тем в тот же год отряды Мамая разорили Нижегородские земли, а Ольгерд — Смоленские за то, что они ходили «воевати князя Михаила тверского».

Ожидая нашествия врагов, Дмитрий Иванович в следующем году «ходил ратью за Оку-реку», а потом вместе с суздальско-нижегородским князем посылал войска на Казань.

В 1377 г. нижегородские войска, проявив крайнюю беспечность, потерпели на реке Пьяне полное поражение от царевича Арапши. После этого Арапша «изгоном» ворвался в Нижний Новгород, два дня грабил, разорял и жег его, а потом подверг опустошению волости и села «и со множеством безчисленным полоном отъидоша во свояси». И еще раз Арапша вторгался в этом году на русские земли и также «пограби... огнем пожже и отъиде с полоном». В следующем году Арапша захватил русских купцов, всех их перебил и богатства себе забрал; затем он совершил разорительный набег на Рязанские земли. Другие отряды Мамая вновь опустошили нижегородские земли. Наконец Мамай послал рать Бегича на самого московского князя. Дмитрий Иванович, «собрав силу и поиде противу их в Рязанскую землю за реку Оку» и разгромил их в 1378 г. на реке Воже, а затем стал преследовать: «вслед их гоняюще, биюще, секуще, колюще и наполы разсецающе, и убиша их множество, а инии в реце истопиша». Это произошло к вечеру 11 августа, а на другой день русские, преследуя бегущего врага, разорили его обоз.

В 1379 г. русская рать во главе с Владимиром Андреевичем нанесла удар по Литовским землям.

События вступали в свою решающую фазу. Наступал памятный 1380 г. Мамай, сразу после поражения Бегича совершивший разорительный поход на Рязанские земли, однако, не мог простить поражения своих войск от московского князя. Главное же — он не мог

смириться с утратой русской дани. Играя фактически главную роль в распадавшейся Орде, он решил восстановить ее власть над Русью. Но и объединенных сил Орды для этого было уже недостаточно. Все, что можно было мобилизовать в ордынских владениях, он собрал под свою власть; привлек к себе обещаниями легкой наживы некоторые племена Северного Кавказа, нанял за деньги генуэзцев из Кафы (Феодосия). Собрав таким образом «воинства много и поиде на великого князя Дмитрея Ивановича, яко лев ревый и яко медведь пыхаа и аки демон гордяся».

Дойдя со своими силами до устья реки Воронеж, он остановился тут и стал кочевать. При этом Мамай распорядился не пахать и не сеять, обещая своей Орде осенью русский хлеб. Он был совершенно уверен в своей победе.

Летопись так говорит о плане похода Мамая на Русь: «прииму землю Рускую и разорю церкви христьянскиа, а веру их на свою веру преложу, и велю кланятися своему Бахметю; иде же церкви были, ту ропаты (мечети) поставлю, и баскакы посажаю по всем градом Руским, а князей Руских изобью». Он мечтал не только о лаврах Батыя, но и о славе самого Александра Македонского. Хвастаясь, Мамай говорил, что ему недостойно победити своего улусника московского князя, а подобает «победить... некоего великаго и силнаго и славного царя; якоже царь Александро Македоньский победи Дариа царя Перскаго и Пора царя Индейскаго, такова победа моему царскому имени достоит и величество мое славится по всем землям». Когда Олег Рязанский и Ягайло, сын умершего Ольгерда, предложили ему свою помощь против московского князя, он гордо отверг ее: «мне убо ваше пособие не нужно», но разрешил им, где они успеют, «чести ради величества» его, присоединиться к нему.

Летописи называют Олега Ивановича Рязанского союзником Мамая. Но был ли он им? Да, он шлет Мамаю дары и послание, в котором называет его великим царем, а себя его посаженником и присяжником, верным слугой. Не то московский князь, гордый и непокорный Орде, которого надо наказать. При этом Олег, как бы играя на болезненном честолюбии Мамая, пишет ему, что московский князь, «егда услышит имя ярости твоея, отбежит в дальныа места: или в великий Новгород, или на Двину и тогда богатство Московьское все во твоей руце будет». Олег Иванович явно усыпляет бдительность Мамая.

В послании Ягайло рязанский князь проводит ту же идею. Он предлагает Ягайло, как только московский князь, услыша о приближении Мамая, побежит из своих земель, занять их. Ягайло сядет в Москве и прилегающих к Вильно землях, а он, Олег, во Владимире, Муроме и Коломне. Когда же пойдет Мамай, они выйдут к нему навстречу с большими дарами и уговорят его возвратиться в Орду, не разоряя русских земель. Мамаю, согласно летописи, понравился план Олега, навсегда устранявший сильного князя на Руси, что и могло бы способствовать возрождению былой власти Орды над русскими землями. Олег же и Ягайло, думал он, будут связаны данной ему присягой.

Олег Иванович, ведя опасную дипломатическую игру с Мамаем и Ягайло, одновременно извещает московского князя, что «Мамай идет со всем своим царством в мою землю Рязаньскую на мене и на тебе; а то ти ведомо буди, и князь литовский Ягайло идеть на тобе со своею силою». Это говорит о том, что между Дмитрием и Олегом было условлено, как должен действовать рязанский князь в случае нашествия со стороны Орды и Литвы.

Привлекателен летописный образ Дмитрия Ивановича московского.

«Умом свершен всегда бываше», «а службу земли Рускои мужеством своим держаще... Ратным же всегда во бранех страшен бываше и многи враги, востающе на нь, победи». И еще одна летописная зарисовка: «Беаше же сам крепок зело и мужествен, и телом велик и широк, и плечист и чреват велми, и тяжек собою зело, брадою же и власы черн, взором же дивен зело». Дмитрий Иванович был мужественным человеком и в бою страшным для врагов.

Весть о нашествии Мамая заставила его спешно собирать войска. По его требованию первым на помощь пришел тверской князь, затем брат Владимир Андреевич. Один за другим приходили в Москву на зов Дмитрия Ивановича русские князья со своими дружинами.

Уверенный в себе, Мамай шлет в Москву своих послов и требует «выхода», то есть дани, как было при прежних ханах Орды. Дмитрий Иванович, стремясь выиграть время, завязывает с послами Мамая переговоры о размере дани. Но им так ничего и не удается добиться от него. С тем они и вернулись к Мамаю. Однако в Москве все же решают послать ему дань. Для этого в стан Мамая отправляется с двумя толмачами, знающими татарский язык, Захарий Тютчев. Он повез с собой много золота и серебра, но Мамай, жаждавший порабощения Руси, не хотел довольствоваться этим.

Когда пришла весть о начале движения войска Мамая, Дмитрий Иванович с братом и прочими князьями и воеводами держал совет. Решили послать в поле сильный сторожевой отряд, куда назначили «крепких оружников»: Родиона Ржевского, Андрея Волосатого, Василия Тупика и других таких же воинов. Им было велено остановиться на «Быстрой или на Тихой Сосне» и зорко следить за врагом, одновременно вести разведку, чтобы добыть «языка» и узнать истинные намерения Мамая.

Сам же Дмитрий Иванович разослал всюду грамоты, созывая князей с их дружинами в Коломну. Сбор был назначен на 31 июля. Те же князья, которые уже пришли в Москву, стали готовиться к боевому походу.

Поскольку от первого сторожевого отряда вестей не поступало, послали в степь второй отряд с наказом скоро возвращаться, но ему по пути встретился Василий Тупик, ведший в Москву татарского «языка». Стало известно, что Мамай не спешит, ждет осени. Эта весть была воспринята с воодушевлением. Дмитрий Иванович теперь назначает встречу в Коломне на 15 августа.

Автор «Задонщины» рязанский старец Софоний, слагая песнь во славу победы на Куликовом поле, передал поэтически образно сбор русских ратей: «Кони ржуть на Москве, бубны бьють на Коломне, трубы трубят в Серпухове, звенит слава по всеи земли Русськои. Чюдно стязи стоять у Дону великого... звонят колоколи вечнии в Великом в Новегороде...»

Из Москвы ратники вышли тремя колоннами и пошли к Коломне тремя дорогами. В Коломне к ним присоединялись новые дружины, не успевшие прийти в Москву. Всего, как говорит большинство летописей, под флагом Дмитрия Ивановича собралось до двухсот тысяч воинов. Летописец говорит, что «от начала бо такова сила Руская не бывала». Еще важнее другое: это был сбор практически всех русских сил. И даже некоторые литовские князья встали под стяги Москвы.

На другой день по прибытии в Коломну князь Дмитрий «повелел всем выйти в поле и урядити каждому полку воеводу». Когда силы были расставлены по полкам и определены воеводы, войско двинулось на переправу через Оку, причем пошло оно почти прямо на запад, к устью реки Лопасни. Этот маневр мог преследовать цель и встречи с

Ягайло. Любопытно вот еще что: оставляя у Лопасни своего «великого воеводу» Тимофея Васильевича Вельяминова встречать пеших и конных ратников, которые будут подходить сюда, Дмитрий Иванович строго наказал, чтобы они, проходя Рязанской землей, ничего не брали и не касались ничего. А рязанский князь, узнав о переправе огромных сил московского князя, тотчас же сообщает об этом литовскому князю Ягайло и как бы сожалеет: «не дадят бо нам сьсылатися, заняша пути все». Раз пути для встречи отрезаны, значит, Ягайло должен подумать, надо ли ему идти вперед. И еще одна деталь. Бояре передали Олегу Ивановичу слух, по которому монах Сергий будто бы по пророчеству самого бога повелел Дмитрию Ивановичу выступать против Мамая, что по тогдашним религиозным представлениям людей означало верную победу, наказание божие для врага. Олег Иванович стал бранить их, почему поздно сказали ему об этом: он мог бы успеть умолить нечестивого царя Мамая избежать кровопролития («да ничтоже бы зла сотворилося никомуже»), а теперь он не знает, что делать. Идти к Мамаю — верная гибель: «беззаконен бо есть и неверен». Податься к Ягайло — то же самое.

А Ягайло? Подойдя к Одоеву, он узнал, «яко Олег, князь рязаньский устрашися и возрепета зело, и нача и той скорбети и тужити, глаголя: вскую прелстился от друга своего Олга рязаньского! почто вверихся ему? никогдаже убо бываше Литва от Рязани учима; ныне же почто аз в безумие впадах? И тако начя ожидати, что сотворится Мамаю с Московьским». Если Олег Иванович хотел предотвратить соединение Ягайло с Мамаем, то это ему удалось сделать.

Достигнув Осетра, правого притока Оки, Дмитрий Иванович выслал вперед разведку во главе с избранным своим боярином и «крепким» воеводой Семеном Меликом. Опытные воины должны были войти в соприкосновение с мамаевской стражей и узнать о положении войска Мамая. Далее, продвигаясь тихо вперед, Дмитрий Иванович встретил двоих из посланных разведчиков, которые привели важного «языка» из числа знатного окружения Мамая. Он рассказал, что Мамай не торопится, ожидает встречи с Олегом и Ягайло, а о движении московских войск ничего не знает. О численности войск Мамая он сказал: «многое множество есть безчислено».

Это произошло, когда русские войска были уже у Дона. Дмитрий Иванович собрал большой совет и спросил: «Что сътворим? како битву устроим противу безбожных сил татар, на сей ли стороне Дона или на ону сторону Дона перевеземся?»

Долго шел совет, много говорили на нем. Мнения были противоположные.

«Не ходи, занеже умножишася врази наши, нетокмо Татарове, но и Литва, и Рязанци»,— говорили одни, возражая против перехода войска за Дон.

«Аще пребудем зде, слабо будет воиньство сие Русское; аще ли на ону страну Дона перевеземся, крепко и мужественно будет: вси бо живота отчаются, с часу на час смерти ожидающе; да аще одолеем Татаром, да будет славы тебе и всем; аще ли избьени будем от них, то общею смертию вси купно умрем»,— говорили Андрей и Дмитрий, литовские князья, братья Ягайло.

Переход за Дон отрезал всякую возможность отступления, настраивал войско на решительный и беспощадный бой. Эту же мысль выразил и сам Дмитрий Иванович:

— Братиа,— говорил он, обращаясь к совету,— лутчи есть честна смерть злаго живота; лутчи было не ити противу безбожных сил, неже пришед и ничтоже сотворив, возвратитися вспять; преидем убо ныне в сий день

за Дон вси и тамо положим главы своя...

Этот приказ был отдан им 7 сентября. По повелению князя полки стали строить мосты через Дон. Прежде чем начать переправу, воины на всякий случай надели боевые доспехи.

Переправа шла по мостам и по бродам. Как только войска перешли на правый берег Дона, мосты за ними были разрушены.

Место, избранное Дмитрием Ивановичем для боя с Мамаем, называлось Куликовым полем. Это было холмистое пространство в 10—13 верст, расположенное между Доном и его правым притоком Непрядвой. Оно перерезалось несколькими мелкими речками, из которых важное значение в ходе боя имели Смолка, впадающая в Дон, и Нижний Дубяк — правый приток Непрядвы.

Худшего места боя для ордынцев, ударной силой которых была конница, выбрать было трудно. По холмам, оврагам и речушкам нет простора для разворота и маневра коннице, зато все эти препятствия отлично защищали фланги русских полков. Русские хорошо знали тактику врага наносить решающие удары именно по флангам, в обход основных сил. Теперь он почти лишался этой возможности.

Утро 8 сентября выдалось туманным: «бысть мгла велия по всей земле, аки тма, и до третьяго часа дни и потом нача убывати». В тумане Дмитрий Иванович расставлял свои силы для предстоящего боя. Ему помогали литовские князья и выдающийся воевода тех лет Дмитрий Боброк родом из Волыни. Он, по словам летописи, «изящен и удал зело», «егоже знааху вси и боахуся мужества его ради». Грозным и мужественным, но вместе с тем и искусным полководцем был этот воин. Дмитрий Иванович доверял ему самые ответственные дела. Вот и теперь «устраивал» полки для предстоящего боя.

Тылом русское войско встало к Непрядве, имевшей обрывистый и крутой берег. В центре войска расположили *большой полк* во главе с московским воеводой Т. В. Вельяминовым. Здесь же занял свое место в бою и Дмитрий Иванович. Справа от него стал *полк правой руки.* Он был хорошо прикрыт обрывистым, как и Непрядва, берегом Нижнего Дубяка. *Полк левой руки* прикрывала Смолка и покрытый лесом овраг. Однако это место было менее защищено природой и здесь наиболее вероятен был охват фланга ордынцами. Дмитрий Иванович предвидел эту возможность и поэтому поставил позади полка резерв, а левее в зеленой дубраве — *засадный полк.* Сюда вошли отборные воины под начальством брата Дмитрия Ивановича, серпуховского князя Владимира Андреевича, и Дмитрия Боброка Волынца. Этому полку предстояло выступить в самый решающий, критический момент боя. Переднюю позицию заняли пешие *передовой* и *сторожевой полки.*

Войска Мамая на поле битвы расположились так: в центре стала наемная пехота, а по флангам — сильная конница. Но места более многочисленным силам Мамая явно не хватало. Летописец говорит: «несть места, где им разступитися». Мамай с четырьмя мурзами стал сзади своего войска на холме.

К 11 часам утра (к 6-ти по древнегреческому счету) обе стороны были готовы к бою. «И бе страшно видети две силы великиа снимающеся на кровопролитие, на скорую смерть».

Перед боем Дмитрий Иванович ездил по полкам и каждому говорил слова ободрения. Слушая его, воины укреплялись мужеством и «яко орли летающе и яко львы рыкающе на Татарскиа полкы». Вернувшись под свое знамя, князь оделся в боевые доспехи, а в свою «царскую» одежду облачил любимого боярина Михаила Андрее-

вича Бренка. Над ним должны были держать и знамя Дмитрия Ивановича.

Воеводы пытались отговорить Дмитрия Ивановича от участия в бою в передовых рядах. «Не подобает тебе,— говорили они,— государю самому в полку битеся. Подобает тебе особе в полку стояти и нас разсмотрити, то перед кем нам явитися... Аще ли тебе единаго изгубим, то от кого память чаем. Аще ли тебе единаго изгубим, то которыи успех будет нам. И будем яко стада овчие, не имущи пастуха, учнем скитатися по пустыням, и пришед, волцы расхитят ны и кто может нас собрати. Тебе же, государю, подобает спасти себе и нас», то есть если князь уцелеет в бою, то и их каждого оценит по заслугам и память о них оставит потомству. Разумные слова были сказаны князю, и он это признал, но поступил иначе.

«Братия моя милая,— отвечал он,— добры ваши речи и не могу отвещати противу вас, известно, бо глаголете». Далее он сказал, что не мог бы видеть свои полки побиваемыми и потому хочет испить общую чашу смерти вместе со всеми.

Этот ответ диктовался самой обстановкой предстоящего боя. Предстояла победа или смерть, другого исхода быть на поле Куликовом не могло. Распорядиться нужно было только действиями засадного полка, но он был в таких хороших и верных руках, что Дмитрий Иванович был за него совершенно спокоен.

Князь сел на коня своего, взял в руки палицу железную и выехал впереди полка, чтоб первому вступить в бой и дать пример всем воинам.

Передовые полки стали сходиться. Когда они стали друг перед другом, из войска Мамая выехал вперед богатырь по имени Темир-мурза. Он был «велик зело и широту велику имея, и мужеством великим являяся; и бе всем страшен зело».

Он произвел на русских сильное впечатление. Сначала никто против него не выходил, лишь каждый подталкивал друг друга. Но вот выступил вперед русский богатырь — монах Пересвет. «Бе же сей Пересвет,— характеризует его летопись,— егда в мире бе, славный богатырь бяше, велию силу и крепость имея, величеством же и широтою всех превзыде, и смыслен зело к воиньственому делу и наряду». В миру, то есть до пострижения в монахи, он был брянским бояриным и звался Александром.

— Ничтоже о сем смущайтеся, аз хошу с ним видетеся,— сказал Пересвет и поехал на врага.

Богатыри на скаку вонзили друг в друга копья, и оба мертвыми упали на землю. Их столкновение было столь сильным, что, по словам летописи, земля задрожала и даже кони их тоже упали мертвыми.

После этого поединка начался бой. Кратко, но весьма выразительно описал его летописец: «...и бысть брань крепка и сеча зла зело, и лиашеся кровь, аки вода, и падоша мертвых множество безчислено от обоих сил, от Татарьскиа и Русскиа. И паде Татарьское тело на христьаньском, а христианьское тело на Татарьском, и смесися кровь Татарскаа с христианьскою; всюду бо множество мертвых лежаху и не можаху кони ступати по мертвым: не токмо же оружием убивахуся, но сами себе бьюще и под коньскымя ногами умираху, от великиа тесноты задыхахуся, яко немощно бе вместитися на поле Куликове...» Страшно было видеть, как русские воины, словно сено, посеченными лежали, но другие бились, не ослабевая. Однако численное преимущество врага стало сказываться. Он одолел передовой полк и стал врезаться в большой, но сломить его не смог и тогда всю силу конницы бросил на полк левой руки. Храбро бился этот полк, враг же наседал и наседал, начал

теснить русских, грозя уже зайти в тыл и большому полку. Многих князей, бояр и воевод не стало. Пали тысячи простых воинов. В самой гуще сечи дрался московский князь. Вот убит под ним конь, и он садится на другого и снова рвется в бой. Пал и второй конь под ним. Князь стал сражаться пешим.

В самый драматический момент боя, когда враг, казалось, вот-вот одолеет русских, встал вопрос о выступлении засадного полка. Владимир Андреевич, сам воин сильный и отважный, не в силах был видеть избиение своих братьев.

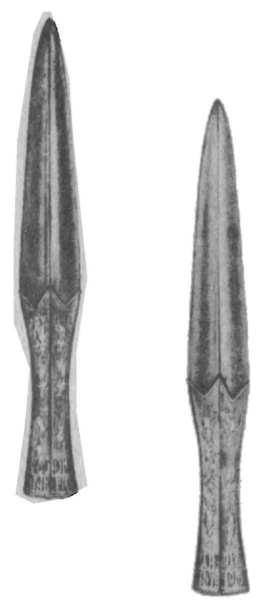
«Что убо, брате, ползует стояние наше и кий успех от нас им есть? кому убо нам помощи? убо все мертви лежаху христианскии полцы?» — сказал он, обращаясь к Дмитрию Боброку. Ему казалось, что, пока они стоят и ждут, все погибнут и помогать будет некому. Но Боброк ответил ему: «Беда, княже, велика! грех ради наших прииде на нас гнев божий и несть нам времени сего, ежѐ изыти нам на супостати сиа; аще убо потръпим...» Рвались в бой и все воины полка, «аки соколы», но и их успокаивал Волынец: «Пождите мало, еще есть бо вам с кем утешитися».

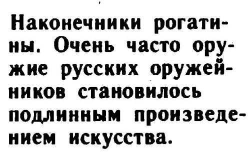
Настал решающий час. В этот момент переменился ветер, который дул в лицо засадному полку и лишал его возможности стремительно вылететь на врага. Но вот «дух южны потягну сзади их». Волынец воскликнул «гласом великим» князю Владимиру: «Час прииде, время приближися! Братия моя и друзи, дерзайте!»

Услышав боевой призыв, воины полка дружно вылетели из засады и, как соколы, «ударишася на многие стада гусиныя».

Великий ужас и страх овладел ордынцами.

«Увы нам, увы нам! — запричитали, как говорится в летописи, нечестивые.— Христиане упремудрили над нами, лутчиа и удалыа князи и воеводы втаю оставиша и на нас неутомлены уготовиша; наши же руки ослабеша и плещи усташа, и колени оцепенеша, и кони наши утомлени суть зело, и оружиа наша изринушася; и кто может противу их стати? горе тебе, великый Мамаю! вознесълся еси гордостию своею до облак и сшел еси безумием своим до ада и нас еси всех погубил всуе».

Наконечники рогатины. Очень часто оружие русских оружейников становилось подлинным произведением искусства.

Кольчуга, найденная в конце XIX в. на Куликовом поле. Русские кольчуги известны с X в. Создание ее требовало высокого мастерства. Для каждой кольчуги нужно было изготовить более 20 тыс. колец, а затем сплести их вместе. Вес кольчуги от 8 до 17 кг.

Видя поражение войск своих, Мамай кинулся спасаться бегством. Побежала и орда его. Русские же полки «за ними гоняюще, бьюще и секуще».

Лишь с малой дружиной удалось уйти Мамаю. Остальные полегли на поле боя или были потоплены в Непрядве, которая до половины была наполнена их трупами.

До реки Мечи гнались за врагом

русские воины. Много богатств они отняли у ордынцев, но догнать Мамая на уставших в бою конях не смогли.

Возвращаясь с погони, каждый искал место своего полка.

Владимир Андреевич, тоже участвовавший в погоне, вернувшись, стал обозревать поле боя. Он ужаснулся, сколь много было побито и русских.

А где же князь Дмитрий Иванович? Владимир стал искать его и, не найдя, приказал трубить, созывать всех оставшихся.

— Кто видел великого князя Дмитрия Ивановича, брата моего? — спрашивал он.

Убитый горем, князь Владимир просил найти князя Дмитрия среди мертвых, обещая богатым славу, а бедным богатство, честь и тоже славу. Все рассыпались по полю. Искали среди мертвых, а двое простых воинов, Федор Зов и Федор Холопов, уклонились от поля боя направо к дубраве и там набрели на князя. Он был «бита велми, едва точию дышаща, под новосъсеченым древом под ветми лежаще, аки мертв». Один из них сообщил об этом князю Владимиру. Все кинулись на коней и поскакали к месту, где нашли князя.

— О брате мой милый, великий князь Дмитрий Иванович, древний еси Ярослав, новый еси Александр! — обратился к нему Владимир и сообщил, что они одержали победу.

Доспехи Дмитрия были сильно избиты и измяты, но тяжелых ран на теле не оказалось. Он был сильно контужен и, когда услышал говор людей и радостную весть о победе, стал приходить в себя. Его посадили на коня, и тогда он обратился со словами благодарности ко всем воинам и поздравил их с победой.

В сопровождении оставшихся князей и воевод Дмитрий Иванович стал объезжать поле боя. Грустная и тяжелая картина! Вот рядом, как шли в бой, лежат восемь князей белозерских со многими боярами, а близко от них великий воевода Микула Васильевич Вельяминов[1] и 15 князей, множество бояр и воевод мертвых с ним. Наехал и на место гибели Бренка с множеством князей и бояр, потом увидел мертвого Пересвета и остановился перед ним.

— Братья,— сказал он, обращаясь к своей свите,— вы видите зачинателя нашей победы.

Указывая на сраженного им ордынского богатыря, князь продолжал:

— Многие наши от него могли бы испить горькую чашу.

Заняв свое место, князь приказал трубить сбор. Под этот трубный глас со всех сторон стали собираться ликующие воины.

Когда все собрались, Дмитрий Иванович приказал сосчитать, сколько осталось воинов и сколько погибло.

Печальный доклад делал московский боярин Михаил Александрович. Он сообщил, что нет в живых 40 бояр московских, 30 серпуховских, 20 костромских, 30 владимирских, 50 суздальских, 40 муромских, 60 можайских, 30 звенигородских, 22 переяславских, 34 ростовских, 23 дмитровских и 30 панов литовских. А воинов простых 150 тысяч. Осталось только 50 тысяч. (Другие источники называют меньшее число всех русских воинов, участвовавших и погибших в битве.)

[1] Отец Микулы (Николая) был последним московским тысяцким. Тысяцкие возглавляли городское ополчение и ведали всеми делами города. После смерти В. В. Вельяминова Дмитрий не назначал больше тысяцких. Тем самым княжеская власть сильно укрепилась. Брат Микулы Иван пытался получить должность отца, с опорой на Орду организовал заговор и был казнен в 1379 г. Это первая публичная казнь в Москве. Тем не менее Микула и его дядя Тимофей оставались наиболее приближенными к Дмитрию боярами. Они возглавили по традиции московское ополчение — костяк русской рати на Куликовом поле.

— Вечная им память,— сильным голосом («великиим гласом») провозгласил Дмитрий Иванович и просил у них прощения. Обращаясь к князьям, боярам и простым воинам, он продолжал: «Братия моя милая! Подобает вам так служити, а мне вас по достоянию хвалити, а как буду на своем столе на великом княжении, и то по достоянию учну вас жаловати, ныне же каждо своя управити, да похороним каждо ближнего своего».

Восемь дней простояли воины-победители на Куликовом поле, хороня своих погибших братьев и собирая оружие.

Тяжела, но сладостна победа. Дмитрий Иванович вполне сознавал ее великое значение для Родины, поэтому, когда войско было готово к походу, он сказал своему брату Владимиру:

— Поидем, брате, на свою землю Залесскую, ко славнейшему граду Москве и сядем на своем княжении и на своей отчине и дедине, а чти (чести) и славы есмя себе укупили в род и род.

Ягайло, как только до него дошла весть о победе русских над Мамаем, со всею поспешностью побежал в Литву.

Мамай хотел собрать новые силы и снова идти на Русь, но был разбит другим завоевателем — Тохтамышем, скрылся с небольшим отрядом в Кафе и там был убит из-за богатств, которые привез с собой.

С великой честью и славой победителей встречали сначала в Коломне, где они, отдыхая, пробыли четыре дня, а потом в Москве.

Так завершен был великий поход русского народа и его предводителя Дмитрия Ивановича, московского князя. Никто не знал, что Русь ждет новое страшное испытание. Через два года орды нового властелина Орды, Тохтамыша, неожиданно нагрянут на русские земли, разорят их и возьмут обманом Москву. Зависимость Руси от Орды будет восстановлена, но Дмитрий Иванович горячо верил, что это уже ненадолго. Передавая власть своему старшему сыну, Василию, он в 1389 г. на смертном одре говорил ему о своей надежде на скорое падение ордынской власти над Русью.

Нам остается оценить историческое значение деятельности Дмитрия Ивановича. Оно прежде всего состоит в том, что все его политические дела и военные победы имели общерусские цели, были направлены на защиту общерусских интересов. Куликовская битва окончательно закрепила за Москвой ведущую роль в борьбе за объединение русских земель в единое государство и показала, что только в единении всех сил Руси может быть достигнуто освобождение от иноземного ига.

ГОСУДАРЬ ВСЕЯ РУСИ

Вторая половина XV века. Московское княжество возглавляет Иван III, выдающийся государственный деятель, проявивший незаурядные военные и дипломатические способности. Он присоединил к Московскому княжеству Новгород с его обширными землями, заставил покориться Тверское княжество. Теперь Москва становится центром обширного и мощного государства. Наконец-то русские земли обрели единство, общими усилиями окончательно сбросили иго монголо-татарских ханов.

«Изумленная Европа, в начале царствования Ивана III едва замечавшая существование Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была поражена внезапным появлением на ее восточных границах огромного государства» — так характеризовал Карл Маркс образование Российского государства, возникшего в упорной борьбе с раздробленностью и внешними врагами к концу XV в.

Внутренняя политика Ивана III немало способствовала дальнейшему возвышению и укреплению русских земель.

В эти годы разительно изменился облик столицы государства — Москвы. Иван III пригласил многих мастеров из Италии. Они вместе с русскими архитекторами и умельцами начали общую перестройку Кремля. Старую стену из белого камня разрушили и в течение десяти лет возвели из красного кирпича новые кремлевские стены и башни, в основном сохранившиеся до наших дней.

Снесены были и небольшие храмы XIV в. На их месте возникли нынешние Успенский и Благовещенский соборы, заложен Архангельский.

За кремлевской стеной воздвигли палаты для торжественных приемов иностранных послов и именитых гостей. Строились и другие дворцовые здания.

В короткий срок центр столицы превратился в мощную крепость с толстыми и высокими стенами, башнями, ощетинившимися пушками, снабженную рвами и мостами. Одновременно Кремль стал величественной резиденцией светской и церковной власти.

Титул великого князя, означавший лишь первенство, старшинство над другими князьями, теперь не отвечал высокому положению главы могучего государства. Иван III настойчиво стремится к приобретению высшего титула государя и даже царя.

Мало того, с целью подчеркнуть свое главенство над русскими землями он требует, чтобы к титулу великого князя и государя обязательно прибавляли слова «всея Руси».

Попытки именоваться великим князем «всея Руси» делались и до Ивана III. Так, например, звался Иван Калита, но ни Калита, ни его преемники до Ивана III не имели реальной власти над всеми русскими землями. И только Иван III действительно стал главой русских земель. Решительно поддерживала и прославляла его как государя «всея Руси» церковь, заинтересованная в распространении сильной власти на всю страну.

Новый титул Иван III подчеркивал и при общении с представителями других государств. Обращаясь, например, к магистру Ливонии, Иван III в грамоте назывался царем «всея Руси». Так же именовался он и в обращении к немецким торговым городам. Отдельные лица и правители малых стран сами называли его царем. Служилые люди из греков писали ему однажды как «наияснейшему и вышнейшему господу, Ивану Васильевичу, царю всея Руси и великому князю», перечисляя далее все земли, которыми он владел. А в грамоте короля Дании Иван III именовался даже императором.

Такое возвеличение главы Российского государства было не случайным. В глазах всей Европы страна, сбросившая иго завоевателей, предстала могучей и великой. Ведь сама Европа, спасенная Русью от вторжения бесчисленных орд, опасалась, как бы они все-таки не прорвались через русский заслон. А теперь такая угроза вообще перестала существовать, и произошло это благодаря русской победе над Ордой.

Небольшие государства Европы старались завязать дружественные отношения с Россией, а более крупные видели в ней соперницу и стремились усилить свое давление на восточную соседку.

Политику подчинения Руси пытались вести папа римский и германский император.

В 1453 г. турки взяли Константинополь. Это означало конец некогда могучей Византийской империи. Европу охватила паника, вызванная угрозой вторжения новых завоевателей. Вскоре и Риму пришлось вступить в борьбу с Турцией, но сил своих у него не хва-

тало. Против новой мусульманской империи римский папа, как глава католического христианского мира, лихорадочно искал союзников. Однако европейские государства враждовали между собой, а сама Италия была раздроблена.

Надо ли говорить, что образование сильного Российского государства на месте множества борющихся между собой княжеств казалось римскому папе небесным даром. Но вставал вопрос, как привлечь Русь к борьбе с Турцией. Как раз к этому времени Иван III овдовел. Созрел план выдать замуж за него племянницу последнего византийского императора Зою Палеолог, с детских лет жившую и воспитывавшуюся при дворе римского папы.

В феврале 1469 г. посланник римского папы явился в Москву и предложил Ивану III руку «православной христианки». Весть эта была встречена в Москве с радостью.

Иван III сразу же оценил все выгоды женитьбы на Зое Палеолог. Он хорошо понимал и то, что замыслы папы шли дальше привлечения Руси к союзу против Турции — к постепенному распространению на Руси католичества и подчинению с его помощью Российского государства Риму.

Но у Ивана III были свои цели. Роднясь с племянницей византийского императора, он поднимал свой авторитет не только среди российских подданных, но и во всем мире.

В Рим с поручением разузнать обстановку при дворе папы и получить сведения о невесте направляется служивший в Москве монетный мастер Иван Фрязин.

Доклад его по возвращении в Москву был воспринят положительно. В январе 1471 г., посоветовавшись с матерью, митрополитом, князьями и боярами, Иван III снова послал в Рим Фрязина, но уже в сопровождении полномочных бояр для совершения свадебного обряда. Фрязин при венчании должен был играть роль жениха.

Папа устроил русским сватам торжественный прием. Московские гости в свою очередь поднесли папе шубу и 70 соболей. В первый день июня 1471 г. папа совершил обряд обручения Зои Палеолог с уполномоченным русского князя Ивана III Иваном Фрязиным. Он позаботился и о приданом. По его просьбе всесильные банкиры Медичи выдали Зое деньги на дорогу. Одновременно папа послал правителям всех земель, по которым должна была проезжать Зоя со свитой, письмо с просьбой воздавать ей надлежащие почести. Так, по выражению одного итальянского летописца, очаровательная и прекрасная принцесса с триумфом проехала по Италии. С тем же почетом и пышностью ее встречали в Германии, а затем на русской земле — в Пскове, Новгороде и Москве, куда она прибыла санным путем в ноябре.

Подробностей московского венчания не сохранилось. Жена Ивана III получила после венчания новое имя — Софья. Ее стали звать Софьей Фоминичной[1].

Брак с Софьей значительно поднял международный авторитет Ивана III. Что же касается планов римского папы, то из них ничего не вышло.

Тем же окончились попытки германского императора подчинить Ивана III своему влиянию. Немецкий рыцарь Поппель, побывавший на Руси, поразил императора рассказами о сильной державе «московитов». Сразу же было решено направить Поппеля в Москву в качестве официального посла.

С чем же приехал Поппель к Ивану III? Прежде всего он предложил от имени своего императора королевскую корону Ивану III и одновременно

[1] Отец ее, Фома Палеолог, - брат последних византийских императоров.

просил руки его дочери для племянника императора.

Может быть, другой князь и счел бы для себя лестным стать королем и породниться с императором, но Иван III с большим достоинством отверг оба эти предложения.

По поводу предложения королевской короны он приказал так ответить германскому императору: «А что ты нам говоришь о королевстве, то мы, божией милостью, государь на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от бога, как наши прародители, так и мы». Как видим, Иван III подчеркивал божественное происхождение своей власти и ее наследственность.

На предложение о сватовстве за свою дочь он велел отвечать, что ему, великому государю многих земель, «непригоже» родниться с племянником императора, ибо и «наперед того» его прародители «изначалу были в приятельстве и в любви» с царями Византии. Как такому великому государю выдавать дочь за племянника германского императора! Но тут же давалось понять, что ответ мог бы быть и иным, если бы император посватал дочь Ивана III не за племянника, а за сына.

С большим достоинством держали себя за рубежом и русские дипломаты. Отношения с Литвой и Польшей у Руси были сложными. Западные земли древнерусского государства во время ордынского ига захватили сначала Литва, а затем и Польша. Иван III, объединитель земель русских, теперь требовал их возврата Руси. Он говорил, что «вся Русская земля, божьей волей, из старины, от наших прародителей, наша отчина».

Вот почему правители Польши и Литвы ни при каких обстоятельствах не хотели признавать за Иваном III титула государя «всея Руси». Когда литовский князь Александр, ведя в 1503 г. после проигранной войны переговоры с Москвой о мире, заявил, что ему жаль отдавать завоеванных русскими земель его вотчины, Иван III велел ему отвечать: «А мне разве не жаль своей вотчины, Русской земли, которая за Литвой,— Киева, Смоленска и других городов?» Он сказал, что борьба за эти земли будет продолжаться всегда, а перемирия нужны лишь для восстановления сил.

Гордо и смело вел себя первый русский посол у турецкого султана Баязета. Это был Михаил Плещеев. Посылая его в Турцию, Иван III наставлял его: «...пришед, поклон правити (делать) стоя, а на колени не садиться».

По обычаю, заведенному при турецком дворе, посол иностранной державы сначала должен был вести беседы с пашами султана, но Плещеев отказался от этого, говоря: «...мне с пашами речи нет... с салтаном (султаном) мне говорити». И султан вынужден был оказать посланцу Руси «честь и жалованье». Выполняя наказ Ивана III, Плещеев «правил» поклон султану стоя. «Сам султан Баязет, перед которым трепетала Европа, впервые услышал высокомерные речи московита»,— отмечал Карл Маркс.

С именем Ивана III связаны крупные успехи России в ликвидации ордынского ига и временном ослаблении угрозы со стороны Крымского и Казанского ханств, немало зла причинивших России своими разорительными набегами.

Искусный и дальновидный, но осторожный дипломат и политик, он сумел вскоре после первого нашествия хана Ахмата на русские земли в 1472 г. воспользоваться внутренними междоусобицами в Орде и привлечь на свою сторону сначала Крымского хана Менгли-Гирея, ярого врага Ахмата, и заключить с ним «вечный мир». От Крыма цепочка дружеских связей потянулась к Ногайской орде и Сибирскому

ханству. Когда в 1480 г. Ахмат решил восстановить былую власть Орды над Русью, он уже не мог опереться на все силы своих владений, а затем, имея в тылу враждебных себе соперников, а впереди сильное русское войско, он не сумел перейти Угру, по берегам которой расположились войска русских и татар, и поспешил возвратиться в Орду. Но там он стал жертвой нападения соединившегося с ногайцами хана Тюменской орды Ивака, который, убив Ах-

Иван III. ***Гравюра из книги А. Гевэ. XVI в.***

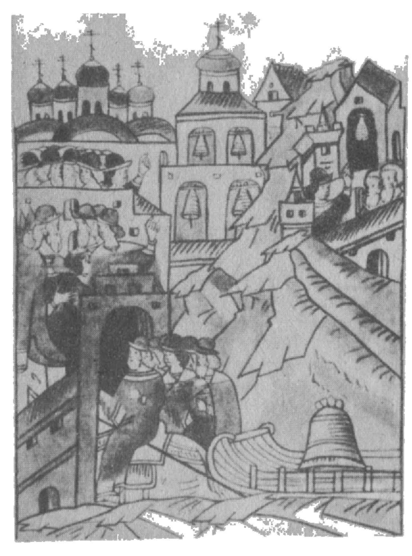
«Шапка Мономаха». Шапка создана восточными ювелирами, а затем к ней московские мастера приделали крест. До Петра I шапкой Мономаха венчались цари на царство. Впервые ею венчался внук Ивана III Дмитрий Иванович. Однако в результате придворной борьбы победила группировка, выдвигавшая в качестве наследника престола сына Ивана III и Софьи Василия. Дмитрий был заключен в 1502 г. в тюрьму и умер там в 1509 г.

Государственная печать времен Ивана III. Старый московский герб, изображающий всадника, поражающего змея, Иван III объединил с древним гербом Византии — двуглавым орлом. На печати надписи: «Божьей милостью государь всея Руси великий князь Иоанн» и «Великий князь Владимирский и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверской, и Югорский, и Пермский, и Болгарский, и иных».

Иван III разрывает ханскую грамоту.

Увоз вечевого колокола из Новгорода. ***Миниатюра из летописи XVI в.*** **Этот акт Ивана III символизировал ликвидацию республиканских традиций «северной Флоренции». Однако особенности организации власти в Новгороде и его бывших владениях, связанные с остатками самоуправления, сохранялись еще длительное время.**

мата, тут же сообщил об этом Ивану III. В 1502 г. союзник Ивана III Менгли Гирей уничтожил последние остатки Орды.

Воспользовавшись началом войны России с Литвой (1501—1503), Ливонский орден напал на русские земли, но в конечном счете потерпел поражение и по миру 1503 г. отдал России право получать дань с Дерптской области.

Столь же успешной была и внутриполитическая деятельность Ивана III. Он был грозен с подданными, но мудр в делах государственных. Склонностью своею добиваться успехов «многаго совета ради с мудрыми и мужественными» соратниками своими и «ничто не починати без глубочайшего и многаго совета» Иван III напоминает Петра I. Создав Российское государство, он заложил основы ее государственных учреждений, дал ему и новый общероссийский закон. Он стал основателем и устроителем его.

Иван III формально оставался великим князем. Однако он думал закрепить за своими наследниками титул царя и самодержца и с этой целью в 1498 г. впервые устроил торжественную коронацию внука Дмитрия с возложением на него, как это было принято при венчании на царство византийских императоров, «барм Мономаха и шапки»[1].

Смысл имел именно обряд коронации и его торжественность, но коронованный пока еще именовался великим князем всея Руси. Тем не менее это была уже репетиция венчания на царство, которое и совершит через 50 лет внук Ивана III — Иван IV. Дед, таким образом, воздвигал царский пьедестал для внука. От него, называвшегося Грозным, через сына — Василия III, тоже Грозного, это прозвище перешло к внуку Ивану и лишь за ним в результате кровавой опричнины закрепилось навечно.

При Иване III создавалась новая придворная обстановка. Сначала называясь в грамотах просто Иваном, великим князем, Иван III затем стал именоваться «Иоанном, божию милостью государем всея Руси». Он положил начало, которому следовали затем все русские цари, прибавлять к этому титулу названия подвластных ему земель Русского государства: «Государь всея Руси и великий князь Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Пермский, и Югорский, и Болгарский и иных».

При нем вошел в практику торжественный придворный церемониал. Он стал выходить на приемы величавой, степенной и властной поступью. Стало утверждаться понятие даже об удельном князе как слуге государя. Выражением подданства государю всея Руси стала заведенная при Иване III форма официального обращения к нему служилых людей: «Государю великому князю Ивану Васильевичу всея Руси холоп твой (такой-то) челом бьет...» Один из самых знаменитых князей — боярин Д. Д. Холмский, уличенный в какой-то провинности, прося Ивана III о милости, называл себя слугой его.

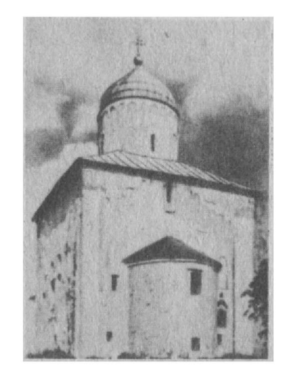
Российская держава создавалась как феодальное, классовое государство, поэтому и власть в нем сосредоточивалась в руках феодалов.

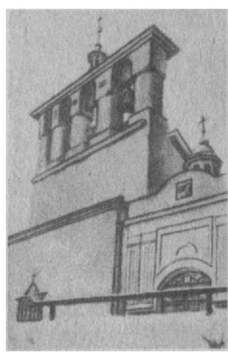
Первой и самой сильной опорой государя всея Руси была Боярская дума. Хотя Иван III «встречи», т. е. выражения непокорности, не терпел, тем не менее не мог не считаться с ее мнением и во всем советовался с ней.

Владениями двора управляли дво-

[1] *Бармы* — оплечье в виде широкого откидного воротника. *Шапка Мономаха* — золотая (изготовлена в XIV в., хранилась со времени Ивана Калиты в Московской казне) — по сказанию была будто подарена императором Византии Константином Мономахом Владимиру Мономаху и считалась символом передачи власти Византией Руси.

Прерванное монголо-татарским нашествием каменное строительство возобновилось в конце XIII в. Первые каменные церкви появились тогда в Твери, но после разгрома 1327 г. строительство здесь прекратилось. Крупнейшим центром культуры на Руси был Новгород. В конце XIII в. Новгород вступил в полосу подъема. Одной из первых была построена церковь Николы на Липне (1292). До нашего времени она не сохранилась.

рецкие со штатом дьяков. Особое значение в государстве приобрели дьяки казны, великокняжеской канцелярии. Ведая к концу XV в. разными отраслями жизни страны, они стали источником зарождения нового аппарата власти — приказов XVI в.

Управлять на местах городами и землями ставились наместники и волостели.

Законченность этой системе управления придало принятие в 1497 г. Судебника. Он создавал новое судопроизводство и определял размеры судебных пошлин на всей территории государства (за исключением уделов).

Важное значение для защиты интересов феодального хозяйства имела его 57 статья «О христианском отказе»,

Своеобразной была архитектура Пскова. Внешний облик церквей прост и лаконичен. Он отражает суровую жизнь пограничного города. В XV в. построена звонница церкви Богоявления на Запсковье.

Церковь Петра и Павла в Кожевниках. Новгород (1406—1407).

Грановитая палата Московского Кремля (1487—1491).

которая ограничивала право перехода крестьян от одного господина к другому сроком за неделю до Юрьева дня (26 ноября) и неделей после него с уплатой пожилого.

За этим шагом последует увеличение платы пожилого (Судебник 1550 г.), введение заповедных лет при Иване IV и закрепощение крестьян установлением урочных лет в 1597 г.

Надо заметить, что ни Англия, ни Франция, ни Германия общегосударственных законов, подобных Судебнику Ивана III, тогда еще не имели.

Иван III по праву занимал место среди наиболее выдающихся государей тогдашней Европы. Биографы пишут о нем, что, являясь сыном своего жестокого века, он и сам подчас был жесток и даже коварен в отстаивании своих интересов, но когда надо было решать государственные дела, умел подниматься выше личных интересов и предрассудков времени. «Он охотно использовал передовой опыт западноевропейской науки и техники, приглашал ко двору видных архитекторов, врачей, деятелей культуры, мастеров, привлекал для организации дипломатической службы знатоков-греков. Обладая прекрасным знанием людей, он выдвинул и из окружавшей его среды талантливых полководцев, умных дипломатов, деловых администраторов, не считаясь подчас с перипетиями дворцовых интриг».

Истинно великий строитель новой, возрожденной России, Иван III недаром привлекал к себе столь пристальное внимание К. Маркса, который так охарактеризовал итог его деятельности: «К концу княжения Ивана III мы видим его сидящим на независимом троне... У ног его — Казань, обломки Золотой Орды стекаются к его двору. Новгород и другие русские республики порабощены. Литва урезана, а государь литовский — орудие в руках Ивана. Ливонские рыцари побеждены».

Политика усиления центральной власти в стране и воссоединения всех земель бывшей Киевской Руси осталась завещанием Ивана III его преемникам на многие века.

КОРМЛЕНИЕ

Кормления, сохранившиеся на Руси до XVI в., имели древнее происхождение. Уже первые русские князья, уходя с дружиною на зиму в свои земли, жили там за счет населения — «кормились» продуктами его труда.

Однако с развитием феодального государства, ростом зависимости населения от феодалов, обострением классовых противоречий князь не мог один управлять всей территорией страны. Ему нужны были специальные помощники, которые постоянно находились бы на местах как представители центральной власти. Так постепенно в городах стали появляться *наместники,* а в сельских местностях — *волостели.* В XII—XIV вв. сложилась такая система управления княжеством: князь (великий князь) — наместник — волостель.

С образованием централизованного государства она постепенно была вытеснена другим порядком государственного управления (главным образом в результате реформ 30—50-х гг. XVI в.).

Как представители князя на местах наместники и волостели управляли вверенной им территорией, были там судьями и сборщиками налогов. Наместник, сверх того, ведал и обороной города.

Чтобы лучше понять, как осуществлялось управление страной, необходимо предварительно познакомиться с территориальным делением тех времен. Самым крупным территориальным подразделением княжества был *уезд*[1]. Он

[1] Впервые термин «уезд» встречается в документах XIII в.

состоял из города и окрестной сельской территории, которая по размеру могла быть самой различной. Уезды в свою очередь обычно делились на *волости,* или *станы.*

Наместники и волостели имели в городах и волостях свой аппарат управления. Он состоял из *тиунов, доводчиков* и *праветчиков*[1].

Отправляя наместника в город (уезд), а волостеля в волость, центральная власть обязывала местное население содержать (кормить) их. Таким образом, кормления представляли собой своего рода жалованье. Кормленщики только управляли, а не владели подвластной им территорией. Этим территория кормления отличалась от вотчины и поместья.

Однако, кроме корма, доход наместника и волостеля состоял еще и из пошлин. Статьи корма и пошлин были различны. Познакомимся с ними. Кормы были: въезжий, рождественский, петровский и великоденский. Первый из них, въезжий, взыскивался один раз, в момент приезда наместника или волостеля на место службы. Князь не указывал норму «въезжему корму», а ограничивался в своей грамоте кормленщику словами: «...кто что принесет, то ему (наместнику.— *В. А.*) взяти». Население встречало нового представителя власти хлебом-солью, несло ему свои припасы.

Другие же три корма были обязательны. Они взыскивались в строго определенное время, их виды и нормы определялись точно. Рождественский корм собирался зимой, великоденский — весной (Великий день — пасха), петровский (Петров день) — в конце июня. Корм состоял как из съестных припасов, так и фуража — сена и овса.

В XV—XVI вв. с возрастанием значения денег князья чаще стали переводить кормленщиков на денежный «корм».

Нормы всех кормов устанавливались по *сохам.* В городах соху составляли несколько тяглых дворов, а в сельской местности — определенное количество пашни.

Подробности о кормах мы узнаем из сохранившихся княжеских грамот. Вот перед нами одна из них — грамота Василия Темного (1425—1462) от 28 августа 1425 г.: «Се аз (я), князь великий Василий Васильевич всеа Руси, пожаловал Ивана Григорьевича Расла, прозвище Иватя, Протасьева и сына его Копона Ивановича волостью Лузою за их к нам выезд в кормления. И вы, все люди тое волости, чтите их и слушайте, а они вас ведают, а судити и ходити велят у вас тиуном своим, а доход имать по доходному списку».

Что представлял собой тот доход (корм), узнать можно из грамоты Василия III от 29 июня 1506 г., где впервые встречается подробный перечень доходов одного из волостелей («князь Юрья княж Львова сына Козловского»). Вот что причиталось согласно грамоте самому волостелю: «А с сохи волостелю на Рождество Христово: полоть[1] мяса, десятера хлебов, мех овса, воз сена; а на Велик день с сохи ж волостелю корму: полоть мяса, десетеро хлебов, а на Петров день с сохи ж баран десетеро хлебов». Поскольку, как уже сказано, в это время усиливалась роль денег, в грамоте князя преду-

---

[1] *Тиуны* — главные помощники наместников и волостелей. Они осуществляли сбор податей, помогали в ведении судебных дел и проч.

В непосредственном подчинении у тиунов были *доводчики* и *праветчики.*

Доводчик — от слова «довод» — улика, доказательство вины. Доводить означало доказывать виновность, уличать в чем-либо.

Если доводчик должен был расследовать дело, установить виновного, то *праветчик* обязан был уже «править, доправлять, взыскивать», т. е. исполнять решение суда наместника или волостеля.

[1] *Полоть* — десятая часть говяжьей туши.

сматривалась замена натурального корма денежным. «А не люб будет волостелю корм,— говорится в грамоте,— и он емлет за полоть мяса десет денег, за десетеро хлебов десет денег, за мех овса восемь денег, за баран десет денег, за воз сена два алтына»[1].

Свой корм имели и тиун с доводчиком. Тиун получал половину «волостелева корму», доля доводчика была меньше, однако и ему доставались щедрые приношения. Если «не люб» окажется «доводчику побор», он может получить вместо него деньги.

В волости, куда был послан князь Юрий, видимо, находились частновладельческие земли (вотчины) и черные, т. е. государственные, так как в грамоте Василия III, помимо приведенных норм корма, очевидно, взимаемого с крестьян владельческих, определялась норма корма и с черных земель. Здесь нормой обложения берется не соха, а деревня. В грамоте предусматривается корм и праветчикам: «А праветчику его имати побор з деревни на Рождество Христово восемь денег, а на Велик день праветчику его побор з деревни ж четыре ж деньги».

Сбор кормов осуществлялся через деревенских старост. «А кормы,— говорится в грамоте 1536 г.,— старосты берут по деревням и дают наместнику и его тиуну и доводчику на стану».

Наместники и волостели добивались пожалования им новых доходных статей — *пошлин*. Пошлины эти были самыми разнообразными. В приведенной грамоте Василия III князю Юрию далее говорится, что, помимо указанных в ней кормовых доходов, князь жалуется *пятном*. Что это значит, разъясняется тут же: «И кто в той волости купит лошадь, или продаст, или менит (поменяет.— *В. А.*), и они (совершившие сделку.— *В. А.*) являются князю Юрью или его петенщику, а он у них кони пятнит, а от пятна емлят с лошади — с купца деньгу московскую, а с продавца деньгу московскую ж; а имена люцкие и кони в шерсть пишет в книгу памяти для. А кто в той волости купит лошадь, или продаст, или менит, а не явитца князю Юрью или его петенщику до того ж дни, и он, уличив того, возьмет на нем заповеди и пропятенья два рубля московския».

Здесь речь идет о пошлине, доходах князя с продажи, купли или обмена лошадей. С каждой такой операции, которая «памяти для» заносилась в книгу, князь брал по деньге. При попытке утаить сделку виновный подвергался штрафу в пользу князя в размере двух рублей. Закон, как видим, строго охранял материальные интересы волостеля.

В другой грамоте Василия III говорится о пожаловании им волостелю И. И. Коробьину *мыта*. Мытом тогда называлась пошлина, которая бралась за провоз товара через границу княжества, за въезд в город и т. п. И. И. Коробьину князь жаловал мыт только с товара: «А мыт есми ему имати велел по старине, а з служивых людей и с боярских людей и с пешеходов мыта есми ему имати не велел. А хто служилой человек или боярской человек поедет с товаром, и яз ему велел на тех имать мыт, как и на торговых».

Бралась кормленщиками пошлина и с продажи товара. Она называлась *полавочной* (с лавки). Право на такую пошлину получил, например, в 1555 г. от Ивана Грозного И. Садыков. В грамоте по этому поводу говорилось: «Се аз, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, пожаловал есми Ивана Константинова сына Садыкова полавочным костромским под Борисом Шестинским в кормленье. А брати ему полавочное... адинова (один раз.— *В. А.*) в год с лавки по две гривне по тому ж,

[1] *Алтын* — шесть *денег* или три копейки.

как брали прежние наши кормленьщики...»

В 1557 г. царь пожаловал Василия Константиновича Сухово-Кобылина «в своей вотчине во Пскове... городищем в кормленье с корчмою и с пятном и со всем с тем, как было за прежними наместники». Царь этой грамотой, помимо других доходов, разрешал кормленщику иметь свою корчму, т. е. торговать спиртными напитками.

Пошлины взимались самые разные. Живет, скажем, человек с семьей своим домом — платит подворный налог (1—3 деньги со двора); употребляет тот же человек спиртные напитки — с него взыскивают «бражное»; если же приедет к нему издалека гость, с того берется «явочное» как с «пришлого человека».

Среди множества видов пошлин встречаются *выводная куница* и *новоженный убрус*. Если девушка выходила замуж за пределы территории кормления — уезда или волости, она платила пошлину мехом куницы (отсюда — выводная куница); за замужество в пределах кормления брался новоженный убрус — полотенце. Это были старые натуральные поборы. Впоследствии они были заменены деньгами. По уставной грамоте Белозерской земли от 1488 г., убрус равнялся двум деньгам, а куница — двум алтынам.

Князья, бояре и подымающееся дворянство жадно устремлялись к получению кормлений. Они осаждали великого князя, царя, их чиновников и всячески добивались от них кормлений. Идя навстречу притязаниям феодалов, московские правители стали посылать в крупные города по два-три кормленщика сразу, деля между ними доходные статьи. Началось дробление кормлений, принявшее особенно широкие размеры с начала XVI в. Понадобилось завести учет кормлений: был выделен особый дьяк, который занимался распределением кормлений и тщательно заносил в книгу, кому, где и что дано в кормление и доход. В результате дробления кормлений в одном и том же городе или в одной и той же волости могло оказаться несколько кормленщиков. Один из них имел часть города с уездом и, скажем, с корчмой в дополнение, другой — территорию с мытом, убрусом, третий мог владеть на всей территории полавочным сбором и т. п. Центральная администрация, не имея возможности и с помощью такого дробления удовлетворить всех желающих иметь «корм», ставила их на очередь или сокращала срок кормления. Лишь в отдельных случаях для людей, особо приближенных к князю, допускалось исключение — им продлевали срок кормления на год или даже на два.

Дробление кормлений привело эту систему управления страной к полному краху. Лицо, получившее в одном месте только часть кормления или имеющее отдельные виды доходов в разных местах, уже не заботилось об управлении. Кормленщик всецело был поглощен взиманием доходов, наживой. Для народа кормления стали особенно разорительными.

Летописи и челобитные широко отразили произвол кормленщиков. Одно время наместниками Пскова были одновременно А. М. Шуйский и В. И. Репнин-Оболенский. Вот что записано об их делах в Псковской летописи под 1541 г.: «В то лето быша наместники во Пскове свирепы, аки львовы и люди их, аки звери дикии до крестьян... А князь... Шуйский, а он был злодей, а во Пскове мастеровые люди все делали на него даром и большие люди подаваша к нему дары».

Нередки были случаи, когда наместник или волоститель подговаривали своих людей подбросить тело убитого человека в какой-то части города или в село, затем их жители обвинялись в убийстве и вынуждены были откупаться большой «мздой».

Изобретательность кормленщиков в способах ограбления населения была безмерной. Даже Иван Грозный говорил, что они «были для народа волками, гонителями и разорителями».

Но лучше и сильнее всего произвол наместников и волостителей отражен в мирских прошениях, челобитных. В них писалось, что «на посадах многие дворы, а в станах и волостях многие деревни запустели от прежних наместников и от их людей, что наместника впредь прокормити немочно, так как у них в станах и волостях от насильств, грабежей и воровства наместничьих людей крестьяне с посадов разошлись по иным городам, ушли на монастырские земли». Новые же наместники и волостители опять «корм свой емлют сполна».

К середине XVI в. система кормлений перестала удовлетворять и центральную власть. В стране с усилением эксплуатации обострялась классовая борьба, а кормленщики, часто не имевшие всей полноты власти, уже не обеспечивали охрану классовых интересов феодалов на местах.

Уже Иван III и Василий III стали прибегать к мерам ограничения кормленщиков. По Белозерской грамоте Ивана III от 1488 г. наместнику Белозерского уезда, одного из самых крупных в стране, разрешалось иметь только двух тиунов и десять доводчиков. При этом наместнику запрещалось менять слуг в течение кормленного года, так как сменные слуги, зная, что срок их полномочий ограничен, были особенно алчны.

Принимались меры к ограничению поборов. По той же грамоте 1488 г. доводчику запрещалось выезжать для следствия по судебным делам с лишними людьми и лошадьми, обременять жителей при разъездах: «...а где доводчик ночует, туто ему не обедати, а где обедает, туто ему не ночевати».

Введение судебником 1497 г. единых правил и требований суда наносило сильный удар по самостоятельности и бесконтрольности суда кормленщика. Этому же способствовало пожалование кормлений «с боярским судом». Лишь наиболее знатные, крупные феодалы получали кормления «без боярского суда». В таком случае наместники и волостели сами вершили все судебные дела. Те же из них, кто получал кормление «с боярским судом», обязаны были по наиболее важным судебным делам (разбой, душегубство, воровство) производить доклад боярской думе для их окончательного «вершения». Так постепенно все большее и большее количество дел передавалось для окончательного их разрешения боярской думе или царю, а то и отдельным приказам.

Судебником 1497 г. предусматривалось ограничение произвола суда кормленщиков присутствием на нем местных выборных лиц — сотских, старост, «добрых», «лучших» людей. Их обязанностью было наблюдать, чтобы какая-либо из тяжущихся сторон не «лживила».

Ограничению произвола кормленщиков служил также получаемый ими при назначении на службу наказный или доходный список. Мы уже видели, что в нем точно регламентировался и вид и норма корма или пошлин. Сбор корма также изымался из ведения самого кормленщика и передавался сотским в городах и старостам в деревнях.

Дальнейшая централизация государства заставляет правительство стремиться к усилению своих позиций на местах. В 1539 г. появились две первые *губные* грамоты, выданные для белозерских и каргопольских волостей. По этим грамотам производились выборы волостных старост из мелких дворян (по 3—4 на волость) и их помощников из «лучших», зажиточных людей, которые целованием креста давали клятву верно исполнять свои су-

дебные дела, отчего их и стали звать целовальниками. Образованному таким образом местному *губному* управлению был передан от кормленщиков суд по наиболее важным делам. Так кормленщики лишались одного из самых прибыльных источников доходов (ранее имущество виновных в тяжких преступлениях обычно переходило почти полностью кормленщикам).

Новым органам местной власти давались грозные предписания: зорко следить за «татями (ворами) и разбойниками» и, поймав, «тех татей и разбойников... меж себя обыскав и испытав накрепко и доведчи на них правду», казнить «их смертью». Такая строгость правительства Ивана IV в борьбе с «татями и разбойниками» объясняется тем, что часто этими «татями» и «разбойниками» были угнетенные крестьяне и горожане. Передавая татебные и разбойные дела от кормленщиков губным старостам, власти стремились подавить сопротивление народных масс политике закрепощения.

Строго грозила центральная власть губным старостам, если они плохо исполняли свои обязанности. «А сыщутся лихие люди мимо их (губных старост.— *В. А.*), и на них исцовы иски велеть имати без суда, да им же от нас (государя) быти казненым».

Выборный голова, принимая должность губного старосты, должен был созвать в уездный город представителей всех сословий «и опросить их под присягой, кто у них в губе лихие люди, тати и разбойники или их укрыватели». И кого «в этом общем предварительном обыску называли, тех брали и ставили перед губным старостой, а их имущество, переписав, берегли» до окончания дела. Так начиналась губная процедура по всему уезду с арестами, пыточными оговорами, очными ставками, «исцовыми исками», повторительными повальными обысками и пытками, конфискациями, виселицами.

Губные учреждения вводились в 40-х гг. почти повсеместно. Окончательно удар по кормлению был нанесен реформами 1552—1556 гг. В это время кормления были отменены. «Кормленый окуп» — доход кормленщика — поступил в распоряжение казны и стал источником государственного жалованья чиновникам нового государственного аппарата на местах. Эти преобразования известны под именем земской реформы. Органом местной власти стала земская изба, возглавляемая выборным земским старостой из числа наиболее зажиточных крестьян и посадских людей. Ее деятельность контролировалась губным старостой и городовым приказчиком из дворян. Высшая власть на местах стала принадлежать воеводам.

Реформа привела к резкому усилению дворянской власти и способствовала централизации управления страной.

МЕСТНИЧЕСТВО

В начале 60-х годов XV в. Кострома делилась на большую и малую половины. Большой правил воевода Судимонт, малой — воевода Захарьевич. Однажды, придя раньше других в церковь, жена Захарьевича Арина заняла первое место, но вскоре пришел в церковь и Судимонт с женой Аксиньей. Он был возмущен поступком Арины, «свел» ее с первого места и поставил на него свою жену, так как считал себя персоной более знатной, чем Захарьевич. С этого момента воеводы начали тяжбу за старшинство. В дело воевод вынужден был вмешаться сам великий князь Иван III, который «развел» спорщиков: Судимонта оставил воеводой в Костроме, а Захарьевича перевел во Владимир.

При венчании на царство первого царя из династии Романовых — Михаила Федоровича его дядя Иван Ники-

тич Романов был поставлен держать шапку Мономаха, а боярин князь Трубецкой — скипетр (жезл, знак царского достоинства, украшенный драгоценностями). Трубецкой, считая себя родом выше дяди царя, начал спор за право держать шапку Мономаха. Только вмешательство царя, сказавшего: «Быть вам без мест»,— прекратило эту распрю.

Но так кончались далеко не все споры. За царским столом в 1614 г. князь Лыков тоже стал оспаривать место у дяди царя, и, несмотря на разъяснения Михаила Федоровича, что дядя его, Иван Никитич, «больше» князя Лыкова «по многим мерам», князь демонстративно уехал домой. Это был скандал. Царь дважды посылал к нему с просьбой вернуться, но Лыков упрямо отвечал, что «он ехать готов к казни, а меньше ему Ивана Никитича не бывать».

Столь же упорным оказался на свадьбе царя в 1624 г. и боярин князь И. В. Голицын. Хотя царь, готовясь к венцу, запретил считаться местами на своей свадьбе, Голицын не послушался и заявил, что ниже бояр и князей И. И. Шуйского и Д. Т. Трубецкого быть ему «невместно». Царь и его отец, патриарх Филарет, стали уговаривать Голицына, «чтоб он на государеви радости был без мест и отчеству ему в том порухи не будет». Голицын стоял на своем. Тогда царь и патриарх обратились к боярам, и те вынесли приговор — Голицын «учинил то изменой, что на государеви радости быть не хочет», а потому «достоин всякого наказания и разорения». На этом основании Голицын был лишен имения и отправлен с женой в ссылку.

Известно множество споров за право занять более высокое место в войске, быть ближе к царю в его свите или за его столом, в любых случаях жизни считаться знатнее, чем прочие, иметь особые привилегии и т. д. Это и было проявлением местничества — борьбы за места.

Феодалы часто затевали споры друг с другом за родовую «честь». Такие споры нередко возбуждали вражду, переходившую из поколения в поколение.

Тяжущиеся стороны старались доказать в первую очередь древность своего рода и то, что их предки занимали видное служебное положение. Чем знатнее род, почетнее служебный пост, занимавшийся предками, тем выше «честь» претендента. Поэтому и говорили, что он «честнее» своего соперника, что «честь» одного рода выше «чести» другого. Честь фамилии, лица определялась не личными достоинствами спорящих, а их происхождением, заслугами их предков.

С образованием централизованного государства к концу XV в. бояре и князья, ранее бывшие самостоятельными в своих вотчинах и уделах, превратились в подданных великого князя. В местничестве они видели средство, определяющее расстановку их по ступеням феодальной лестницы. В ту пору великий князь, не обладая еще самодержавной властью, должен был принимать во внимание местнические счеты и руководствоваться ими при распределении служебных мест в государстве.

Следовательно, местничество было действенным средством упорядочения феодальной иерархии. Позднее (с середины XVI—XVII в.) местничество распространилось и на низшие сословия вплоть до «городовых чинов и даже дьяков и гостей» (крупных купцов).

Обосновывая свои претензии на бóльшую «честь», феодалы выработали сложную систему счетов. Начиналась она с семьи. В семье, где вместе жили родные братья со своими детьми, наиболее почитался старший брат — большак (он сидел во главе стола), затем — второй и третий, а вот четвертым за стол садился не четвертый брат, если он

был, а старший сын первого брата. Вытесненный им дядя, однако, не терял своей «чести», оставаясь ровней старшему племяннику. Пятый дядя был уже местом ниже старшего сына «большака».

В подобном порядке братья назначались и на должности. Точно такое же распределение прав на служебные места было и в других семьях.

Как же поступали при назначении на службу, если претендентами являлись, скажем, три первых сына из трех разных семей и фамилий? Тут вступало в действие основное мерило определения старшинства — чей род старше и знатнее, чьи предки занимали по службе пост выше.

Случалось, что младшему по местническому счету доставалось назначение на одну или несколько ступеней выше определенного ему существовавшей иерархией. Это вызывало ожесточенный спор соперников. Старшие других семей протестовали против такого назначения, считая его для себя бесчестьем, «утягиванием», понижением их фамильного достоинства. Недовольство возникало даже в среде старших данной семьи, обойденных младшим родичем.

Если же понижался в должности старший, он считал это позором для себя, заявлял о невозможности служить наравне с младшим. И тут семья вмешивалась в спор, отстаивая «честь» пострадавшего, а также и тех, кто был младше его, так как он своим снижением в должности «утягивал» их.

При спорах претендентов за желанное место неизбежно возникала необходимость установить, чья фамилия древнее, чьи предки сановитее. А чтобы это выяснить, приходилось пускаться в сложные расчеты, производя которые легко было сделать ошибку и проиграть в споре, но не менее легко — решить дело в свою пользу. Шли на прямое вероломство, приписывая своим предкам заслуги, каких они в действительности не имели; обманывали друг друга самой арифметикой счета, что нетрудно было сделать при тогдашней безграмотности многих феодалов; прибегали к различным ухищрениям...

В счет шла любая оговорка или описка: сказать просто «князь», не называя имени; написать отчество без окончания «вич»; пропустить букву, ошибиться в произношении имени, отчества, фамилии, даже указании места рождения и т. п.— все это считалось большим унижением и вызывало местнические споры. Спорили между собой за «честь» даже территории страны, города, части городов, столы (отделы) приказов — органов государственного управления XV—XVII вв.

На основании того, что Судимонт управлял большей частью Костромы, он считал свою «честь» выше чести воеводы Захарьевича.

Князь Долгорукий по разрядному счету был «меньше» князя Приимкова, однако более изворотлив. Спор между князьями происходил в годы Ливонской войны на территории только что отвоеванного у неприятеля города Юрьева. И вот как Долгорукий одолел Приимкова: он расположился на постой на воеводском дворе (на горе), а его противник — ниже; воеводский двор выходил к Московским воротам, а место, занимаемое Приимковым, было ближе к Рижским — менее «честным». Этих двух обстоятельств оказалось достаточно, чтобы признать победителем в местническом споре князя Долгорукого.

«Честь» фамилии приобреталась и с помощью иных уловок. Если, скажем, младший брат или племянник получал должность выше той, которая ему была предназначена по фамильному или иному старшинству, он мог избежать зависти старших, их «утяжки», принимая новую фамилию.

Поскольку местничество определя-

ло отношения всего высшего класса и имело общегосударственную важность, с середины XVI в. назначением на службу стало ведать специальное учреждение — Разрядный приказ. Здесь, учитывая «честь» каждого, давали назначения на военные должности, разбирали местнические споры, отсюда посылали воеводами в города. Местническими делами занимались боярская дума, царь; для их разбора назначались и специальные лица — один-два боярина, а при них дьяк с подьячим.

Сначала местничество было на руку центральной власти, так как позволяло ей становиться судьей в споре подданных и тем самым, возвышаясь над ними, упрочиваться. В руках великих князей, а затем и царей местничество стало орудием давления на подданных, превращения их в покорных, заискивающих перед высшей властью.

При разрешении спорных дел «чести» царь пользовался правом наказывать выдачей «головой» одного из челобитчиков другому; брали его за руки и вели по городу во двор того, чью сторону в споре занял царь. Когда хозяин дома появлялся на крыльце, дьяк или подьячий объявляли государеву волю. Выигравший дело в ответ на эти слова бил челом царю (т. е. благодарил царя), щедро одаривал приведших своего врага, а самого врага приказывал отпустить, но, чтоб унизить его, не разрешал ему садиться на лошадь. На другой день победитель спора ехал ко двору и благодарил царя за заступничество. Смысл выдачи «головой» сводился к унижению личного достоинства человека, не желавшего признавать над собой старшинства другого и, главное, не подчинявшегося решению царя.

Унизительному обряду выдачи «головой» подвергся упоминавшийся выше гордый князь Лыков. Пришлось испить эту горькую чашу и князю Пожарскому. Предки Дмитрия Михайловича Пожарского занимали низкие служебные посты. Так, его дед был всего лишь губным старостой.

Со временем для государства местничество стало представлять опасность Это особенно почувствовалось после опричнины и польско-шведской интервенции в начале XVII в., когда погибли многие князья и бояре и были «перетасованы» права на владение землей. Тогда возникло множество тяжб и споров, которые мешали подъему экономики разоренной страны.

Нередко местничество губительно сказывалось на ведении военных действий Считалось, что, если один воевода помог в бою другому, значит, он тем самым признал себя ниже честью того, кому помогал. Вот почему бывало, что в кровопролитном бою старший воевода не шел на помощь младшему, пусть тот даже терпел поражение,— битва проигрывалась, и это грозило серьезными последствиями всей стране. Так произошло в сражениях при Орше в 1514 г., под Казанью в 1530 г., под Конотопом в 1659 г. и Чудновом в 1660 г.

В 1530 г., например, судовая рать под началом князя Бельского и пешая во главе с князем Глинским пошла на Казань. Общими усилиями с реки и суши город был успешно атакован. Захватили острог, горожане покинули крепость, ворота которой часа три оставались открытыми. А что же победители? Оказывается, предводители пешей и судовой ратей затеяли между собой спор, кому первому въезжать в завоеванную Казань. Между тем бежавшие горожане вновь заняли крепость.

Власти все более чувствовали, что местничество является «порухой государеву делу». Сначала они стремились ограничить споры из-за мест. В 1549 г в специальном «приговоре» о местничестве было определено строгое соотношение полков, а также их воевод и служилых людей между собой.

В армии устанавливалась любопытная иерархия.

Войско обычно ходило в поход пятью полками. Местнические «ранги» этих полков определялись так: старший — большой полк (первое место), за ним полк правой руки (второе место), полки передовой и сторожевой считались равными и оба имели третье место, замыкал счет полк левой руки (четвертое место).

Отсюда видно, что воевода большого полка был на ступень выше воеводы полка правой руки, на две — воевод передового и сторожевого полков, на три — воеводы полка левой руки. В полках в зависимости от их состава были вторые, третьи воеводы. Тогда второй воевода большого полка имел пятое место и, таким образом, на четыре места был ниже первого воеводы своего же полка и т. д. Порядок-то установили, а затем, когда принялись делать *росписи*, т. е. назначать на должности, встретились с трудностью подбора людей, которые соответствовали бы установленному сложному счету мест в полках. Положение не облегчилось, а усложнилось.

Русский легковооруженный воин. XVII в.

Русский конный воин. *Гравюра из книги С. Герберштейна «Записки о Московских делах».* С. Герберштейн в 1517 и 1526 гг. посетил Россию в качестве главы посольства австрийского императора. Его книга содержит, несмотря на тенденциозность автора, ценные сведения по истории нашей страны в XV—XVI вв. и интересные гравюры.

Поместная конница в походе. *Из книги С. Герберштейна.* На гравюре изображены небогатые помещики. Об этом можно судить по отсутствию у них огнестрельного оружия. Дворянская конница была тогда серьезной военной силой. В зависимости от размера поместья определялась экипировка дворянина, с которой он должен был явиться на службу в войско.

В дальнейшем прибегали к разного рода мерам прекращения споров: то объявляли «без мест» высшие должности, то все комплектование полков производилось без счета мест, то (что стало почти правилом в XVII в.) «без мест» проводились целые военные кампании.

Властями делались попытки привести в порядок местнические счеты и среди гражданских лиц. В 1556 г. был составлен «Государев разряд» — книга, в которую заносилось служебное положение лиц за 80 лет, начиная с 1475 г. Велись подобные книги и в последующие годы. Так хотели точнее определить служебное положение предков (а именно этим руководствовались спорщики) и тем самым навести порядок в местнических счетах.

Но и эта мера ничего существенного не дала, поскольку при составлении таких книг возникли тяжбы. Продолжались они и позже, когда оспаривались невыгодные для кого-либо записи.

По мере слияния земель в единое целое, упрочения центральной власти местничество утрачивало роль средства урегулирования взаимоотношений внутри господствующего класса, становилось помехой в общественной жизни страны.

К XVII в. главную политическую и экономическую силу в государстве представляло дворянство, которое не могло соперничать родовитостью с боярами и князьями и потому было весьма заинтересовано в отмене местничества.

Местничеством стало тяготиться и боярство. Сначала оно пользовалось им для ограждения своих сословных привилегий, но с подъемом дворянства они утрачивались.

В свою очередь центральная власть, опиравшаяся на дворян, к середине XVII в. настолько усилилась, что стала приобретать черты самодержавия (абсолютизма). Царь также видел в местничестве помеху своей власти. И вот в 1682 г. местничество было отменено. В приговоре царя, патриарха и бояр («Царь указал — бояре приговорили») торжественно провозглашалось: «Да погибнет в огне это богу ненавистное, вражду творящее, братоненавистное и отгоняющее любовь местничество и

Сожжение разрядных книг в 1682 г. Отмена местничества — одна из важнейших реформ, связанных с именем выдающегося государственного деятеля конца XVII в. В. В. Голицына. Он руководил работой выборной комиссии дворян, принявшей решение об отмене местничества. В. В. Голицын был одним из образованнейших людей своего времени. Начатые им преобразования в значительной мере предвосхитили многие реформы Петра I.

впредь да не вспомнится вовеки». Разрядные книги сносили в царскую палату и тут же сжигали в печке. При этой церемонии от царя присутствовали князь М. Долгорукий и думный дьяк В. Семенов, а от патриарха — митрополиты и епископы. Документ об отмене местничества был первым, подписанным лично царем. До этого царские указы скреплялись только подписями дьяков. Конечно, издание указа само по себе не могло полностью и сразу искоренить местнические счеты. В комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова (20-е гг. XIX в.) Фамусов говорит: «В Москве уж исстари ведется, что по отцу и сыну честь».

Местничество создало обычаи, житейские правила, которые запечатлены в пословицах и поговорках. Вот некоторые из них.

Бел лицом, да худ отцом.
Хоть не стоит лыка, да ставь за велика.
Хоть дрянь, да из хороших дворян.
Из тех же господ, только самый испод.
И по рылу знать, что не из простых свиней.
Дадут дураку честь, так не знает, где и сесть.
На дурака чести не напасешься.
Не место красит человека, а человек место.
Род службе не помеха.
Которая служба нужнее, та и честнее.

ГНЕВ НАРОДА

Наследником Василия III был его малолетний сын, будущий царь Иван IV (Грозный). Трех лет он лишился отца, семи лет — матери. Страной с 1538 по 1547 г. управляли бояре. Среди бояр не было согласия. Одни из них опасались, как бы не ослабла установившаяся при Иване III и Василии III сильная власть, как бы не распалось сложившееся могучее государство. Другие, напротив, выражали недовольство потерей своей былой независимости и старых привилегий.

Для этого времени характерны засилье временщиков, борьба за власть между отдельными боярскими фамилиями (например, Шуйскими и Бельскими), интриги и убийства. Но какая бы группировка бояр ни правила страной, как бы они ни были враждебны друг другу, всех их роднила общая политика по отношению к народу — политика вымогательства и жестокой эксплуатации.

Более всего страдало крестьянство. По словам видного публициста XVI в. Ермолая Еразма, «ратаеве (крестьяне.— *В. А.*) безпрестани различныя ига подъемлют», мучают их «сребра ради». Помещик Некрас так «запустошил» деревни свои, что крестьяне все разбежались кто куда.

Хватало и других бед. Зимой 1537—1538 гг. казанцы совершили разорительное нашествие на русские земли, в 1538 г. произошли большие пожары, а в 1538—1539 гг. бедствия народа усугубил «великий глад».

Произвол правящих бояр и всей знати вообще, усиление феодального гнета, тяжелые налоги и поборы, неурожаи и голод, опустошительные нашествия то со стороны Казани, то из Крыма — все это, вместе взятое, привело к повсеместному народному недовольству, массовому бегству. Бежавшие старались захватить у феодала документы о своем закрепощении. Бежали крестьяне и из-под власти монастырей, где также был тяжелый феодальный гнет.

Беглые устремлялись на окраины государства. Так начало формироваться казачество на юге, образовывались поселения русских в Приуралье.

Но крестьяне и горожане прибегали и к другим средствам борьбы. В 1546 г., как говорилось в жалобе властей одного монастыря, крестьяне пришли в монастырские земли и принялись их пахать и вырубать лес, причем говорили, что все монастырские владения — их земля.

В 1546 г. произошло восстание

новгородских пищальников[1] под Москвой. Причиной восстания была непосильная для новгородцев воинская повинность, согласно которой пять дворов выставляли в войско одного человека.

В 1545 г. правительство потребовало от новгородцев выделить 2 тыс. вооруженных пищальников. Выставили... И вот в 1546 г.— новый, небольшой (90 человек), но тяжелый для населения[2] набор.

На этот раз требование властей не было выполнено — новобранцев оказалось лишь 50: 40 человек не хватало. Тогда подвергли наказанию 25 «смутьянов», якобы больше всех виновных в несоблюдении правительственного указа. Их имущество конфисковали, а самих ослушников вывезли в Москву на расправу. В Москву же для несения там службы были направлены и 50 новгородских пищальников. Видимо, они затаили недовольство правительством. Во всяком случае, когда Иван IV в июле 1546 г. поехал в Коломну, они, преградив путь его свите, «начаша государю бити челом». Документы не сохранили содержания челобитной новгородцев, но известно, что Иван не пожелал их слушать, они не отступились, а начали кольями биться с его людьми и «грязью шибаться». На новое требование царя «отослати» пищальников к своим дворянам они ответили еще более ожесточенным сопротивлением. Так завязался «бой велик... и государя не пропустили... к своему стану проехати, но объеха государь иным местом».

Событие, как видим, нешуточное. Иван IV поручил приближенному тогда к нему дьяку Василию Захарову расследовать, почему новгородцы учинили «сопротивство», по чьему наущению оно произошло. После его доклада по повелению шестнадцатилетнего царя трое обвиненных были казнены.

Восстание в Москве. ***Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.*** **Группа москвичей булыжниками готовится избить своих притеснителей. Другие горожане взволнованно обсуждают события.**

Работа крестьян на монастырь. ***Миниатюра конца XVI в.*** **Крестьяне пахали землю монастыря, убирали и молотили рожь, ловили рыбу для монахов. Кроме того они платили натуральный оброк.**

Пахота, жатва и выпас скота. ***Миниатюра XVI в.*** **В XV—XVI вв. упорным трудом русские крестьяне освоили почти всю территорию Европейской части России.**

Пахота на монастырской земле. ***Миниатюра XVI в.*** **Монастыри в XIV—XVI вв. превращаются в крупнейших коллективных феодалов. Земли монастырей, в отличие от земель других феодалов, не делились между наследниками, а постоянно увеличивались путем захватов, пожалований государства и частных лиц.**

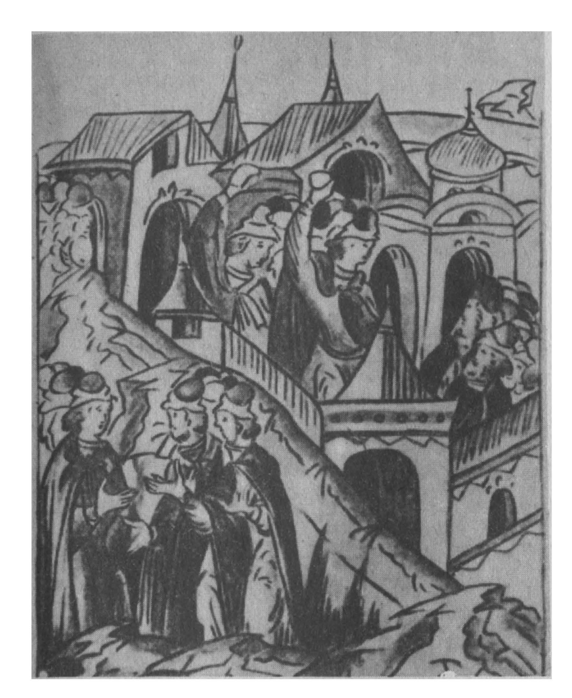
На фоне нарастающего народного недовольства и сопротивления «множившейся неправде» со стороны «вельмож, насильствующих к всему миру», произошло восстание в Москве в июне 1547 г.

Поводом к этому событию послужили пожары, которые начались с весны 1547 г. Вот как описывает их летописец: 12 апреля, «во 9 час дни, загореся в Торгу лавка москатинном (москательном) ряду[3]; и погореша лавки во всех рядех града Москвы со многими товары... и гостиные дворы великого князя и дворы людския, и животы многие погореша... церкви и монастырь Богоявленской и Ильинской... И тое же нощи загореша 10 дворов в Чертории к Дорогомилову». Прошло всего семь дней

[1] *Пищальник* — воин, вооруженный пищалью. Пищаль — огнестрельное оружие. Сначала это были пушки («огневое орудие»), а потом появились пищали в виде ружей (ручная пищаль).

[2] В войско забирали самых лучших работников — молодых, сильных, ловких.

[3] *Москательный ряд* — место, где торговали химическими товарами.

детьсмрти .

Сїа слышавъ единъ ѿ нихъ нѣкто члкъ
хртїанинъ поселанинъ . чиномъ
ѡрачь земледѣлецъ . живый на селѣ
своемъ зорынплоугосвоимъ . и ѿ сво
его троуда питамса пребываше ѿдале
чесоущимъ ѣстъ . и же ѿ
многажеланїа нелы
шанїа восхотѣ
видѣти
его

после этого пожара, как в начале следующей недели загорелась Москва «за Яузой» и «погореша Гончары и Кожевники возле реки Москвы, и церковь Спас выгоре в Чигасове монастыре... и Лыщиково погоре по Яузу и возле Яузу по устье к Москве-реке».

21 июня Москва занялась огнем снова. В середине дня загорелся на Арбате храм. В этот момент — «бысть буря велика, и потече огнь, якоже молния, и пожар силен промче во един час» территорию Москвы, затем пламя перебросилось на «град больший», т. е. Кремль, загорелись на «царском дворе великого князя на палатах кровли, и избы деревянные, и палаты, украшенные златом, и Казенный двор... и казна великого царя погоре и Оружейная палата вся погоре с воинским оружием». Чуть не погиб митрополит Макарий — ему удалось потайным ходом выйти из Кремля к Москве-реке, и оттуда его «еле жива» доставили в Новодевичий монастырь. «А в городе все дворя и палаты горяще, и Чудовской монастырь выгоре весь... и Вознесенский монастырь такоже весь сгоре... И все дворя во граде погореша...» Выгорел весь московский посад, и «всякие сады выгореша, и в огородах всякая овощь и трава». Лишь ночью огонь угомонился.

Современники говорили, что с того времени, как Москва стала великокняжеской, такого пожара она никогда не знала, хотя пожары были делом обычным.

На этот раз сгорело 25 тыс. домов, 250 церквей и погибло 3 тыс. 700 человек. Простой народ остался без крова и без имущества.

Волнения народа, по всей вероятности, начались сразу же, как утих пожар. Но правительство Глинских под видом борьбы с «зажигальниками» хотело казнями предотвратить народную бурю. «Зажигальников многих имали (ловили) и пытали их, и на пытке они сами на себя говорили, что они зажигали, и тех зажигальников казнили смертною казнию, глав им секли, и на колье сажали, и в огонь их в те же пожары метали».

Однако в среде народа быстро пополз слух, что Москва сгорела по вине самих Глинских. «Пожар наколдовала Анна Глинская»,— утверждали одни. Она-де «з своими детьми и с людьми волховала: вымала сердца человеческия да клала в воду, да тою водою, ездячи по Москве, де, кропила, и оттого Москва выгорела». «Княгиня Анна сорокою летала да зажигала»,— доказывали другие.

В этих суеверных и похожих на сказку слухах выражалась ненависть народа к правящей группе бояр, от которых он терпел «насильство и грабеж». И вот, говорит летописец, «князь Михаил Глинский, который был всему злому начальник, утече» (т. е. бежал) из Москвы вместе со своей матерью и укрылся у Ивана IV[1] в селе Воробьево, где молодой царь решил переждать «беспорядки».

Знать решила расправиться с Глинскими и этим успокоить московский люд.

23 июня царь и бояре прибыли в Новодевичий монастырь, где находился митрополит Макарий. Здесь протопоп Благовещенского собора Ф. Бармин, боярин Ф. Скопин-Шуйский и боярин И. Федоров стали говорить о пожаре как о результате колдовства Глинских.

Видимо, большинство боярской думы и сам митрополит Макарий были настроены против Глинских, так как Иван IV вынужден был назначить расследование по этому обвинению. Родственников своих (Михаила Глинского и его мать Анну) он отправил во Ржев на кормление.

[1] Иван IV приходился М. Глинскому племянником.

Пока бояре заседали в думе и собирались производить расследование («сыск»), в среде «черных людей» Москвы усиливалось волнение. 26 июня они собрались на народное вече и там решили идти в Кремль для расправы с виновниками своих бед.

Митрополит Макарий, предчувствуя обострение обстановки в Москве, решил в этот день устроить торжественное богослужение в Успенском соборе и тем самым угомонить народ, отвлечь его внимание, разрядить накалявшуюся обстановку. Но цели своей митрополит не добился. Народ после решения веча стал собираться на центральной кремлевской площади против царского дворца. Бушевало народное море, голоса о выдаче Глинских становились все громче и настойчивее.

Летописи несколько по-разному передают подробности происходившего. По свидетельству одних, бояре, которые должны были производить «сыск», обратились к народу с вопросом: «Кто зажигал Москву?» — и получили ответ в духе уже приведенных слухов о колдовстве Глинских; другие летописи, напротив, сообщают, что бояре присоединились к посадскому населению и вместе с ним выступили против Глинских. «Москвичи большие и черные люди», говорится в летописи, действовали совместно.

В это время на площади в Кремле находился один из братьев Глинских — Юрий. Услышав, что народ называет его семью главным виновником своих бед и требует расправы с ней, он решил укрыться в Успенском соборе. Однако его заметили, и народ бросился за беглецом. Спастись ему не удалось — князь Юрий был схвачен и убит.

Восставшие начали расправу с людьми Глинских. «А людей княже Юрьевых,— пишет летописец,— безчисленно побиша и живот княжей разграбиша... Много же и детей боярских незнакомых побиша из Севера[1], называючи их Глинского людми».

Однако главными виновниками своих лютых бед народ считал Глинских Михаила и его мать Анну. А они сумели избежать возмездия. Поскольку ходил слух, что царь укрывает их у себя, было решено идти в село Воробьево. 29 июня в Воробьеве собрались «многие люди, вооруженные щитами и копьями».

Вместе со слухами о колдовстве Глинских распространился и слух о том, что Глинские не только подожгли Москву, но и прямо изменили родине — привели к Москве войска крымского хана. Следовательно, народ собирался не только расправиться с Глинскими, но и, сознавая свою ответственность за судьбу России, вооружился для отпора новому нашествию.

Направляло действия масс, по всей вероятности, вече.

Царь, не ожидавший такого оборота событий и не знавший о намерениях восставших («того не ведая»), «узрев множество людей», по словам летописца, «удивися и ужасеся». Позже Иван IV признавался: «От сего (т. е. от вида приближавшегося к Воробьеву вооруженного ополчения.— *В. А.*) убо вниде страх в душу мою и трепет в кости мои и смирися дух мой».

Перепуганный царь вышел к народу и выслушал его требования о выдаче Глинских и защите Москвы от крымцев. Убедившись, что царь не прячет Глинских и что слух о приходе войска хана неверен, восставшие удовлетворились обещанием царя устранить Глинских от власти и тем, что он не подвергнет опале всех восставших, а накажет лишь тех, кто повелел «кликати» (т. е. зачинщиков).

Прямыми результатами народного восстания 1547 г. явились временный

[1] Имеется в виду Северская земля (к востоку от Киева).

спад политической борьбы между феодальными группировками и проведение необходимых для упрочения государства реформ.

ВОЛЬНОДУМЕЦ СЕРЕДИНЫ XVI В.

Однажды, очевидно, в темную летнюю ночь, когда господа спали, из Москвы бежала целая группа холопов. Возможно, это было в дни расправы с московским восстанием 1547 г. Предводителем беглецов был Феодосий по прозвищу Косой. О внешнем облике его мы только и знаем, что он имел раскосые глаза, за что и получил свое прозвище. Современники говорят, что он обладал большим мужеством и великим разумом.

Феодосий был грамотен и начитан. Как это ему удалось в его холопском бесправном положении, можно только предполагать. Вполне вероятно, что его хозяин относился к числу тех людей, которые отрицательно воспринимали усиливающееся закабаление людей, угнетение человека человеком. Может быть, он в какой-то мере разделял проповедь, с которой в это время выступил М. С. Башкин, тоже владелец слуг и холопов. Матвей Башкин говорил: «...сколько ни было у меня кабал и полных, то я все отобрал и держу своих слуг добровольно: хорошо ему — он живет, а нехорошо — и он идет, куда хочет...» Последователей «недоуменных» и «развратных», как их называли церковники, рассуждений Башкина было в ту пору немало. Башкина арестовали и судили. По его делу было привлечено множество лиц. Их разместили по монастырям и подворьям.

Хозяин Феодосия, несомненно, ценил и отличал своего одаренного холопа. Единомышленники Феодосия, отметив, что он «и раб же быв славна мужа, а не худа», говорят о его особом положении у хозяина: «И свободно ему уже преже много времени». Значит, хозяин, как и Башкин, своих слуг не принуждал. Эту свободу Феодосий и мог использовать для чтения и заработков. Иначе он никак не мог иметь свое имущество и коня, на котором уехал из Москвы. Да и вряд ли для хозяина было тайной бегство Феодосия, иначе он не стал бы потом «много угожать» ему. При всем этом Феодосий предстает перед нами как организатор побега единомышленников, с чем он, обладая «мужеством разума», справился великолепно. План состоял в том, что все они бегут разом, затем рассыпаются по небольшим группам и, достигая назначенного монастыря, принимают монашество, после чего собираются в условленном месте. Пострижение в монахи избавляло их от дальнейшего преследования.

Что заставило Феодосия и его товарищей бежать? Может быть, они были участниками городского восстания? Но в свидетельстве современника речь идет лишь об их единомыслии. Оказавшись на свободе, они занялись распространением антицерковных взглядов. Очевидно, что бежали они, боясь преследования за эти взгляды.

В группе Феодосия были холопы Вассиан и Игнатий. Их путь лежал из Москвы на Север, к Белоозеру, где они и нашли приют у старца Артемия, вскоре привлеченного по делу Башкина. Здесь они сменили мирскую одежду на монашескую. «Убояша же ся мук от господин своих, внидоша в монастыря и постригошеся» — так объясняли беглецы свой переход под покровительство монастыря. Феодосий сразу произвел сильное впечатление на наставника монастыря и монахов. Вскоре он добился «послабления дати ему» и с товарищами покинул монастырь. Тогда было в обычае отлучение монахов из монастыря. Став монахом, Феодосий вовсе не собирался посвя-

щать себя монастырской жизни. Напротив, она претила всему духу его убеждений.

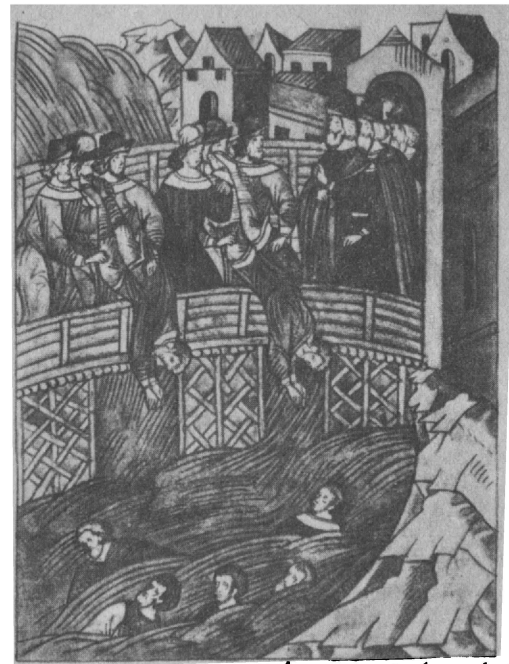
Товарищи прошли всего 12 верст и остановились на Новоозере в небольшом местном монастыре. Он и был заранее условленным местом сбора. Одна за другой сюда, приняв монашество в разных монастырях, вскоре сошлись группы московских беглецов. С этого момента они «начаша своей ереси учити и иныа».

Общепризнанным и глубоко почитаемым проводником и учителем этой «ереси» стал Феодосий Косой. Он называл свое учение «разумом духовным». Церковный обличитель Феодосия, весьма начитанный в церковной литературе, сам автор церковных книг, Зиновий Отенский считал, что ничего подобного учению Косого «не слыхом никогда же преже». Различных «ересей мудрования слышахом» более ста восьмидесяти, но такого «безбожия и хулы в толиках ересех не обретохом...»,— писал он.

Неправ Отенский. Учение Феодосия Косого не было безбожием. Напротив, всей мощью разума Косой силился доказать свою приверженность богу и говорил: «Яко один есть бог». Признавал он и сотворение богом жизни: «Един бог сотвори небо и землю». Признавать-то бога признавал, да веру в него, отношение к нему человека объяснял по-своему.

Обратим внимание на подчеркивание Феодосием единичности бога. В чем тут дело? А вот в чем. Церковное учение представляло бога в трех лицах: бога-отца, бога-сына и бога-духа. «Богу единому быти, а не многим»,— потребовал Феодосий и уже тем восстал против церкви и самой основы ее учения.

Но Феодосий не останавливается на этом. Он определяет, какими должны быть отношения человека с богом. В старых божественных книгах было

Того же лѣта новогородцы свергоша с мо
доуа полхопа стригольников ерети
ков. глаголюще. писано есть въ еѵаггелии
аще кто соблазнит единаго от малых
сих. лоучши есть емоу да обѣсится
камень жерновный на выи его и пото
пленъ боудет в мо
ри.

Казнь еретиков в Новгороде в 1367 г. *Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.* Ереси в средние века часто являлись формой протеста против феодальных порядков, освещаемых церковью. Первой ересью, возникшей в русских городах, было движение стригольников в Новгороде, Пскове и Твери в 50—70-х гг. XIV в. Стригольники отвергали всю церковную иерархию и монашество, отрицали церковные таинства, за которые церковники получали плату от населения, обличали продажность попов, их пороки и невежество. Стригольники порицали богачей и сами давали пример простой, скромной жизни. Церковь и власти преследовали их. Руководители ереси Никита, Карп и другие были утоплены в 1367 г. Движение прекратилось в 30-х гг. XV в. В XV—XVI вв. появились новые ереси.

сказано, что эти отношения определялись заключенным между богом и людьми договором, который люди могли и расторгать. Бог становится как бы видимым, реальным, «богом живых», с ними равным. Человек переставал быть рабом бога: «Мы сынове божии»,— говорил Феодосий.

Согласно его учению человек вообще переставал быть зависимым от кого бы то ни было. «Никому же так не открылася истина, яко же нам открыся: не подобает повиноватися властем и попом...» Свою религию «бога живых», обосновавшую права человека на свободу и равенство, он противопоставлял церковной религии «бога мертвых». О ней он писал так: «Обоготвориша бо мертвых, и молятся мертвым аки богу и от них помощи просят... церкви ставят им, иконы пишут их, свечи перед ними зажигают... уставивше сами поют им каноны и прочитают, жития написавше; ...на помощь призывают мертвецов». Феодосий называет все это не православием, а беззаконием и идолослужением. Особый гнев и протест его вызывает поклонение мощам мертвых: «Яко храмы поставиша и в них иконы мертвых аки идолы утвердиша на досках, и мертвецы положиша в ковчеги в церквах их всем на видение и на соблазн, и отводят люди от бога к мертвецем; и люди в том обычае бога забыша, токмо едино человехослужении мертвым навыкоша служити; бога же не ведят, ниже могут ведати, яко во идолослужение впадоша...» Наконец, он вопрошает: «Где писано телеса не тленна?»

Столь же страстно Феодосий выступал против святых угодников, лики которых церковь запечатлевала на иконах. Иконы, говорил Феодосий, не бог и им незачем поклоняться: «Иконы бо якоже и идоли, очи им писаны и уши, и ноздри, и уста, и руки, и ноги, и ничто же ими действуют, ни могут двигнути». Доска, помазанная красками и позлащенная, которую железом прибили к стене,— вот и все обитание святого; вот и вся его святость. Чему же тут поклоняться? Каких чудес можно ждать от мертвых и икон-досок? Отвергал он и поклонение кресту. «Крест,— говорил Феодосий,— ему же поклоняются, древо есть, какую святость имеет, яко же и всякое дерево... не имеет святости».

Почему так остро и настойчиво Феодосий разоблачал поклонение мощам и святым? Дело в том, что как раз в его время резко обострились классовые отношения в стране. Царь и церковь, действуя заодно, стремились укрепить свое положение, для чего проводили разные, как бы мы сейчас сказали, мероприятия: появлялись послания церковников и читались божественные проповеди с целью прославления религии, сочинялись жития «святых угодников», которые должны были дать верующим образец для подражания в их обыденной жизни, открывались мощи этих святых и народу внушалось, что они способны творить чудеса; провозглашались «чудотворными» и некоторые иконы, с которыми связывали происшествия, имевшие место в жизни; провозглашались и освящались новые святые.

Феодосий своим обличением всей этой лжесвятости подрывал усилия церкви к укреплению религии. Он наносил ей удар и отрицанием всей церковной обрядности и даже самой церкви. Призвав «кресты и иконы сокрушати и святых на помощь не призывати», Косой одновременно учил «в церковь не входити, ни поклонятися, ни молитися и именовати церкви кумирницы, и в ней кресты и иконы именовати идолы, и книг церковных учителей и жития и мучения святых не прочитати, и к попам не приходити, и молебнов не творити, и молитвы их не требовати, и не каятися, и не причащатися, и темьяном не кадитеся, и на погребении от

епископов и попов не отпеватися, и по смерти не поминатися».

Церковь к середине XVI в. приобрела огромные богатства. Они скопились в монастырях, владевших к тому же многочисленными селами. Феодосий, как передавал Отенский, «учаху же... преже хулити монастыри, оклеветающе их, яко села имяху». Обогащались и высшие церковные чины. Они, говорил Феодосий, «ядят и пьют много», «повелевают себе послушати и земских властей боятися и дани даяти им». И в самом деле, стяжательство, поборы и взяточничество процветали в высших, да и низших рядах духовенства.

Князь Курбский рассказывает, как «тщались взойти на некий сан церковный». Для этого лицемерили перед высшими церковнослужителями, заводили дружбу «с сущими во властех» «и всяким образом угождающе им и ласкающе, но многажды и дары ова приносяща им, ова и обещавше, аще довершат искомое и желаемое», как только получат доходное место. Так или иначе достигнув чина, такие карьеристы сами начинали «стяжания всякие», приобретали «стада скотские и всякие сладкия пищи».

Высшие чины вынуждены были признать на Стоглавом соборе в 1551 г., что из-за взяток, вымогательств и грабительств местных священников многие церкви оказались пусты и без попов. А попы в свою очередь обирали верующих вымогательствами, когда совершалось «отпущение грехов» кающимся, венчание, крещение, отпевание умерших.

В личной жизни церковники не отказывали себе в многочисленных удовольствиях и развлечениях. Сами наставники монастырей, как говорилось на Стоглавом соборе, были склонны к «упиванию безмерному» и жили «во всяком безчинии».

Владыки, по словам Максима Грека[1], «светло и обильно напивались по вся дни и пребывали в смехе и пьянстве и всяческих играниях, тешили себя гуслями и тимпаны и сурнама» (бубен и дуда).

До безобразия и скотства опускалось низшее духовенство. «Попы и церковные причетники,— признавал тот же Стоглавый собор,— в церкви всегда пьяни, к церквам божиим ходили и на божественном пении безчинно стояли, билися и лаялися, и сквернословили, и пьяни в церковь и во святой алтарь входили, и до кровопролития билися».

Монастыри настолько разложились, что в них наставник жил своей веселой жизнью, монахи — своей. Отдельными наставниками делались попытки навести в них порядок, но они кончались крахом. Так, монахи Боровского монастыря не дали Иосифу Волоколамскому ввести строгий устав, и наставник вынужден был оставить монастырь. Наставник суздальского монастыря Феодорит попытался обличать монахов в нарушении устава и церковных правил, но был ими избит, окован «веригами железными» и так оклеветан, что оказался заточенным на Соловецких островах. Паисий Ярославов, игумен Троице-Сергиева монастыря, тоже «не мог чернецов превратити на божий путь». Его жизнь оказалась в опасности, и он уступил монастырь уже упоминавшемуся выше Артемию. Но и Артемий тоже «много ради мятежу и любостяжательных, издавна законопреступных монахов» покинул монастырь.

Было от чего встревожиться отцам Стоглавого собора и опасаться, «чтобы

---

[1] *Максим Грек* (ок. 1470—1556) — человек яркого дарования и широкой образованности — приглашен в Россию в 1518 г., включился в политическую борьбу, надолго оказался в заключении, оставил интересное литературно-публицистическое наследие.

в своих пороках пастыри не погибли, и другие, на них зря, такожде», ибо духовенство должно быть примером для населения.

Стоглавый собор искал средство для оздоровления церкви и спасения веры, в то время как вольнодумец Феодосий Косой потребовал ее ликвидации и упразднения белого и черного (монастырского) духовенства. На призыв Феодосия «кресты и иконы сокрушати... и в церковь не входити» откликнулись его сторонники и много «сокрушали» в церквах.

Итак, религия — лжеучение, церковь — идолохранилище, священники — идолослужители. Все это Феодосием отвергнуто. А каков его взгляд на жизнь? Как она произошла, как устроена и какой должна быть? И на эти вопросы мы находим, хоть и не столь подробные, как на вопросы веры и церкви, ответы в учении Феодосия Косого.

Прежде всего наше внимание привлекает к себе его учение о «самобытийности». Он говорил, что формы жизни и живые организмы «приходят и уходят, земля же и небо стоят». Это — признание извечности и бесконечности жизни, отрицание бессмертия души (раз организмы умирают и мертвые не воскресают). Это был вызов церковной теории о конце света и существовании загробной жизни.

Церковь тогда яростно преследовала появлявшиеся в России книги, которые рассказывали о природе земли, небесных телах и т. п. Стоглавый собор потребовал, «чтобы православные христиане богоотреченных, святыми отцами отверженных и еретических книг у себя не держали и не читали... а которые люди отныне и впредь учнут таковые еретические книги у себя держати и чести или начнут иных прельщати и учити... тем быти от благочестивого царя в великой опале, а от святителей в конечном отлучении». Смелая проповедь Феодосия подпадала под этот запрет, и ему вскоре пришлось за нее поплатиться.

Феодосий делил людей на «внутренних» и «внешних» или на «сынов божиих» и рабов. Первые не хотели «быть ведомы от господей». К ним относил Феодосий себя и своих последователей, ибо «никому так не открылася истина, яко же нам открыся», и ее «никто же тако позна, яко же мы». Они потому познали истину, что имеют разум духовный.

Иное дело «внешние». Они «приходят к церкви и внимают человеческим преданиям». Чтобы обрести истину, они должны отречься от «бога мертвых», то есть от церкви, ее учения, властей и уверовать в «бога живых». Все очень просто — признай, что есть только один бог, и ты свободен от подчинения кому бы то ни было на земле. Феодосий горячо верил, что люди так и поступят. Иначе они — рабы, достойные своего жалкого положения.

Феодосий признавал право каждого народа иметь свою веру и, следовательно, признавал равенство народов. Он так говорил об этом. «Вси веры в всех землях одинакы», «иже суть всех языкох, яко вси людие едино суть у бога и татарове, и немцы, и прочие языцы».

Невозможно точно сказать, как широко распространилось «новое учение» Феодосия, но, несомненно, оно становилось опасным для властей и церкви. Возрождение «ересей» в середине XVI в. вызвало возобновление церковных соборов. Они длились до 1558 г. Первыми (в 1553 г.) были осуждены Башкин, Артемий и другие.

Теперь настала очередь Феодосия. В 1554 или 1555 г. он и его ближайшие соратники были арестованы и привезены в Москву. Началось следствие. Чем бы кончилось дело, неизвестно, ибо Феодосий, «приласкав же ся хранящим, прием послабление от них и бежав...».

Вскоре он оказался в Литве. Туда же последовали за ним и некоторые из его учеников. Их учение, как считают историки, оказало «влияние на реформационное движение в Литве и Польше». Об этом свидетельствовал еще Отенский: «Восток весь уврати Бахметом (Магометом), запад же Мартином (Лютером) немчином, Литву же Косым». Он называл их предтечами антихриста.

Наши сведения о жизни Феодосия в Литве весьма скудны. Фома, один из его сподвижников, в 1563 г. был захвачен после взятия русскими войсками Полоцка и по повелению царя Ивана IV утоплен. Сам Феодосий, по сведениям князя Курбского, был еще жив в 1575 г. Это последнее известие о нем.

В учении Феодосия Косого вырисовывается целая программа отрицания имущественного, религиозного и национального неравенства, власти над людьми светской и духовной, а отсюда и эксплуатации человека человеком. Ученые считают, что это была программа не только антицерковная, но и антифеодальная. Она облечена в религиозную форму, то есть непосредственно направлена против церкви и официальной религии, так как именно они оправдывали необходимость власти, имущественное неравенство и эксплуатацию человека.

Эту классовую сущность учения Феодосия отметил и его идейный противник Отенский. Стремясь унизить Феодосия, он назвал его учение «рабьим», созданным для того, чтобы «нищете своей изобрести поможение». Он писал, что сторонники Феодосия собирали людей в домах гражданских «на распутии» или «в дому своем жительственном». Значит, проповедь учения Косого велась в гуще народа. Многие горячо откликнулись на нее. Мы чтим Феодосия Косого как деятеля русского Возрождения.

ПЕРВЫЕ ПЕЧАТНЫЕ КНИГИ В РОССИИ

Когда появилась первая русская печатная книга? В 1564 г., когда Иван Федоров и Петр Мстиславец издали «Апостол»? Нет. Ученые установили, что это была первая книга, выпущенная в свет государственной, царской типографией, а до того действовала частная типография, где было напечатано семь книг. Они-то и были первенцами московского книгопечатания.

Как это случилось — об этом сказано будет позже, а пока познакомимся с условиями общественной и культурной жизни страны, которые вызвали необходимость организации печатного дела в России.

До появления книгопечатания долгие века жила в России рукописная книга. Трудно точно назвать дату, когда впервые стали изготавливать такие книги. Это могло произойти в X в. с официальным принятием христианства или даже раньше, после 863 г., когда славянские просветители Кирилл и Мефодий разработали новую (вслед за глаголицей) азбуку, названную кириллицей. Но ни IX, ни X вв. не оставили нам ни одного русского письменного документа (кроме знаменитой надписи «гороуща» на глиняном сосуде, найденном под Смоленском). Однако они были. Об этом свидетельствует тот факт, что от XI в. сохранилось больше двадцати книг и большое количество частных писем на бересяной коре (берестяные грамоты). Остались и надписи на стенах церковных соборов XI в. Ясно, что столь широкое распространение письма не могло произойти в одном веке, без его предварительного развития в предшествующем веке.

К середине XVI в., ко времени появления первых печатных книг, техника изготовления письменной книги

достигла высокого совершенства. Если сравнить рукописную и первую печатную книги, то на первый взгляд их трудно даже различить — та же графика, те же рисунки заставок и буквиц, раскраска страниц книг. Первая московская типография существовала рядом с книгописной мастерской.

Понятно, что без достаточно высокого уровня развития материально-технических средств, многовекового опыта создания рукописных книг книгопечатание возникнуть не могло.

Но появление типографий вызывалось и политическими причинами. В XVI в., в условиях борьбы за усиление централизации управления страной и присоединения новых территорий, государство и церковь стали остро испытывать нехватку богослужебных книг. Их не хватало и в старых храмах, а тем более они нужны были новым, строящимся, особенно в только что присоединенном Казанском ханстве. Религиозная книга была идейным оружием великокняжеской власти и церкви, она служила оправданием усиления их господства над народами страны. Наконец, развивались научные знания о природе, истории, философии, экономике и других науках, обозначился общий подъем культуры русского общества XVI в. Переписчики же книг работали медленно. Подсчитано, что на переписку «Остромирова евангелия» уходило до 200 дней. При этом переписчики допускали ошибки, что вело к спорам верующих, чего церковь допустить не могла. Печатание книг резко ускоряло и удешевляло их производство, почти исключало ошибки.

Какую бы сторону государственной, общественной или культурной жизни мы ни взяли, все требовало увеличения выпуска книг, а значит, и решительного изменения способа их изготовления, перехода к книгопечатанию, уже известному на Западе.

Вопрос оказался столь серьезным, что на Стоглавом соборе 1551 г. ему было уделено особое внимание. Правда, деятели государства и церкви тогда искали его разрешения еще на основе совершенствования письменного изготовления книг.

После открытия собора и произнесения общих речей Иван Грозный огласил сто вопросов (отсюда и название собора Стоглавый), которые были составлены частично митрополитом Макарием, а в основном придворным священником Сильвестром, одним из самых образованных людей своего времени и главных деятелей Избранной рады. Уже пятым стоял вопрос «О божественных книгах», а шестым — «О учениках» (а в некоторых списках решений Стоглавого собора «О училищах»). Вопрос о книгах ставился широко, связывался с развитием образования в стране. В ответах своих собор на первое место поставил шестой вопрос и принял такое решение: прежде всего он совсем иначе именовал вопрос, назвав его в своем ответе «О училищах книжных по всем градом». В ответе говорилось, что «соборне уложили» поручить протопопам и старейшим священникам со всеми священниками и дьяконами в каждом городе избрать грамотных священников и дьяконов и в их домах открыть училища с тем, чтобы они стали обучать детей грамоте, письму, церковному пению и чтению, сколько сами умеют, ничего от них не скрывая. Предполагалось дать ученикам такое образование, чтобы они сами потом могли стать учителями («не токмо себе, но и прочих пользовати и учити»).

После этого занялись божественными книгами. Уже в самом вопросе говорилось, что божественные книги писцы пишут с неправильных переводов и каждый раз к ним прибавляют описки и недописки. Спрашивалось, что говорится в божественных правилах

по поводу такого небрежения и великого нерадения.

Собор расчленил поставленный вопрос на два самостоятельных. Прежде всего, он указал на необходимость выявления и изъятия негодных книг. Опять протопопы и старейшие священники со всем местным духовенством в каждом городе должны были отобрать неправленные книги, с описками и исправить их по «добрым переводам». Неправленные же книги вносить в церковь запрещалось.

«О книжных писцах» — вторая часть решения собора о божественных книгах. От них требовалось, чтобы новых книг с неправленных больше не писалось и неправленных книг не продавалось. Если же такая продажа будет совершаться, то и у купца, и у продавца изымать «даром, безо всякого зазору». Исправив эти книги, затем отдавать их тем церквам, которые нуждаются в них. Далее обещалась великая «мзда» от бога, а также «хвала и честь» от государя и от «всего народа благодарение и хваление» за «священнические труды» по исправлению рукописных книг.

С книжным делом был связан и двадцать второй вопрос. В нем перечисляются еретические книги, которые необходимо изъять из употребления. Любопытно, что среди них называются и книги Аристотеля. Это цензурное гонение на передовую научную мысль показывает реакционную роль церкви на Руси в тот момент, когда страна как раз больше всего нуждалась в распространении не церковных, а научных знаний. Европа тогда переживала возрождение, развитие культуры гуманизма, а в России всякие ростки этого глушились и вытравливались светской и особенно церковной властью.

Что показало рассмотрение Стоглавым собором книжного дела? Во-первых, большую остроту этого вопроса в жизни государства. Во-вторых, разрешение его искали на путях совершенствования рукописного изготовления книг. Значит, до 1551 г. на Руси книг не печатали и собор еще не считал возможным начинать разговор о заведении типографии.

Георгий (Франциск) Скорина — белорусский первопечатник и ученый. *Гравюра из Библии XVI в.* В 1517—1520 гг. Скорина в Праге издал на белорусском языке «Библию русску», «Псалтырь» и другие книги. В Вильно он напечатал «Апостол», «Малую подорожную книжицу» и т. д. Эти издания отличались красотой оформления. Г. Скорина сопровождал свои книги предисловиями и послесловиями, где излагал основы научных знаний. Он осуждал гнет феодалов, выступал сторонником равенства, был патриотом своей Родины. Деятельность Скорины оказала влияние на культуру всех славянских народов.

Между тем она появилась вскоре после собора, через два года, в 1553 г. Были ли технические возможности для печатания книг? Для изготовления типографского шрифта нужны высокоразвитые гравировка по металлу, чеканка и литье. Всем этим в совершенстве владели русские ремесленники. И само печатное дело развивалось исстари. «Старые русские печати были штампами»,— читаем мы в ученых трудах. Делали печати мастера-резцы. Другие мастера гравировали на доске узоры, которые набивали на ткань. Все это из века в век совершенствовалось. Постепенно тиснение стало применяться и в книжном деле. На деревянной или металлической основе мастер вырезал заглавный текст и затем оттискивал его на бумаге. Отсюда уже недалеко и до изготовления шрифта. С конца XV в. в России широко распространяются печатные книги. Первую попытку наладить печатание книг делал Иван III. Он хотел привлечь для этого иностранных мастеров. И Иван IV сначала на них надеялся.

В последнее время ученые не без основания считают, что у истоков русского книгопечатания стоит Сильвестр, который владел большой мастерской по изготовлению рукописных книг и икон. В ней работали ремесленники самых различных специальностей: «иконники, книжные писцы, серебреные мастеры, кузнецы и плотники и каменщики и всякие и кирпищики и стенщики и всякие рукоделники». Производство было налажено столь широко, что его продукция шла не только на внутренний рынок, но и за границу. Рядом с этой мастерской и на ее базе возникла на Руси и первая типография. В ней, полагают ученые, и были напечатаны первые семь книг, которые появились раньше 1564 г., когда Иван Федоров издал «Апостол».

Первые книги были религиозные: евангелия и псалтыри. Особенностью их было то, что на них не ставились ни дата издания, ни место издания. Поэтому их в литературе называют «безвыходными» или «анонимными». Но тогда возникает вопрос: как же установили, что они появились раньше «Апостола»?

Попробуем проследить за логикой рассуждения ученых и фактами, которыми они в этом случае пользуются. Чем же располагает наука для разрешения данного вопроса?

Это вкладные (на дарственных книгах) и владельческие (на личных книгах) записи. Вот некоторые вкладные надписи: «В лето 7067 (1559 г.) положил сию книгу в Пречисту на Каменке Иван Клементьев сын Нехорошево». «Лета 7071 (1563 г.) сию книгу напечатное еуангелье (евангелие) положили на Лампожне страстотерпцу Христову Георгию в дом Кирило Михайлов сын Офутина з братьею, а подписал Кирило сам своею рукою апреля в 23 день». На другой из изданных книг самая ранняя вкладная запись относится к 1562 г. Книга принадлежала старцу Севастьяну, митрополичьему ключнику. Он дарил ее «в дом чюдному Богоявлению» «по своей душе и по своих родителей на поминок».

На третьей книге владельческая надпись 1562 г. Поп Леонтий Устинов засвидетельствовал, что он купил эту книгу 1 сентября 1562 г. у Мисаила Сукина. А Сукин этот известен тем, что производил по указанию Ивана Грозного следствие по делу Сильвестра. Не у него ли он прихватил эту книгу?

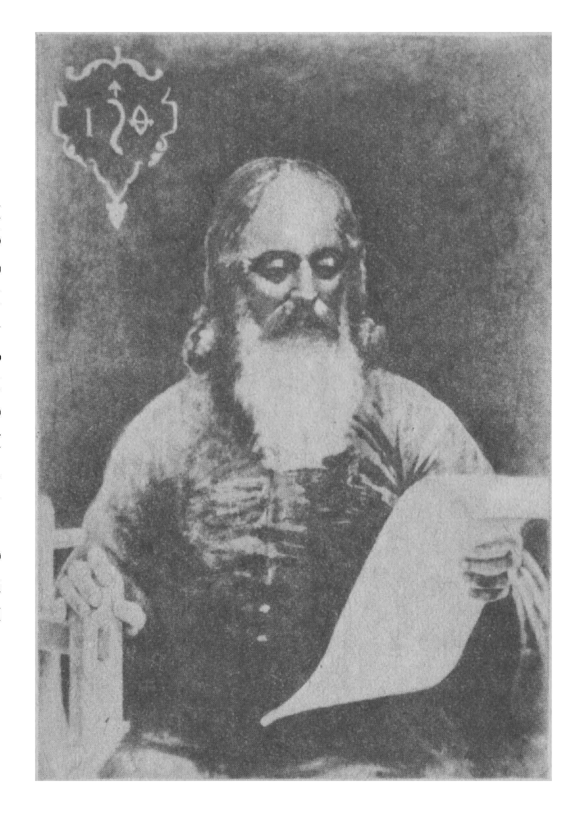
Здесь приведены самые ранние надписи на книгах, но и их достаточно для того, чтобы утверждать, что «Апостол» 1564 г. не был первой печатной книгой в России.

А как установили, что остальные четыре книги, на которых нет ранних надписей, тоже были изданы раньше «Апостола»? Очень просто: техника набора шести из семи первых книг оди-

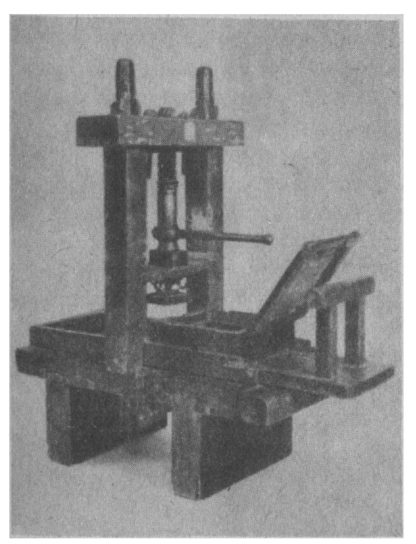
накова. А если взять и другие показатели — бумагу, орнаменты, шрифты и др.— устанавливается, что все семь безвыходных книг появились раньше «Апостола».

Но когда? Можно ли установить, когда стала работать в России первая типография? Оказывается, можно. Об этом имеется прямое свидетельство самого Ивана Федорова. В послесловии к изданному им в 1564 г. «Апостолу» он пишет, что «начали изыскивать мастерство печатных книг в год 61-й восьмой тысячи». Это —7061 год, то есть 1553 г. Вот и дата открытия первой типографии. Значит, первые, безвыходные, книги были изданы между 1553 г. и 1564 г.

Владелец типографии Сильвестр в 1560 г. попал в опалу, был удален Грозным от двора, пострижен в монахи

Иван Федоров. *Портрет маслом работы художника С. И. Томасевича.*

Печатный станок Ивана Федорова. Станок был привезен И. Федоровым и П. Мстиславцем из Москвы в Великое княжество Литовское, что говорит об их беспрепятственном выезде из России.

Начальная страница «Послания к римлянам» (часть Евангелия) из «Апостола» 1564 г. Будучи искусным художником, И. Федоров сам вырезал орнаменты для печатания заставок к своим изданиям.

Герб Львова с типографским знаком Ивана Федорова.

и умер около 1566 г. Типография осталась в наследство его сыну Анфиму. Возникает вопрос: не лишается ли Иван Федоров этими данными права первопечатника? Нет. Издания его книг строго датированы и получили общегосударственное значение.

О жизни Ивана Федорова данных мало. Неизвестно, когда и где он родился. Будучи за границей, сам он называл себя «Иваном Федоровичем Московитиным», «Иваном Федоровичем друкарем Московитиным», «Иваном Федоровым сыном Московитиным». Это можно принять за свидетельство его московского происхождения. Как считают ученые, он с 1529 по 1532 г. учился в Краковском университете и окончил его с ученой степенью бакалавра (первая ученая степень). Полагают, что в Кракове Федоров впервые познакомился с печатным делом. Там тогда работали три типографии. Знал он, видимо, и издания выдающегося белорусского просветителя и издателя Франциска Скорины («сына Луки из Полоцка»), который в 1517 г. издал в Праге «Псалтырь» «русскими словами и словеским языком», а после переехал со своей типографией в Вильну. Неизвестно, где был Федоров в 30—40-е гг., но в 50-е гг. он в Москве, где стал дьяконом одной из церквей, работал в типографии Сильвестра. Так что назначение Федорова главой царской типографии не было случайным. Он уже слыл искусным печатником.

Новая типография была основана по повелению Ивана Грозного и печатала на казенные деньги. Иван Федоров в послесловии к «Апостолу» называет дату начала ее работы —1563 г.: «...в 30-й же год царствования его благоверный царь повелел устроить на средства своей царской казны дом, где производить печатное дело». Известно, что Иван IV стал княжить с 1533 г. и тридцатый год его «царствования» падал на 1563 г.

С начала деятельности правительства Избранной рады в Кремле и в городах России развертывается церковное строительство. Толчком этому послужило взятие в 1552 г. Казани. Как в самом «новокрещенном граде» Казани, так и в Москве тогда воздвигалось много новых церквей. Велась работа по исправлению книг. Все это вызвало срочную потребность в церковной литературе. Удовлетворить ее за счет усердия писцов было нельзя. Сначала Иван IV хотел выйти из положения за счет уже имеющихся рукописных книг и приказал «святые книги на торжищах куповати», но скоро убедились в негодности такого способа обеспечения церквей книгами: «В них же мали обретошася потребни, прочии же вси растлени от преписующих ненаученых сущих и неискусных в разуме». Переписчики, как видно, оказались ненадежными в решении этой задачи.

Выход был один — взять дело печатания книг в руки государства, что и было сделано. Царь стал помышлять о налаживании печатания книг как «в прочих языцех». Как бы пригодилась теперь типография Сильвестра, но она не уцелела от погрома. Ненависть к Сильвестру была вымещена и на его имуществе. Изба, откуда он «правил русскую Землю», была сровнена с землей, а типография сожжена. Все надо было создавать сначала. Само повеление об устройстве типографии было дано раньше 1563 г. В мае 1562 г. Иван IV повелел «сустроити дом от своея царския казны, иде же печатному делу стротитися». Далее Иван Федоров продолжает в послесловии «Апостола» 1564 г.: «И, не жалея, давал (царь) от своих царских сокровищ делателям, диакону церкви Николи чудотворца Гостунского Ивану Федорову да Петру Тимофееву Мстиславцу на устройство печатного дела и на их обеспечение до тех пор, пока дело их не пришло к завершению». А далее го-

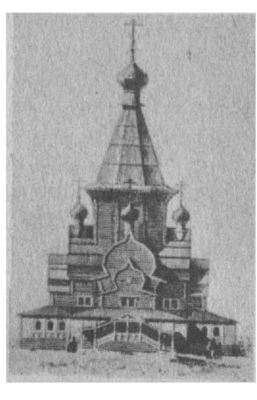
ворится, что начали печатание «Апостола» 19 апреля 1563 г. и закончили 1 марта 1564 г.

Второй книгой московских государственных «делателей» был «Часовник», отпечатанный в 1565 г. На этом их деятельность в России прекращается. Следующие книги Иван Федоров издавал уже за границей, на белорусской и украинской земле, тогда входивших в состав Польско-литовского государства.

Иван Федоров и Петр Мстиславец, по одним данным, вынуждены были бежать за границу от преследований, по другим, они выехали туда с разрешения Ивана Грозного. Сам Иван Федоров объясняет причину своей эмиграции следующим образом. В послесловии к «Апостолу» 1574 г., изданному во Львове, он пишет, что в Москве нашлись люди, которые захотели «благое во зло

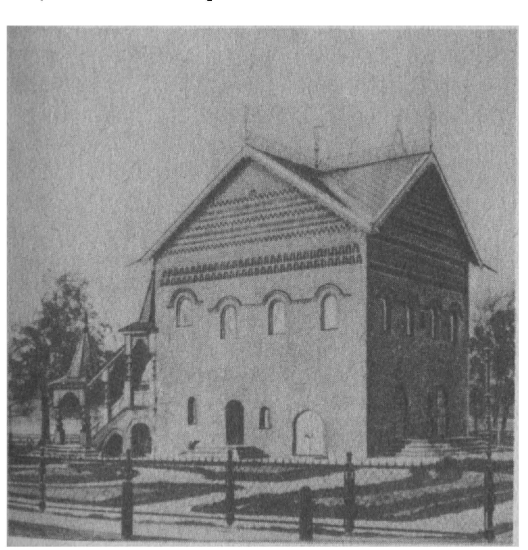

Церковь Иоанна Предтечи в селе Дьякове около Коломенского (1553—1554). Является оригинальным сооружением, принадлежащим также к шатровому стилю.

Климентовская церковь в селе Уне Архангельской области (1501). Это одна из первых деревянных шатровых церквей.

Дворец Дмитрия-царевича (внука Ивана III) в Угличе (1480—1482). Сложенный из кирпичей, дворец отличается простотой и изяществом архитектурных форм, богатством украшений с помощью особой кирпичной кладки. До наших дней от дворца сохранилась только одна постройка с бесстолпным залом в верхнем этаже.

Архангельский собор Московского Кремля (1505—1508). Архитектор Алевиз Новый. В соборе органически соединились традиции русской архитектуры и черты итальянского Возрождения. В нем находятся гробницы всех великих князей, начиная с Ивана Калиты, и московских царей XVI—XVII вв.

превратити и божие дело вконец погубити». Люди эти на печатников «зависти ради многия ереси умышляли». Однако преследования, считает нужным сказать Иван Федоров, исходили «не от самого того государя, но от многих начальник и священноначальник, и учитель... сия убо нас от земли и отечества и от рода нашего изгна и в ины страны незнаемы пресели». Как видим, Иван Федоров жалуется не на царя, а на его начальников и церковников. Может быть, он поступает так потому, что был заинтересован в распространении своих изданий в России. Так, например, советовал его современник дьяк Иван Тимофеев: «Лепотнее бо есть царское безобразие жития молчанием покрыти якоже ризою».

С 1568 г. печатное дело в Москве возглавил Андроник Тимофеев Невежа.

Такова краткая история первых печатных книг в России.

ОПРИЧНИНА

Малолетний Иван IV был свидетелем бесчисленных расправ феодалов друг с другом при смене правлений боярских группировок.

Междоусобная политическая борьба верхов вызывала недовольство как народа, так и дворянства. Подъем народного движения предвещал классовую бурю. Феодалы это почувствовали и вынуждены были на время объединить свои силы для укрощения угнетенных масс. Страной стала править Ближайшая дума Ивана IV, или, как назвал ее один из главных деятелей думы князь А. Курбский, Избранная рада. Политика, проводимая Избранной радой, носила черты компромисса[1] между дворянством и боярством. В годы правления Избранной рады были проведены важные реформы, сыгравшие большую роль в укреплении Российского государства: составлен Судебник 1550 г.; для решения вопросов государственной важности стали созываться Земские соборы, где главную роль играло дворянство и представители городов; была завершена начатая в 30-е гг. «губная» реформа; проведена реформа податного обложения, усилившая налоговое бремя крестьян; создано стрелецкое войско; отменена система кормлений; ограничено местничество. Задачей внешней политики Избранной рады была борьба с агрессией Казанского, Крымского ханств и поддерживавшей их Турцией. Руководящее положение в Избранной раде занимали думный[2] дворянин А. Ф. Адашев, придворный священник Сильвестр, митрополит Макарий и другие.

Компромиссный характер политики Избранной рады со временем перестал удовлетворять дворянство. Некоторые члены Избранной рады (в первую очередь А. Адашев) выступили против мероприятий Ивана IV как в области внутренней политики, так и в особенности против Ливонской войны, целью которой было стремление обеспечить выход к Балтийскому морю и открыть пути сообщения России с Западной Европой.

В 1560 г. Иван IV удалил из правительства сначала сторонников А. Адашева, а потом и его самого. В мае 1560 г. А. Адашев был направлен в Ливонию. Там его вскоре назначили воеводой. По приказу царя за ним установили надзор.

В том же 1560 г. умерла жена Ивана IV Анастасия Романовна. Родственники царицы, рвавшиеся к власти,

[1] *Компромисс* — соглашение на основе взаимных уступок.

[2] *Думный* — входящий в состав боярской думы.

объявили виновником ее смерти А. Адашева и его приверженцев (пустили слух, что царица будто бы была ими отравлена). Внезапная смерть самого Адашева помешала царю расправиться с ним. Тогда Иван IV излил свой гнев на родню и единомышленников умершего: казнил его брата, посадил в тюрьму одних, принудил постричься в монахи других. Неугодная царю Избранная рада распалась.

Но гораздо больше беспокоило царя обострение классовых противоречий в стране. Население повсюду страдало от феодального гнета, частых неурожаев, эпидемий чумы и все возраставших в связи с Ливонской войной поборов. Смерть от голода и болезней становилась частым явлением. Народ роптал и не желал повиноваться алчным властям. Иван не забыл московского восстания 1547 г. и теперь готов был пойти на самые крутые меры против народа.

В декабре 1564 г. Иван Грозный, погрузив на сани иконы и кресты, золотую и серебряную посуду, одежду, деньги и казну, со всей семьей неожиданно уехал сначала на богомолье в село Коломенское, а оттуда в Александровскую слободу (примерно в 100 км севернее Москвы). За собой он приказал следовать близким боярам, дворянам, служилым людям с женами и детьми.

Страх охватил москвичей. Виданное ли дело, чтобы царь исчезал неведомо почему и неведомо зачем! Целый месяц по городу ходили самые невероятные слухи, и вот наконец от царя пришли грамоты. Одна была вручена митрополиту Афанасию, другую читали купцам и «православному крестьянству града Москвы».

В грамоте митрополиту царь излагал «измены боярские и воеводские и всяких приказных людей», обращал свой гнев также «на своих богомольцев, на архиепископов и епископов» и других церковников. Царь обвинял бояр и приказных людей в том, что они во время его малолетства «людям многие убытки причиняли», казну растаскивали, брали себе государственные земли, оделяли ими своих друзей. Накопив огромные богатства, «о государе и о его государстве и о всем православном христианстве не хотят радети...— сетовал Иван,— наипаче (более всего) же крестьянам насилие чинити, а сами от службы учали удаляться, и за провославных крестьян кровопролитие против безсермен (мусульман) и против Латын и Немец стояти не похотели». Царь указывал также, что когда он кого-либо из виновных хотел наказывать, то высшие церковники вступались за них. Вот почему он, «царь и государь, и великий князь от великие жалости сердца, не хотя их многих изменных дел терпети, оставил свое государство».

Дьяки Путила Михайлов и Андрей Васильев перед всем народом читали другую грамоту. В ней царь писал, чтобы купцы и простые жители Москвы «себе никоторого сумнения не держали, гневу на них и опалы никоторые нет». Мы видим, что Иван Грозный явно заигрывал с народом, зная о его ненависти к эксплуататорам-боярам и приказным чиновникам. Узнав теперь, что царь оставил правление из-за бояр и чиновников, народ повалил к митрополиту и «от многого захлипания слезного» стал причитать о постигшем его горе, молить «великим гласом» митрополита и все высшее духовенство уговорить царя вернуться «и своим государством владеть и править, как угодно ему, государю», а что до врагов государевых, то в том, казнить их или миловать,— «его государьская воля».

На том и порешили все церковники, бояре, дворяне и приказные люди. Вслед за большой делегацией от митрополита, бояр и дворян в Александровскую слободу поехали «гости и купцы

и многие черные люди со многим плачем и слезами». 5 января депутация от Москвы была принята царем. Он согласился удовлетворить просьбу пришедших при условии, что «ему своих изменников, которые измены ему, государю, делали и в чем ему, государю, были непослушны, на тех опала своя класти, а иных казнити и животы их и статки (имущество) имати; а учинити ему на своем государстве опришнину».

Царь указывал, какие улицы в Москве, города, уезды и волости в стране отходят к опричнине. На этой территории он устраивал особый опричный двор с особым управлением. Остальная территория именовалась земщиной и оставалась под властью Боярской думы. Стало в государстве две земли, две власти, но обе они были под зорким бдительным наблюдением самого царя.

Так, расчленив государство, Иван Грозный начал кровавую борьбу за усиление своей власти в стране.

Опричнина повлекла за собой массовые казни, конфискацию имущества, ссылки, пострижение в монахи лиц, подозревавшихся в изменах.

Мнительный царь, всюду видевший заговоры, брал с князей и бояр клятвенные грамоты о невыезде за границу и верности себе. Не довольствуясь этим, он требовал, чтобы за искренность их ручались другие князья и бояре. Те же в свою очередь должны были выставить поручителей за себя. Так все под страхом смерти опутывались цепями круговой поруки. В литературе приводится такой факт: за боярина Бельского поручились двадцать семь лиц, которые в случае измены Бельского должны были внести царю 10 тыс. рублей. Помимо этого, царь взял «поручную запись» еще со ста лиц, которые ручались уже за первых поручителей.

Но ни «клятвенные грамоты», ни «поручные записи» не спасали тех, на кого обращался гнев царя. А гнев этот был безграничен и безжалостен.

Бесконечные казни, грабежи, насилия стали в эти дни обычными явлениями. Сподручные царя — опричники — долго не разбирались, кто прав, кто виноват. С людьми расправлялись по первому доносу — пусть донос был и ложным. Бояре, князья, купцы, боясь за свою жизнь и имущество, а также желая войти в доверие к государю и опричникам, наговаривали друг на друга напраслину. Первоначально отряд опричников насчитывал около тысячи отобранных Иваном Грозным верных ему людей. Помимо дворян, здесь были и знатные вельможи — боярин Алексей Басманов с сыном Федором, князь Афанасий Вяземский и многие другие. Но ближе всего к царю были такие лица, как Малюта Скуратов и Василий Грязной, выдвинувшиеся из мелких дворян.

Опричники давали клятву отрешиться от отца и матери, не знаться ни с кем из земщины, быть верным царю. Давая им полную волю, царь не принимал жалоб на опричников.

Число опричников росло, но постоянными спутниками Ивана Грозного, опричной гвардией, было примерно 300 человек. Из них царь создал своего рода «монашеский» орден. Этих отборных головорезов он стал именовать иноками, братией, а себя игуменом[1]. «Иноки» были одеты в черные рясы. Головы их украшали бархатные или парчовые тафьи (шапки), осыпанные жемчугом и самоцветами. Из-под черных ряс виднелись блестевшие позолотой, опушенные собольим мехом кафтаны. Народ дал опричникам очень меткое название — кромешники.

Малюта Скуратов стал как бы воплощением сущности опричнины. К лю-

[1] *Инок* — монах; *игумен* — настоятель, глава монастыря.

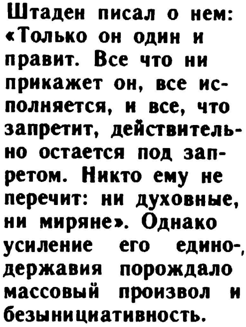
дям он относился подозрительно, жил уединенно, был злобным и мстительным. В искусстве пыток с ним никто не мог равняться. Он лишал человека жизни с абсолютным хладнокровием. «Пес» — так сам себя называл Малюта.

Столицу опричнины — Александровскую слободу — в народе прозвали «неволей». Центр ее занимал царский дворец, который был отгорожен от остальных построек глубоким рвом и валом. За рвом были помещения для опричников, церкви, а между ними стояли виселицы, плахи с воткнутыми в них топорами. Имелась тюрьма с пыточными подвалами. Верстах в трех от слободы находились заставы. Опричники подозрительно приглядывались к желавшим проникнуть в слободу, выспрашивали, кто они и зачем идут. Если пришедший был вооружен, его разоружали и под конвоем вели в слободу. Царский двор постоянно был полон всякого люда: торговцами, челобитчиками, богомольцами, просто любопытными.

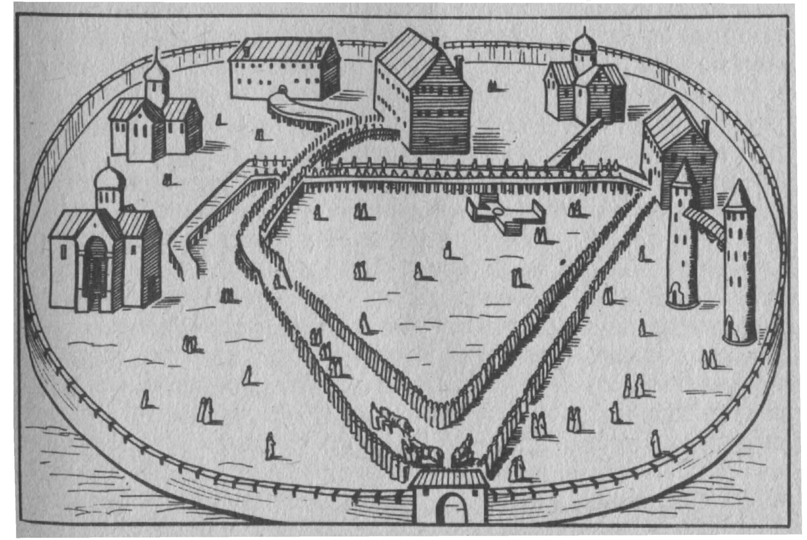
Теперь приоткроем завесу внутренней жизни царской резиденции. Царь

Иван IV. ***Портрет на дереве работы неизвестного художника конца XVI — начала XVII в.*** **Хранится в национальном музее в Копенгагене. Иван IV стремился единолично решать все государственные дела. Немец-опричник Генрих**

Штаден писал о нем: «Только он один и правит. Все что ни прикажет он, все исполняется, и все, что запретит, действительно остается под запретом. Никто ему не перечит: ни духовные, ни миряне». Однако усиление его единодержавия порождало массовый произвол и безынициативность.

Александровская слобода. ***Гравюра из книги Я. Ульфельда. XVI в.*** **Александровская слобода (ныне город Александров) была старинной летней резиденцией московских князей. Она имела две замыкающихся линии укреплений. Внутри были построены царский дворец, дворцы приближенных царя, храмы, различные служебные помещения с обширными подвалами для пыток.**

вставал в четвертом часу утра. В сопровождении сына Ивана и Малюты подымался на колокольню и звонил к заутрене. Много и долго молились. Более всех усердствовал царь: он прилежно пел, читал молитвы и с таким рвением клал земные поклоны, что на лбу оставались ссадины и синяки. После часового перерыва молились снова, а в десять часов начиналась трапеза. Все триста братьев усаживались за столы. Пока они обильно ели и пили, их игумен — царь, стоя, читал душеспасительные молитвы, а потом, когда остатки еды опричников выносили во двор бедным, подавали еду и для царя. Наевшись, Грозный или дремал, или шел разогнать сон в пыточную. День заполняли государственные дела, приемы челобитчиков, земцев, иностранцев, беседы с любимцами.

В восемь часов вечера звонили на молитву. После вечерни трое слепых рассказывали царю сказки, и он засыпал. Так как царь проводил много времени в молениях, он часто прямо в церкви слушал доклады о государственных делах, результатах пыток, распоряжался о казнях.

Нередко царь шумно и буйно пировал с «братией». Все уже сидят за столами, уставленными золотой и серебряной посудой, но никто не ест. Взоры обращены на царскую дверь. Вот раздается колокольный звон, играют медные трубы, и в трапезную медленно и величаво, опираясь на тяжелый посох, входит Грозный. Все встают, низко кланяются ему и ждут, пока он сядет.

Для царя и его любимцев накрывали отдельный стол. Усевшись в высокое резное кресло, украшенное жемчугом и алмазами, Грозный мог наблюдать за всеми сотрапезниками. И вот пир начинался. Многочисленные слуги приносили на подносах яства и питье. Сменялись блюда. Лилось и лилось хмельное. Случалось, что царь, подняв свой кубок, произносил в честь кого-либо из приглашенных бояр трогательный тост и просил его выпить с ним. Обрадованный царской лаской боярин залпом опоражнивал свой кубок и тут же валился замертво на пол. Отрава! В другой раз царь вспыхивал гневом и повелевал вести кого-нибудь из гостей в пыточную или во двор на плаху. А то и сам пронзал посохом грудь заподозренного им в «измене». Так однажды случилось с одним знатным боярином, который гордился своими заслугами перед страной и верностью царю. Захмелевший царь приказал всем облачиться в шутовские наряды и идти в пляс. Опричники орали, кружились, плясали, и в этом безумном хороводе бесновался и царь. Вдруг одичавший взор его остановился на знатном боярине, в одиночестве сидевшем за столом.

— Ты почто, князь, сидишь, когда царь веселится? Аль не люб я тебе? — произнес царь, обращаясь к нему, и все внезапно смолкло.

— Нет, царь, люб ты мне, но я воин, а не шут трапезный.

Слово за слово. Спор разгорелся. Распалившись, Грозный приказал силой облачить князя-боярина в принесенное тряпье и тащить его в круг, но тот сбросил свой маскарадный наряд. Тут же острый посох царя пронзил его грудь. Оргия, будто ничего и не произошло, возобновилась.

Как-то во время обеда шут Грозного неловко выразился. Царь, не долго думая, опрокинул на его голову миску горячих щей. Шут вскричал от боли, и это тоже не понравилось царю. В гневе он схватил со стола нож и ударил им своего потешника. Побежали за врачом-немцем.

— Исцели моего доброго слугу, я пошутил с ним неосторожно!

— Так неосторожно,— отвечал царю врач,— что разве только бог да твое царское величество может исцелить.

— Так ну же его, пса! — толкнул царь ногой труп и продолжал трапезу.

Казни, пытки, погромы... Слабела от этого страна, а между тем с запада и юга ей грозили внешние враги. На западе она с трудом пробивалась к берегам Балтики. В 1564 г. под Полоцком русская армия потерпела крупное поражение. С юга совершили разорительный набег на русские земли крымские ханы. Откуда опасность была наибольшей, куда важнее было направить ратные силы? Дворяне, надеясь на получение новых земель, стояли за Ливонскую войну.

На созванном в 1566 г. Земском соборе решено было продолжать борьбу за выход к Балтике, что требовало объединения всех сил страны, но этого не случилось.

На соборе встал вопрос и о внутренней политике. Раздались голоса против опричнины. Иван Грозный расценил это как проявление измены и усилил расправы.

— Гойда! гойда! — раздавался боевой клич опричников. С ним они врывались в города и села.

Иван Грозный отправился с опричниками в самый страшный из своих походов-погромов — поход на Новгород. Тогда, писал участник его, «великий князь отправился грабить свой собственный народ, свою землю и города».

Из доноса некоего Петра Грозный узнал, что новгородцы будто бы хотят перейти в подданство к польскому королю, сочинили грамоту ему и хранят ее за одной из икон в Софийском соборе. Когда в Новгород вместе с Петром приехал доверенный человек царя, он действительно нашел грамоту там, где указал доносчик. На ней были и подписи архиепископа Пимена и других церковников и влиятельных новгородцев. Видевший, как уже говорилось, всюду измену Грозный не поверил оправданиям новгородцев и решил их проучить. А между тем Петр был пришельцем-бродягой. Власти Новгорода за что-то его наказали, и он задумал отомстить им, сочинив эту «грамоту» и подделав подписи Пимена и других.

Были у Грозного и другие «доказательства» новгородской «измены». Боярин Данилов, глава Пушкарского приказа (всей артиллерии страны), был заподозрен — тоже по доносу — в намерении «предаться» польскому королю. Когда опричники подвергли его пыткам, он не выдержал и, чтобы избежать дальнейших истязаний, решил «признаться», что он составил заговор в пользу польского короля и что в заговор вошли Новгород и Псков.

И вот в декабре 1569 г. Грозный возглавил карательный поход опричников на Новгород.

До Клина опричники воздерживались от погромов, затем их поход стал походить на нашествие Батыя. Опустошив земли тверские, опричники подошли к Твери. Царь и ближайшие к нему опричники заняли монастырь Отроч, где находился в заточении низложенный митрополит Филипп, который протестовал против произвола опричнины. Пришедший к Филиппу Малюта от имени царя стал просить его дать благословение на поход против Новгорода, но Филипп ответил, что он благословляет только добрых и на доброе. Тогда Малюта, «умильно припадая», схватил подушку и задушил Филиппа. В тот же день Филипп был спешно похоронен. Причиной смерти объявили жару и духоту в келье.

После этого, по словам современника, царь приказал грабить церкви и монастыри и расправиться с населением города.

Сея смерть и неся разорение, опричники подошли 2 января 1570 г. к Новгороду. Их передовой отряд сразу же окружил город, «кабы (чтобы) ни один человек из города не убежал».

Земли, взятые в опричнину в 1565г.

Земли, попавшие в опричнину в 1566-1568гг.

Земли, вошедшие в опричнину в 1569-1571гг.

Опричные города

Границы Российского государства в конце XVI в.

Сокращения:
А-Александрова слобода

Территория опричнины в 1565—1572 гг.

Первым делом были арестованы многие церковнослужители, опечатана казна монастырей и церковных приходов. Царь со своей свитой подъехал к городу 6 января. Через два дня, когда царь шел в Софийский собор на обедню, все духовенство во главе с архиепископом Пименом, который, кстати сказать, поддерживал опричнину, приготовило ему торжественную встречу. Архиепископ хотел благословить Грозного, но тот отказался и тут же при всем народе объявил об «измене» Новгорода. Хотя обедню царь и велел отслужить, но за столом в архиепископских палатах он вдруг завопил «гласом великим с яростью» и приказал схватить Пимена, других высших служителей церкви и бояр.

После казни лиц, обвиненных Грозным в измене, начался грабеж монастырей. Участники погромов свидетельствовали, что царь каждый день менял монастыри. Обосновавшись в одном, он давал «простор своему озорству», затем то же повторялось в другом. Крушили окна, двери монастырей, разоряли постройки, жгли хлеб в житницах и в скирдах, убивали скот, уносили с собой деньги и драгоценности.

Опричная казна Грозного нуждалась в значительном пополнении средств. Однако дело не ограничивалось грабежом — погромщики забирали товар и разоряли или жгли лавки торговцев, ломали дома. «Были снесены все высокие постройки; было иссечено все красивое: ворота, лестницы, окна»,— рассказывал очевидец. На посаде, где жил простой люд, по словам летописца, опричники избивали всех «без пощажения и без остатка».

Такую жестокость к посадскому населению можно объяснить только стремлением Грозного запугать народ, сломить его волю к сопротивлению.

В то же время мелкие отряды рыскали по всем новгородским землям и в тех же целях обогащения и устрашения разоряли округу в пределах 200—250 верст от Новгорода. В селах значительно поредело крестьянское население. Запись: «Опричники замучили, живот пограбили, двор сожгли» была обычной в документах того времени.

Шесть недель бесчинствовали опричники в Новгороде и его землях. Пимена и многих других знатных новгородцев, не казненных на месте, отправили в Москву для новых пыток и выявления «измены».

Царь же с опричным войском двинулся к Пскову. Зная участь Новгорода, псковичи семьями вышли на улицы. Перед каждым домом хозяин держал в руках хлеб и соль. С появлением царя жители падали на колени. Духовенство встретило его с крестами и иконами. Но ничто не помогло. И здесь начались грабежи и убийства. Правда, царь стоял в Пскове недолго.

Внезапный отъезд царя из Пскова вызван был будто бы его встречей с юродивым Николой, который осмелился посоветовать Грозному оставить Псков во избежание большого несчастья. Сначала царь не послушался юродивого, приказал грабить церкви, но в тот же день пал лучший царский конь. Грозный был суеверен и, боясь новых бед, предсказанных Николой, поспешил из города.

В Москве влиятельный царский печатник (ведавший государственной печатью), выдающийся дипломат и государственный деятель — «канцлер», как его называли иноземцы, Висковатый стал уговаривать царя «не истреблять своего боярства» и подумать о том, «с кем же он будет впредь не то что воевать, но и жить, если он казнил столько храбрых людей». Он выражал мнение широких слоев господствующего класса. Но царь не пощадил и его, начал подозревать и своих ближайших опричников. Вместе с пе-

чатником Висковатым, казначеем Фуниковым и другими руководителями приказов теперь опале подверглись ближайшие к царю опричники — Алексей Басманов с сыном Федором и князь Вяземский. Царь обвинил их в сговоре с новгородским архиепископом Пименом с целью измены в пользу польского короля, свержения Грозного с престола и провозглашения царем его двоюродного брата князя Владимира Андреевича.

25 июля 1570 г. после пыток опальные были казнены. На площади Китай-города возвели виселицы, врыли в землю колья с заостренными верхами, поставили котлы, привезли дрова.

Опричники привели более 300 обреченных. Явился и царь, а площадь пуста. После новгородских и псковских погромов жители Москвы были объяты страхом и не решались выходить из домов. Грозный послал опричников согнать народ на площадь. Когда она была заполнена, царь обратился к толпе с такими словами:

— Народ! Увидишь муки и гибель, но караю изменников. Отвечай, прав ли суд мой?

Толпа оцепенела, но вот, разряжая гнетущее безмолвие, кто-то прокричал:

— Да живет на многие лета государь великий! Да погибнут изменники!

Устрашенные видом виселиц и опричников, ему стали нестройно вторить стоявшие впереди.

Движимый каким-то внутренними побуждениями, царь вдруг приказал отделить более 180 человек из обреченных на смерть и в знак «всенародной» поддержки его действий даровал им жизнь.

— Вот, возьмите, дарю их вам, принимайте, уводите с собой, не имею никакого суда на них,— сказал царь народу.

Новый думный дьяк Василий Щелкалов стал читать, кто в чем виноват, и по мере «вычитывания» вины производились казни. Первым предали смерти печатника Висковатого. Опричники надеялись вынудить его признаться перед народом в «измене», но он проявил железную волю и умер с полным достоинством.

— Будьте прокляты, кровопийцы, вместе с вашим царем! — этими словами оборвалась его жизнь.

В конце 60-х — начале 70-х гг. XVI в. опричнина вылилась в настоящее бедствие, равное опустошительному вторжению вражеских сил. Страна оказалась в крайне тяжелом положении. В то время когда северные и центральные земли были ареной грабежей и бесчинств опричников, южные территории разоряли враги. В 1569 г. до Астрахани дошли крымско-турецкие войска. В 1570 г. вторглись крымцы и разорили южные русские земли, а в 1571 г. крымский хан во главе большого войска подошел к Москве и дотла сжег ее. Лишь Кремль уцелел. Во время этого страшного пожара погибла масса народа и войска. Царь, пока горела Москва, молился в Ростове. Крымцы разорили 36 городов, увели много пленных, угнали большие табуны лошадей. В виде «поминок» хан прислал царю нож. Надо заметить, что войско опричников, не раз «побеждавшее» безоружных людей, при подходе крымцев к столице бежало. Соблазненный легкой наживой, крымский хан в 1572 г. еще раз вторгся в страну, но орда была наголову разбита славными земскими воеводами Воротынским и Хворостининым в грандиозной битве при Молодях. После этого крымцы надолго отказались от больших походов против России.

Террор опричников ослабил усилия России в Ливонской войне и осложнил положение русской армии. Результатом разорения стали неурожаи и чума. В таких условиях царь вынужден был прекратить разгул опричников. Теперь он стал казнить своих вчераш-

них сотрапезников и соучастников в грабежах. Под страхом смерти запрещено было упоминать слово «опричнина».

С помощью опричнины Грозному удалось запугать непокорную и строптивую титулованную знать. Однако исторически неизбежная борьба за дальнейшее укрепление центральной власти на деле обратилась в массовый террор, вылилась в насилия, которым подверглись не только боярско-дворянские слои населения, но и труженики городов и сел. Погромы опричников, неудачная Ливонская война, нашествия Крыма и Турции, голод и чума — все это привело страну к глубокому экономическому упадку.

К концу правления Ивана Грозного (в 1584 г.) в Московском уезде обрабатывалось только 16% пашенной земли, остальные земли запустели. В новгородско-псковском районе запахивалось и того меньше — только 7,5% земли. «Пустоши, что были деревни» — вот характерные записи в деловых книгах тех времен.

Иван Грозный, оглядываясь на содеянное во время опричнины, начинал раскаиваться. Он страшно боялся «суда господня». Незадолго до смерти царь приказал разослать по монастырям хранившуюся в казне «опальную рухлядь», т. е. награбленное во время опричнины. Это был дар монастырям за то, чтобы они поминали замученных и казненных им людей.

Однако сколь ни раскаивался царь, но и после опричнины привычка давать волю гневу у него сохранилась. В ноябре 1581 г. трагедия произошла уже в собственной семье царя. Грозный убил наследника престола царевича Ивана. По одним сведениям, царь за то «поколол жезлом» сына своего, что тот будто бы «стал говорить ему об обязанности выручить Псков (от Батория)». По другим данным, причина убийства — ссора отца с сыном из-за снохи: царь, войдя в комнату снохи и застав ее просто одетой, разгневался и «прибил» ее. У царевны родился мертвый ребенок. Царевич Иван, отличавшийся вспыльчивостью, дерзнул заступиться за жену, чем и вызвал гнев отца. Потеряв самообладание, Иван Грозный в пылу ссоры пустил в ход посох с железным наконечником. Удар пришелся в висок и оказался смертельным.

«Царь Иван,— писал историк Ключевский,— едва не помешался с горя по сыну, с неистовым воплем вскакивал по ночам с постели», истошно кричал, клял себя... Собрав бояр, Грозный признался им в убийстве сына, тут же высказал желание отречься от престола и просил бояр подумать, кто из них достоин стать царем, так как, говорил он, царевич Федор не способен править государством. Бояре взволновались. Они еще не забыли опричнины и, зная коварный нрав Грозного, наперебой стали выражать желание видеть на престоле только его сына Федора, просили и самого его не покидать трона.

Перед сметью Ивану Грозному мерещились кошмары опричнины, он звал убитого им сына, стал ласков с боярами, наставлял Федора быть добрым и милостивым царем, уменьшить налоги... Однако на деле с начала 80-х гг. была усилена политика сыска беглых крестьян, прикрепления их к феодалам и обременения их налогами и податями.

* * *

Опричнина — сложное, противоречивое историческое явление. Иван Грозный, как свидетельствуют грамоты, написанные им москвичам в начале опричнины, хотел упрочить царскую власть, полностью подчинить себе боярско-княжескую знать, ликвидировать последние очаги старой удельной системы и тем самым усилить единовластие в управлении страной.

С другой стороны, методы, которыми осуществлялась опричнина, все мероприятия «опричных» лет были проявлением деспотизма и насилия.

В опричнине в какой-то степени нашли отражение личные черты Ивана IV — человека, безусловно, энергичного, образованного и в то же время неуравновешенного, мнительного, недоверчивого и жестокого.

«ВСТРЕЧЬ СОЛНЦУ»

Когда началось великое движение русского народа к Уралу и за него, к необъятным просторам Сибири, Дальнего Востока и Аляски? Откуда и кто первым пошел «встречь солнцу»? Хотя ученые накопили немало сведений об этом движении, точных ответов на поставленные вопросы наука дать не может.

Примерно к концу XI в. новгородские ушкуйники[1], плававшие в поисках богатств по северным рекам, оказались вблизи Урала, а затем и перевалили через него, обложив данью Югру, расположенную по обе стороны Северных Уральских гор.

В XII в. новгородцы устремились на Каму, далее шли по Вятке и при впадении в нее реки Хлыновцы основали город Хлынов[2].

Кстати заметим, что новгородцам Урал был известен под именем Камень, Югорский камень. Не знали они тогда и слова «Сибирь». Впервые «Синьбирская земля» упоминается в документах лишь в начале XV в. как название территории Урала и прилегавших к нему земель.

С образованием к концу XV в. единого Российского государства Москва стала наследницей новгородских владений на Урале и теперь сама начала проявлять все более усиливающийся интерес к землям Зауралья.

Один из первых московских походов за Урал был совершен в мае — октябре 1483 г. Землепроходцы достигли Иртыша, а затем Оби.

В 1499—1500 гг. состоялся второй поход за Урал. Результатом этой экспедиции было то, что большинство югорских племен (манси и ханты) становятся данниками Москвы.

Присоединение к Москве зауральских территорий началось в XVI в. Бурные внутренние и внешние события потрясали тогда страну: боярские раздоры в малолетство Ивана IV, затем кровавая и разорительная опричнина; частые неурожаи, голод и эпидемии; войны; нашествия крымцев.

Все это сковывало московские военные силы на западе и юге. Правда, в 50-х гг. были присоединены к Руси Казанское и Астраханское ханства и тем самым русским открылся прямой путь к Среднему и Южному Уралу и за его пределы. Создались благоприятные условия для продвижения в Сибирь, но воспользоваться ими Россия по указанным причинам смогла не сразу.

В закреплении в Приуралье и за Уралом в этот век видная роль принадлежала знаменитому дому Строгановых. Строгановы вышли из крестьян. В XVI в. они уже купцы, промышленники и землевладельцы. В начале XVII в. им было присвоено звание именитых людей, при Петре I они стали баронами, а позже — графами. Строгановы на протяжении ряда веков играли видную роль в экономической, политической и культурной жизни страны.

Обосновавшись в Соли Вычегодской, Строгановы в начале XVI в. владели здесь соляными промыслами и в годы правления Ивана IV были уже крупными солепромышленниками. В 1558 г. царь пожаловал им земли по

---

[1] *Ушкуй* — ладья, отсюда — *ушкуйники*.

[2] Хлынов с 1780 г.— Вятка, с 1934 г.— Киров.

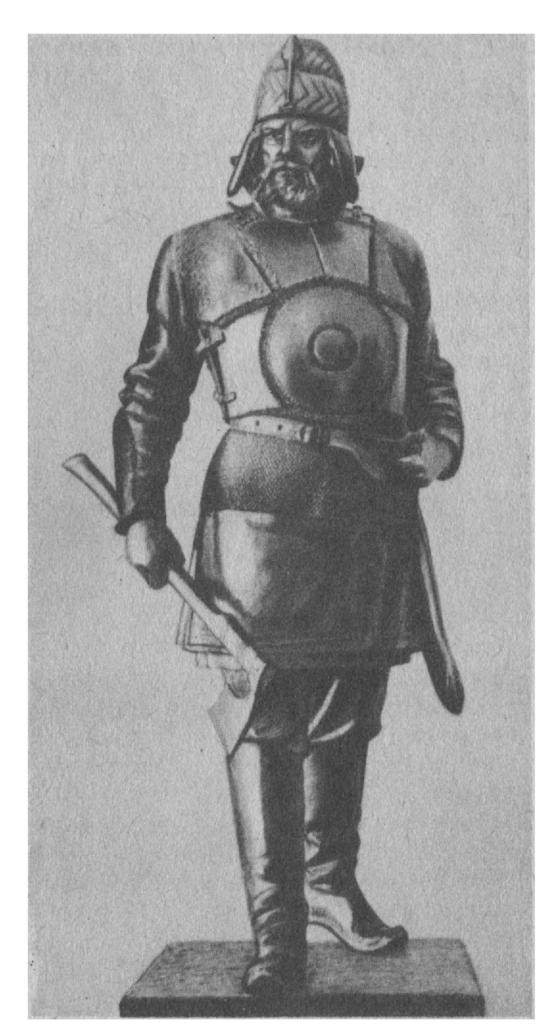
бассейнам рек Камы и Чусовой и одновременно повелел возвести укрепления от набегов «ногайских людей и иных орд». Строгановы-то и столкнулись с Сибирским ханством, которое образовалось на обширных просторах Зауралья вследствие распада Золотой Орды. Глава Сибирского ханства, враждуя с Бухарой и теснимый ею, в 1555 г. обратился к русскому царю за покровительством и получил его, за что должен был платить дань пушниной. Его преемник Кучум первое время сохранял даннические отношения с Россией, но в 1573 г., убив в своем стане московского посла Третьяка Чубукова, разорвал их и вторгся в пределы земель Строгановых.

Тогда Иван IV пожаловал Строгановых землями уже по восточную сторону Урала (бассейн Тобола и его притоков), снова обязав их строить на новых землях, а также по Иртышу и Оби, где «пригодитца для береженья», крепости и в них «снаряд вогняной и пушкарей и пищальников и сторожей от сибирских и от ногайских людей держати», а также снаряжать рать для походов против Сибирского ханства.

Строгановы еще не успели закрепиться на новых землях, как стали подвергаться нападениям вассалов Кучума, которые уничтожали русские поселения, а жителей их уводили с собой в неволю. Пришлось формировать военный отряд для ответных действий против ханства. Во главе с казачьим атаманом Ермаком Тимофеевичем он в 1581 г. отправился в ставший легендарным поход.

Победа следовала за победой. Сначала было разбито несколько вассалов Кучума, затем и сам хан потерпел поражение. Ермак вошел в его столицу Кашлык.

С момента первого крупного поражения Кучума к Ермаку являлись князьки местных народов и татарские мурзы, выражая желание добровольно

Ермак. ***Скульптура М. М. Антокольского.***

присоединиться к Руси. Между русским народом и народностями Западной Сибири установились дружественные отношения. Именно поэтому, когда в стане русских начался голод, местное население всячески помогало им. Вот интересные строки об этом из летописи: «Мнози языцы окрест живущии татаровя и остяки и вогуличи приношаху к ним (голодающим) многия запасы и от ловитв своих от зверей и от птиц и

от рыб со всякое довольство изобилно».

Кучум же, узнав о том, что русские голодают, решил воспользоваться этим в своих целях. Его люди, согласно одному преданию, распустили слух, будто Кучум задержал у себя купцов из Бухары. Ермак во главе ста пятидесяти казаков немедленно бросился на выручку. Вскоре обнаружилось, что слух ложный, и отряд стал возвращаться. Кучум же все время зорко следил за его продвижением и, улучив момент, на одной из ночевок внезапно напал на русских. Казачий отряд, застигнутый врасплох, был разбит. Его остатки спасались на лодках. Ермак пытался добраться вплавь до струга, но под тяжестью кольчуги утонул в реке Вагае (притоке Иртыша). Существуют и другие версии гибели Ермака.

Окончательное вхождение Сибири в состав России произошло несколько позже, но обеспечили его, безусловно, походы Ермака. Он стал любимым героем легенд и песен народа. Дело Ермака довершали уже правительственные войска, которые в 80-х гг. на берегу реки Туры основали Тюмень, а на Иртыше — Тобольск.

Благодаря этим и другим укреплениям упрочились позиции России в Западной Сибири, и в 1598 г. отряд Андрея Воейкова разгромил остатки орды Кучума. Сам Кучум бежал, но вскоре погиб. Покорение Западной Сибири открывало путь в необозримые и еще неведомые русским дали Восточной Сибири.

Уже с конца XVI в. туда устремились промышленники и купцы, переселенцы и служилые люди... А первыми разведчиками новых территорий были землепроходцы.

Правительственные экспедиции редко опережали их. Чаще всего власти, получая донесения от кого-либо из землепроходцев об открытии новых земель, посылали туда отряды войск (служилых людей).

После Оби землепроходцев встретил другой сибирский рубеж — великий Енисей. Трудно сказать когда русские услышали о Енисее и кто первым добрался до него, но известно, что англичане в 1582 г. просили русское правительство разрешить им торговать в бассейнах северных рек и в числе их называли Енисей. Следовательно, землепроходцы или моряки побывали здесь много раньше. Краем этим заинтересовалось и правительство. Оно стало посылать туда служилых людей и стрельцов.

Благодаря безвестным первооткрывателям и последовавшим за ними правительственным отрядам морской путь к Енисею в начале XVII в. был настолько освоен, что из Архангельска в Мангазею[1] стали совершаться уже регулярные плавания. Но вскоре последовал царский указ о запрещении пользоваться морским путем в Мангазею и о запрещении торговать с ней морем. В Сибирь разрешалось добираться только сухопутными дорогами «через Камень и на Тобольск». Эта мера была вызвана опасением, что в Мангазею могут пробраться и иностранные корабли, в чем русское правительство видело большую опасность для своей торговли в новом крае.

Конечно, запрещение морской торговли не привело к прекращению плавания русских по рекам Сибири и Северному Ледовитому океану. Только теперь им приходилось строить корабли здесь же, в Сибири.

Еще до запрещения морской торговли с Сибирью русские землепроходцы устремились к среднему и верхнему течению Енисея. Пользуясь

---

[1] *Мангазея* — город, основанный в начале XVII в. на правом берегу реки Таз. Название получил по месту расселения ненецкого племени мангазея. Впоследствии с освоением Енисея и Лены город запустел и был перенесен на Енисей (Туруханское Зимовье).

правыми притоками Оби и левыми Енисея, а между ними — волоками[1], русские стали продвигаться вверх по Енисею, где в 1611 г. был основан Енисейский острог и через девять лет после этого — Красноярский острог. Так покорился землепроходцам Енисей.

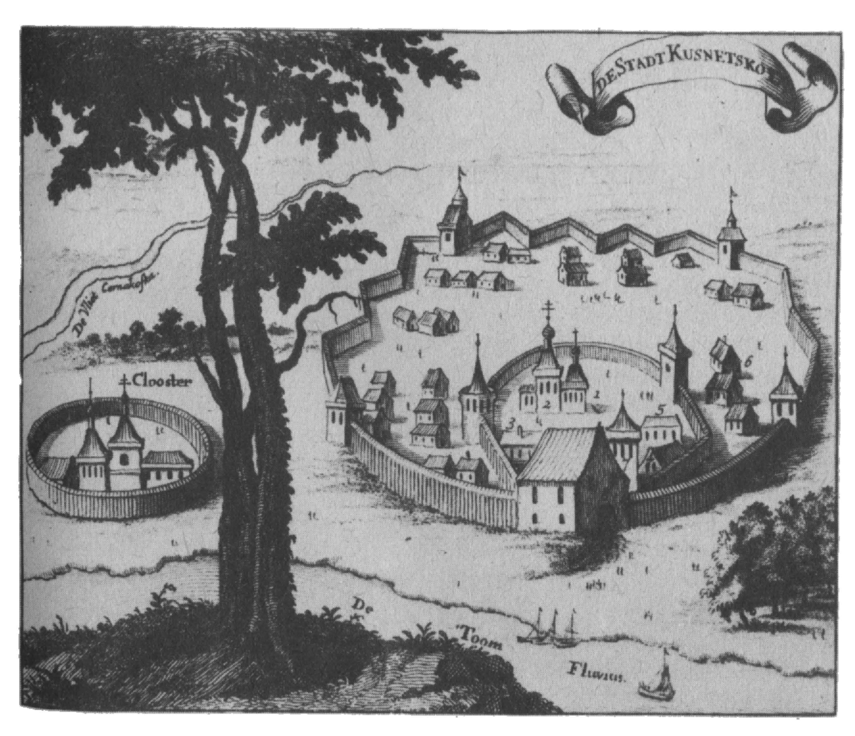
Лена, новая великая водная артерия Сибири, стала известна русским во втором десятилетии XVII в. Тогда появились о ней «темные слухи», но и этого было достаточно, чтобы охотники за пушниной и торговцы ринулись туда. В 1625 г. охотники отплыли из Туруханска вверх по Нижней Тунгуске, а из нее волоком перебрались на Вилюй, вниз по Вилюю вышли к Лене.

Вскоре сотник стрелецкого войска П. Бекетов заложил на Лене Якут-

[1] *Волок* — пространство земли между двумя близкими судоходными или сплавными реками, по которым перетаскивали (переволакивали) лодки и грузы.

Сбор ясака. ***Миниатюра из Кунгурской летописи.*** **Кунгурская летопись содержит описание похода Ермака, ценные данные о Сибири и народах, населявших ее. Характерной чертой летописи является народный, казацкий стиль ее языка, проникнутый грубоватым юмором. Многие сведения летописи основаны на устных преданиях.**

Город Кузнецк в XVII в. ***Из книги голландского путешественника Н. К. Витсена (1692).*** **Кузнецк — один из первых русских городов Сибири — был окружен двойными деревянными стенами с каменными башнями. За первой стеной жили служилые и посадские люди, а за второй — представители администрации и духовенства. Уже в XVII в. многие сибирские города стали центрами культуры.**

ский острог (который в 1643 г. был перенесен на 70 *км* вверх по реке). Далекий Якутск стал быстро расти. С появлением в нем первого воеводы (П. П. Головина) он становится административным и торговым центром края. В то же время Якутск стал играть роль опорного пункта, из которого предстояло двинуться к Ледовитому и Тихому океанам.

В 1633 г. через Якутск прошла экспедиция служилых людей и промышленников и спустилась по течению Лены к Ледовитому океану.

Одновременно продолжалось продвижение и прямо на восток.

В 1636 г. томский воевода послал казачий отряд во главе с атаманом Дмитрием Копыловым для обследования «Ленской землицы» и обложения данью местного населения. Основав Алданское зимовье, отряд остановился здесь, а вперед был отправлен казак Иван Москвитин с небольшой группой. Его знаменитый поход начался в 1639 г. Он был совершен по рекам Алдану, Мае, оттуда вверх по правому притоку Маи Юдому, далее волоком через перевал на реку Улья, а по ней уже Москвитин достиг Охотского моря.

Почти два года эта экспедиция обследовала берега моря, в результате чего было составлено подробное описание местности. В описании И. Москвитина впервые был упомянут Амур.

Теперь оставались непройденными на юге территории бассейнов Байкала и Амура, а на севере громадный район вплоть до Камчатки. И русские люди прокладывали новые пути и в том и в другом направлении.

В освоении новых земель юга Сибири наиболее отличился тобольский казак Курбат Иванов. Его экспедиция побывала в верховьях Лены и ее притоках. В 1641 г. отважный землепроходец представил в Якутское воеводство чертеж с характерным для тех времен длинным названием — «Роспись против чертежу от Куты реки вверх по Лене реке и до вершины и сторонним рекам, которые впали в Лену реку и сколько от реки до реки сухового ходу и пашенным местам и расспросные речи тунгусского князца Можеулка про брацких людей и про тунгусских и про Ламу[1] и про иные реки». В том же году все эти документы были отправлены в Москву, а сам К. Иванов получил новое задание. В чем оно состояло, видно из данных «Росписи службы Курбата Иванова». Там с его слов записано:

«Да я ж, Ивашко, чертил чертеж великую реку Лену с вершины и до устья и в нее падучим (впадающим) рекам — Битим (Витим) и Киреныгу (Киренгу) и Алдан и Вилюи, в них падучим рекам, по Лене реке пашенным местам и всяким угодьям и сторонним рекам и Ангаре реке и на Собачье рекам на Ленке (Оленек) и по Мае реке на Ламу и на море, куда ходили служилые люди Дмитрия Копылова (т. е. Москвитина) и Байкал и в Байкал падучим рекам».

Карта К. Иванова охватывала громадную территорию от Байкала до Ледовитого океана. Можно поражаться столь обширным сведениям об этом крае, собранным русскими землепроходцами за срок в 10—15 лет.

В 1642 г. Курбат Иванов впервые проник на озеро Байкал, составил «Чертеж Байкалу и в Байкал падучим рекам и землицам...». Происходит и освоение Приамурья. Правительство снаряжает сюда две экспедиции: первую возглавил В. Д. Поярков, вторую — Е. П. Хабаров. Результатом их походов было присоединение к России приамурской земли Даурии (название произошло от племени дауров, жившего в Приамурье), которая стала за-

[1] *Брацкие люди* — буряты; *Лама* — Охотское море.

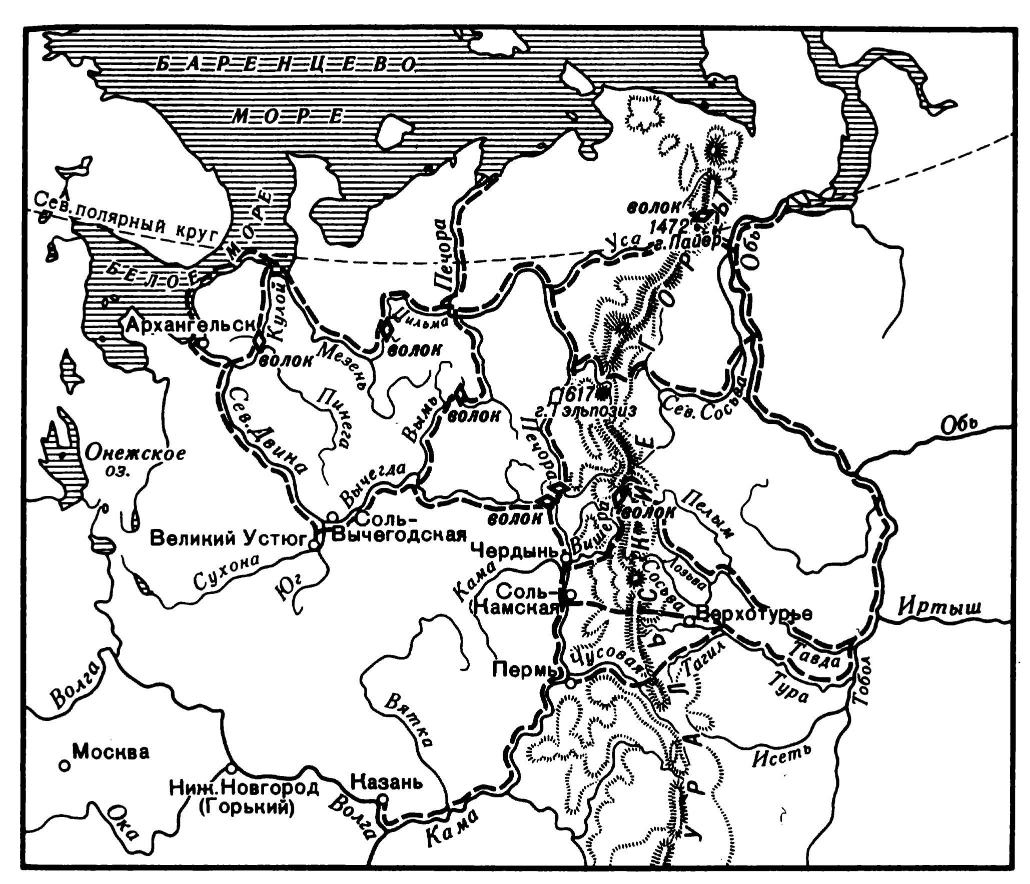

Схема важнейших путей в Западную Сибирь в XV—XVI вв.

селяться русскими крестьянами и казаками.

Для охраны новых территорий в 1658 г. при впадении реки Нерчи в реку Шилку был основан Нерчинский острог.

В течение 60-х гг. XVII в. присоединение к России Забайкалья и Приамурья было завершено.

Проник русский человек и на север.

В 1648 г. приказчик купцов Усовых из Устюга Великого Федот Попов и вошедший с ним в пай казак Семен Дежнев на свои средства организовали экспедицию для поиска мест обитания моржей. На нескольких кочах[1] они отплыли из устья Колымы на восток, но в пути попали в сильный шторм. Уцелели лишь два судна[2], на которых находились сами организаторы экспедиции. Им и посчастливилось первыми проплыть по проливу, отделяющему Азию от Америки. Прав-

[1] *Кочи* — большие лодки («морского ходу») под парусами.

[2] В плавании Попова — Дежнева в 1648 г. погибло 64 человека из 90 (по другим сведениям, из 105), отправившихся в путь.

да, из-за тумана они не видели противоположного материка и сами не знали о своем открытии, но тем не менее оно по праву принадлежит им.

В дальнейшем плавании Попов и Дежнев потеряли друг друга. Судьба Попова точно неизвестна. Одно из предположений — будто бы его коч был выброшен на берег Аляски и там Попов со спутниками организовал первое русское поселение.

Что же касается Дежнева, то о нем у нас имеются определенные сведения. Его коч прибило к берегу южнее устья Анадыря. Здесь Дежнев занялся промыслом моржей. Он плавал по Анадырю, Анюю, притоку Колымы, и составил описание этих мест. Позже, учитывая огромные заслуги Дежнева в открытии и освоении новых мест крайнего северо-востока страны, правительство выплатило ему жалованье за 19 прошедших лет, а затем присвоило звание атамана.

Поход Попова — Дежнева знаменателен еще и тем, что он завершил усилия русских землепроходцев и мореходов в их движении «встречь солнцу». Теперь ими были пройдены вся Сибирь, Дальний Восток и Крайний Север. В состав государства вошел край бесконечных просторов и несметных богатств. Царская казна стала обогащаться за счет ясака (налога) пушниной, взимания торговых пошлин с купцов и промысловиков. Трудовой же народ принялся постепенно осваивать новые земли, заселяя и превращая в пашни обширные районы.

Вторая половина XVII в. прошла в поисках более удобных мест добычи пушнины, моржей, прокладывании коротких путей сообщения, расширении торговли, основании новых зимовок, острогов. Были совершены экспедиции во главе с казачьим пятидесятником Владимиром Васильевичем Атласовым. В 1697 г. Атласов в сопровождении значительного отряда обследовал западное побережье Камчатки, затем пересек полуостров, выйдя на его восточное побережье. Атласов оставил подробное описание обследованной территории с важными сведениями о населении, быте, хозяйственной жизни, климате, флоре и фауне. В описании содержались некоторые данные об Аляске и Курилах. С именем Атласова связано и официальное включение Камчатки в состав России. Собрав с местного населения большой ясак, Атласов в начале 1701 г. сам отвез его в Москву и за свои успехи получил от Петра I назначение казачьим головой.

Однако следует знать об Атласове и другое. За ним сохранилась дурная слава: в отношениях с местным населением он отличался крайней жестокостью. Лют он был и со своими подчиненными, за что в 1711 г. восставшие служилые люди его убили.

Таким образом, к началу нового XVIII в. вся Сибирь вошла в состав России. По первой ревизии (переписи), произведенной Петром I в 1718 г., в Сибири числилось 241 тыс. душ мужского пола, из них 72 тыс.— коренные жители, облагавшиеся ясаком, и 169 тыс. русских.

Освоив огромный край, промысловики и купцы не остановились на достигнутом. Теперь они пускались в плавание и искали новые прибыльные «землицы», вели разведку вблизи побережья, а затем постепенно перебирались и на американский материк.

Во втором десятилетии XVIII в. русские мореходы добрались до Курильских островов и составили их первые чертежи.

В 1719 г. Петр I снарядил экспедицию, возглавляемую Иваном Евреиновым и Федором Лужиным, и дал ее руководителям собственноручное предписание такого содержания: «Ехать вам до Тобольска и от Тобольска взять провожатых ехать до Камчатки и да-

лее куда вам указано. И описать тамошние места, где сошлася ли Америка с Азией[1], что надлежит тщательно сделать и... на карте исправно поставить».

Петровская экспедиция побывала на Камчатке, а затем провела обследование Курильских островов. В самом конце 1724 г. Петр I стал организовывать новую экспедицию под руководством В. Беринга, которую ученые называют Первой камчатской.

Два года экспедиция с большим снаряжением пробиралась до Охотска, а третий год путешественники провели на Камчатке. Здесь был построен бот «Святой Гавриил», на котором в июле 1728 г. началось знаменитое плавание, приведшее к вторичному открытию пролива, получившего имя Беринга — руководителя экспедиции.

Любопытно, что участники этого плавания не знали о своем открытии. Вот что с ними произошло. Беринг, веривший в наличие пролива между Азией и Америкой, повел корабль на север, но, дойдя до широты 65°, созвал «консилию» (совещание), чтобы решить, куда плыть дальше. Здесь было высказано два противоположных мнения. Одно из них принадлежало помощнику Беринга М. Шпанбергу. Он предлагал плыть до 16 августа и возвратиться на Камчатку, если к этому времени судно не дойдет до широты 66°. Другой помощник, А. И. Чириков, считал необходимым плыть до устья Колымы, после чего не могло быть никаких сомнений в наличии пролива. Оба эти предложения, по требованию пунктуального Беринга, были изложены письменно, благодаря чему мы можем судить о разумности плана Чирикова, но Беринг с ним не согласился.

15 августа судно отправилось в обратный путь, а между тем оно в этот момент находилось за 67° северной широты, т. е. прошло пролив. Если бы была ясная погода, моряки могли бы сами видеть противоположный берег и считать свою задачу выполненной, а теперь вернулись, как им казалось, ни с чем.

В феврале 1733 г. из Петербурга начала свой путь Вторая камчатская экспедиция, еще более грандиозная и еще более тщательно подготовленная. Во главе ее был снова В. Беринг со своими прежними помощниками А. И. Чириковым и М. Шпанбергом. Задача экспедиции состояла в том, чтобы пройти пролив между Азией и Америкой, обследовать северную часть Тихого океана, побережье Ледовитого океана, достигнуть Японии. Ставилась задача изучения сибирского материка.

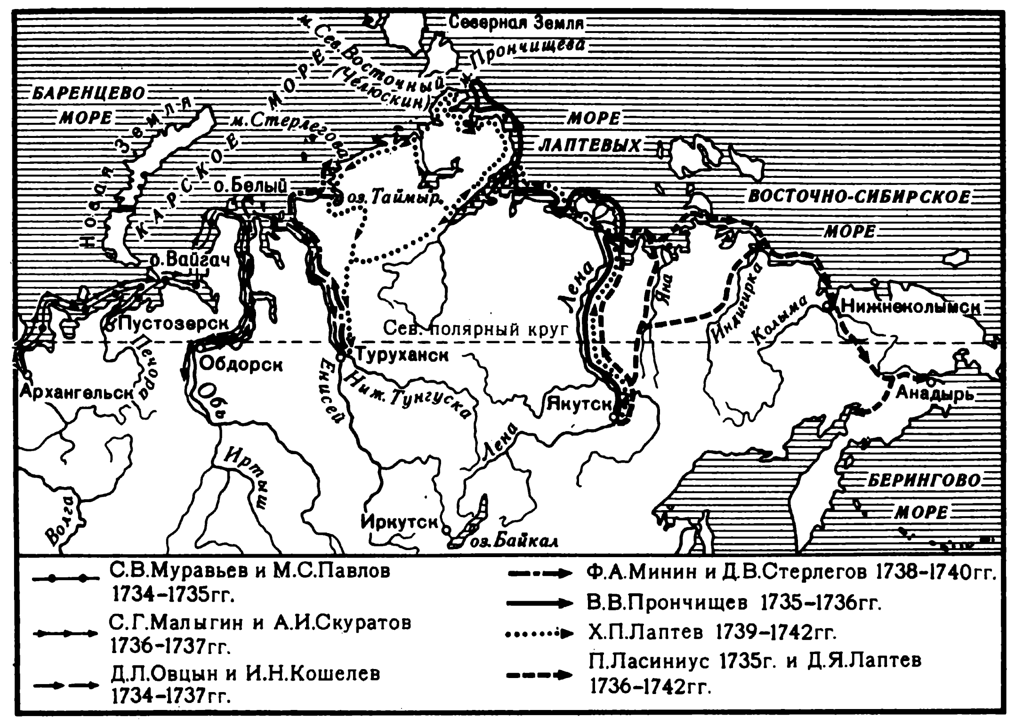
Эта экспедиция состояла из нескольких отрядов. Три из них в течение 1734—1739 гг. продвигались по территории от Архангельска до Таймырского полуострова; побережье Ледовитого океана обследовал отряд, руководимый двоюродными братьями Д. Я. Лаптевым и Х. П. Лаптевым. Первый шел вдоль берега на восток от Лены, второй — на запад от нее до устья Енисея.

В составе отряда Х. П. Лаптева был подштурман С. Челюскин, который с тремя солдатами добрался до крайней оконечности Таймырского полуострова. Он дал подробное описание территории мыса, впоследствии названного его именем.

В сентябре 1740 г. Беринг и Чириков на кораблях «Св. Петр» и «Св. Павел» вышли из Охотска и 6 октября достигли Авачинской бухты (названа по имени впадающей в нее реки Авачи). Здесь экспедиция заложила город Петропавловск-Камчатский.

---

[1] Открытие Поповым — Дежневым пролива между Азией и Америкой оставалось в это время неизвестным науке. Отписки и челобитные Дежнева были обнаружены только в 1736 г. и опубликованы в 1742 г.

Основные маршруты северных отрядов Второй Камчатской экспедиции.

Отсюда в следующем году корабли вышли в море с целью открытия пролива, но в тумане разошлись.

Чириков, проискав бесплодно трое суток командира, пошел далее своим маршрутом, и 15 июля 1741 г. в корабельном журнале «Св. Павла» появилась запись: «В 2 часа пополуночи впереди себя увидели землю, на которой горы высокие... В 3-м часу стало быть землю свободнее видеть... и оную признаем мы подлинной Америкой по месту, по положению ее, по длине и ширине...» Это еще не был сам материк, Чириков достиг островов близко расположенных к его побережью (район о-ва Принца Уэльского). В октябре 1741 г. «Св. Павел» возвратился в Авачинскую бухту. Экипаж корабля был утомлен и измучен цингой.

Труднее и трагичнее был путь Беринга. Он тоже (днем позже) достиг побережья Аляски, 20 июля открыл остров Кадьяк, на обратном пути — острова Шумагинские и часть Алеутских. После трудного обратного плавания «Св. Петр», не достигнув Камчатки, подошел к острову (ныне остров Беринга), где экипаж встал на зимовку. Здесь тяжелобольной Беринг умер. Моряки построили новое судно («Св. Петр» был разбит) и на нем добрались до Петропавловска.

Плавание Чирикова и Беринга к Аляске, собранные ими сведения об островах, а главное, привезенные экспедициями шкурки бобров и клыки моржей вызвали волну новых морских путешествий к берегам Америки.

С 1776 г. в прибыльный промысел

и освоение новых земель включился крупный купец Г. И. Шелихов, который в 1784 г. основал русское поселение на острове Кадьяк, положив тем самым начало заселения русскими Аляски.

Стремление Англии проникнуть на территорию Аляски вызвало необходимость укрепления там русских позиций. Шелихов решает создать постоянные русские поселения непосредственно на Аляске. С другой стороны, он предлагает учредить русско-американскую торговую компанию, которая сосредоточила бы в своих руках всю торговлю на Аляске. Такая компания образовалась в 1799 г.

Центром русских поселений стал Ново-Архангельск, расположенный на прибрежном острове. Этот остров получил имя первого главного русского правителя на Аляске А. А. Баранова. Под его руководством с 1790 по 1818 г. шло заселение Аляски русскими, обследование побережья Америки вдоль Тихого океана; началось кораблестроение, добыча полезных ископаемых; появились первые школы, библиотеки, обсерватория.

Достижением Аляски и завершилось движение русских «встречь солнцу». Это было великое движение. Здесь были названы только главные его этапы и действующие лица, заслуга которых в освоении новых земель неоспорима. Но в своей деятельности они опирались на труд и помощь простых людей — матросов, рабочих (покрученников), служилых людей, казаков и земледельцев. Абсолютное их большинство осталось безвестно, но без них не пошел бы вперед ни купец, ни промышленник, не поплыл бы ни один корабль, не было бы удержано ни одно открытое место. Благодаря им бесстрашные русские мореходы и землепроходцы впервые исследовали и описали восточное побережье Азии, пролив между Азией и Америкой, бассейны многих сибирских рек, бескрайнюю тайгу... Тем самым движение «встречь солнцу» внесло большой вклад в мировые географические открытия.

СМОЛЕНСКОЕ СИДЕНИЕ

Первое десятилетие XVII в., ознаменованное грозной крестьянской войной под предводительством Ивана Болотникова, было на исходе.

Хитростью и вероломством взял царь Василий Шуйский последний оплот восставших — Тулу и жестоко расправился с побежденными. Но долго еще волновались народные массы, не желая мириться с непосильным феодальным гнетом.

А между тем за событиями в стране пристально следили польские феодалы. Хотя и провалились их попытки подчинить себе Московское государство с помощью Лжедмитрия I, они, однако, не теряли надежды на успех и в 1607 г. снарядили в поход другого самозванца — Лжедмитрия II. Весной 1608 г. он подошел к Москве, но взять ее не смог и остановился лагерем в Тушино.

Одни города разобщенной страны присягнули Лжедмитрию II, другие остались верными царю Шуйскому. У власти оказалось два царя и два правительства. И оба эти правительства были непрочны. Многие московские дворяне переметнулись к самозванцу, который одарил их за это землями.

Отряды самозваного царя стремились окружить Москву. Они нещадно разоряли и опустошали города и села. По словам иностранца Мартина Бера, проживавшего тогда в Москве, «сии пришельцы... грабили россиян без милосердия».

Но против чужеземных грабителей и поработителей поднялся народ. Незатухавшая классовая борьба стала перерастать в национально-освободи-

тельное движение. С зимы 1609 г. оно разворачивается все шире и шире.

В этот момент в самой Польше активизировались силы, стоявшие за открытую интервенцию в России. Их возглавлял король Сигизмунд III Ваза. Россия, ослабленная внутренней борьбой, казалась ему легкой добычей. Действительно, часть феодальной знати в страхе перед народным движением решила призвать на российский престол сына польского короля Владислава.

Войска Сигизмунда III подходили к Смоленску. Король направил туда послание — универсал. Обращаясь ко всем людям города, Сигизмунд писал, что с кончиной «последнего потомка великих государей» (Федора Ивановича) стали править в Москве люди нецарского рода. За «алчность и кичливость» этих правителей бог-де наказал весь русский народ. Вот и полилась кровь: «восстали брат против брата, приятель против приятеля, слуга и холоп против своих господ».

Как видим, удивительно просто объяснил король русскому народу причины классовой борьбы и междоусобицы в стране: народ страдает из-за плохих, «незаконных» царей.

Воспользовавшись тяжелым положением страны, писал король, в нее хлынули иноземцы, которые «повоевали много городов, брали без числа пленных, церкви разоряли и жгли». Вместе с другими, продолжал Сигизмунд, и немцы хотят захватить много городов и установить в Московском государстве свою «еретическую веру».

Король уверял, что будто бы, видя все эти беды, многие большие, средние и малые люди Московского государства били ему челом, чтобы он, как наиближайший родич московских царей вспомнил прежнюю дружбу с ними, «жалился над пропадающим и гибнущим государством Московским, не допустил до конечного разорения» веры и церквей, а также избавил жен, детей, дома от «погибели и уничтожения».

«И мы...— писал он далее,— соболезнуя о такой гибели вашей и о беспрестанном пролитии крови христианской и удовлетворяя челобитью многих русских людей, сами идем к вам... не для того чтобы воевать вас или проливать кровь вашу, а... оборонять вас от всех врагов ваших... стараясь пуще всего о сбережении православной русской веры и о доставлении всем покоя и тишины».

Так льстиво и вкрадчиво, с попыткой обосновать «законность» своего вторжения в чужую страну, захватчик уговаривал смолян добровольно принять его сторону. Однако до конца выдержать роль «благодетеля» он не смог. «А если вы,— писал он в заключение,— пренебрежете... нашей королевской милостью (чего, однакож, не чаем), то войско наше не пощадит ни вас самих, ни жен, ни детей, ни домов ваших, а нашей вины в том не будет...»

В сущности, универсал представлял собой ультиматум, требовавший капитуляции смолян перед вторгшимся врагом. Подписан этот документ был 19 сентября 1609 г. На следующий день его вручили Смоленску, а рано утром 21 сентября, не дождавшись ответа, Сигизмунд с войском перешел пограничную речку Ивалу. Утро, как записано в сохранившемся дневнике участника похода, было «пасмурно, начинался дождь, но как король перешел мост, тотчас же засияло солнце». По словам автора дневника, войско короля было «блистательным и красивым». Поход ожидался легкий, победоносный. Ожидания эти не оправдались. Универсал короля смоляне не приняли, а послу, доставившему его, сказали: «Если в другой раз придешь с таким же предложением, напоим тебя водой» (утопим).

С подходом сил противника возник вопрос о судьбе смоленского посада. 6 тыс. домов ремесленников и торговцев располагались вне крепостных стен. Сначала посадские просили воеводу М. Б. Шеина защитить их кров и имущество, но он заявил на созванном вече, что сил для обороны посада нет. Тогда посадские представители стали кричать: «Жги! Жги! Ничего не должно достаться врагу!» И посад запылал. Ночью зарево пожара было видно далеко от Смоленска. Оно было грозным предупреждением незваным пришельцам.

Кичливые захватчики намеревались взять Смоленск с ходу. 26 сентября передовые отряды бросились на крепость, но были легко отбиты смолянами. Через три дня после этого крепость осматривал гетман Жолкевский. Он был противником похода на Смоленск и предлагал королю иной план завоевания Руси — идти выше Смоленска, где не было крупных городов и сильных укреплений. Вот и теперь он лишний раз убедился в неприступности крепости, возведенной недавно знаменитым русским зодчим Федором Конем.

Окружив крепость, враг сразу стал готовить ее штурм. Было решено атаковать город ночью одновременно в нескольких местах. Еще до рассвета началась бомбардировка. Одни орудия били по стенам и башням, другие стреляли зажигательными снарядами по городу, чтобы вызвать пожар. Из донесения в Москву смоленского архиепископа Сергия видно, что войска Сигизмунда III пытались штурмовать крепость в трех местах. В одном из них им удалось сделать проломы. Однако защитники, осветив факелами стену, держали врага под непрерывным обстрелом. Дважды через проломы врывались в город немецкие наемники, и дважды смоляне отбрасывали их. Штурм был отбит, проломы заделаны.

На следующий день атаке подвергся Пятницкий острог, представлявший собой деревянное укрепление перед крепостью. Он был взят противником и сожжен. Окрыленные этим успехом, вражеские войска с наступлением ночи в третий раз бросились на крепость. Но их атаки и теперь были отражены. Предприняв три безрезультатных штурма, враг был вынужден начать со смолянами переговоры. Смоляне решительно отказались сдать город. Король был взбешен. Он отдал командиру наемного полка Вайеру приказ возобновить бомбардировку и готовить новый штурм. В ночь на 17 октября осаждающие подтащили четыре орудия к Богословским воротам на расстояние в несколько сажен[1].

Утром 17 октября обстрел крепости и города возобновился. Пушки палили несколько дней. Одновременно противник повел два подкопа под стены с целью взорвать их, но смоляне с помощью слухов тотчас же узнали об этих работах и сразу начали свои контрподкопы, сведшие на нет замыслы врага.

К зиме 1609 г. Смоленск продолжал оставаться непобедимым бастионом. Но он уже переживал значительные трудности. Раньше всего в городе обнаружилась нехватка воды. Приходилось делать боевые вылазки к Днепру, но они чаще всего оказывались неудачными. Наступала первая осадная зима. Сбежавшиеся в город дворяне, посадские люди других городов и крестьяне летом кое-как были размещены, но с холодами положение изменилось. Жилья не хватало. В землянках оставаться было нельзя. Кончились дрова. Люди мерзли. Надвигался самый страшный враг осажденных — голод.

---

[1] *Сажень* — русская мера длины, равная 2,13 м.

План осады Смоленска в 1609—1611 гг.

Власти, произведя перепись хлеба, установили нормы выдачи его из государственных запасов. Дворянин, бывший на службе, получал в месяц по осьмине (примерно 25 *кг*) хлеба на члена семьи и на холопа — по полосьмине. Обеспечивались хлебом и иногородние дворяне. Примерно такую же норму хлеба, как дворянам, выдавали стрельцам. Значительно хуже приходилось посадским людям. Коренные смоляне получали по осьмине ржи, но уже на всю семью, а пришлые посадские из Дорогобужа и Вязьмы — немногим более 6 *кг* на семью. Крестьяне же вовсе не имели хлебного пайка. Зимой 1610 г. хоронили в день по 30—40 человек, весной — уже по 100—150 человек.

Наиболее преданное делу обороны население вынуждено было бежать из крепости или, оставаясь, вымирало от голода и болезней, в то время как дворяне, стрельцы и духовенство жили в относительном достатке. Но именно в обеспеченной среде сложился заговор изменников, была создана тайная организация, действовавшая в пользу польского короля.

3 ноября 1609 г. перебежал к неприятелю смоленский стрелец и подробно рассказал о материальных затруднениях в крепости, начавшейся дороговизне, недостатке воды. Стрелец, перебежавший к врагу 10 декабря, донес о прорытии осажденными канала к Днепру. Важные сведения передал врагу перебежчик-стрелец 4 апреля 1610 г. От него поляки узнали о бедствиях смолян и массовой смертности, о том, что башни теперь охраняет всего по 30 человек (вместо прежних 300).

Между тем осаждавшие изменили тактику. Убедившись, что с имеющейся у них артиллерией крепости взять нельзя, они стали ждать подвоза из Риги тяжелых осадных пушек, а тем временем, осведомленные перебежчиками о тяжелом положении осажденных, повели агитацию с целью разложения смолян изнутри.

В начале ноября 1609 г. убеждал смолян сдаться игумен одного из смоленских монастырей. Он явился к крепости, долго вел перебранку с осажденными и ушел ни с чем. Прошла неделя, и под стенами крепости стал взывать к горожанам новый агитатор. Им был польский офицер, который пытался настроить посадских людей и крестьян против воеводы Шеина и дворян (те, мол, живут обеспеченно, а вы голодаете). За расправу с дворянами и воеводой он обещал народу «боярские волости». Ответом было презрительное молчание защитников.

Одновременно с агитацией враг продолжал «подземную войну», но и в ней терпел неудачу. В январе 1610 г. он рассчитывал с помощью ряда подкопов взорвать стену на разных участках крепости, но защитники всякий раз опережали их, ведя свои контрподкопы. Подрывшись к первому из них, смоляне открыли стрельбу по врагу картечью. После этого подкоп был взорван. Спустя три дня такую же операцию повторили со вторым подкопом. Аналогичная участь постигла и третий.

В начале февраля 1610 г. смоляне ночью взорвали большой миной очередной подкоп. Взрыв был мощный. Землей засыпало солдат и инженера. Последнему удалось к утру откопаться.

Озлобившись, незадачливый инженер на другой день приказал взорвать мину в новом подкопе, но он поторопился: подкоп еще не достиг стены и взрыв не причинил ей вреда.

За дело взялся французский инженер. Ему тоже пришлось немало пережить. Смоляне подвели под его подкоп свой и взорвали мину. Над крепостью взлетела масса земли и дыма, унося с собой и француза. Тот, видимо, уже прощался с жизнью, но ему повезло: он упал в сугроб и остался жив.

Наконец, решил доказать свое искусство третий инженер врага. Он стал рыть подкоп от шанцев[1], однако и тут смоляне опередили неприятеля, взорвав мину во встречном подкопе. Инженер, раздраженный и опозоренный, ночью решил разрушить стену с помощью петард[2], но его затея окончилась неудачей.

В июне 1610 г. под селом Клушином было разбито царское войско, посланное на помощь Смоленску. Враг угрожал Москве. К столице снова подошел Лжедмитрий II, бежавший в январе 1610 г. из Тушина в Калугу. В такой обстановке созрел заговор против В. Шуйского, и он был свергнут с престола, а в августе 1610 г. бояре[3], взявшие в свои руки власть, предали страну — признали царем Владислава, сына Сигизмунда, и в сентябре 1610 г. впустили врага в Москву. По всем городам страны были разосланы грамоты с извещением об «избрании» на русский престол сына польского короля.

А Смоленск стоял. Теперь все другие города стали смотреть на него как на единственного защитника Родины, как на пример верности ей и самоотверженности в борьбе с врагом. Сознавая эту свою великую роль, смоляне в январе 1611 г. разослали грамоту «господам братьям всего Московского государства» с призывом повсеместно подниматься против иноземного врага. Города, побуждаемые примером Смоленска, стали слать друг другу призывные грамоты. Вот что писали из Ярославля в Казань: «В смертной скорби люди сетуют и плачут и рыдают», но они утешаются примером «Ермогена патриарха да премудрого боярина Михаила Шеина и всех православных крестьян, смоленских сидельцев», которые не поддались на все «обманы и ласкания, ничего не послушали и учинили смерть на память и на славу и на похвалу... А на Москве смоленские люди тем помощь учинили вескую, что король не опростався» (т. е. скован со своим войском).

Дела «смоленских сидельцев» прославлялись как «досточудные и достохвальные». О них с особенным воодушевлением говорил автор одного из воззваний к городам русским (конец 1610— начало 1611 г.): «Поревнуем и подивимся великому оному нашему граду Смоленску, его же стояние к западу — како в нем наше же братия православных христиан сидят, и великую всякую скорбь и тесноту терпят, и стоят за всех... за нас, а общему нашему супостату и врагу королю не покорятся и не здадутся. Сами ведаете, с какого времени сидят!» Терпя «великое утеснение», они тем не менее не прельщаются вражескими обещаниями и «все стоят единодушно и непреклонно и неподвижно умом и душою... и хотят славне умрети, нежели бесчестне и горко жити. И каково мужество показали и какову славу и похвалу учинили во все наше Российское государство!» Автор гневно клеймит изменников родины, королевских «доброхотов (московских бояр называет душепагубными волками.— *В. А.*), которые от него нынче прельщены... мимотекущею и погибающею славою и богатством ослеплены». «...Но все они, король и изменники, не до конца еще держат в своих руках наше государство. Заслуги в этом Смоленска, крепкого русского града, который держит злодея короля ни за главу, ни за руце, ни за нозе, но за самое злонравное и жестокое сердце и к нам итти претит».

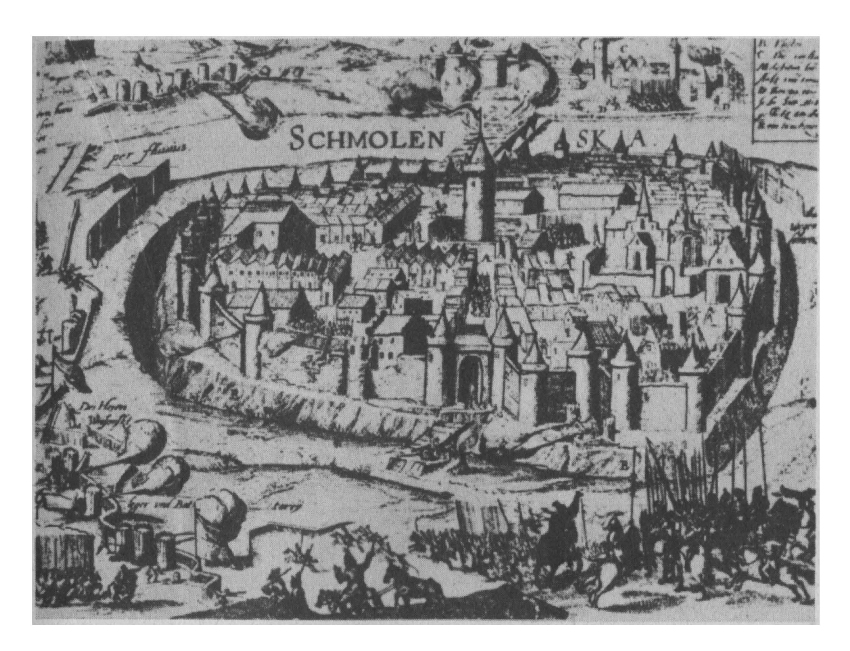
Автор взывал ко всем россиянам: «Мужайтеся и вооружайтеся и совет

---

[1] *Шанцы* — оборудованная позиция для пушек.

[2] *Петарда* — разной формы емкость, начиненная порохом для взрыва ворот, стен и т. п.

[3] Власть перешла к боярской думе, но фактически она оказалась в руках семи бояр, почему и называлась семибоярщиной.

Осада Смоленской крепости войсками Сигизмунда III. ***Гравюра начала XVII в.*** **Смоленская крепость построена в 1596—1602 гг. выдающимся русским архитектором Федором Савельевичем Конем. Каменная стена имела ширину около 5 м и высоту до 15 м. Ф. С. Конь при строительстве использовал новейшие технические и военные достижения своего времени. Кроме Смоленской крепости он руководил постройкой стен Белого города в Москве, а также многих монастырей-крепостей на границах России.**

межу собою чините, каково бы нам от тех врагов своих избыти! Время пришло,— говорил он,— подвиг показати и на страсть дерзновение учинити». По мнению автора воззвания, нельзя больше ждать. «Что стали? — вопрошал он.— Что оплошали? Чего ожидаете и врагов своих на себя покушаете и злому корению и зелью даете в землю вкоренятися» и как «злому горкому полыню расположатися?»

Грамоты и воззвания, во множестве тогда распространявшиеся по стране, отражали общенародное патриотическое настроение. В городах и селах ширилось национально-освободительное движение. Вскоре стало собираться первое ополчение во главе с рязанцем Прокопием Ляпуновым.

Наступило самое ответственное время для страны. Для Смоленска оно было ответственным вдвойне. Весть о поражении под Клушином русского войска, шедшего на помощь Смоленску, произвела тягостное впечатление на осажденных. Воевода Шеин будто бы сказал горожанам: «Думайте, что будет за тем, а я города не могу удержать, люди вымерли». Действительно, город был в плачевном состоянии. В начале июня 1610 г. перебежчик сообщил, что едва ли наберется 2 тыс. человек, способных защищать крепость.

Между тем неприятель получил осадные пушки и стал с начала июля устанавливать их на боевых позициях.

Смоляне чувствовали, что наступает время новых штурмов крепости, и усиленно готовились к отражению врага. Сил мало, на все бойницы людей не хватает, поэтому нижние и средние бойницы одной (западной) стороны крепости были заделаны камнями; на стенах устанавливали деревянные срубы и засыпали их землей; на случай разрушения башен их окружали с внутренней стороны высокими земляными валами с деревянными срубами на них. За валами возводили клети, которые заполняли землей и камнями. Такие же работы провели у всех крепостных ворот, предварительно завалив их камнями.

И вот наступило 28 июля 1610 г.

Король предъявил защитникам Смоленска ультиматум: или немедленная сдача, или смерть всем вместе с семьями. На раздумье три часа. Но воевода даже не принял королевское письмо.

Через три часа был открыт огонь из новых пушек. Они били по Грановитой башне и к вечеру сделали большой пролом. Близился рассвет. Несколько сот наемников-немцев и отряд казаков ждали начала атаки. С противоположной стороны крепости приготовились с лестницами взять стену другие отряды. Наемники ворвались в пролом, но наткнулись на бревна и камни, их встретила пушечная пальба. Атакующим пришлось отступить.

Снова бомбардировка в течение всего дня. Врагу удается сделать двухсаженный пролом в стене рядом с разбитой башней. В течение ночи противник прорыл две канавы от шанцев для безопасности подхода. На рассвете 1 августа, добавив к двум прежним третью колонну — рыцарей, противник пошел на штурм. Его встретило яростное сопротивление смолян. Осаждающие снова отступают.

Через два дня Сигизмунд получил весть о свержении В. Шуйского. В польском лагере началось ликование. Польский гетман А. Гонсевский с изменниками из числа смоленских дворян подходил к крепости и убеждал смолян, что теперь им остается только сдаться. Но защитники ответили на это предложение взрывом нового вражеского подкопа.

Это было 3 августа, а 4-го осаждавшие выстроились для штурма. Полагая, что новые разрушения стен сделают смолян сговорчивыми, противник снова предложил Шеину сдаться. Воеводе было выгодно тянуть время, и он затеял с вражеским представителем Л. Сапегой переговоры, предварительно выдвинув условие — неприятель должен прекратить бомбардировку и возвратить свои войска в лагерь. Командовавший теперь войсками короля гетман Потоцкий приказал идти на штурм, но в дело вмешалась природа: полил дождь, и атака была отложена.

Осаждавшие на время затихли, тем более что в их лагере зрел раздор. Безуспешная осада Смоленска была позором для короля, его войска и государства. В казне не было денег. Войско, особенно рыцарство, из-за задержки жалованья роптало. Солдаты не видели для себя смысла в войне.

Скоро начались новые переговоры. Московские бояре прислали Шеину приказ немедленно сдать Смоленск. Смоляне завязали с московскими послами переговоры, выделив для этого шесть человек от всех сословий. Как и прежде, смоленские делегаты потребовали прекращения обстрела города и крепости и теперь уже и вывода войск врага из страны.

Захватчики и слышать об этом не хотели. Возмущаясь, они говорили, что смоляне могут только просить помилования, а не требовать прекращения войны. Каждая сторона стояла на своем. Так прошло время с 10 по 23 сентября. Убедившись, что их водят за нос, осаждавшие прекратили переговоры с угрозой предать всех смолян смерти.

1 октября король прислал универсалы-ультиматумы, в которых требовал сдать крепость. Один универсал был адресован посадским людям, другой — дворянам. Если через три дня не сдадитесь, грозил Сигизмунд, посадских предам смерти, а имущество их конфискую. Дворян король собирался лишить земель.

Через три дня Сигизмунд получил «ответ» — новый взрыв очередного подкопа, разрушивший и часть шанцев с орудиями. Теперь для штурма надо было снова ждать подвоза пушек, и на это ушло два месяца. К концу ноября был закончен новый подкоп, который рылся под руководством смоленского предателя-дворянина. Под стену была

заложена мина большой мощности — 150 ц пороху. Стали готовить очередной штурм, но рыцари опять взбунтовались. На их уговор ушло два дня.

Наступило 1-е декабря. Загремели три барабана. Это был сигнал, по которому подожгли фитиль к мине, но взрыва не последовало. Потом взрыв произошел и пролом в стене был сделан немалый — до 10 сажен, но рыцарство, увидев за проломом укрепленный земляной вал, решило подождать другого случая.

Ф. И. Мстиславский в конце февраля снова прислал грамоту, призывая Шеина сдаться, но воевода использовал это для завязывания новых переговоров. Теперь осаждавшие вынуждены были идти на некоторые уступки. Они требовали пустить в крепость 350 человек из их войск и оплатить все расходы на осаду Смоленска. В своем ответе Шеин говорил, что смоляне согласны впустить в город 200 человек, но только тогда, когда остальная армия покинет страну, и при условии, что в городе будет распоряжаться воевода. Никаких выплат врагу за осаду город не даст. Это была не капитуляция, а условие победителей. Противник окончательно убедился, что никакими ухищрениями ему не удастся обмануть защитников Смоленска и сломить их дух. В течение мая предпринималось несколько штурмов, но Шеин «последними людьми бьющеся беспрестанно и к городу поляков не допускаша». Ряды защитников весной таяли на глазах. У Шеина оставалось не более 300—400 человек, кое-как годных к сопротивлению. И вот наступил решающий день. Захватчики подвезли новые осадные пушки и стали устанавливать их с восточной стороны. Цель прорыва — Авраамиевские ворота. Одновременно готовится штурм еще в нескольких местах.

Перед атакой несколько дней велась ожесточенная бомбардировка крепости. Конечно, отражать такой штурм защитники теперь уже не имели сил и средств. Когда противник ворвался в большой пролом у Крылошевской башни, он не встретил там ни одного человека.

Небольшие силы смолян отходили к центру города, отбиваясь от наседавшего противника. «Главная битва, или, скорее резня,— говорится в одном документе,— происходила на тогдашней въездной улице Рудницкой... Оттого эта улица позже и переименована в Резницкую». Остатки защитников и жителей Смоленска собрались в Мономаховом соборе и взорвали себя. По словам гетмана Жолкевского, не успевшие умереть в монастыре «добровольно бросались в пламя».

Воевода Шеин с семьей и небольшой группой смолян отбивался на Коломенской башне и тут был пленен.

Героический Смоленск пал, но он выполнил до конца свой патриотический долг перед родиной. Его защитники погибли, но благодаря их необыкновенной стойкости и мужеству главные силы польского войска не только не прошли в глубь страны, но были настолько деморализованы и истощены, что вынуждены были сразу возвратиться в Польшу.

Смоленские посадские люди, крестьяне и их славный воевода М. Б. Шеин внесли большой вклад в спасение родины.

Смоленск пал, но уже собиралось по призыву Козьмы Минина народное ополчение. Подвиг Смоленска был для новых патриотов воодушевляющим примером.

ВСЕРОССИЙСКИЙ РЫНОК

Речь здесь пойдет о времени, когда начал формироваться всероссийский рынок — устанавливаться общие хозяйственные связи между различными частями страны.

Первым в исторической науке на этот факт указал В. И. Ленин. Он говорил, что до XVII в., даже в рамках уже существовавшего единого государства, сохранялись остатки былой феодальной раздробленности, экономической изолированности отдельных областей страны. И только с XVII в. начинается действительно фактическое слияние «всех таких областей, земель и княжеств в одно целое». Это слияние, писал В. И. Ленин, «вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок».

В. И. Ленин показал, что внутренний рынок, торговля внутри страны развиваются лишь тогда, когда появляется товарное производство, когда производитель материальных благ начинает работать на рынок. А в XVII в. ремесло достигает своего расцвета, что приводит сначала к укрупнению производства, а затем к образованию крупных предприятий — мануфактур (от латинских слов «манус» — рука и «фацио» — делаю, что означает «ручное производство»).

Центром рождающейся мануфактуры была Москва — столица России. Здесь на Пушечном дворе отливали пушки и колокола; в мастерских Оружейной палаты изготовляли боевое оружие для войска, художественно-ювелирные изделия; на Денежном дворе чеканили монету; на Печатном дворе изготовляли бумагу и книги; на Бархатном и Хамовном дворах, в царской и царицыной мастерских, Золотой и Серебряной палатах производили шелк, продукты прядения и ткачества, шили одежду, изготавливали золотые и серебряные вещи для двора. Помимо этих казенных и дворцовых, где доля вольнонаемного труда была незначительной, развивались и частные мануфактуры с широким использованием наемных рабочих.

Гость (богатый купец) Н. А. Свешников, разбогатев на торговле пушниной, стал затем крупным мануфактуристом-солепромышленником. Он владел солеварнями в Соли Камской и Жигулях. Соледобыча обогатила мануфактуристов Строгановых, Шустовых, Филатьевых и др. Солеварные мануфактуры имели монастыри, особенно Соловецкий.

В Холмогорах, Вологде и Архангельске работали канатные мануфактуры, построенные иностранцами. Голландец Койет начал крупное стекольное производство под Москвой.

В районе Тулы голландец Виниус в 1632 г. основал завод, который через четыре года дал 144 пуда железа. Он стал работать с использованием вольнонаемного труда, однако на подсобные работы царь приписал к нему дворцовую Соломенскую волость с 250 дворами. Во второй половине XVII в. в тульско-каширском районе было 7 металлургических и металлообрабатывающих (оружейных) заводов. В конце XVII в. возник первый металлургический завод в Олонецком крае.

Начали появляться первые металлургические заводы и на Урале, но здесь пока в основном шла разведка месторождений металла.

Мануфактура в XVII в. переживала процесс своего становления. Нередко возникшие предприятия закрывались. Всего в течение века действовало примерно 50 мануфактур. Мануфактуры в основном удовлетворяли спрос двора и казны (кроме солеваренного, кожевенного и некоторых других промыслов) или их продукцию отправляли за гра-

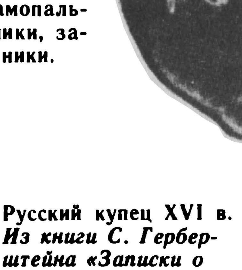
ницу. На внутренний рынок прежде всего шла продукция ремесла и сельских промыслов. Без развития ремесла и промыслов не могли расширяться рыночные связи, не могло произойти слияния «небольших местных рынков в один всероссийский рынок», не могли исчезнуть остатки былой феодальной раздробленности. Производство было основой развития рынка.

К XVII в. оно пришло со значительным разделением труда внутри каждого вида ремесла и специализацией крупных хозяйственных районов страны. Во второй половине XVII в. существовало до 270 различных ремес-

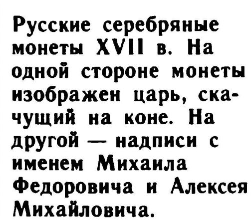

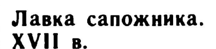
Лавка оружейника в Москве. *Из книги С. Герберштейна.* На рисунке видны колчаны со стрелами, сабля с ножнами, кистени, а также принадлежности для дворянской конницы (кавалерийские сапоги, седла, шпоры, уздечки и т. д.). Все эти изделия отличаются изящной отделкой, а некоторые из них — и богатством убранства. В XVII в. специализация мастеров-оружейников усиливается. В производстве оружия участвовали секирники, сабельники, стрельники, самопальщики, ствольники, замочники, бронники.

Русский купец XVI в. *Из книги С. Герберштейна «Записки о Московских делах».*

Русские серебряные монеты XVII в. На одной стороне монеты изображен царь, скачущий на коне. На другой — надписи с именем Михаила Федоровича и Алексея Михайловича.

Лавка сапожника. XVII в.

ленных специальностей. При этом в Москве их было не менее 259.

Как реально выглядело разделение труда? Ученые установили, что, например, в железоделательном производстве москвичей, помимо кузнецов, умевших ковать любые предметы, или железников, были специалисты только по изготовлению подков, ножей, топоров, гвоздей, булавок, замков, шильев, ключей и др. А среди кожевников были сапожники, подошвенники, голеничники, каблучники, башмачники, уздники, шлейники, седельники... Пожалуй, еще более узкая специализация наблюдалась у харчевников. Тут мы видим мельников, житников, хлебников, булочников, саечников, блинников, пирожников, пряничников, сухарников, сдобников, мясников, медовиков, винокуров, квасников, кисельников, уксусников — всех их трудно перечесть. В других городах было меньше таких специальностей.

Продукты производства самого различного ремесла шли на рынок. Горшечник Даниил Константинов поставлял в приказы свою продукцию партиями от 550 до 700 штук. А ремесленник Никита Матвеев в течение нескольких лет снабжал московские приказы чернилами собственного изготовления.

Заключались даже договоры о работе на рынок. Так, в начале 60-х гг. XVII в. 15 мастеров выдали «поручные записи» старостам торгового Серебряного ряда московского рынка Федору Артемьеву и Василию Маркову с обязательством «за порукою» поставлять в этот ряд предметы своего производства «в чистом серебре, и в серебре меди и свинцу не мешать, и приносить своего дела Серебряного ряду старостам на показ».

К XVII в. уже четко выявилась исторически сложившаяся специализация районов. Вот районы металлообработки: тульско-серпуховский — к югу от Москвы; Павлово, Нижний Новгород — к востоку от нее; Приуралье, Соль Вычегодская, Тотьма, Великий Устюг, Соль Галицкая, Устюжна Железопольская, Поморье, Заонежье — на северо-востоке, севере; на северо-западе от столицы находился новгород-тихвинский железоделательный район. И сама Москва была крупным металлообрабатывающим центром.

Обработка древесины получила широкое развитие в лесных районах, особенно на севере. Северо-запад и запад были центрами производства и переработки льна и конопли. Обработка кожи сосредоточивалась в Ярославле, Вологде, Нижнем Новгороде, Казани, Можайске, Калуге и Москве. В Ярославле, Костроме и Москве развивалось мыловарение.

Если путь к рынку не был далеким, сам ремесленник торговал своими изделиями. Но чаще к его услугам были скупщик и купец. Они приобретали большие партии товаров в одном месте и развозили его по городам всей страны. Так торговец становился связующим звеном между производством и рынком, одними районами страны и другими.

На московском, ярославском, смоленском и других рынках бойко торговали продукцией устюжских сковородников, гвоздников, заонежскими ножами, лемехами, топорами, галицким железом, сольвычегодскими гвоздями, судовыми скобами; котлами и колоколами, привозимыми из Приморья...

Торговый человек из Арзамаса Федор Токарев, скупив различные продукты местного производства, привез их в Москву и здесь продал московскому купцу Степану Афанасьеву. В числе проданного было почти 7 тыс. чарок кленовых, 140 братин[1] липовых красных

---

[1] *Братина* — сосуд, которым разливали напитки или из которого пили вкруговую всей братией.

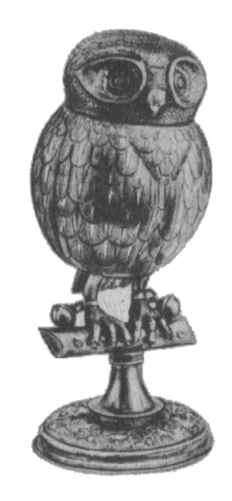
и 5 тыс. ковшей кленовых красных. Московский скупщик Иван Алексеев в один раз закупил 14 возов различных изделий из стекла у ремесленников Глухова.

Из среды мелкого и среднего купечества выделялись крупные купцы, которые вели торговлю по всей территории страны. Из их числа назовем три фамилии: Филатьев, Шорин и Никитин. Не справляясь самостоятельно с делами обширной торговли, крупные купцы имели большой штат своих людей. Они-то и орудовали на рынках от имени хозяев.

В феврале 1698 г. человек Филатьевых привез в Ярославль разного товара, продал его и на вырученные деньги купил для доставки в Сибирь почти 50 тыс. аршин холста, 4 тыс. аршин крашеной материи, 10 тыс. медных пуговиц, 25 попон и 180 голиц (рукавиц).

Приказчики гостя Шорина также скупали на рынках различный товар и развозили его по всей стране. Однажды у него было куплено «на государя» шелку, привезенного из-за границы, на 11 тыс. 300 рублей. По тем временам это была громадная сумма денег, целый капитал.

Самым знаменитым из восьми братьев Никитиных стал Гаврила Романович. Сначала он был приказчиком Остафия Филатьева, выучился у него

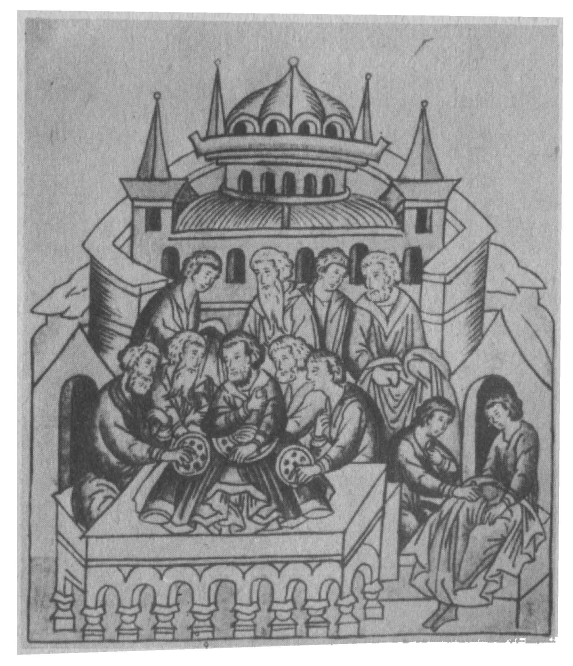

Кубок-сова (Игрушечный, серебряный). XVII в. Такие кубки служили для украшения стола в царском и патриаршем дворце. Для изготовления их требовалось высокое мастерство.

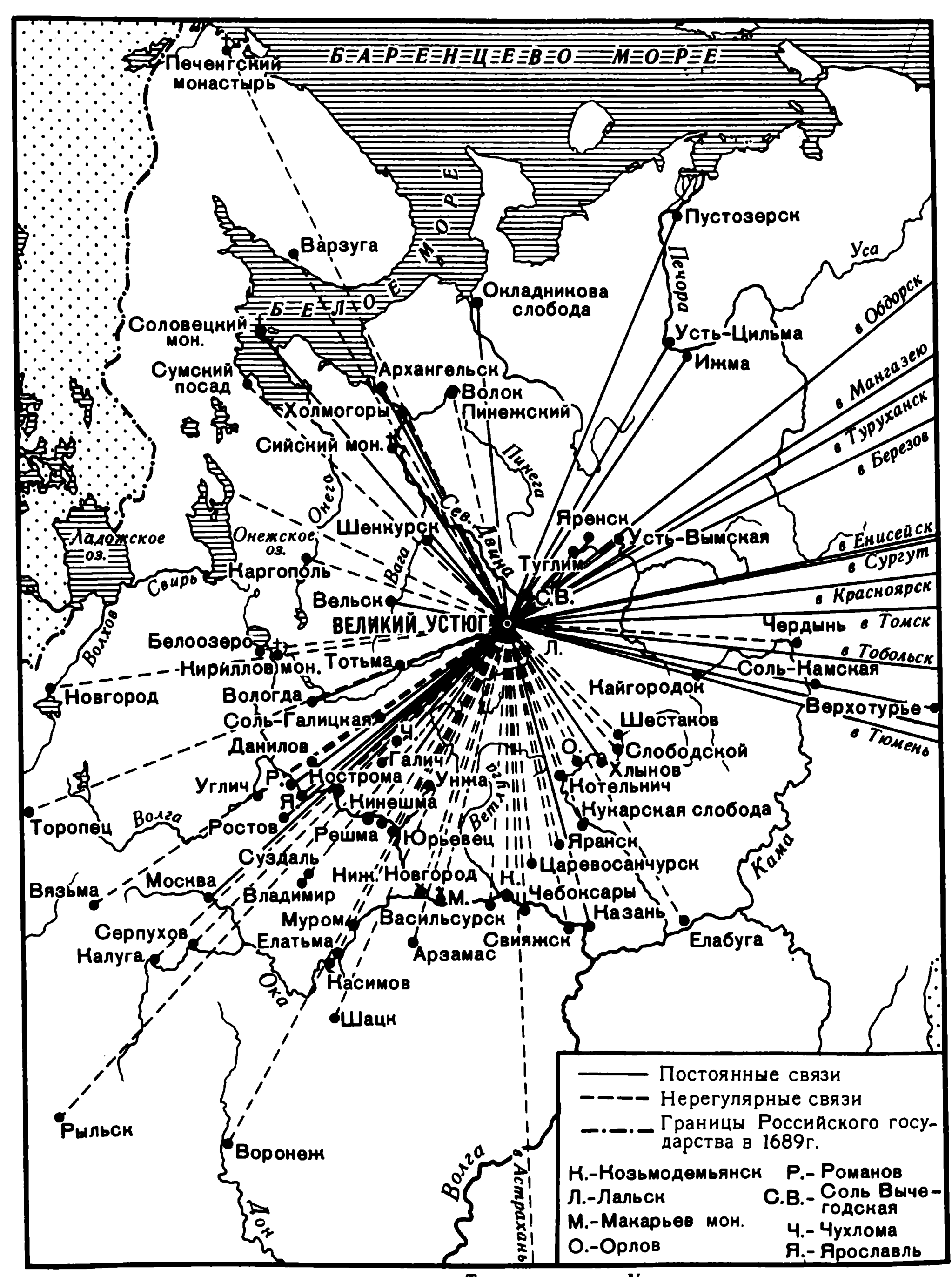

Медный кувшин для воды (кунган). Во второй половине XVII в. с ростом уровня жизни посадского населения эмалью стали украшаться предметы народного быта. Кувшин выковали в 1676 г. мастера Ф. Прокофьев и В. Иванов. Гладкая поверхность этого рукомойника украшена пестрым орнаментом из эмалевых трав и белых горошен.

Вилка работы русских мастеров XVII в. из города Сольвычегодска. Она изготовлена из золота и серебра и украшена эмалью. Изделия сольвычегодских мастеров выделялись яркими свежими тонами эмали, живописностью расцветки и пластичностью орнамента.

Шитье кафтана. Миниатюра XVI в. показывает разделение труда в швейной мастерской. Отдельные операции выполняют 11 человек.

Торговые связи Устюга Великого с другими городами и областями России в XVII в.

торговать, скопил денег и затем повел дело самостоятельно, да так широко, что стал одним из самых крупных купцов России. Его представители скупали всякий товар на рынках Москвы, Ярославля, Вологды, Устюга Великого, Нижнего Новгорода и других городов и везли продавать его в Сибирь и даже в Китай.

Жизнь и торговое дело Никитина является примером быстрого возвышения купцов того времени и — что было нередким явлением — еще более быстрого, внезапного крушения.

30 августа 1698 г. Гаврила Романович неожиданно был схвачен и доставлен в Преображенский приказ, занимавшийся делами сыска: оказалось, недруги донесли петровской полиции, будто Никитин непочтительно отозвался о самом Петре I и его приближенном Меншикове. Купец в момент ареста был тяжело болен. Не выдержав потрясения, он скончался в застенке приказа. Все его имущество было конфисковано.

Чтобы не ускользнул, не достался родственникам товар, в это время шедший из Китая, правительственные чиновники для перехвата его выехали в Сибирь. Так прекратил свое существование торговый дом Никитиных.

В связи с расширением государства в систему всероссийского рынка в XVII в. включались Украина, Сибирь и Подонье.

Вот как втягивались они во всероссийскую торговлю. Область донского казачества, управлявшаяся автономной казацкой организацией и огражденная таможенными заставами, тем не менее быстро расширяла внутренний рынок, связывалась с экономикой всей страны.

Сами донцы говорили, что к ним приезжают торговать из всех городов, «из-под которых реки впали в Дон».

Во второй половине XVII в. в Подонье насчитывалось около 100 ремесленных профессий. Все больше продукции ремесленников поступало на рынок. Например, жители Торских озер (река Тор — приток Северского Донца) в 1690 г. писали в челобитной, что они поля не пашут, жалованья не получают и кормятся только «соляным вареньем», т. е. продажей добываемой соли.

Большое коммерческое значение приобретало строительство речных судов. В Подонье их делали на 40 пристанях-верфях.

С развитием ремесел появлялись все новые места торговли. Так, в сентябре 1672 г. возникла ярмарка в городе Ефремове. Первых торговцев здесь было 18 человек. Они продали товаров на 38 рублей. Через два года товара в Ефремове было продано на 58 рублей, а еще через три года в городе собиралась ярмарка четыре раза в году и одна действовала в уезде. Ее торговый оборот составил уже 287 рублей, что по тем временам составляло большую сумму.

Так забил и стал набирать силы маленький торговый ключ, который сливался с такими же другими; они входили в связи с более крупными местными торгами, составляя местный и областной рынок. Если в середине 50-х гг. общий товарооборот Подонья составил 123 тыс. 320 рублей, то в конце 70-х гг. он уже равнялся 179 тыс. 610 рублям. Сюда проникали привозные товары, а собственные вывозились на другие рынки страны.

28 сентября 1675 г. выборный человек Иван Трофимов с целовальниками, осмотрев товар посадского человека Василия Тихонова, выдал ему документ, в котором было зафиксировано, что он везет для продажи на Дон разную муку и крупы, конопляное семя, горох, орехи, клюкву, лошадиные подковы, игральные карты, сальные свечи, смолу, кожи для подошв, клубки пряжи, мотки ниток, чулки, холст, бумагу, порох, пучки лыка, мед, рыбо-

ловные снасти, капканы, сухари, вино, зеленое сукно. За все это «государевы пошлины взяты с рубля по 10 денег» и «в том ему, Василию, и выпись дана за рукою и за таможенною печатью», к чему голова Иван Трофимов руку приложил.

После оформления товара в воронежской таможне Василий Тихонов поплыл на своей «дощанине» вниз по течению реки Воронеж, а затем по Дону и примерно там, где Дон круто поворачивает на Восток, в Коротояке, ему снова пришлось предстать перед таможенниками. Кто бы ни вез товары на юг, должен был здесь подвергнуться проверке. Однако в Коротояке лишь сверяли, соответствует ли товар записи в документе, который выдавался другими таможнями, и пошлин уже не брали.

На обороте документа Василия Тихонова таможенники написали: «К сему списку коротояцкие таможни ларечной Митюшка Фектистов вместо головы Екима Бохолдина (видимо, неграмотного.— *В. А.*) с целовальники по их велению руку приложил».

Теперь купец был волен торговать своим товаром где пожелает. Таких купцов, как Тихонов, проезжало на Дон немало, а это означало, что и Подонье, южная окраина страны, входила в систему всероссийского рынка.

То же происходило и с Сибирью. По мере ее освоения она становилась рынком сбыта товаров из центральных территорий страны и одновременно богатейшей кладовой пушнины («мяхкой рухляди»).

На промысел соболя в бассейнах рек Лены, Витима, Вилюя, Олекмы, Алдана, Маи, Алазеи, Колымы и Анадыря якутская таможенная изба в 1642—1647 гг. отпустила 75 торговых людей и приказчиков, 45 частновладельческих крестьян, 988 промышленных людей и 1357 покрученников[1]. Стоимость хлеба и промыслового оборудования у них составила 71 тыс. 187 рублей. Это — немалое предприятие, если учесть, что при всех благоприятных условиях охоты один человек за зиму добывал до 80 соболей.

В Якутске регистрировались и результаты промыслов. Так, в 1645 г. 286 промысловых людей, 13 покрученников и старец одного сибирского монастыря сдали 388 сороков и 17 соболей (счет соболей велся партиями по 40 штук в каждой), а 46 торговых людей — 206 сороков и 7 соболей.

Торговали пушниной тут же, на месте добычи, или по острогам. Одним из самых крупных центров продажи пушнины в Сибири был Якутский острог. Здесь имелись своя таможня и торговый двор с лавками и амбарами, причем пушнина не только продавалась за деньги, но и менялась на муку.

В таможенных книгах Якутского острога и Ленского волока в 1640—1641 гг. зарегистрировано 195 промышленников, 45 купцов, 22 служилых человека и 2 покрученника, которых отпустили в Енисейск и в европейскую часть страны с добытой и купленной ими пушниной —1425 сороков соболей и другой пушнины на сумму 61 тыс. 371 рубль. Кроме того, тогда же торговые люди вывезли 763 сорока соболей стоимостью в 31 тыс. 866 рублей.

Сначала пушнина направлялась на рынки Соли Вычегодской, Великого Устюга, а там уже ее скупали для Москвы и других городов.

Пушнина, таким образом, расходилась по всей стране и значительными партиями отправлялась за границу. Она была одним из самых дорогих товаров.

---

[1] *Покрученниками* назывались собственно промысловики зверя, которых нанимали из расчета 2/3 добычи хозяину, а 1/3 себе при обеспечении хозяином питания, одежды и орудий лова.

Учитывая выгоду торговли мехами, правительство стремилось сосредоточить весь этот товар в своих руках. Прежде всего, обложив сибирские народы ясаком (налогом пушниной), казна собирала и продавала самые большие партии «мяхкой рухляди». Но и этого ей было мало. Сначала была объявлена монополия на торговлю мехом черно-бурой лисицы, затем — песца и соболя. Согласно царским указам, добытчики должны были нести шкурки зверей воеводе. Тот выбирал годный и добротный товар, платил за него установленную казной сумму и затем отсылал в Москву. Купцам разрешалось торговать только забракованным воеводами товаром.

Как подсчитано, ежегодно в казну поступало из Сибири «мяхкой рухляди» на сумму от 70 до 100 тыс. рублей. Торговля пушниной давала казне очень большую прибыль.

Итак, разделение труда, специализация ремесленного производства по районам создавали необходимые предпосылки для широкой торговли. Купцы, развозя произведенные ремесленниками разных мест — городов и районов — продукты, устанавливали в стране новые торговые (т. е. буржуазные) связи. В XVII в. они еще были в стадии зарождения.

К концу XVI в. сложилось три группы купцов — *гостей, торговых людей гостиной* и *суконной сотен.*

Гости составляли привилегированный столичный слой купечества и отличались от купцов гостиной и суконной сотен как размерами капиталов, так и своим положением. Их торговые операции велись на сотни тысяч рублей. Помимо торговли, гости были заняты на государевой службе в качестве советников по финансовым делам, торговцев казенными мехами, сборщиков таможенных пошлин. Г. К. Котошихин (1630—1667), автор сочинения «О России в царствование царя Алексея Михайловича», по поводу службы гостей писал: «А бывают они (купцы.— *В. А.*) гостиным имением пожалованы, как бывают у царских дел в верных головах и в целовальниках у соболиные казны, и в таможнях, и на кружечных дворех».

Г. К. Котошихин считал, что в середине XVII в. гостей было всего человек тридцать. Царские поручения они исполняли в течение года. Почетна, но и обременительна была для них эта служба. Она отвлекала гостя от ведения своих торговых дел, вынуждала его выезжать для исполнения служебных поручений из Москвы, если, скажем, купцу поручался сбор таможенных денег в Архангельске или Астрахани.

Поскольку гостей было мало, им приходилось отбывать царскую службу через год. Однако гости имели большие привилегии. Они не несли тягло, имели право беспошлинно покупать вотчины, производить для себя всякое хмельное питье. За свою службу гости получали поместные оклады[1].

Купцы Усовы в 20—40-х гг. XVII в. приобрели деревни в шестнадцати северных волостях. Гость Грудцын к началу 80-х гг. имел двенадцать деревень в Сольвычегодском уезде и двадцать девять деревень в Устюжском уезде.

За оскорбление гостя назначался штраф в 50 рублей. Лишь редким провинциальным дворянам платили столько же «за бесчестье».

Купцы гостиной и суконной сотен тоже несли службу государеву, но она была менее значительной. Их выбирали в качестве голов или целовальников для сбора пошлин в малых городах, где велась мелкая торговля. Между собой эти две группы купцов различались размерами капиталов. За ними тоже сохранялись «питейные» привиле-

---

[1] *Поместный оклад* — жалованье служилого человека землей.

гии, они больше, чем горожане, получали штраф «за бесчестье», но покупать крестьян и деревни, как гости, они не имели права.

Важным новшеством в организации торгового дела было введение в 1653 г. Таможенного устава, согласно которому в стране вместо произвольно устанавливающихся властями в разных местах пошлин вводилась единая пошлина по 10 денег с рубля (что составляло пять процентов от суммы продаваемого товара, так как в рубле было двести денег). Таможенный устав несколько повышал торговые пошлины на иностранные товары, но эта мера для защиты интересов купцов страны оказалась недостаточной, и в результате челобитных купечества в 1667 г. был принят Новый торговый устав, который резко повышал пошлины на иностранные товары и тем самым защищал отечественную торговлю от конкуренции иностранцев.

В XVII в. многие областные центры торговли становились в один ряд с крупными торжищами, превращались в узловые центры всероссийской торговли. В них устраивались грандиозные ярмарки, на которые съезжались купцы всей страны, куда ежегодно привозили свои товары и иностранцы.

Вологда, Ярославль, Великий Устюг, Соль Вычегодская, Архангельск, Тихвин, Смоленск, Свенская ярмарка (около Свенского монастыря под Брянском), Астрахань, Макарьевская ярмарка (около монастыря св. Макария недалеко от Нижнего Новгорода), Ирбитская ярмарка на границе с Сибирью, Тобольск, Мангазея, Якутск — вот главные, не считая Москвы, центры всероссийского торжища XVII в.

Хотя многие из них были непосредственно связаны друг с другом, подлинным связующим центром для всех них стала Москва.

На указанных рынках продавался товар из самых различных мест страны, но в то же время была и специализация торговли. На севере как центры торговли хлебом выделились Вологда, Вятка и Устюг Великий. На юге со второй половины XVII в. в связи с развитием земледелия значение хлебных рынков приобретают Орел, Воронеж, Острогожск.

Соль свозилась на продажу в Вологду, ею торговали в Нижнем Новгороде, Соли Камской, Старой Руссе, Тихвине...

Лен и пенька продавались главным образом на рынках Новгорода, Пскова, Тихвина, Смоленска.

Рынками животноводческого сырья, особенно кож, были Вологда, Ярославль, Казань.

Соль Вычегодская долгое время в XVII в. не знала конкуренции в торговле сибирской пушниной, но со второй половины XVII в., когда были открыты новые, более южные пути в Сибирь, все большее значение в торговле пушниной приобретали Ирбитская, Макарьевская ярмарки и Нижний Новгород. Скупленная здесь пушнина затем крупными партиями продавалась в Вологде, Ярославле, Великом Устюге, Архангельске, на Свенской ярмарке, в Астрахани.

Железными изделиями торговали главным образом в Туле, Тихвине, Устюжне Железопольской.

В Москве же, по свидетельству современника, «покупают и продают все, потребное человеку».

Москва была крупным городом. Ее населяло 200 тыс. человек. По количеству жителей она уступала только Стамбулу, Парижу и Лиссабону, но среди русских городов не было ни одного, который мог бы с ней сравниться.

Как экономический центр Москва была связана со 160 городами страны. В ней бывали купцы всех торговавших с Россией государств. Более того, иностранцы имели в Москве свои тор-

говые колонии. Так, в Китай-городе располагался персидский двор, шведский гостиный двор находился у Неглинки, на Сретенке размещались литовский и армянский дворы, на Варварке был особенно привилегированный в Москве греческий двор. Иностранные купцы торговали на посольском дворе и в рядах.

Ряды являлись центром московской торговли. В них насчитывалось в середине XVII в. до 150 тыс. торговых по-

Серебряная стопа с чернью. XVII в.

Серебряный ковш. Ковши в XVII в. использовали в качестве награды. Их обычно давали откупщикам за успехи в сборе налогов с населения. На них часто вырезали имя награжденного и его заслуги.

Ларец с художественной резьбой по кости. XVII в. Ларец украшен резными изображениями. Внизу показан молодой человек. На крышке изображены молоденькие пастушки с плодами в руках.

Русские крестьянки XVII в. *Из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно».* Адам Олеарий в составе посольства небольшого германского государства совершил поездку в Иран через Россию. В 1643 г. он составил описание своего путешествия. В книге помещено много интересных рисунков, рассказывающих о быте и обычаях населяющих Россию народов.

строек. В Ярославле, тоже крупном торговом центре, даже к концу века было только 803 лавки.

Познакомимся поближе с московским рынком. Начнем с Красной площали. В те времена это — место оживленного торга, сбора всякого люда. Вот картина торговой жизни одного из уголков Красной площади — у Лобного места, вблизи храма Василия Блаженного, нарисованная современником-иностранцем: «Любо в особенности посмотреть на товары или стекающихся туда московитянок: нанесут ли они полотна, ниток, рубах или колец на продажу, столпятся ли так позевать от нечего делать, они поднимают такие крики, что новичок, пожалуй, подумает, не горит ли город, не случилось ли внезапно большой беды. Они отличаются яркой пестротой одежды...»

Ниже Лобного места, на склоне горы, к реке, располагались торговцы рыбой, горшечный ряд и тут же сидели кустари — башмачники, портные и сапожники. Привоз рыбы для продажи был большой. Только в феврале 1694 г. сюда привезли 327 возов рыбы, а торговля продолжалась в течение всего года. На московском рынке продавалась сушеная, копченая, соленая и живая рыба. Торговый человек рыбного свежего ряда Василий Марков за один только день 19 сентября 1686 г. продал живых стерлядей, щук и судаков на 998 рублей 16 алтын.

За рекой, на Болотной площади, был центр торговли хлебом. Несколько далее стояло шесть боен и шла торговля мясом. Здесь царь соперничал с купцами: в мясных рядах стояли десятки царских мясных палаток.

Многочисленные ряды тянулись от Красной площади в сторону стены Китай-города. Чем только здесь не торговали, каких только рядов здесь не было! Продукты сельского хозяйства продавались в 43 рядах: мучных, житном, крупяном, соляных, овощных, яблочном, луковом, чесноковом, семенном, мясных, курятном, охотном, медовых, солодяном, орешном, молочном, сахарном и др.

Мехами торговали в пушном, скорняжном, бобровом, соболином рядах; тканями — в крашенинном, льняном, холщовом, шелковом, двух суконных, сурожском рядах; одеждой — в кафтанном, мужском и женском шубочных, манатейном (одежда монахов), шапочном, треушном, чулочном, кушачном, кружевном, завязочном, шнурковом, нитяном и других рядах; обувью — в сапожном, красносапожном, ветошно-сапожном, башмачном, голенищном, верхнем и нижнем подошвенных, охотном, сафьяновом (кожевенном) рядах; были верхний, нижний и новый ряды для продажи железа, а также ряды котельный, скобяной, колокольный, замочный, большой замочный, два игольных, два кузнечных, ножевой, москательные (краски, клей и др. товары) ряды, несколько свечных, вощеный, золяной, меловой, дегтярный, мыльный, пороховой; ювелирные изделия продавались в серебряном, золотом и старом жемчужном рядах; детские игрушки — в потешном ряду; в Москве было десять рядов для торговли лесом...

Китай-город славился рынками и розничной торговлей. Знаменитым и многолюдным был здесь «вшивый» рынок, где торговали подержанными вещами. Рядом с ним стоял лоскутный рынок, но он не совсем оправдывал свое название, так как здесь продавали и дорогие, целые вещи. Еще одной особенностью Китай-города было наличие в нем рядов брадобреев. Брадобреи размещались в палатках, но в хорошую погоду усаживали своих клиентов на вольном воздухе, отчего торговая площадь была так усыпана волосами, что казалось покрытой мягкой обивкой.

Торговые ряды представляли собой настоящий городок, состоящий почти

исключительно из каменных лавок. Строились они добротно (глубокие подвалы для хранения товара, толстые стены с узкими оконцами), запирались массивными железными ставнями.

В целом московский рынок производил большое впечатление. «В Москве,— писал один иностранец,— изобилие всех вещей, необходимых для жизни, удобства и роскоши, да еще покупаемых по сходной цене... ей нечего завидовать никакой стране в мире, хотя бы и с лучшим климатом, с плодороднейшими пашнями, с обильнейшими земными недрами или с более промышленным духом жителей». Другой иностранец, тоже восхищенный московской торговлей, писал: «...трудно вообразить, какое множество там лавок; их считают до 40 000; такой везде порядок, для каждого рода товара, для каждого ремесленника, самого ничтожного, есть особый ряд лавок, даже цирюльники бреют в своем ряду».

ДРУЖИНКА

Дружинке шел тринадцатый год, когда он впервые увидел город. Ездили они туда с отцом на торг, но неудачно — почти ничего из отцовских поделок не продали.

Было раннее августовское утро. Дорога предстояла долгая. Лошадь, подгоняемая хлыстом, резво бежала. Дружинка, как все деревенские дети, привык рано вставать, но тут, сидя без дела, незаметно для себя склонился на колени к отцу и заснул. Но спать долго не пришлось. Он почувствовал, как лошадь рванулась в сторону, и его едва не выбросило из телеги. Отец, встав на ноги, что было силы гнал к лесу. Скорее, скорее! Его глаза тревожно метались от леса к дороге и обратно. Дружинка, сначала ничего не понимавший, вдруг увидел, что с той стороны, куда они ехали, над горизонтом стелется густой дым и сквозь него пробиваются языки пламени. Он уже стал различать дым и огни справа и слева от дороги. Беда! Тут он заметил, что над дорогой, уже загораживая дым, на них лавиной надвигается ураган пыли. «Крымцы!» — крикнул отец.

Да, это были они. Об их страшных набегах Дружинка знал только из рассказов старших. Давно о них ничего не было слышно. Говорили, что теперь их и вовсе не будет, царь московский силу набирает, его боятся. И стража успокоилась, беспечно сидя за когда-то сделанными, а теперь обветшавшими укреплениями.

Крымцы подошли к вечеру. Это были передовые отряды. Масса двигалась поодаль от них. Ночью они проделали в лесу проходы, а чуть стал заниматься рассвет, вышли на простор и начали сокрушать и жечь селения. Кое-кто успел укрыться в городе, а большинство, наспех захватывая пожитки и угоняя скот, бежали в леса.

Когда мальчик осознал грозящую им с отцом опасность, он пришел в еще больший ужас от того, что оставшиеся дома мать и сестричка могли не успеть скрыться. Помочь им теперь было невозможно. Сами они успели скрыться в лесу в тот момент, когда уже был слышен топот коней и вой всадников налетевшей орды. Она пронеслась мимо, но надо было уходить глубже. Тыловые отряды орды ловили людей по полю и, спешившись, проникали в лес. Горе было тем, кто не следил за ними и вовремя не успевал ускользнуть.

Дружинке с отцом пришлось бросить телегу со скарбом. Ведя за собой лошадь, шли туда, где лес гуще и куда враг побоится проникнуть. Оказавшись в безопасности, они стали продвигаться в сторону своего селения, пытаясь отыскать в лесу своих. Вскоре стали встречаться беженцы. Попадались и земляки, но никто не мог сказать,

живы ли их родные. Село разграблено и сожжено.

Убиты, сгорели, взяты в плен? Сердце Дружинки щемила боль, но он не плакал, разом повзрослев в эти страшные часы своей жизни.

Со слов очевидцев тогда было записано, что «были у них многие всполохи[1] и в ту-де пору, в те всполохи, всякие люди бегали по лесам с женами и з детми, с лошадми и с животиною и жили, бегаючи, по лесом, покаместа пришел на Тулу боярин и воевода князь Юрий Александрович Долгоруков...». Случилось все это в Тульском уезде.

Бегали по лесу и Дружинка с отцом. В какой-то момент снова чуть не попали в руки крымцев, но только лошадь потеряли. Когда грабители с приближением войска бежали, они вышли из леса и заспешили в село. Обгоняя немногих уцелевших беженцев, Дружинка с отцом вскоре увидали свое село, вернее то место, где оно стояло. Остались одни обгорелые развалины. Разом лишились дома, хозяйства, родных. Значит, мать и сестра уведены, как и тысячи других жителей, в плен?

Отец сел на уцелевшее бревно и, склонив голову на руки, задумался. И у Дружинки были те же думы, он не знал, что надо делать. Вскоре они с отцом стали разбирать пожарище и на первый случай соорудили себе кров, похожий на шалаш.

Отца из-за разорения выключили из тягла, он перешел в положение бобыля, то есть неимущего и не несущего повинностей человека. Но на нем остались долги, в том числе частным лицам, и ему грозила кабала — он мог попасть в холопы к тому, кто давал деньги.

Однажды отец пришел с незнакомцем и объявил Дружинке, что продает его этому человеку на три года. Мальчик и сам чувствовал, что скоро это должно случиться. Тогда было в обычае продавать подрастающих детей в работники, если семья испытывала трудности. Так могло повториться четыре раза, после чего отец уже терял это право. Пришелец и будущий хозяин Дружинки был человеком высокого роста. Его лицо, почти скрытое разросшейся бородой, огромными усами и пышными бровями, трудно было разглядеть. И лишь глаза говорили о его доброте, а большие натруженные руки могли принадлежать только мастеровому человеку. Скоро Дружинка узнал, что его хозяин — богатеющий кузнец, житель казенной слободы города Тулы.

Началась новая жизнь. В это время срочно взялись за восстановление засеки, построенной для защиты от набегов с юга. Надо было ликвидировать сделанный крымцами пролом в укрепленной полосе и те «стежки и дорожки», которые были проложены в лесах спасавшимися от их набега жителями сел.

Используя естественные условия — лес и болота — и возводя крутые валы или устраивая глубокие рвы, продуманно расставляя боевые остроги и башни, создавалось для неприятеля сложное препятствие.

Возрождать укрепления по засечной черте должны были тульские посадские и уездные люди. От «живучей чети»[1] назначались на работы по 5 «деловцов» «С топоры и заступы и с лопатами, да по лошеди с телегою и хомутом».

Хозяин Дружинки сразу послал мальчика вместо себя на засечные работы. С ним поехал и его холоп дед Славко. Их определили на постройку

---

[1] *Всполохи* — пожары.

[1] *«Живучая четь»*, или *«живучая четверть»*,— налоговая единица XVII в., включавшая 8 крестьянских и 4 бобыльских двора на землях светских феодалов (6 и 3— на церковных землях).

острога. Рядом по обе стороны рыли ров. Сидя верхом на запряженной лошади, Дружинка возил бревна. Прошла неделя. Народ стал выбиваться из сил, роптать, а затем и разбегаться. Жаловались на то, что вместо 300 человек, как это должно было быть по расчету, их на работе оказалось меньше ста и им приходится делать работу за всех. Из тех, кто рубил лес, «многих людишек... побили деревьями до смерти, иные поломали руки и ноги, многие изувечены. И от того... ужасу многие люди, пометав дворишки свои, разбежались безвестно». Люди записывались в солдаты, а то и бежали к казакам.

Оставшимся становилось все тяжелее. Даже воевода вынужден был писать царю, что эти «людишки... до конца погибли и твого, государева, тягла тянуть некому». Всполошились и дворяне, которые тоже писали царю, что они могут вконец разориться, так как у них некому косить сено и жать хлеба.

Дружинке и деду Савко, малому и старому, бежать было некуда. Да и труд их был легче, чем у землекопов, и не опасен, как у лесорубов. Однако работы скоро прекратились. Все, кто был в лесу, разбежались. Почти некому было и ров углублять. Власти помыкались и решили подождать, авось крымский хан не решится на второй поход подряд.

Хозяин перевел Дружинку с дедом на работу к угольным ямам. Для своей кузницы он время от времени заготавливал древесный уголь. Большим специалистом по этой части у него был дед Славко.

Дед рассказывал Дружинке, что они будут жечь дрова, которые хозяин купил еще два года тому назад. Теперь, пояснял он, они высохли и в самый раз готовы для костра.

Началась работа. Дед стал разгребать лопатой землю, показались горбыли. Он снял их, и Дружинка увидел черную, десятки раз обожженную и закопченную яму, куда они начали складывать дрова. Полено за поленом, и вот уж внутри ямы образовалась куча, верх которой немного поднялся над землей. Дед умело поджег ее снизу. Пока дрова разгорались, они нарезали дерну и обложили им кучу, оставив открытой лишь самую ее верхушку. Это, пояснил дед, для тяги.

Славко из опыта предков и своего личного знал, что добрый уголь можно получить лишь при большом жаре, то есть при высокой температуре горения дров.

Теперь и Дружинка узнал, что не каждое дерево годится для получения угля. Казалось, лучший уголь мог бы выйти из таких крепких и плотных деревьев, как дуб, береза, грабовые. Ан нет. Они горят медленно и не столь пламенно, чтобы создать нужную температуру. А вот сосна, ель, пихта, лиственница, кедр — в самый раз. Мягкие, смолистые, они горят бойко, быстро и жарко.

Теперь, когда куча загорелась, надо было зорко следить за тем, что происходит в яме. Если недожечь дрова, останутся головешки. Пережечь — тоже плохо, полученный уголь выкрошится. Он быстро отсыреет, поглощая влагу воздуха. Когда же выжжен в норме, то становится плотным и блестяще черным. Звонким.

Как всегда, Славко не сплоховал. Уголь получился, что надо. Когда выгребли его из ямы, дед попросил Дружинку взять уголек в руки и провести им черту по доске сарая. Уголь оставил отчетливый след. Руки при этом не запачкались.

За несколько дней работники пережгли все дрова и сложили уголь в сарай. Сразу в дело он не годился. Месяца два ему надо было полежать в закрытом помещении.

Наступали холода, выпал снег. Дружинка и дед Славко в теплое время, как и все простые русские люди, хо-

дили в длинных, грубых рубахах, доходящих до пят и подпоясанных ниже живота кушаком. На ногах — лапти. Голову зимой и летом укрывали высокой остроконечной шапкой. С похолоданием хозяин выдал им дешевые, сшитые из коровьей шкуры, шубы.

Летом работники устраивались на ночлег где придется. Теперь перешли жить в дом. Приземистый, он был выстроен из бревен и покрыт соломой, обмазанной, на случай пожара, глиной. Вместо окон — узкие четырехугольные щели для вытяжки дыма, которые закрывались задвижкой. У более богатых были окошки ладони в две из слюды. Изба топилась по-черному. Так веками русские люди берегли тепло в своих жилищах. Справа при входе из чулана, разделенные перегородкой, стояли лошадь и корова. Стены этого помещения не доходили до потолка. Так было теплее и людям и животным. Овцы, свиньи, теленок и птица вместе с людьми находились в жилой комнате. Работники, сменив подстилки, располагались между овец. Рядом с ними было теплее.

Освещалась изба тонко наколотыми еловыми лучинами. Когда дед Славко вставал сменить сгоревшую лучину, верхняя часть его тела становилась невидимой из-за стоявшего в избе дыма.

Зимой дел тоже хватало. В погожие дни ездили на заготовку дров. В ненастье плели из липовых лык лапти, а из прутьев — башмаки. Дед обучил Дружинку и этому искусству. Их изделия хозяин продавал на рынке.

Дед был богомольным человеком и посещал все церковные службы. Приучил к этому и Дружинку. Славко гордился тем, что их поп живет праведно, не пьет, не притесняет и не обирает людей, как делают другие попы других приходов. Грамотный, душевный, он заметил старание, с каким посещал церковь Дружинка, и стал по просьбе Славко учить его грамоте. Мальчик жадно взялся за науку и к концу зимы выучился читать и писать. Радости деда не было предела. В большой жизни своей он, как ему казалось, знал только горе да беды. Крестьянствовал, был записан в тяглые, но случились неурожайные годы, мор. Тогда почти все село вымерло. Он еле выжил, но лишился семьи. Пали лошадь и корова. Подати платить стало нечем. Люди разбрелись кто куда, больше пошли по миру питаться подаянием. Гордость не позволила ему жить с протянутой рукой. Он решил продаться в холопы. Сам выбрал себе хозяина, слывшего между мастеровыми дельным и не злым человеком. Много лет уже Славко живет у него, мог бы собрать нужную сумму денег и выкупиться. Делали это другие, но потом снова продавали себя. Куда пойти? Снова заводить хозяйство? Годы не те, и надежд никаких. Хлеб хозяйский доставался ему нелегко, зато он всегда был. Ему не приходилось думать о завтрашнем дне. С появлением же Дружинки у него началась новая жизнь. Он всей душой привязался к мальчику и теперь уже не мыслил себя без него. Всему, что знал, учил его, а теперь вот и в грамотеи вывел.

Любили они ходить в баню. Хозяин топил ее не меньше двух раз в неделю. Русские люди считали бани, как чеснок и лук в еде, лучшим лекарством. Сначала мылась семья хозяина. Потом наступала очередь холопов. Распарившись, оба они, малый и старый, выскакивали из бани и кидались в снег. Потом снова парились. Бывало, выбегая из парной, окунались в прорубь, которая была рядом с баней.

Париться и кидаться в снег, обливаться холодной водой или опускаться в прорубь было привычно для простого русского человека. Он закалялся смолоду. Не только в селе, но и в городе мальчики и девочки бегали босыми зи-

мой на улице так же беспечно, как и летом. Иностранцы, описывавшие это, немало поражались.

Наступило новое лето, и у работников оказалось новое дело. Временами казенные кузнецы получали из Москвы задание изготовить оружие для войска. На это время их освобождали от оброка (обычно они платили в казну по 10 рублей в год) и всяких других повинностей.

Однажды царь писал тульскому воеводе, что «тульские посадские люди тягла и податей в земскую избу с них правят и на хлебные струги работников с них спрашивают, их беспрестанно волочат и за тем нашему великого государя оружейному делу чинитца матчание: те пещали в указанные сроки не поспевают». Царь, обеспокоенный срывом изготовления оружия, указывает податей с кузнецов «имать не велети», «в службы не выбирать и на хлебные струги работников имать не велел бы».

Но есть ли заказ из Москвы или нет, кузнец должен думать, как ему кормиться с семьей. Поэтому он всегда одновременно что-то делал на продажу. Металл для таких изделий он приобретал сам. Казенным кузнецам царь давал право первыми покупать у частных лиц руду, и только после них ее могли купить посадские кузнецы и другие покупатели.

Добывалась руда специальными артелями. Хозяин у одной из них купил руду. В другом месте он приобрел два воза угля, чтоб не тратить свой. Славко и Дружинке предстояло все вывезти в лес, к месту, где они должны были заняться выплавкой железа.

Ехать надо было за тридцать верст от Тулы. Там, близ Дедилова, и шла добыча руды. Выбрав в лесу удобное место, они сначала привезли туда уголь и поехали к шахте. Мы бы не узнали о том, как добывалась руда и что увидели дед Славко и Дружинка, когда оказались у Дедилова, если бы не сохранился в делах Пушкарского приказа вот такой документ: «Добывают тое железну руду,— говорилось в нем,— в земле глубиною сажень по 6 и по 8, и по 10, и по 12, а сверху те ямы зачинаются вдоль и поперек, всякая яма в аршин с четью на четыре угла и как дойдут до руды и той руды бывает в яме слоем толщиною в полсажени и в сажень не больше, и сквозь тот слой проходят в нем вдоль середкою сажень по 5 и по 10, и по 20 в сторону, а из середки того слоя ломают и вон таскают вперед идучи; а как дошел до конца того слоя и назад идучи тое руду всю выламывают,— стороны и верх без остатку; да в тех же рудных слоях бывает земля, мусор и камень всякой, и они тое землю и камень от руды очищают прочь. У одной ямы бывает по 4 человека ровщиков, а из ямы руду вытаскивают они на день по возу на человека, а в ямах бывают всегда с огнем, светят лучину». Наверное, проходку такой шахты обеспечивали крепления, и поднимали добытую руду с помощью веревки с блоком. Такая работа была трудна и требовала специальных знаний и умений.

Дед Славко и Дружинка сами загрузили руду и отвезли в лес. Уже темнело, когда подвода была разгружена. Основная работа начнется завтра. Осталось поужинать, а там и спать пора. Трапеза простого человека в то время была очень скромной. Наши труженики достали кусок ржаного хлеба и аппетитно поели его с чесноком. Запили водой, которую Дружинка принес из протекавшей рядом речушки. Встали рано, чуть свет забрезжил. Завтрак был тот же, что и ужин. После него работники принялись за сооружение плавильной печи, которая называлась в народе домницей. Сначала они натаскали обыкновенных камней, глины, выровняли почву. Дед, мастер в этом

деле, скрепляя камни глиной, стал возводить печь. Нехитрое сооружение с широким основанием, в котором оставалось отверстие, постепенно сужалось, приобретая форму конуса с некоторым уклоном.

Дружинка подавал деду камни и, по мере возвышения, заполнял печь углем. На самый верх уже Славко кольцом засыпал слой руды, чтобы осталось отверстие для горения угля.

Зажгли уголь, вставили в отверстие два привезенных меха, и домница заработала. Дружинка, взявшись за рукоятки мехов, раздувал пламя. Дед учил его не спешить, дуть сначала потихоньку и потом усиливать работу мехов.

По мере сгорания угля и увеличения температуры руда постепенно оседала, и из нее образовывался все увеличивающийся комок металла. В конце плавки дед вынул из отверстия меха, разобрал переднюю стену печи и извлек из нее железный ком. Дружинка дивился: где же тут железу быть, если то, что он видел, представляло собой шершавую и пористую обгорелую массу. Но вот Славко откатил выплавку на заранее выбранный плоский камень, взял деревянную колотушку («балду», как ее называли) и стал сбивать с металла шлак, а потом топором разрубил его на дольки. Теперь уже не было у Дружинки сомнения, что они действительно выплавили железо. Гордый участием в столь таинственном для него деле, он ликовал.

Печь очистили. Стену ее дед заложил камнями. Опять засыпали углем, рудой и начали вторую плавку. Работая в охотку, за день они успели сделать шесть плавок. В каждую из них получали до пуда железа. Хозяин был доволен своими работниками.

За год Дружинка подрос. Ему исполнилось четырнадцать. Хозяин увидел в рослом и сильном парне помощника себе и в кузнечном деле. Вскоре Дружинка с дедом оказались в кузнице.

Их обязанность была простой — помогать хозяину переработать выплавленное ими железо в гвозди, которые он делал для продажи. Первое время Дружинка стоял только у меха, подбрасывал в горн уголь и внимательно следил, как хозяин с дедом сначала вытягивали раскаленный железный брусок молотами, потом опять подогревали его, рубили на тонкие прутики и тут же, пока они не остыли, один конец их заостряли, а на втором делали шляпку. Если дать железу остыть, то уже нельзя будет ни заострить гвоздь, ни шляпку сделать. Из-за плохого качества плавок в домнице металл был хрупким, и при ударе сделанный из него предмет мог рассыпаться. Забить такой гвоздь в дерево было непросто. Чуть перекосил — и он ломался. Бить надо было точно, прямо.

Работали они не каждый день. И не целые дни. У хозяина главным было оружейное дело. Настало время, когда он позволил Дружинке взять молот и заменить деда. Не сразу все получалось у парня, но хозяйские подзатыльники становились все реже. Дед Славко в свободное от работы время заходил с Дружинкой в кузницу и учил его не столь уж хитрому искусству молотобойца. Настало время, и хозяин полностью передал им мелкую работу по изготовлению гвоздей. Потом Дружинка научился отбивать лопаты, совки, заслонки, делать грабли и другие предметы быта и орудия труда.

Дело пошло. Хозяин теперь уже не посылал их плавить руду, а покупал готовое железо. Вся кузнечная продукция шла на рынок и давала хороший доход. Продавать ее доверялось Дружинке с дедом. Парень продолжал учиться и освоил счет.

Первое посещение им рынка было запоминающимся. Вот как описан этот рынок в одной из книг о старой Туле. Он состоял, как и все рынки России, из

рядов: первый большой ряд (60 лавок, один прилавок и одно место лавочное), второй старый соленый ряд (46 лавок, прилавок и место лавочное), третий новый соленый ряд (18 лавок, прилавок, стол и два места лавочных), четвертый старый медвеной ряд (9 лавок, 4 прилавка, 30 столов и 11 мест лавочных), пятый ряд калачный (3 лавки), шестой ряд серебреной (6 лавок и место лавочное), седьмой ряд мясной (24 лавки, 12 полков и место полковое), восьмой ряд хорчевной (11 шелашей, 3 избы и 3 места лавочных), девятый ряд крупяной (11 мест) и десятый ряд гончарной (20 лавок). Кроме того, на 60-ти столах и одном месте лавочном торговали «всякие люди» солью и «всякими товары».

Шла торговля и вне рынка, по посадским дворам москательными товарами, солью, рыбой, квасом, мясом, дегтем, иглами, железом, серебряными изделиями.

Во второй половине XVII в. на рынке все большую роль начинали играть богатые торговцы. В книгах упоминаются посадский человек Филатка Подошевников, владевший восемью лавками, двумя амбарами и семью местами лавочными; тоже посадский Санька Сапельников имел семь лавок, рундук и место лавочное; у пяти других посадских было пять лавок, кроме того, два из них совладели двумя лавками; казенный кузнец Андрюшка Володимеров владел девятью лавками и рундуком (большой деревянный ящик с крышкой). Торговали на рынке и лица духовного звания. Так, дьякон Григорий Петров имел семь лавок, протопоп Тимофей Сидоров — четыре амбара, одну лавку. У засечного сторожа Микишки Кириюшина было четыре лавки.

Тульские ряды не раз горели. В документе отмечено, что как-то «нехто вор зажег на Туле ряды и ряды все сгорели и от тех рядов у многих людей дворишки выгорели». Когда-то «лавки и анбары были от города сажен за двацеть и больши», но потом воеводы «для своей бездельной корысти», просто за взятки, стали раздавать торговым людям места все ближе к городу, и вот уже новые начальники забили тревогу перед самим царем: «У города, государь, у ворот городовые Пятницкия башни и у науголной башни ряды всяких чинов людей лавки и онбары и меж рядов шелаши харчевные... держат харчевни и огни кладут; а в рядах, государь, продают порох и серу; а те, государь, лавки и онбары и шелаши у самыя башни у Пятницких ворот и у городовые стены до наугольной Спасской башни подле рву от башни и от стены саженех в двух и в трех и теснения, государь, в город и проехать нельзя». Случись пожар, башня и стена кремля могли быть взорваны.

У хозяина Дружинки и деда Славко торговое дело только начиналось. Он владел лишь одним местом в ряду и платил за него оброк всегда, независимо от того, шла у него торговля или нет. Дружинка и дед Славко выставили свои товары и оказались удачливыми. Уже к полудню они все распродали и с оттопыренными щеками возвращались домой.

После «медного бунта» 1662 г. в Москве монеты стали чеканить из серебра. Такая монета, как описывает современник, «имеет форму гладкого овала, шириною не более чем в ноготь, на одной стороне которой оттиснуто изображение царя, а на другой — всадника с копьем». Эти монеты были двух достоинств: копейки и денежки (полкопейки). Раньше были полушки — полденежки, но затем их перестали чеканить. Сто копеек составляли рубль, пятьдесят копеек — полтину, двадцать пять копеек — полуполтину, двадцать — гривну, десять — полугривну, три — алтын, две — грош. Поскольку копейка и полкопейка были невелики

по размеру, простой народ, не имея в своей одежде карманов, носил их во рту. Рассказывают, что, неся во рту даже 100 копеек, их владелец мог свободно разговаривать.

И наши торговцы, возвращаясь домой с деньгами во рту, непринужденно обменивались мнениями о том, что увидели на рынке, как шла их торговля.

Подсобное кузнечное дело хозяина развивалось и приносило ему все больший доход. А через год он имел уже на рынке лавку. Дружинка вполне освоился с простым кузнечным делом, и хозяин время от времени стал привлекать его к оружейной работе. Выйдет, думал Славко, парень в мастера, обязательно выйдет.

Но до кузнечного оружейного мастерства было ему еще далеко. Дружинка видел, какое это тонкое и, казалось, недосягаемое искусство, но именно таинство мастерства влекло его к себе. Присматривался, как работает хозяин; где спрашивал, где сам своим пытливым умом доходил, что к чему. Так прошел еще год, последний год его холопства, и он стал свободным.

Отца с момента своей продажи он не видел и не знал, куда занесла его нелегкая судьба человека, оказавшегося в нужде.

Хозяин, отпустив на волю Дружинку, не хотел с ним расставаться. Трудолюбивый, добросовестный и сметливый, он уже стал ему необходимым помощником. С ним почти удвоилось их оружейное производство, и, кроме того, кузница превратилась в настоящую мастерскую по производству всякого инвентаря.

Словом, хозяин предложил, и Дружинка согласился работать у него по вольному найму. Дед Славко трудился уже с новым холопом, купленным хозяином, но с Дружинкой не расставался ни на день.

Прошло еще несколько лет, и Дружинку нельзя было узнать. Он стал высоким, раздался в плечах — истинный богатырь. От хозяина ушел. Теперь у него стояла своя кузница.

Нравы того времени были просты и грубы. Частыми развлечениями были азартные игры и кулачные бои. В праздники Дружинка бесстрашно участвовал в этих жестоких схватках. Кулачные бои были обычаем русской жизни, той неизбежной школой, которая формировала и закаляла мужские характеры, как бы готовя их к встречам с тяготами жизни и иноземным врагом.

От увлечения азартными играми Дружинку уберег дед Славко. Добрый хранитель и наставник, он увлек его распространенной в народе игрой в шашки. Да и сам Дружинка постоянно чему-либо учился, не томился в безделье. Узнать, овладеть новым, устремиться к неизвестному незаметно стало потребностью и идеей его жизни. Отсюда родилась и бережливость. Заработанные деньги незаметно копились, что позволило ему завести свое кузнечное дело. Но самым значительным был в жизни этих его лет момент, когда он сумел выкупить деда Славко из холопов. Они построили такую же, как у всех, курную, но свою избу.

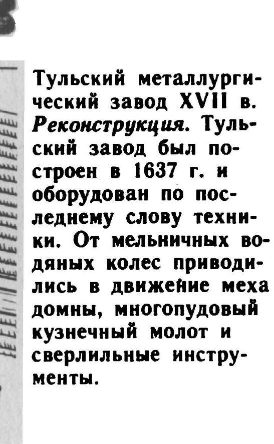
Пора бы и жениться Дружинке, да тут случилась надобность взяться ему за новое дело. Иностранные мастера, основавшие Тульские заводы, обязались в числе прочего обучать русских людей своему мастерству. Они не стремились делиться своими важными секретами, но кое-что показывали. То, что нельзя было скрыть. Таким делом было кузнечное. Поэтому установили, что каждый тульский кузнец должен в течение месяца пройти обучение у мастеров-иностранцев при заводе. Настала очередь и Дружинки пойти к ним в обучение.

До самого завода, что верстах в двенадцати от Тулы, Дружинку прово-

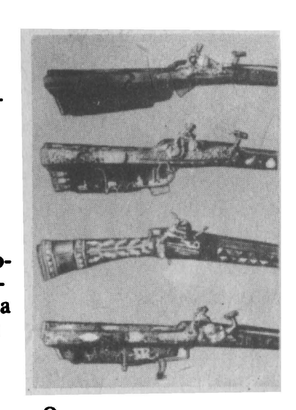

Шахматные фигуры XVI в. Шахматы известны на Руси с IX в. Они прочно вошли в быт всех слоев русского общества.

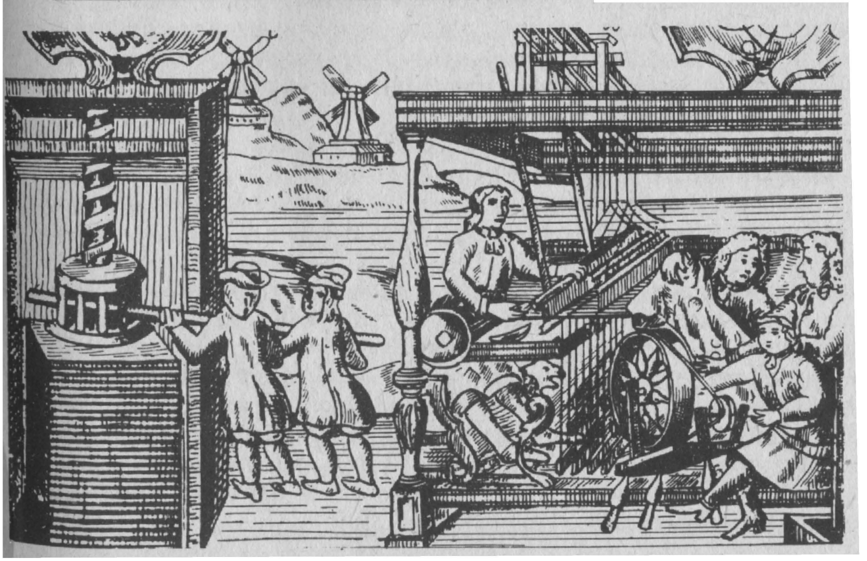
Пистолет работы мастеров Оружейной палаты.

Тульский металлургический завод XVII в. *Реконструкция.* Тульский завод был построен в 1637 г. и оборудован по последнему слову техники. От мельничных водяных колес приводились в движение меха домны, многопудовый кузнечный молот и сверлильные инструменты.

Огнестрельное оружие работы русских мастеров XVII в. Стволы, замки, ложа и приклады оружия покрывались сложными узорами, а иногда целыми сценами, например, борьбы орла и змеи. Русское оружие было не только красивым, но по своим боевым качествам часто превосходило иноземные образцы того времени.

Одна из первых мануфактур в России по производству одежды.

жал дед Славко. Еще издали он увидел огромную домну и дивился ее величине. Куда тут до нее их с дедом примитивной домнице! Но что же она не дымит? Значит, не работает? Видно, что-то случилось.

Действительно, домна была погашена. Во дворе ее собралась толпа народа. Что-то там происходило. Дружинка с дедом прибавили ходу, но не успели. Когда они стали подходить к заводу, толпа начала расходиться. Тут же они узнали, что крестьяне, приписанные к заводам жечь уголь, были разорены заводчиками-иностранцами и отказались работать. Вот и пришлось останавливать домну и прекращать выплавку металла.

А толпа собиралась по другому случаю. Когда домна остыла, один молодой русский рабочий забрался в нее и стал измерять ее внутренние стены. Как на грех появился хозяин, вытащил его и назначил ему наказание плетьми. На эту расправу были согнаны рабочие.

Здесь Дружинка и расстался с дедом Славко и грузно зашагал к заводским кузницам. Вскоре он узнал, что хозяева-иностранцы выписали из разных западных стран до 600 человек «литейщиков, молотового и оружейного дела специалистов». Им платили большие деньги. Дружинка понимал, что иначе нельзя, но его сознание угнетала мысль о зависимости. Долго ли еще русские будут кланяться немцам? Взять того же парня, которого секли, разве он не мог одолеть хитрость доменной печи? И сам Дружинка чувствовал в себе эту жажду узнать больше и гордо стать рядом с заграничным мастером, а то и выше его. Надо учиться!

Возможно, о таких русских парнях писал тогда один иностранец: «Чтобы учиться, у русских в добрых головах недостатка нет. Между ними встречаются тонкие, способные люди, одаренные ясным умом и доброй памятью».

ЗОВ БРАТСТВА

Нашествие орд монголо-татарских ханов было страшным бедствием для всего народа Руси. Большая часть ее населения и территории оказалась под игом Золотой Орды, меньшая, западная часть, сначала вошла в состав Литовского государства, а затем Речи Посполитой. Со временем сложились три народности — великорусская (русская), белорусская и украинская. Развиваясь в разных исторических условиях, они постепенно обособлялись друг от друга в языке, быту, хозяйственной жизни, но память о былом единстве сохраняли.

По мере ослабления Золотой Орды и объединения русских земель в единое государство усилилось тяготение украинцев и белорусов к русским своим братьям.

Донские и запорожские казаки, русские и украинцы, становятся боевыми побратимами. Они часто вместе оказывают отпор врагам. На Дону и в Запорожской Сечи укрывались беглые крестьяне, спасавшиеся как от ига польских феодалов, так и от эксплуатации русских помещиков. Переход с Дона на Днепр и обратно был явлением обычным. Так самим народом закладывался фундамент борьбы за воссоединение украинских земель с русскими.

С конца XVI в., когда усиливается гнет Польши на Украине, там учащаются казацко-крестьянские восстания.

В 1591—1593 гг. на Украине происходило крупное восстание против ига польских феодалов. Во главе повстанцев стоял гетман Криштоф Косинский. Оказавшись в трудном положении, казаки и крестьяне обратились к России за помощью, но русское правительство после Ливонской войны и опричнины не имело сил бороться с Речью Посполитой. Борис Годунов послал

сечевикам[1] сукно и деньги и старался склонить их к тому, чтобы они направили свои силы против крымцев. Не получив достаточной поддержки России, восстание было подавлено.

Мощным было восстание украинцев и белорусов против польско-литовских господ в 1594—1596 гг., но и оно закончилось поражением. Не имея сил продолжать борьбу против отборной армии гетмана Жолкевского, 10-тысячное войско казаков под предводительством С. Наливайко остановилось в Переяславле. Здесь было принято решение идти в Россию. Войско двинулось к русской границе, но по пути его настиг Жолкевский и разбил.

Крупное восстание произошло в 1638 г. Борьбу начали запорожцы. Их возглавили Яцко Острянин и Карп Скидан. После поражения Яцко Острянин перешел со своими сторонниками русскую границу и получил разрешение поселиться в городе Чугуеве. Царь принял казаков на жалованье и поручил нести сторожевую службу на юге страны. Переходы украинцев на сторону России уже с конца XVI в. были обычными. Воеводы окраинных русских городов то и дело обращались в Москву за разрешением принять переселенцев, оказать им содействие в устройстве, выдаче жалованья и т. п. Вот один из таких случаев. После боя с крымцами в 1620 г., захватив «языков», запорожцы направили с ними в Москву Петра Одинца «с товарищи». Они говорили, что присланы запорожским войском «бити челом государю и сказать, что они все хотят ему, великому государю, служить головами своими по-прежнему, как они служили прежним российским государям, и в их государских повелениях были, и на недругов их ходили, и крымские улусы громили, а ныне они по тому ж служат

Богдан Хмельницкий. ***Гравюра голландского мастера В. Гондиуса.***

великому государю». Царь принял послов, наградил их, а запорожцам с их гетманом дал, как говорится в документе, «лехкое... жалование 300 рублей денег».

Оживали торговые связи России с Украиной. Путивльский воевода сообщал в 1621 г. в Москву, что «русские торговые люди» едут на Украину, а украинские купцы — в Россию «беспрестанно».

В то время немалую роль в борьбе за воссоединение Украины с Россией играла церковь. Дело в том, что польские феодалы не только экономически угнетали украинцев. Православное население Украины терпело от них и религиозные притеснения. Католическая церковь сначала задалась целью искоренить православие на Украине и в Белоруссии, но, встретив решительное сопротивление верующих, изменила

---

[1] *Сечевик* — казак Запорожской Сечи.

свою политику и стала бороться за подчинение православной церкви путем унии (объединения церквей). Это грозило украинскому и белорусскому народам не только потерей своей веры, но и языка, обычаев, культуры.

Унию приняла главным образом феодальная верхушка, да и то не вся, народы же Украины и Белоруссии решительно боролись против унии. И большую помощь в этом им оказала Россия.

Таким образом, еще задолго до начала освободительной войны на Украине шел процесс всесторонней подготовки условий для воссоединения с Россией.

В мае 1648 г. Богдан Хмельницкий одержал первые победы над польскими феодалами. Об этом он пишет русскому царю и просит его выступить против Польши. Вместе с тем он высказывает желание украинского народа воссоединиться с Россией.

В справедливой борьбе украинского народа с первых дней принимали участие и русские люди (донские казаки). Любопытно, что у Хмельницкого был уговор с воеводой одного русского пограничного города о совместном выступлении против поляков, но восставшие сумели одержать победу раньше, чем к ним подоспела помощь воеводы. В марте 1649 г. русские и украинские купцы приобрели в пограничных городах России большое количество хлеба, соли и меда для вывоза на Украину. В том же месяце царь сообщил об этом Хмельницкому через своего посла Г. Унковского.

Наступил 1651 год. В феврале царь созвал Земский собор. На нем было указано на нарушение Польшей договоров и высказано мнение о готовности России воссоединиться с Украиной. Россия ускорила подготовку к войне.

Однако до полного разрыва отношений тогда не дошло. Лишь в июне 1653 г. царь прислал Хмельницкому грамоту о своем согласии принять Украину в состав России. 1 октября 1653 г. был созван новый Земский собор, который и высказался за воссоединение Украины и за объявление войны Польше.

Русское правительство направило на Украину большое посольство во главе с боярином В. В. Бутурлиным для принятия присяги украинцев русскому царю. Во всех городах и селах Украины, где проезжало русское посольство, ему оказывалась торжественная и радостная встреча. Духовенство выходило с крестами и иконами, народ выносил хлеб.

Навстречу приближавшемуся к Переяславлю посольству выехал 31 декабря 1653 г. полковник Павел Тетеря в сопровождении 600 казаков. В пяти верстах от города он сошел с коня, и, когда приблизился Бутурлин, полковник произнес горячую речь.

8 января сначала состоялась тайная Рада Хмельницкого с судьями, есаулами и полковниками. Генеральный писарь Выговский сообщил Бутурлину, что Рада решила присоединиться к России. Тогда стали скликать всех прибывших в Переяславль на «явную» Раду. «Великое множество всяких чинов людей» собралось кругом на площади города. В круг вошел гетман под бунчуком (знак власти), за ним — полковники, судьи, есаулы и писарь. Всем велели молчать. Хмельницкий заговорил:

— Паны полковники, есаулы, сотники, все Войско Запорожское!.. Вот уже шесть лет живем мы без государя, в беспрестанных бранях и кровопролитиях с гонителями и врагами нашими, что уже очень нам всем наскучило, и видим, что нельзя нам жить больше без царя. Для этого собрали мы Раду, явную всему народу, чтобы вы с нами выбрали себе государя из четырех, кого хотите: первый царь турецкий, кото-

рый много раз через послов своих призывал нас под свою власть; второй — хан крымский; третий — король польский, который, если захотим, и теперь нас еще в прежнюю ласку принять может; четвертый есть... великой России государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Руси самодержец восточный, которого мы уже шесть лет беспрестанными моленьями нашими себе просим; тут которого хотите выбирайте!

Дальше же гетман стал характеризовать, что значит присоединиться к тому или иному государству:

— Царь турецкий — бусурман: всем вам известно, как братья наши, православные христиане, греки, беду терпят и в каком живут от безбожных утеснении; крымский хан тоже бусурман, которого мы, по нужде в дружбу принявши, какие нестерпимые беды испытали! Об утеснениях от польских панов нечего и говорить... А великий государь царь восточный единого с нами благочестия... Если мы его (русского государя.— *В. А.*) с усердием возлюбим, то, кроме высокой царской руки, благотишайшего пристанища не обрящем; если же кто с нами не согласен, то куда хочет — вольная дорога.

— Волим под царя восточного православного! — раздалось со всех сторон. Тогда Тетеря, обходя круг, стал спрашивать:

— Все ли так соизволяете?

— Все! — единодушно отвечали стороны на его вопрос.

После этого гетман и полковники присягнули на верность России. В. В. Бутурлин вручил Хмельницкому знамя, булаву, ферязь (длинное одеяние без рукавов и пояса), шапку и соболей. Стольники и дворяне принимали присягу во всех городах и селах Украины.

27 марта 1654 г. царь послал гетману Богдану Хмельницкому и всему войску запорожскому грамоту о принятии Украины в состав Русского государства с подтверждением прав и вольностей ее населения.

Однако, прежде чем территория Украины вошла в состав России, русскому народу пришлось вынести длительную и тяжелую войну с Речью Посполитой. Эта война началась в 1654 г. и длилась до 1667 г. Положение осложнялось тем, что русскому государю пришлось одновременно вести борьбу с Крымом и Швецией. Только после того как силы враждующих сторон были истощены и усилилась опасность вторжения турецко-крымских войск, угрожавших России и Польше, 30 января 1667 г. в деревне Андрусово, недалеко от Смоленска, было подписано польско-русское перемирие на 13,5 лет. К русскому государству отходили Смоленское и Черниговское воеводства, Стародуб. Только теперь Польша признала присоединение к России части Украины — левобережья и Киева.

Воссоединение Украины с Россией было осуществлением давних стремлений и надежд украинского народа; оно явилось поворотным этапом в его истории.

ВЕСЕЛЫЕ ЛЮДИ

Веселыми людьми в старину называли скоморохов (по-древнерусски «скомрахи»). С давних языческих времен эти люди ходили из села в село, из города в город и развлекали население на полянах, улицах, площадях. Народ любил их, ждал встречи с ними. Его нежное чувство к ним передают слова о молодом волынщике:

Да был некаков волынщичек,
Да молодой от гудошничек...
Да как стал он на рынок гулять,
Да как стал он в волынку играть,
Да как гости подхаживали,
Да бояра подхаживали,
Да волынку послушивали,
Да как ей-то подхваливали.

Народ в своих песнях говорил о скоморохах:

По улицам веселые похаживают,
Гудки да волынки с собою понашивают,
Промежду собой веселые разговаривают:
— А где-ка веселым будет спать, ночевать?

Словами этой песни представлен образ человека веселого нрава, умеющего играть на волынке, а то еще и на домре, гуслях, трубах, сопелях, бубнах и в то же время бродячего, бездомного, не знающего, где его застанет ночь и как он ее проведет. «Голос на гудке настроит, а жилья своего не устроит»,— говорится о скоморохе в народной пословице.

Бродячие скоморохи были профессиональными народными артистами. Они умели все: это не только музыканты, но и певцы, рассказчики-острословы, поэты, способные в любом случае тут же, как говорится, сходу выразить в стихотворной форме только что встреченное, увиденное. Они и артисты, разыгрывающие житейские сценки, кукольники, плясуны, акробаты, канатоходцы, «медведчики»... Их высокое артистическое мастерство народ оценил в своих поговорках: «Не учи плясать, я и сам скоморох», «И всяк спляшет да не как скоморох».

Кроме бродячих, были скоморохи оседлые. Одни из них жили как крепостные при домах богатых людей и потешали их своими играми, песнями, плясками, рассказами. Приглашали скоморохов развлекать себя великие князья и цари. Согласно былине при князе Владимире Красное Солнышко Добрыня, не желая, чтобы его узнали, пришел на свадьбу Алеши Поповича переодетым в скомороха. Скоморохи изображены на фресках Софийского собора в Киеве, построенного в 1037 г.

Позже, в 1571 г., говорится в документе, «в Новгороде и по всем городам и по волостям на государя брали веселых людей да и медведей описывали на государя». Иван Грозный и сам развлекался со скоморохами, участвуя в их плясках. По словам князя Курбского, царь, «упившись, начал со скоморохами в машкарах (масках) плясати и сущие пирующие с ним».

Другие из оседлых скоморохов жили в деревнях или городах, занимаясь сельским хозяйством и ремеслом. Они входили в состав тяглого, облагаемого податями населения деревни и города. Скоморошили они в основном в праздничные дни.

Были известны целые села с названиями «Скоморохово», «Скоморошниково» и т. п. Шесть сел с такими названиями в XVI в. отмечено в документах Шелонской пятины, пять — Двинской земли. Жили скоморохи в 16 селах вокруг Твери.

В первой половине XVII в. по документам числилось 16 скоморохов в Нижнем Новгороде, 7— в Ярославле, 14— в Москве, 7— в Устюге Великом, 12— в Хлынове, 5— в Гороховце.

Мастерство оседлых скоморохов было невысоким. Главная их роль состояла в том, чтобы быть заводилами, организаторами веселья, в которых они и сами были наиболее активными и деятельными.

Мы не станем уделять внимания ни оседлым скоморохам, ни тем, которые были холопами или крепостными в домах феодальной знати. Нам интереснее больше узнать о скоморохах бродячих, подлинных мастерах своего дела.

XVI — первая половина XVII в. считается временем расцвета профессионального скоморошества.

Одет скоморох был иначе, чем тогдашний житель города и деревни. Вместо длинного, до пят, верхнего платья и длинных рукавов, словно предвосхищая изменения внешнего облика человека при Петре I, скоморохи носили короткие кафтаны. В одном месте мы об этом читаем:

На нем голевой (без подкладки) кафтанчик
Полудурьице (расстегнутый) раздувается,
Миткалинова рубашка белеется,
Скомороховы монетки трепещутся.

Вот перед нами скоморохи, изображенные на фреске Софийского собора. Они одеты в рубахи, передние концы которых справа и слева подоткнуты под пояс. На них узкие штаны, сапожки по икры ног. На голове остроконечные шапки. Легкая и удобная, не стесняющая движений одежда скомороха диктовалась потребностью плясуна, акробата, ходока. Скоморох в ней был подвижен, легок и ловок. И цвет одежды, надо думать, был не обычным. Профессия весельчака, балагура, комика требовала появления перед публикой в ярком, броском, многоцветном одеянии. И с украшениями в виде, как сказано в стихе, трепещущих монеток и т. п.

Еще одна необходимая скомороху в его убранстве деталь — маска. Она носила название личины, обличия, наличника (надеваемое на лицо), хари (надеваемой, как думают ученые, на голову), скураты, машкары (оба последних названия связаны со словами «шутовство», «насмешка», «глумление»).

И одежду и маски, смотря по тому, что и где надо было представлять, скоморохи комбинировали. В одном случае они одевались в один наряд, в другом случае — в другой. Надо было — придавали себе звериный облик, подвязывали бороды, «страшаще или утешающе людей».

Спутником и участником представлений скомороха был дрессированный медведь, а иногда собака. Представляя здесь медведя как артиста, необходимо заметить, что в его обучении скоморохи достигали большого искусства. Обучали они медведей в лесах около Сморгони (Белоруссия), поэтому эту местность прозвали «Сморгонской академией». Впоследствии, когда скоморохи сошли со сцены, наследниками их лесной академии стали цыгане.

По свидетельству документов XVI—XVII вв., выученный скоморохами медведь мог танцевать, представлять судей, маршировать как солдат, ходить как карлик, изображать, как мужчины носят косы, как они косят, мог лазать вверх и вниз по столбу, ударять в такт музыки лапами...

Медведь был и помощником, а то и главным артистом, и, следовательно, кормильцем скомороха, его защитником. В одном документе говорится, что 8 скоморохов за бродяжничество были оштрафованы на 16 копеек, а медведь их — на 12 копеек.

Чаще всего, надо думать, скоморохи ходили ватагами. Стоглавый собор в 1551 г. отметил, что скоморохи, «совокупяся ватагами многими», ходят «до штидесят и до семидесяти и до ста человек». А один ученый по таможенным книгам, где регистрировали и проходящих скоморохов, установил, что в XVII в. они ходили по 2—5 человек. Поэтому надо считать, что обычно труппа скоморохов состояла из 2—8 человек. В таком составе она могла создать вполне разнообразное представление. Ей было и легче прокормиться небольшими группами.

Если в ватаге набиралось много имущества (музыкальные инструменты, одежда, маски, куклы и др.) и сами артисты не могли его унести, у них был помощник-носильщик, которого тогда называли мехоношей.

Выяснив, кто такие скоморохи, перейдем к знакомству с их деятельностью. Сначала мы увидим народных артистов в общих сценах жизни, а затем в отдельных представлениях.

Один иностранец в начале XVIII в. на пути из Петербурга в Москву остановился в Твери и был принят комендантом города. Отменно угостив иноземного гостя разными блюдами,

комендант, как потом писал иностранец, распорядился впустить скоморохов. Вошло 16 человек, а всего, говорил комендант, у него 60 скоморохов. «Они,— писал иностранец,— принялись свистать, щебетать, петь и куковать, каждый на свой лад, представляя разнообразное пенье птиц в лесу. Свистали они так громко, что стена отражала звук, и хотя все эти люди стояли против меня, мне казалось, что они одновременно находятся и спереди и сзади. Они щелкали также кастаньетами, сделанными из деревянных ложек с погремушками по краям, играли на волынках и скрипках, плясали, забавно ломались, бегали взад и вперед на карачках, щебетали и т. д. Шутки эти отличались своеобразием, на них весело было смотреть. Встав на круг, они влезали также друг к другу на плечи и с различными шутовскими повадками изображали собою подымающуюся башню».

Перед народом бродячие скоморохи появлялись в дни церковных праздников и по воскресеньям. В эти дни, как говорится в Стоглаве, «мужи и жены и дети в домех и по улицам обходя и по водам глумы творят всякими игры и всякими скомрашества и песньми сатанинскими и пляраньми и гусльми и иными многими виды и скаредными образовании (масками)... Отрицают вся божественная писания и священные правила».

То же пишут через много десятков лет в своей челобитной патриарху и нижегородские попы в 1636 г. Они жаловались, что в дни церковных праздников, когда нужно со страхом и благоговением стоять и со вниманием слушать духовные божественные слова, люди «вместо радости духовная... творят радости бесовской, многими... бесовскими играми дни сия провожают... делают по домох игрища и собираются... по много мужи и жены, и игры творят всякого бесовского мечтания... на лица свои полагают личины косматыя и зверовидныя и одежду таковую ж, а созади себе утвержают хвосты, яко видимыя беси, и всякое бесовско козлогласующе... а иные в бубны бьюще и плещуще и пляшуще... не токмо по домох, но и по улицам града и по селам и по деревням ходяще...».

Обратили внимание, что в дни церковных праздников народ предпочитал не молитвы слушать, а собираться в домах, на улицах городов, ходить по селам и предаваться веселью на старый, ненавистный церкви языческий лад?

Появление на этих игрищах скоморохов вносило еще большее оживление и вызывало особенно сильный гнев духовенства. Нижегородске попы далее пишут, что вместе с городскими и сельскими жителями на празднике появляются «игрецы и медветчики и скомороси з бесовскими оружии». Вот что происходит на празднике этом: «медветчики с медведи и плясовыми псицами (собаками), а скомороси и игрецы с личинами и... з бубнами и с сурнами и со всякими сатанинскими блудными прелесмы... их же как сатана научил противне празднику...». Таких «позорных всенародных сборищ на всякое лето бывает четыре». И всякий раз, продолжают свою жалобу попы, ходят «медветчики и скомороси по двором и по улицам и творят игры безчинный, ругаются празднику...».

То же происходило во Пскове. Игумен одного монастыря, возмущаясь народными и скоморошьими праздниками, писал в начале XVI в.: «Мало не весь град (Псков) взмятется и взбесится, бубны и сопели, и гуденьим струнным, и всякими неподобными играми сотонинскими, плесканием и плясанием, ...стучат бубны и глас сопелий и гудут струны, женам же и девам плесканье и плясание и главам их накивание, устам их неприязнь клич и вопль, всескверненные песни, бе-

совская угодия свершахуся и хребтом их вихляние, и ногам их скакание и топтание».

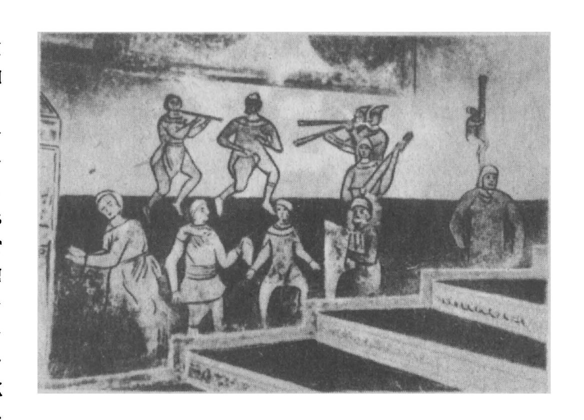
Церковь в это время была еще бессильна запретить эти народные увеселения и появление на них скоморохов. Удаль, разгул, ликование празднеств увлекали жителей сел и городов от стара и до мала. Никаких норм и запретов, вольность, всеобщее карнавальное равенство! «Главное было то,— читаем мы в одной из книг о скоморохах,— что на игрищах человек как бы освобождался от пут, которые связывали его в повседневной жизни, и становился свободным, становился самим собой, забывал и царя и бога, а вместе с ними все то, что с таким завидным постоянством старались внушить ему в церкви».

Без скоморохов не обходилось веселье свадеб. Впереди свадебной процессии идет поп, а скоморохи — впереди попа, и не он, а они задают тон свадьбе.

Скоморохи делили с народом и его горе. На Стоглавом соборе говорилось, что «в Троицкую субботу по селам и по погостам сходятся мужи и жены на кладбищах и плачутся на могилах с великим кричанием». Скоморохи обычно навещали кладбища, и вот, когда начнут играть «гудники и перегудники, мужи и жены перестают плакать, начинают скакать и плясать и в ладоши бить и песни сатанинския петь». Смена горя с приходом скоморохов радостью не была кощунством. Это был пережиток первобытного общества, когда веселье на похоронах или при посещении кладбищ означало желание сделать счастливой иную жизнь умершего.

Народ видел в скоморохах и выразителей своих интересов. Они обличали угнетателей, эксплуататоров, попов, высмеивали людские пороки.

Вот разыгрываемая скоморохами сцена про воеводу-боярина. Она начи-

Музыканты и скоморохи. ***Фреска южной башни Софийского собора в Киеве. XI в.*** **Монах-летописец писал в «Повести временных лет», что скоморохи «сходятся на игрища, на плясанье и на вся бесовская игрища». Однако отношение летописца к скоморохам не было господствующим даже в церковных кругах, о чем свидетельствует их изображение в главном храме Киевской Руси. В первые века после «крещения Руси» язычество оказывало определяющее влияние на христианство.**

Театр Петрушки XVII в. ***Рисунок из книги А. Олеария.*** **Это одно из редчайших изображений бродячих скоморохов XVII в., выполненное очевидцем. Скоморохи выступают перед крестьянами.**

налась такими словами ведущего: «Про обжору боярского воеводу соврем историю пречудную,— как воевода брюхо на посулах наел, от пирогов с грибами заболел, бородой поперхнулся да вовремя выплюнул... слушай, коль любознательно да кулак береги за пазухой».

После этого объявления на сцену выходит скоморох с бородой из мочалы и с наброшенной на плечи рогожей. Голова его покрыта шапкой из луба. Обращаясь к публике, он говорит:

— Воеводой я буду, честные люди, представляться.— И просит, когда начнут его лупцевать, чтоб били вежливенько, одним кулаком, а не костоломцем или дубьем. Сказав это, артист-воевода садится на пенек и начинает принимать челобитчиков.

Первый из них, передав воеводе лукошко со щебнем, просит:

— Ой, боярин, ой, воевода! Прими посул! Рассуди по правде и милости!

Каждый подходит со своим подношением и со своей просьбой. С важным видом воевода принимал посулы и остался недоволен.

— Мало... дома на печи посмотри — не завалилось ли где еще? По лавкам помети, по полкам, по сусекам... Пообедать мне с боярыней — и то не хватит! Потряси, челобитчик, мошной, посильней потряси, может, где что и закинулось? И глазом дарения не вижу и ухом не слышу... Коровенку бы со двора, да гусей от гумна, да лошадку от пахоты, да свинью от мякоти. А кто чего мне не дает, тому расправу и суд чинить буду, подтяну под пытку да велю дать сорок палок по затылку. Да веником березовым, да суком стоеросовым! Да еще под микитки велю насовать так, чтобы припомнили отца и мать, да материну мать, да дедкину, да за дедкину дедкину, да деревню Репкину, где мужики от харчей господских распухли!

Воевода распалился, стал топать ногами и гнать челобитчиков, но получил отпор:

— Ой, боярин, ой, воевода, любо было тебе посул получать, получи и присказку на побасенку!

Затем раздался другой голос, обращенный уже к народу:

— Пособи, люд честной, гостя киселем попотчевать да самим из реки ушицы хлебнуть!

Народ горячо поддерживает челобитчиков, они начинают бить воеводу, гонять его, приговаривая:

— Добрые люди, поглядите, как холопы из господ жир вытряхивают!

Это острое и смелое представление скоморохов вызывало большой интерес народа.

Всеобщий, едва ли с чем сравнимый интерес для народа представляли скоморошьи сцены с медведем. Подробное описание их относится только к XIX в. Мы ими и воспользуемся, имея в виду, что они не могли сильно измениться с XVI—XVII вв.

Вот как писал очевидец медвежьего представления: «Приход мужика с медведем еще очень недавно составлял эпоху в деревенской заглушной жизни: все бежало к нему на встречу — и старый и малый; даже бабушка Анофрена, которая за немоготою уже пятый год с печи не опускалась, и та бежит.

— Куда ты это, старая хрычовка? — кричит ей вслед барин.

— Ах батюшка,— прихлебывает Анофрена: — Так медведя-то я и не увижу? — и семенит далее».

Нам нетрудно понять этот, прямо-таки воскрешающий интерес бабушки к медвежьему диву, если и сейчас не то что в деревне, а и в самой Москве цирковое представление медведей привлекает к себе не только детей, но и взрослых. Труппа состоит из дрессировщика-поводыря, мальчика лет 10—12 и главного действующего лица медведя с неизменным именем Михайло Иваныч. У него подпилены зубы и коль-

цо в ноздрях, за которое прикреплена цепь. Нет лишь музыкантов, что было обязательным у скоморохов. Остановившись на лужайке и подождав, когда все сбегутся, мужик начинал представление.

— Ну-тка, Мишенька, поклонись честным господам да покажи-ка свою науку, чему в школе тебя пономарь учил, каким разумом наградил.

Далее следовали просьбы к медведю показать то одно, то другое, что он охотно и исполнял.

— Ну-тка, Мишенька, покажи, как красные девицы, молодицы, белятся, румянятся, в зеркальце смотрятся, прихорашиваются...

Мишка садится на землю, трет себе одной лапой морду, а другой вертит перед рылом кукиш.

Сценка житейская, она, несомненно, сохранилась со старины, когда русские женщины густо покрывали лицо белилами, подкрашивали глаза. Еще в XVII в., живя в курной избе, женщина вынуждена была скрывать белилами рано утрачиваемую свежесть лица и рано появлявшиеся морщины. Набелившись, она оставалась молодой. Жених во время свадьбы обязательно одаривал свою невесту румянами и белилами.

— А как, Миша, малые дети лазят горох воровать?

Миша ползет на брюхе в сторону.

— А ну-ка, Михаил Иванович, представьте, как поп Мартын к заутрене не спеша идет, на костыль упирается, тихо вперед продвигается и как поп Мартын от заутрени домой гонит, что и попадья его не догонит.

И одновременно ставился аналогичный вопрос:

— А как бабы на барскую работу неспеша бредут? И как бабы с барской работы домой бегут?

В первом случае Мишенька едва передвигает лапу за лапой, во втором — бодро шагает.

Потешаться насчет попа и церкви было обычным в народных представлениях, а вот сцена с женщинами, идущими на барщину и с барщины, надо думать, приобрела особую злободневность в период разложения крепостного строя с конца XVIII в., когда резко усиливается эксплуатация помещиками крепостных крестьян.

Следуют сценки, как «барыня с баб в корзинку тальки (мотки ниток) да яйца собирает», и другие, которые медведь неуклюже, но точно воспроизводит заученными действиями, каждый раз вызывая взрыв восторга зрителей.

Неизменной спутницей медвежьих представлений была коза. Ее изображал мальчик-помощник. Делалось это незатейливо, просто: он одевал на голову мешок, выставлял сверху палку с козлиной головой и рогами. Особое значение придавалось языку. Он делался из дерева и так приспосабливался, что им можно было издавать громкий шум. Мужик, пристроив барабан, «начинает выбивать дробь, держит медведя за кольцо, и коза выделывает вокруг Михаила Ивановича трепака, клюет его деревянным языком и дразнит; Михаил Иванович бесится, рычит, вытягивается во весь рост и кружится на задних лапах. После такой неуклюжей пляски мужик дает ему в лапы шляпу, и Михаил Иванович обходит с нею честную публику, которая бросает туда свои гроши и копейки...».

Раньше коза играла во время праздников и самостоятельную роль. Вот как об этом рассказывается в одной из книг: «Молодец, одетый козой, в лентах и бубенчиках, предводительствует толпой, которая ходит под окна или перед двери хат, под музыку, с песнею».

Толпы народа ходили в праздничные дни и за лошадью, которую изображали двое или трое накрывшихся рогожей юношей.

Театру предшествовали народные кукольные представления во главе с

Петрушкой. Их называют театром Петрушки. «Непобедимый герой народной кукольной комедии»,— назвал Петрушку Максим Горький. В XVII в. Петрушка изображается членом скоморошьей ватаги. Один иностранец, побывавший в России в XVII в., сделал рисунок такой ватаги. Петрушка закрыт поднятым вверх от пояса одеялом, которое закреплялось на обруче. На его вытянутых руках доска с фигурками-куклами, которые одевались на пальцы. Под аккомпанемент гусляра и гудочника Петрушка разыгрывал свои представления.

Начинались они сценой покупки у цыгана лошади. Сначала перед публикой появляется кукла-Петрушка. Петрушка шутками и прибаутками веселит слушателей, но вот выходит цыган. Петрушка задумал жениться. Тут же и невеста его Варюшка. Он хочет купить у цыгана лошадь. Начинается торг, доставлявший особое удовольствие зрителям. Петрушка крутится вокруг лошади, пытаясь определить ее достоинства и возраст, и при этом постоянно «получает от лошади пинки и брычки», что составляет самую смехотворную часть сцены. Наконец, лошадь куплена. Цыган уходит, Петрушка садится на лошадь, которая, то поднимаясь на дыбы, то становясь на передние ноги, сбрасывает его.

К еле живому Петрушке приходит доктор:

— Где у тебя болит?

— Вот здесь!

— И здесь?

— И здесь!

Петрушке надоедают вопросы и ощупывания доктора, он встает и бьет доктора по лицу, тот отвечает. В драке Петрушка убивает доктора. Является солдат и начинает допрашивать Петрушку: «Зачем убил доктора?»

— Затем,— отвечает Петрушка,— что свою науку худо знает — битого смотрит, во что бит не видит да его же еще и спрашивает.

Один говорит дискантом, другой — в нос. Слово за слово. Петрушка хватает палку, бьет солдата, тот отвечает, и в новой драке ко всеобщему удовольствию Петрушка оказывается победителем, на этот раз обратив противника в бегство.

Комедия обычно кончалась появлением пуделя с приклеенными к хвосту и ногам клочками ваты. Раздается звонкий лай.

— Шавочка-душечка,— ласкает ее Петрушка,— пойдем ко мне жить, буду тебя кошачьим мясом кормить.

Однако собака набрасывается на него и начинает кусать: за нос, за руку, снова за нос. Как ни увертывается Петрушка, она успевает его укусить. Наконец, он не выдерживает и убегает...

Если народу много, то Петрушка изображает смешную сцену сватовства к своей невесте Варюшке, при этом рассматривая ее, как лошадь; показывает занимательный танец двух арапов; сцену о даме, которую укусила змея, и т. д.

Большие мастера слова, скоморохи потешали публику распространенными тогда в их среде нелепицами и пустобрешками. Их героями чаще всего были доктора и особенно церковники. Вот несколько примеров.

Нелепица про доктора.— Ты кто? — Я доктор-лекарь, из-под каменного моста черт-аптекарь... Ко мне приводят на ногах, а увозят на санях... Что у тебя болит, голова или виски? Сжать твои виски в тиски, голову сделать лепешкой, приложить пластырю немножко...

Про женитьбу архиерея. — Брат, где был? — В городе Ростове.— Что в городе Ростове делается? — Все старое по-старому, вновь ничего.— Я слышал, что в городе Ростове рихерей женится? — Я слышать не слыхал, что

рихерей женится, а шел мимо рихерейского двора, у рихерейского двора коровы оседланы, свиньи обратаны, у куриц хвосты подвязаны,— должно быть, что рихерей женится.

О поповых детях.

Поповы-то детки
Горох воровали,
На попа сказали,
Попа-то связали
Да в город послали.
Сидит он в коробу,
Словно божий раб в гробу,
Попадья-то ревет,
Всех за бороду дерет.
Поповы-то ребята
Лежат на полатях,
А поп увещает:
— Грешно, свет, браниться,
Давайте-ка мириться,
Во имя христово.

О попе.

Поп испужался —
Полез под подушки,
Прищемил себе ушки.
Дьякон в печи
Оборвал плечи.

Главная задача артиста-скомороха заключалась в том, чтобы развеселить своих слушателей, понравиться им, но мишенью острот он не случайно избирает попа или воеводу, так как они были его злейшие враги. И народ страдал от них: поп запрещал его языческие праздники, а воевода притеснял его своею властью и разорял поборами.

Доставалось и доктору-лекарю. В ту пору он был недоступен народу и потому выступал только объектом насмешек.

Мы уже встретились со скоморохами-артистами, потешниками, острословами, балагурами, а теперь познакомимся со скоморохом-мудрецом. Вот какой об этом существует рассказ. Зашел как-то спор христианина с представителем другой религии о том, чья вера лучше. Было решено, что лучше всего их спор смогут разрешить философы, но христианин не мог найти в своей среде философа и не знал, что ему делать. И тут на выручку к нему пришел скоморох и заявил, что может поспорить с иноверным философом. Делать нечего, тот согласился, хотя противная сторона выставила «мужа мудра и горазда к книгам и велеречива».

Спор начался.

Противник показал скомороху один палец. Скоморох подумал, что он хочет выколоть ему глаз, и ткнул в философа двумя пальцами: а я-де выколю тебе оба глаза. Философ же понял скомороха по-ученому: бог сотворил не одного Адама, а и Еву. И решил, что его противник очень премудр.

Тогда философ задал загадку посложнее.

— Отгадай: курица ли от яйца или яйцо от курицы?

Скоморох снял с философа шапку и ударил его по плеши.

— Отгадай, философ: отчего треск трещит — плешь от руки или рука от плеши?.

— Хорошо,— говорит философ,— давай оставим все это, а лучше выясним, сколько в году праздников у каждой веры. У какой праздников окажется больше, та вера и будет лучшей.

Скоморох согласился, но попросил, чтобы на этот раз разрешили ему первым называть свои праздники. При этом он предложил за каждый названный праздник вырывать у противника по волосу и класть их друг перед другом:

— Тебе внятно будет, а мне памятно,— пояснил скоморох.

Философ согласился, и скоморох начал. Назвав первый праздник первого дня нового года, он вырвал из бороды философа один волос. Пока называл первые три праздника первой недели нового года и рвал по волосу из бороды философа, все было спокойно. Но вот скоморох заявляет, что в

четвертый день христиане справляют праздник двух тысяч святых мучеников. Тут он хватает обеими руками бороду философа и почти всю ее вырывает.

— А на пятый день,— как ни в чем не бывало продолжал скоморох,— у нас праздник 14 000 избиенных младенцев.

С этими словами он вырывает остаток бороды философа, и тот в страхе убегает, признав таким образом свое поражение...

Скоморошество, веками тесно слитое с народом, его праздниками и развлечениями, в которых сильно проявлялись остатки языческого времени, с самого первого времени принятия на Руси христианства стало врагом церкви и подвергалось с ее стороны гонению.

Церкви было опасно то, что «бьяху в бубны, друзии же в козице и в сопели сопяху, инии же, возложив на лица скураты (маски), идяху на глумление человеком и многие, **оставивши церковь**, на позор (зрелище) течаху...». Скоморохи, устраивая игрища, отвлекали людей от церкви. Попы часто жаловались, что во время народных игрищ церкви стоят пустыми.

Одной из мер для отвлечения народа от празднеств была угроза в отказе хоронить на кладбищах тех, кто разобьется на качелях во время игр. Скоморохи назывались слугами беса, дьявола, а их игры — «службой идольской», «лестью дьявольской», т. е. противной и враждебной богу.

Наиболее ретивые служители богу применяли против скоморохов и физическую силу. В XVII в. особенно отличились в этом вожди раскола протопопы Аввакум и Неронов. Рассказывая в своем «Житии» о том, как он, «по Христе ревнуя», сражался со встреченной им ватагой скоморохов, Аввакум писал, что он «и хари и бубны изломал на поле один у многих и медведей двух великих отнял — одного ушиб и паки ожил, а другого отпустил в поле». Но он признает, что и сам был бит скоморохами. Может быть, еще большую настойчивость в борьбе со скоморохами проявил нижегородский протопоп Неронов. Он, часто «биемый, обличаше их». Автор его «Жития» рассказывал: «Многажды же исходаше Иоанн (Неронов) противу скоморохов с ученики своими» во время церковных праздников, когда «множество игр бываше в вечер и в нощи. Того ради Иоанн в вечер позден и в полунощи хождаше по стогнам града и сражахуся с бесовскими слугами, и повелеваше ученикам своим орудия игр бесовских разбивати и сокрушати. И тако сражающеся, многи раны от скоморохов, бесовских слуг, приемляше Иоанн и ученицы его, и носяще страдание на теле своем... еле живы в дом возращахуся».

Постепенно в борьбу церкви со скоморохами включается и государство. Первоначально давались отдельные грамоты на запрет посещения скоморохами тех или иных мест — сел или волостей. Затем стали запрещаться игрища по всей стране в отдельные религиозные праздники, и, наконец, в 1648 г. царь Алексей Михайлович издает указ, который потребовал повсеместного преследования народных празднеств и скоморохов. Этот указ был разослан в города страны. Вот что говорилось в этом документе, направленном в Белгород: «Ведомо нам учинилось, что в Белгороде и в иных городех и в уездех мирские всяких чинов люди и жены их, и дети в воскресные и в господские дни и великих святых во время святого пения к церквам божиим не ходят, и умножилось в людех во всяких пьянство и всякое мятежное бесовское действо, глумление и скоморошество со всякими бесовскими играми. И от тех сатанинских учеников в православных крестьянех учинилось многое

неистовство: и многие люди, забыв бога и православную крестьянскую веру, тем прелестником и скоморохом последствуют, на безчинное их прельщение сходятся по вечером и во всенощных позорищах на улицах и на полях, и богомерских и скверных песней, и всяких бесовских игр слушают мужеского и женсково полу и до сущих младенцев».

И вот учиняется указ о том, чтобы «крестьяне от такова от бесовскаго действа отстали», чтоб «в городе, и в слободах, и в уезде мирские всяких чинов люди и жены их, и дети в воскресные и в господстские дни и великих святых к церквам божиим к пению приходили и у церкви божии стояли смирно, меж себя в церкви божии в пение никаких речей не говорили и слушали б церковного б пения со страхом и со всяким благочестием внимательно и отцов своих духовных и учительных людей наказания и учения слушали, и от безмернаго пьяного питья уклонялися, и были в твердости, и скоморохов з домрами, и с гусли, и с волынками, и со всякими игры, и ворожей, мужиков и баб, к больным и ко младенцом в дом к себе не призывали, и в первой день луны и в гром на водах не купалися, и с серебра по домом не умывалися, и олово и воску не лили, и зернью, и карты, и шахматы, и лодыгами (костяные шишки) не играли, и медведей с сучками не плясали, и никаких бесовских див не творили... сами не плясали, и в ладоши не били... кулашных боев меж себя не делали, и на качелях ни на каких не качались, и на досках мужесково и женсково полу не скакали, и личин на себя не накладывали...».

Этот указ дает нам возможность поглубже заглянуть в быт народа, больше узнать о том, как и чем занимался народ во время своих игр. Главная цель этого документа в том, чтобы отвратить народ от его праздников и увеселений со скоморохами и приобщить к церкви, смирению, послушанию. А этого смирения и послушания не было даже и тогда, когда люди приходили в церковь. Поп читает свое, народ делает свое, совершенно его не слушая.

Вот что пишут об этом нижегородские попы в 1636 г. патриарху: шпыни и прокураты (насмешники, проказники) «ходят, государь, чрез всю церков невозбранно со всяким безстрашием и нечистотою, яко разбойницы неистовии, разоряюще церков клопоты и кличи, и пискаяния и мятежи творяще великия в церквах... от них в церквах велика смута и мятеж, иногда дерутся в церквах и бранятся; а инии, государь, прокураты ходят, повеся на выю образ божий, а инии полагают пелены на блюде и свещи, собирают, ркуще: на созидание церквам...».

Церковь была тогда местом сбора людей, своего рода клубом и биржей, где они имели возможность встретиться, узнать друг у друга новости, переговорить друг с другом, обсудить житейские дела и даже заключить торговую сделку. До молитвы ли тут? И не удивительно, что тут же возникали распри и даже драки. Не случайно поэтому в царском указе 1648 г. люди не только призываются ходить в церковь, но и смирно стоять во время богослужения.

Царский указ за неисполнение его требований предусматривал наказание. Интересно то, что оно касалось только скоморохов: «А где объявятся домры, и сурны, и гудки, и гусли, и хари, и всякие гуденные бесовские сосуды, и тыб (воевода) те бесовские велел вынимать и, изломав те бесовские игры, велел жечь. А которые люди от того ото всего богомерскаго дела не отстанут и учнут впредь такова богомерскаго дела держаться, и по нашему указу... тех велели бить батоги». Если же они не отстанут от своего дела в третий и четвертый раз, их «ссылать в

Украйные городы за опалу». Велено довести содержание указа до людей всех чинов и сообщить, что по этому поводу будут говорить в народе.

Объединение государства и церкви в борьбе против народных игр и скоморошества значительно затруднило проведение празднеств и выступление на них скоморохов.

Воеводы на местах стали преследовать скоморохов так же жестоко, как и любых преступников. Один из воевод докладывал, что он уничтожил пять возов музыкальных инструментов скоморохов.

Однако народные игры продолжались, появлялись на них и скоморохи. Со временем их ватаги постепенно исчезали, но они еще упоминаются при Петре I и позднее. Вот какой любопытный рассказ о них оставил Нартов, один из ближайших соратников Петра: «Докладывано было государю, что в Петербург приехали плясуны и балансеры, представлявшие разные удивительные штуки». Царь отвечал так: «Здесь надобны художники, а не фигляры. Я видел в Париже множество шарлатанов на площадях. Петербург не Париж; пускай чиновные смотрят дурачества такия неделю, только с каждого зеваки брать не больше гривны, а для простого народа выставить сих бродяг безденежно пред моим садом на углу; потом выслать из города вон. К таким праздностям приучать не должно. У меня и своих фигляров между матросами довольно, которые по корабельным снастям пляшут и головами вниз становятся на мачтовом верхнем марсе. Пришельцам, шатунам сорить деньги — грех».

В дальнейшем скоморохи стали специализироваться в одном каком-либо виде представления, на этой базе рождалось искусство хора, балета, цирка, театра.

Ряжение же под скомороха дожило и до наших дней.

КАНУН АБСОЛЮТИЗМА

В дореволюционной литературе образ царя Алексея Михайловича заметно идеализировался. О нем писалось, что взгляд его «не возбуждал страха, но всякого ободрял и обнадеживал; его лицо дышало добродушием и в то же время было серьезно, чинно и важно; у него была степенная осанка и поступь, но его чинность и царственная важность не запугивали и не отталкивали от него». Пристрастие царя к соколиной охоте давало повод говорить о его любви к природе...

Ему дали прозвище «тишайший», годы его царствования изображали как годы всеобщего спокойствия, довольства и благоденствия.

На деле же было иначе: и царь не был тишайшим — «вспыхивал и опалялся» часто, и время его правления еще современники метко называли «бунташным».

Уже через год после вступления Алексея Михайловича на престол, в 1646 г., началось восстание в Ельце, усилилось «воровство» (т. е. неповиновение) на Дону; из Северной Тотьмы восставшие прогнали царских сборщиков налогов; в 1648 г. казаки и крестьяне сместили воеводу Томска и послали в Москву своих челобитчиков. Летом 1648 г. вспыхнуло восстание в Москве — первое крупное городское восстание середины XVII в. Нещадно грабившие и притеснявшие народ приближенные царя Назарий Чистой, Плещеев и Траханиотов были казнены. Царю с трудом удалось спасти от расправы своего воспитателя боярина Морозова, который фактически был правителем страны.

Вслед за Москвой заволновались другие города. В 1648 г. восстания охватили ряд городов Сибири, а также на севере, юге и в центре Московского государства. Неспокойно стало повсюду. Еще более грозными были последующие выступления народа. В 1650 г.

восстали горожане Пскова и Новгорода. В 1662 г. в Москве произошел «медный бунт». Наконец, в 1667—1671 гг. на огромных территориях Придонья и Поволжья бушевала крестьянская война под предводительством Степана Разина.

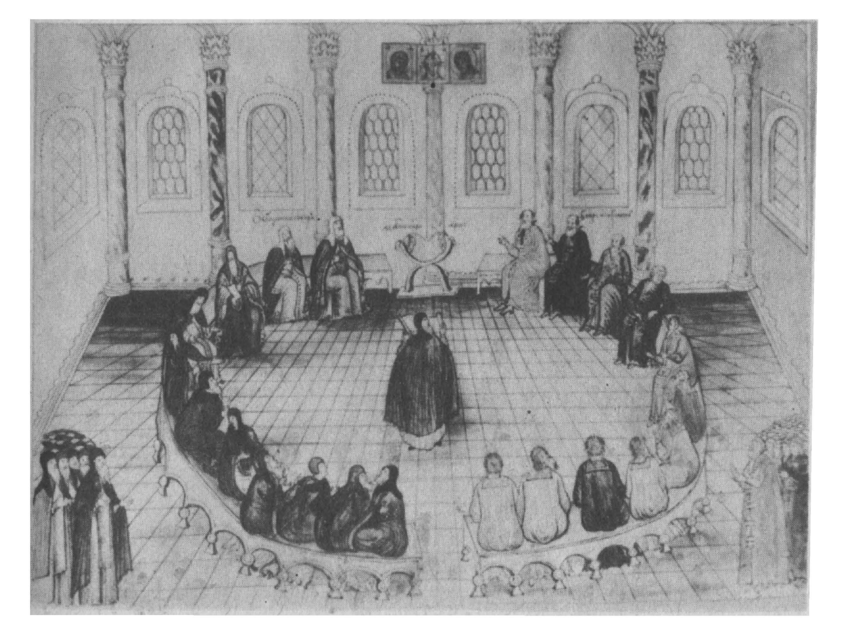
В конце 1648 г. в обстановке острой классовой борьбы был созван Земский собор. На нем произошло еще большее сплочение царя, бояр, дворян и церкви в их борьбе против угнетенного народа.

Собор завершился принятием в январе 1649 г. Соборного уложения — новых законов, которые в первую очередь защищали интересы царской власти, церкви, помещиков и купцов.

Новый закон особенно возвеличивал особу царя. Вторая и третья главы Уложения специально посвящались ему. Одна из этих глав называлась: «О государевой чести, и как его государя здоровье оберегать». Уже одно то, что государство брало на себя обязанность оберегать жизнь и неприкосновенность царской особы, говорит об исключительном положении царя.

Царь Алексей Михайлович. ***С портрета художника С. Лопуцкого. XVII в.*** **В торжественных случаях царь был одет в кафтан из парчи. На голову одевали золотую шапочку с лисьим мехом, убранную жемчугом и изумрудом. На плечах был широкий парчовый воротник с изображениями святых. Крест украшался алмазами. В руках он держал знаки царской власти — скипетр и державу.**

Земский собор 1613 г., избравший царем Михаила Романова.

Персона царя отождествлялась с государством. Защита его личности рассматривалась как защита самой страны. «Будет кто каким умышлением учнет мыслить на государьское здоровье (т. е. жизнь.— *В. А*) злое дело...— говорилось в Уложении,— такова по сыску казнить смертью».

Поскольку сливались понятия «государь» и «государство», закон обязывал всех граждан страны следить друг за другом и доносить властям или самому царю, если кто собирается посягать на жизнь его особы. «А кто Московского государства всяких чинов люди ведают, или услышат на царское величество в каких людех скоп (сбор.— *В. А.*) и заговор, или иной какой злой умысел, и им про то извещати государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси, или его государевым бояром и ближним людем, или в городах воеводам и приказным людем»,— требовал новый закон.

Что означало требование Уложения подслушивать, подглядывать, выслеживать и доносить? Все это прежде всего направлялось против самого народа, в среде которого мог иметь место подозрительный «скоп», против передовых, мыслящих людей, которые могли высказывать недовольство порядками в стране. Закон угрозой смерти обязывал каждого доносить, если начинается брожение в народе, доносить, если с уст слетало острое слово против самодержавно-крепостнических порядков.

Служители власти во всяком, даже случайно сказанном остром слове видели измену, посягательство на честь и здоровье царя. К доносам толкала и ожидаемая от царя награда.

Правда, закон предусматривал наказание за ложный извет (донос) на кого-либо, но, чтобы установить, ложен донос или нет, обвиненный предварительно должен был пройти через мучительные, нередко кончавшиеся увечьями, а то и смертью допросы и пытки. Доносчик же, в случае оправдания его жертвы, мог быть подвергнут порке кнутом или же власти выражали ему недоверие («впредь ни в каких делах таким изветчикам не верить»).

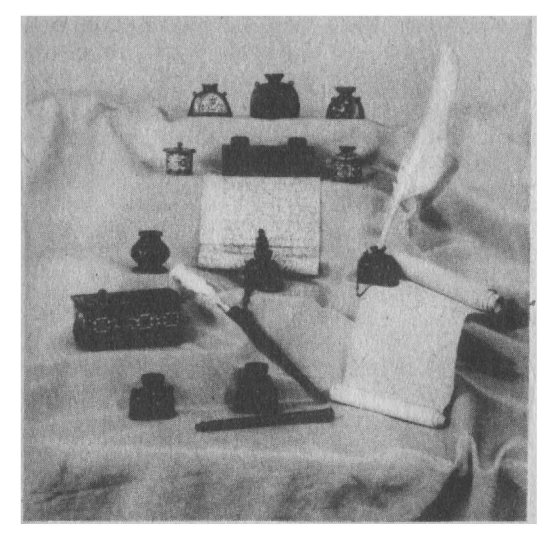
Закон, разумеется, защищал и интересы всего господствующего класса. Он предусматривал казнить смертью «безо всякой пощады» всех тех, кто «самовольством, скопом и заговором к царскому величеству, и на его государевых бояр и окольничьих и на думных и на ближних людей, и в городах, и в полках на воевод, и на приказных людей» пойдет и станет грабить их и побивать. Эти статьи закона прямо направлены на защиту царя, его чиновников и всего класса феодалов, направлены против народных восстаний.

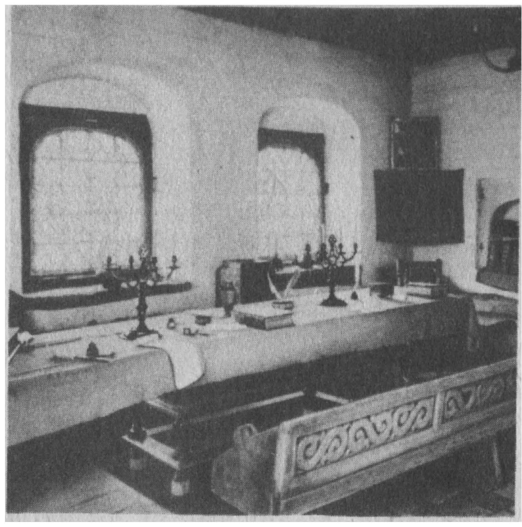
Если кто при царе в его дворе или палатах, «не опасаючи чести царского величества, кого обесчестит словом», того Уложение предписывает «посадить в тюрьму на две недели, чтобы на то смотря иным неповадно было впредь так делати». Не то что царя, но вообще кого-либо даже словом нельзя было оскорбить в присутствии государя. Борьба за вежливость, воспитанность — дело хорошее, но в данном случае речь шла не о воспитании подданных, а лишь об ограждении августейшей особы от лишних беспокойств и треволнений.

За драку в государевом дворе, обнажение в споре друг с другом оружия, за ношение самого оружия грозило наказание батогами и тюрьма.

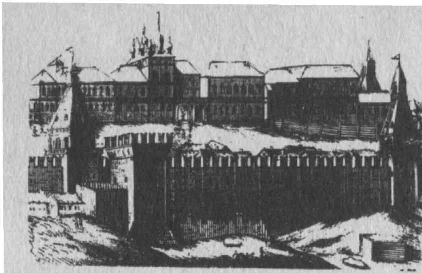
Закон охранял царскую собственность. Запрещалось ловить рыбу в «государевых» прудах и озерах.

Глубокая пропасть легла между народом и феодалами. В главе «О суде» определялись штрафы: за «бесчестье» гулящего человека — рубль, крестьянина — два рубля, а лиц привилегиро-

Письменные принадлежности XVII в. Чернильницы и футляры для перьев часто делали с цепочками, чтобы подвешивать к поясу. Многие чернильницы украшали рельефными изображениями. Чернильницы были медными.

Приказная палата XVII в. Внутренний вид.

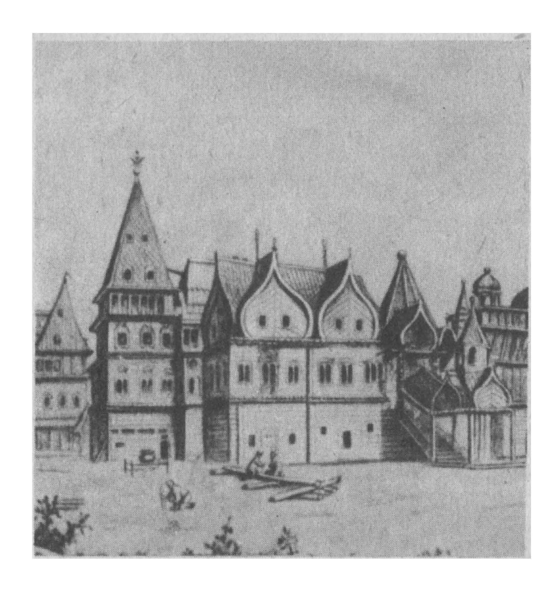
Здание приказов в Кремле. В течение XVII в. насчитывалось до 80 приказов, но многие из них были учреждениями временными. Постоянных приказов было до 40.

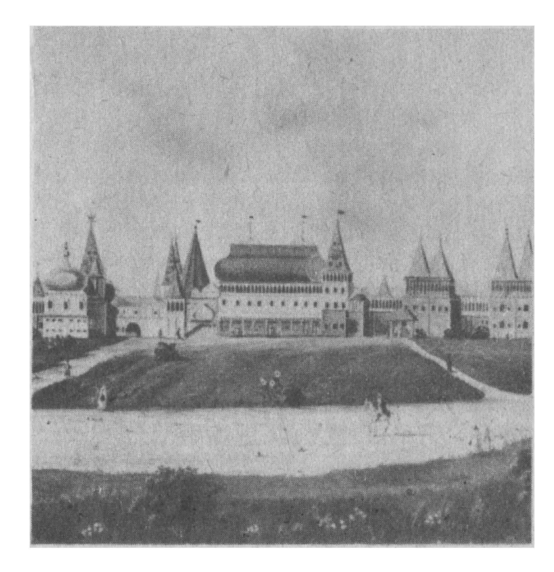

В московской приказной избе. *С картины С. В. Иванова.* На картине показаны подьячии (мелкие чиновники) за работой и различные просители — крестьяне, посадские люди, монахи. В глубине картины видны дьяки, разбирающие какую-то тяжбу. Перед ними стоит ответчик или жалобщик с кошельком в руке. Каждый проситель давал приказным взятку. Приказ творил суд и наказание над определенной ему группой населения. Кто не был удовлетворен решением дела, мог обратиться в Челобитный приказ.

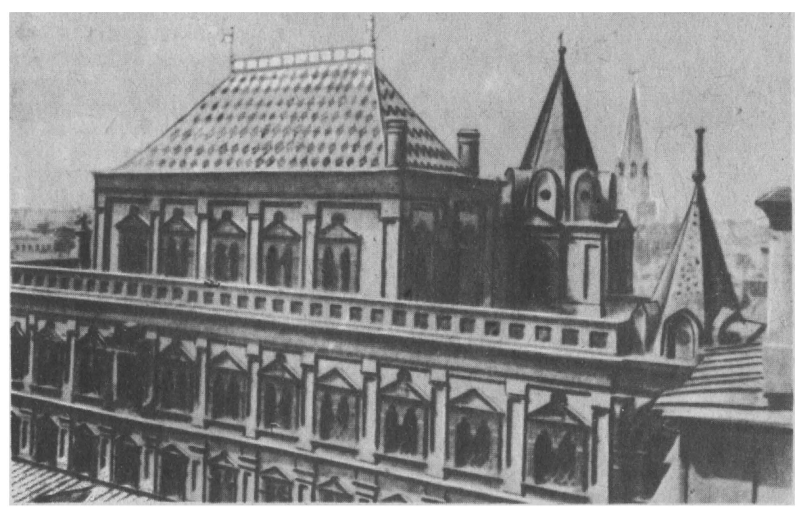
ванных сословий — от семидесяти до ста рублей.

Мы знаем, что крепостничество фактически установилось в 90-х гг. XVI в., но только Соборным уложением 1649 г. права помещиков на крестьян были закреплены законом. Уложение позволяло помещикам возвращать бежавших от них крестьян, если даже те оказывались на государевой или патриаршей земле. Этот закон давал поме-

Дворец в селе Коломенском. *Гравюры XVII—XVIII вв.* Дворец представлял собой удачную попытку применить в большой постройке чисто народный стиль. Дворец состоял из нескольких теремов, соединенных между собой крытыми переходами. В нем было 270 комнат с 3 тыс. окон. Современники называли дворец «осьмым чудом света»,— такое сильное впечатление производила на них его красота. Дворец создали плотники Семен Петров, Иван Михайлов, художник Симон Ушаков, резчики Давид Павлов, Андрей Иванов, кузнецы Григорий Павлов, Иван Кульпа и другие.

Теремной дворец в Московском Кремле (1635—1636). Состоит из пяти этажей. Верхние четыре этажа сложены из кирпичей, нижний — белокаменная постройка XVI в. Нижние три этажа занимали служебные помещения, на четвертом были жилые царские покои, на пятом — «чердак» с открытой террасой. Дворец создан зодчими А. Константиновым, Б. Огурцовым, Л. Ушаковым и Т. Шатуриным.

щикам право на труд, имущество и личность крестьянина. Теперь во всех делах крестьянина вместо него выступал помещик. «За крестьян своих ищут и отвечают,— говорилось в Уложении,— они же дворяне и дети боярские во всяких делах, кроме татьбы (воровства) и разбоя, и поличного и смертного убийства».

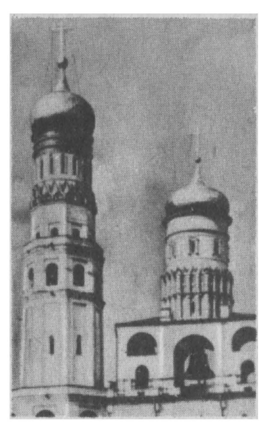
Так в значительной мере оформился законодательно длительный процесс закрепощения крестьян. Со времен Алексея Михайловича помещики начинают смотреть на крепостных крестьян как на свою собственность.

Важное значение имели статьи главы Уложения «О посадских людях», ликвидировавшие в городе частновладельческие слободы и поощрявшие развитие ремесла и торговли.

В 104 статьях XXI главы Уложения обосновывались наказания за «разбойные и татины дела». Хотя речь в этих статьях шла о частных лицах, весь дух их был направлен на жестокое пресечение всякой попытки именно классового протеста, который на языке того времени нередко назывался разбоем или воровством.

Три статьи этой главы предусматри-

Звонница Ростовского кремля. Подобные звонницы украсили в XVII в. многие городские кремли и монастыри. Прообразом их явилась колокольня Ивана Великого в Москве, достроенная в 1600 г. Среди высотных сооружений этого типа выделяется своей изящной декоративной отделкой звонница Ростовского кремля.

Церковь Покрова в селе Фили под Москвой. Церковь считается одним из наиболее совершенных архитектурных творений XVII в. При постройке церкви зодчие сумели гармонично соединить приемы русской архитектуры с переработкой отдельных элементов западноевропейской классической архитектуры.

Церковь Ильи Пророка в Ярославле. Ярославль в XVII в. был одним из пунктов, куда сходились многие торговые пути. Новое мировоззрение и широкие знания нашли художественное отражение в архитектуре города. Для церквей Ярославля характерна тесная связь с жизнью, с человеком, с его повседневным бытом, с народными художественными традициями.

вали строительство в Москве тюрем, комплектование палачей и судебного аппарата.

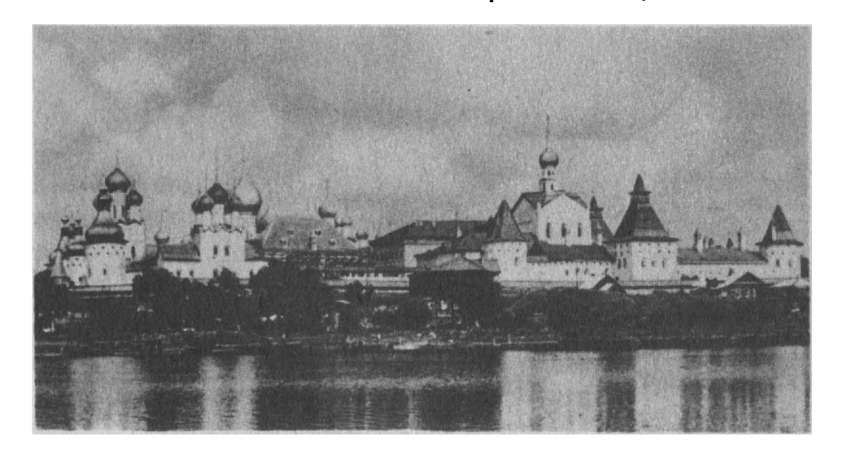
А царь теперь превращался в нечто подобное богу на земле. Именно с этого момента цари стали царствовать, т. е. распоряжаться по своей воле судьбой страны и любого, даже самого высокопоставленного человека. С 1653 г. перестали созывать Земские соборы.

Боярская дума еще сохранялась, но ее роль в управлении страной значительно упала. Один из современников говорил, что царь «всякие великие и малые дела своего государства учиняет по своей мысли, а с бояры и с думными людьми спрашивается о том мало».

Царь стал требовать не только ревностной службы, но «радостного послушания», прилежания себе «со всем сердцем». Царю высказывались особые почести. Бояре снимали перед ним шапки и кланялись ему до тридцати раз. Любой прохожий, завидя царские хоромы, должен был снимать шапку. Никто не мог вплотную подъехать к царскому дворцу. Даже высшие сановники сходили с лошадей на расстоянии нескольких десятков шагов от кремлевского дворца. Служащие среднего ранга спешивались у колокольни Ивана Великого, а те, кто был чином поменьше, пешком входили в ворота Кремля. В зной ли, в холод ли служилый люд толпился у постельного крыльца в ожидании, что кого-нибудь вдруг вызовут по делу. Лишь именитые бояре и думные дьяки могли ожидать царя в передней, а самые высокопоставленные из них, с кем царь тайно совещался, «уждав время» (т. е. улучив момент), допускались к самому царю.

Если даже доступ знати к царю считался особой милостью, то от простого люда царь был огражден с самого рождения. До шестнадцати лет царевича Алексея вообще не показывали народу. Если он шел в церковь, по обе стороны от него несли суконные полотнища, которые скрывали его от любопытных взоров. В церкви его место было огорожено. (Царская семья вообще жила замкнуто, изолированно от внешнего мира.)

С восшествием на престол царь редко появлялся перед народом, а если это случалось, то выходил лишь в сопровождении сильной охраны. После принятия Уложения Алексей Михайлович стал все чаще и чаще «опаляться», проявлять к народу крайнюю жестокость. Во время «медного бунта» (1662 г.) в Москве, когда восставшие горожане со своими требованиями двинулись к царю, он приказал стрельцам избавить его «от этих собак», и стрельцы учинили на его глазах кровавую

Ансамбль Ростовского кремля. XVII в. Вид на озеро Неро. Кремль стал высшим выражением замечательного строительного и архитектурного опыта, который веками накапливал русский народ. Все здания кремля пронизаны светом, украшены многочисленными, до конца продуманными деталями.

расправу. А затем последовали пытки и казни сотен арестованных.

Алексей Михайлович был сторонником сильной самодержавной власти, считая ее «богоустановленной» и свободной от всяких ограничений. Недаром идеальным монархом в его представлении был Иван Грозный.

Реформы в области государственного управления, проведенные в годы царствования Алексея Михайловича, знаменовали зарождение абсолютизма и были преддверием преобразовательной деятельности Петра I.

Церковь в селе Останкино (1678). Храм построен замечательным зодчим Павлом Потехиным. Его произведения относятся к посадскому направлению в архитектуре. Они отличаются живой игрой своих форм и богатством цветов. Потехин далеко отступил от навязываемых церковью канонов зодчества.

Успенская церковь в селе Варгузе Мурманской области. Для этой деревянной церкви характерна тесная связь с народными художественными традициями.

Деревянные церкви в селе Кижи. Конец XVII—началю XVIII в. Изумление вызывает не только сама красота и завершенность архитектурных форм этих храмов, но и способ создания их — при помощи топора, без единого гвоздя и других скрепляющих средств.

НЕ ПРИХОТИ РАДИ

Мы знаем время Петра I как время широких преобразований и в экономической, и в политической жизни, и в культуре, и в быту. При Петре I строились новые заводы, шахты, корабли, возникали новые города, старые административные учреждения заменялись новыми, появлялись различные учебные заведения, была основана Академия наук. Все это — значительные, крупные преобразования, они оказали сильное влияние на историческое развитие страны.

Но в числе дел Петра I были и такие, которые на первый взгляд кажутся незначительными, мелкими, а между тем реформатор и им уделял много внимания, сил и времени. Зачем, например, понадобилось Петру заставлять своих подданных в обязательном порядке брить бороду и носить короткую одежду? Стоило ли Петру заниматься этим? Не было ли обрезание длиннополого платья и стрижка бород капризом, прихотью царя, временами столь склонного ко всякого рода чудачествам и шуткам?

Нет, конечно, нет. Не пустое и не мелкое это было дело. Послушаем, что по этому поводу говорил историк XVIII века И. И. Голиков, посвятивший Петру I в общей сложности тридцать томов своих сочинений: «А как оказываемое к иностранцам омерзение было одним из великих препятствий намерениям его величества, то и почел он (царь) за должное истребить наружные знаки, отличающие от них всех его подданных, то есть бороды и долгое платье». Выходит, что отрицательное отношение русских дворян к внешности иностранцев было помехой самим петровским преобразованиям, заимствованию лучших традиций западной культуры, достижений науки и практики в области экономической и политической жизни.

Другая сторона дела заключалась в том, что Петру I в целях проведения преобразований в стране необходимо было превратить своих современников в ловких, знающих и энергичных сподвижников в реформах, соратников в бою, помощников в строительстве.

Петр всегда куда-то спешил, не любил безделия и пустословия. Бороды он не носил, одевался по западному образцу в короткое и удобное платье, не мешавшее его работе, движениям.

Далеко не таким был внешний облик домоседа-боярина допетровского времени. Живший в России в XVII в. писатель-хорват Юрий Крижанич в одном из своих сочинений подробно описал быт и внешность русского вельможи своего времени. «Русаки,— писал Крижанич,— носят тесную и длинную — до пят, до каблуков — верхнюю одежду и имеют вид будто мешками обшитых». На этой одежде не было карманов, «всякие добрые вещи» закладывали за голенища сапог. Особенно неудобными были рукава. Длинные и узкие, они, по выражению Крижанича, «тако стискают руки», что человек с трудом мог себя умыть и одеть. Полы платья до пят мешали «ногами течь» (ходить), а всадник в таком одеянии казался на лошади «пнем», привязанным к седлу.

Детально изучил и описал русский наряд историк XIX в. Н. Г. Устрялов. Вот как, по его словам, выглядело платье богатого человека: мужчина на сорочку с косым, красиво вышитым воротом и просторные исподницы надевал шелковый зипун (кафтан без стоячего воротника) яркого цвета, а поверх него — кафтан в обтяжку и с козырем (бархатным атласным или парчовым стоячим воротником), который имел длинные обористые рукава, стянутые у запястья дорогими зарукавьями. Стриженую голову покрывали шелковой шапочкой (тафьей), вышитой или унизанной жемчугом и

другими камнями. Это была домашняя одежда.

Когда же боярин собирался выезжать, он подпоясывал кафтан персидским кушаком, надевал поверх него длинное и широкое платье (называемое ферязью) с длинными рукавами и застегнутое сверху донизу дорогими пуговицами, на это платье набрасывал плащ из дорогой материи (опашень или охабень), тоже широкий и длинный — до пят; он украшался четырехугольным откидным воротником, сшитым из атласа или парчи.

Осенью надевалась однорядка из шерстяной ткани или сукна. Это был долгополый однобортный кафтан без ворота. Зимой кутались в шубу. Самой дорогой считалась шуба из собольего меха или меха черно-бурой лисы на аксамите (старинном бархате) или ткани с позолотой.

На голову летом и зимой надевали меховую шапку с бархатным верхом, золотыми кистями и драгоценными запонами (застежками), иногда с алмазным пером. Высокие шапки носили только крупные сановники.

Женская одежда и покроем и названиями была во многом схожа с мужской. Барыни поверх летников и телогрей надевали то же длинное и широкое платье — ферязи, опашни, шубы. Женщины отличались головным убором. Они носили кики (убор с рогами), повойники (платки), которыми обвивали голову, покрывала внакидку и треухи.

Внешний вид русского человека не увязывался с требованиями петровских преобразований и должен был быть изменен. Правда, новшества в быту стали проникать на Русь задолго до Петра, однако они не пользовались такой поддержкой, как при нем, и вводились смельчаками на свой страх и риск. Уже при Борисе Годунове были подражатели западной моде, которые подрезали бороду. Против них резко выступила церковь. Протопоп Аввакум отказался благословлять боярина Шереметева из-за того только, что тот брил бороду. При царе Федоре Алексеевиче (незадолго до Петра) патриарх Иоаким за бритье бороды отлучал от церкви. Особенно неистовствовал патриарх Адриан. «Воины всякого чина, начальствующие и начальствуемые,— говорил он в специальном послании, с которым обратился ко всем верующим,— отриньте от себя еретический обычай брить и постригать бороды. Бог возбранил то, и святые апостолы воспретили, глаголя: не подобает брады власов растлевати и образ мужа изменяти: сие бо лепо женам сотвори бог...» А далее восклицал: «О пробезбожники! Ужели вы считаете красотою брить бороды и оставлять одни усы? Но так сотворены богом не человеки, но коты и псы». Тут же он утверждал, что брадобритие «не только есть безобразие и бесчестие, но и грех смертный», за который ослушникам возбраняется вход в церковь, грозит лишение даже самого «христианского погребения» и страшные кары на том свете. «Люди православные! Не приемлите сего злодейского знамени, но гнушайтесь им, как некою мерзостию».

Однако преградить дорогу новому в быту церковь не смогла. Проявляя благоразумие, более дальновидные церковники старались и верующих наставить на путь преобразования. Вот любопытный случай. В 1705 г. два бородача, встретив в воскресный день своего священника, обратились к нему за советом, как им поступить — царский указ требует обрить бороды, а они скорее готовы расстаться с головой, чем с бородой.

— А что отрастет, отсеченная ли голова или обритая борода? — многозначительным вопросом ответил им священник.

Некоторые сподвижники Петра,

подражая ему, стали бриться и носить короткое платье. Но в целом окружение молодого царя выглядело старомодно и сопротивлялось нововведениям. Даже князь Ромодановский, которого Петр, уезжая за границу с «великим посольством», назначил правителем России, горячо отстаивал старину быта. Когда до его слуха дошла весть, что боярин Головин появился при венском дворе в иноземном платье и бритым, он искренне воскликнул:

— Не хочу верить, чтоб Головин дошел до такого безумия!

Но настало время, когда и Ромодановскому пришлось распрощаться с бородой. Возвратившись из-за границы, Петр в августе 1698 г. прибыл в Москву, а оттуда, не задерживаясь, поехал в село Преображенское. На приеме был весел и общителен. И вот, пребывая в самом лучшем расположении духа, он, будто шутя, брал в руки ножницы и то одному, то другому из присутствующих обрезал бороды. Сначала боярину Шеину, потом Ромодановскому...

Тогда же Петр начал борьбу и с длинной одеждой. На пиру в 1699 г., лично обрезав рукава у одного боярина, он сказал, что с такими рукавами нельзя работать, так как ими легко задеть и опрокинуть вещь. Постоянно попадая в пищу, они служат помехой и при еде.

Указ об обязательном ношении иноземного платья последовал 4 января 1700 г. Так как он связан с празднованием нового года, небезынтересно предварительно познакомиться и с другим указом — о перенесении начала нового года с 1 сентября на 1 января. «В знак же того доброго начинания и нового столетнего века,— писал Петр 20 декабря 1699 г.,— в царствующем граде Москве после должного благодарения богу и молебного в церквах пения друг друга поздравлять с новым годом; между тем по большим улицам, у нарочитых домов, пред воротами поставить некоторые украшения от древ и ветвей сосновых, еловых и можжевелевых; а как на Красной площади зажгут огненные потехи и начнется пальба, по всем дворам палатных, воинских и купеческих людей стрелять из небольших пушечек или из ружей троекратно и пускать ракеты; кроме того, где место позволит, зажигать по ночам с 1 по 7 января костры и смоляные бочки».

200 орудий на Красной площади салютовали новому году в течение всей недели. Торжество завершилось церковным шествием на Москву-реку. Там на льду ее было выстроено 12 тыс. новобранцев-рекрутов, которые, по свидетельству современников, были хорошо обмундированы и вооружены. Особенно красиво выглядел Преображенский полк, одетый в темно-зеленые кафтаны.

Исполняя указ Петра, знать вышла на праздник в новом наряде. По этому поводу в указе от 4 января 1700 г. говорилось: «Бояром и окольничим, и думным и ближним людям, и стольником и стряпчим, и дворяном московским и дьяком, и жильцов и всех чинов служилым, и приказным и торговым людем, и людем боярским, на Москве и в городех, носить платья, венгерские кафтаны, верхние длиною по подвязку, а исподние короче верхних, тем же подобием...»

Был установлен короткий срок изготовления новой одежды, но дело подвигалось туго. Петру докладывали, что среди людей не наблюдается рвения в исполнении указа. Напротив, надеются, что все останется по-старому. Нужно было подтвердить силу первого указа новым, и Петр издает его 20 августа 1700 г. Указ этот был размножен и прибит на всех заставах. Там же были выставлены и макеты с образцами нового платья.

Феодальная знать при дворе быстро

Ведомости.

На москвѣ вновь нынѣ пушекъ мѣдныхъ гоубицъ и мартиръ вылито ꙋ.
тѣ пушки, ядромъ по кд. по ні. и по ві фунтовъ. гоубицы бомбомъ пудовыѣ и полупудовые. мартиры бомбомъ девяти трехъ и двупудовыѣ и менше. И еще многѡ формъ готовыхъ великихъ, и среднихъ к литью пушекъ гоубицъ, и мартиръ: А мѣди нынѣ на пушечномъ дворѣ, которая приготовлена къ новому литью, болше хм пудъ лежитъ.
Повелѣніемъ егѡ величества московскія школы оумножаются, и мс человѣкъ слушаютъ філософію, и уже діалектіку ѡкончили.
В математической штюрманской школѣ болше т человѣкъ оучатся, и добрѣ науку пріемлютъ.
На москвѣ ноября съ кд числа, по кд декабря родилось мужеска и женска полу тпѕ человѣкъ.
Из персиды пишутъ. Индейскій царь послалъ в дарехъ великому Гдрю нашему слона, и иныхъ вещей не мало. Из града шемахи ѿпущенъ онъ въ астрахань сухимъ путемъ.
Из казани пишутъ, На рекѣ сокѣ нашли многѡ нефти, и мѣдной руды, из той руды мѣдь выплавили изрядну, ѿ чегѡ чаютъ немалую быть прибыль московскому гдрству.
Изъ сибири пишутъ. Въ китайскомъ гдрствѣ

Первая русская печатная газета «Ведомости». Первый номер вышел, по одним сведениям, 16 декабря 1702 г., по другим — 2 января 1703 г. Тираж и периодичность газеты не были постоянными. В ней печатались реляции о победах в войне, сведения об успехах промышленности, торговли, просвещения, иностранные новости. Автором многих реляций был Петр I.

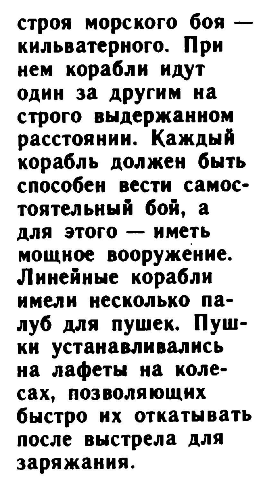

КАЛЕНДАРЬ
или
МѢСЯЦОСЛОВЪ
На лѣто отъ рождества Господа нашего Іисуса Христа, 1722.
указующіи затмѣнія солнечная, мѣсячная рожденія, и полныи мѣсяцъ съ четвертми.
Також де время солнечнаго восхожденія и захожденія, долгоденствіе и долгонощіе на всякій день.
учиненныи по меріdіану, и шірінѣ царствующаго санктъпітербурха.

въ санктъпітербургской Тѵпографіи, Лѣта Господня, 1721. Декемврія въ день.

Обложка календаря на 1722 г.

переоделась и рассталась с бородами. Совсем иначе обстояло дело в среде провинциальных дворян и горожан. Они цепко держались за старое. Понадобились принудительные меры, и царь пошел на них с тем большей охотой, что они сулили казне значительные доходы. Так последовал новый указ 1701 г. В нем приказывалось: «Всяких чинов людем московским и городовым жителям, кроме духовного чина и пашенных крестьян, носить

Флагман российского флота при Петре I — линейный корабль «Ингерманланд». Появление линейных кораблей связано с рождением нового строя морского боя — кильватерного. При нем корабли идут один за другим на строго выдержанном расстоянии. Каждый корабль должен быть способен вести самостоятельный бой, а для этого — иметь мощное вооружение. Линейные корабли имели несколько палуб для пушек. Пушки устанавливались на лафеты на колесах, позволяющих быстро их откатывать после выстрела для заряжания.

Петр I экзаменует учеников, возвратившихся из-за границы.

платье немецкое, верхнее саксонское и французское, а исподнее — камзол и штаны, и сапоги, и башмаки, и шапки немецкие, и ездить на немецких седлах». Русское платье ни носить, ни изготовлять, ни продавать не разрешалось. С ослушников указа «в воротах целовальники берут пошлину, с пеших по людям, за ослушание их, учинено будет жестокое наказание».

Указ 16 января 1705 г. гласил: «На Москве и во всех городах, царедворцам и дворовым городовым и приказным всяких чинов служилым людям, и гостям и гостиной сотни, и черных 13 алтын по две деньги, с конных по два рубля с человека; также и мастеровые люди платье и сапоги, и башмаки, и шапки, и седла русские станут делать и в рядах торговать: и тем слобод посадским людям всем сказать; чтоб впредь с его величества государя указа бороды и усы брили. А буде кто бород и усов брить не похотят, а похотят ходить с бородами и с усами, и с тех имать, с царедворцев и с дворовых, и с городовых, и всяких чинов служилых и приказных людей по 60 рублей с человека; с гостей и с гостиной сотни первой статьи по 100 рублей с человека; средней и меньшей статьи, которые платят десятые деньги меньше 100 рублей, с торговых и посадских людей по 60 рублей, третья статья, с посадских же и с боярских людей и с ямщиков, и с извозчиков, и с церковных причетников, кроме попов и дьяконов, и всяких чинов с московских жителей по 30 рублей с человека на год. И давать им из Приказа земских дел знаки». Петр повелел в Приказе земских дел завести «записные и приходные книги», а всем оштрафованным носить на себе «бородовые знаки»[1].

Продолжая бороться за «европеизацию» русского человека, Петр одновременно использовал эту борьбу в целях пополнения казны. Непомерно вырастают суммы штрафов, расширяется круг лиц, подвергающихся штрафам.

Местным чиновникам царь грозил карами за нерадивое исполнение указа: «...буде они воеводы и бурмистры станут в том чинить кому поноровку (поблажку) и им воеводам за то быть в опале, а бурмистрам в наказаниях и разорении без всякой пощады». Новый царский указ разослали во все города страны. Вместе с ним посылались сотнями и тысячами и «бородовые знаки».

Воеводы и бурмистры в свою очередь стращали население подвластных им территорий и своих непосредственных подчиненных. Нередко во исполнение указа совершались и прямые насилия. В городах солдаты ловили бородатых и одетых по старой моде и безжалостно (иногда с мясом) стригли бороды и отрезали длинные полы.

Наиболее изобретательные воеводы зазывали верующих в церковь послушать важный царский указ, сами объявляли его после окончания священником службы, и, когда прихожане, крестясь и причитая, устремлялись домой, их с ножницами в руках встречали солдаты и начинали стричь. Да и сам царь был скор на расправу с ослушниками. Как-то он производил смотр служилых людей в Москве, и здесь обнаружилось, что «Иван Данилов сын Наумов» не подчинился указу. Наумов был «бит батоги нещадно за то, что у него борода и ус невыбриты».

Постепенно облик русского человека, особенно представителей господствующего класса, менялся. Однако указы Петра I мало затронули быт крестьян, составлявших в то время основную часть населения России.

Впрочем, царь стремился изменить

[1] Металлические жетоны с изображением усов и бороды.

облик и быт не народа, а прежде всего господствующего класса.

Нововведения делались в России и до Петра I. Но только он придал им невиданный доселе размах, небывалые темпы.

АНДРЕЙ НАРТОВ

Ограниченный, недалекий правитель страны отличает и возвышает лишь людей, себе подобных. Сильных же и талантливых рядом с собой терпеть не может.

Не таков был Петр Великий. Будучи сам личностью выдающейся, он жадно искал — в среде ли дворянской или в простом народе — талант, энергию и готовность беззаветно служить родине. Такими качествами обладали многие его сподвижники. Эти лица получали у него высокие посты. Их «низкое» происхождение не было препятствием. Таков прежде всего А. Д. Меншиков, в детстве торговавший пирогами и ставший вторым после Петра лицом в государстве. Кабинет-секретарь А. В. Макаров вышел из семьи подьячего. П. И. Ягужинский, сын музыканта, был назначен генерал-прокурором Сената и др. Среди них был и Андрей Константинович Нартов (1693—1756), ставший главным механиком страны.

Молодой царь собрался страну преобразовать, а браться за дело сначала было не с кем. Купеческий сын И. Т. Посошков писал, каким тяжким грузом для петровского дела было отсутствие единомышленников: «Видим мы вси, как великий наш монарх о сем трудит себя, да ничего не успеет, потому что пособников по его желанию немного, он на гору еще и сам-десят тянет, а под горы миллионы тянут, то како дело его споро будет».

Петр находил себе помощников, открывал таланты в полном смысле слова на ходу. Постоянно деятельный, он стремился побывать всюду, лично все видеть, всему придать движение, развитие. Он это мог, потому что сам всегда учился, все знал и умел. Царь, отменно знающий современные ему науки, царь-плотник, строитель кораблей, царь-литейщик и кузнец, царь-токарь, царь — создатель общих, технических, медицинских учебных заведений, самой Академии наук... Всего, что им начато и сделано, трудно перечислить. Не только потомки, но уже и современники были поражены неподдельной громадностью этой личности. П. П. Шафиров, один из сподвижников Петра, писал о нем: «...не токмо в нынешних, но и в древних веках трудно сыскать такова монарха, в котором бы толикие добродетели и премудрости искусства в толиком множестве обретались, яко в пресветлейшем государе родителе нашем». И это были искренние слова. Сам Петр искренность ценил выше всего и настойчиво старался привить ее своим сподвижникам.

Основав в 1701 г. в здании Сухаревой башни, которая до 30-х гг. нашего века стояла на Садовом кольце на стыке Сретенки и проспекта Мира, Школу математических и навигацких наук, Петр создал при ней токарную мастерскую. Он время от времени посещал Школу и непременно заходил в токарню. Однажды он приметил в ней ловко работающего подростка, который под его руководством вырос в главного его помощника по технической части, стал выдающимся механиком своего времени. Это был А. К. Нартов.

Родился он в семье «человека простого звания». Предполагают, что отец его был ремесленником-токарем. Он, очевидно, и привил ему любовь к своему ремеслу и дал первые в нем навыки. Не случайно поэтому Петр и застает его работающим в токарной мастерской.

Никаких других сведений о Нартове до 1704 или 1705 г., когда Петр впервые увидел его, у нас нет. Возможно, они и были бы в нашем распоряжении, но большой архив А. К. Нартова, хранившийся в имении его правнука, в 1920 г. был вывезен из разоренного петлюровцами имения на двадцати возах (вместе с библиотекой) в Киев и там распродан на рынке.

Почти все, кто пишет о Нартове, говорят, что он учился и окончил Навигацкую школу. Более осторожные исследователи считают, что, как человек любознательный, он посещал занятия в школе, куда был доступ для представителей всех сословий, и таким образом приобрел первые технические знания. Документов же, которые прямо бы говорили, что он окончил эту школу, нет.

Петр, случайно увидев мальчика, уже не выпускал его из поля зрения, наблюдал за ним, помогал его росту. Когда в 1712 г. умер Иоганн Блюхер (или, как его звали, Еган Блеер), заведовавший токарней, на его место назначили Нартова, бывшего уже его помощником. В том же году Петр перевел Нартова в свою придворную токарню, устроенную им в Летнем саду близ Летнего дворца в Петербурге.

В этой мастерской работали лучшие токари-художники России и мастера, приглашенные из-за границы. Во главе мастерской стоял Франц Зингер, «талантливый механик, токарь-художник, скульптор». Полагают, что он первым в мире в 1712 г. изобрел токарный станок с самоходным суппортом. Пройдя сначала школу Блюхера, Нартов теперь оказался в школе высшего отечественного и мирового класса. Но он не затерялся в ней, ибо сам стал к этому времени не только искусным мастером-токарем, но и создателем своих станков. Известен токарно-копировальный станок его работы 1712 г. В описи своих изделий Нартов назвал его «махина (машина, станок), что работает розы». На ней можно было выточить этот изящный цветок с его тонкими лепестками.

В том же (1712) году Петр делает Нартова своим личным токарем. Само это назначение было высшим отличием Нартова. В мастерской Петра стояли токарные станки. По воспоминаниям Нартова, Петр ежедневно «в четыре часа после обеда отправлял... разные дела; по окончании оных тачивал». В это время никто не должен был мешать ему. Нартов строго соблюдал это правило, и однажды его старание привело к крупному инциденту. В мастерскую, когда в ней работал царь, пожаловал всесильный Меншиков, но его не пустили. На шум вышел Нартов и — читаем мы в его воспоминаниях,— «удержав силою туда войти хотевшего князя Меншикова, объявил ему, что без особого приказа от государя никого впускать не велено, и потом двери тотчас запер. Такой неприятный отказ сего честолюбивого, тщеславного и гордого вельможу столь рассердил, что он, в запальчивости, оборотясь, с великим сердцем сказал: «Добро, Нартов, помни это». О сем происшествии и угрозах донесено было тогда же императору...». Царь тут же на токарном станке написал и отдал Нартову со словами: «Вот тебе оборона; прибей сие к дверям и на угрозы Меншикова не смотри». В написанном говорилось: «Кому не приказано или кто не позван, да не входит сюда не токмо посторонний, но ниже служитель дома сего, дабы сие место хозяин покойное имел».

Петр с большой любовью относился к Нартову и много сделал для его развития. «Петр Великий,— писал Нартов в воспоминаниях,— купя в Амстердаме редкие кабинеты, один — анатомический, а другой — разных животных, по привезении оных в Петербург расположил в Смольном дворе,

А. К. Нартов.

от прочего строения отдаленном, и зрением оных вещей часто по утрам занимался, чтобы иметь в натуральной истории систематическое понятие. Его величество брал меня с собой туда же, где в одно время прилучился быть и граф Ягужинский, который предлагал государю, чтоб для ежегодного содержания и размножения таких редкостей с смотрителей брать некоторую плату». Петр с неудовольствием ответил ему: «Павел Иванович, где твой ум? Ты судишь не право; по-твоему — намерение мое было бы бесполезно. Я хочу, чтоб люди смотрели и учились. Надлежит охотников приучать, подчивать и угощать, а не деньги с них брать». Тут же он распорядился выделить деньги на содержание «кабинетов». Случай поучительный.

Застраивался Васильевский остров. Петр решил сверить на местности проект застройки, составленный французским архитектором Леблоном, и опять взял с собой Нартова.

С Нартовым царь поехал на марциальные воды на Истецких железных заводах, расположенных в 90 верстах от Москвы по Калужской дороге. Туда же был привезен токарный станок. Нартов пишет: «Мне при том быть приказано было, во-первых, для того, чтоб обще с государем точить, а во-вторых, чтоб разные делать опыты над плавкою чугуна для литья пушек. Для телодвижения, кроме точения, выделывал сам его величество железные полосы, при плавке из печей выпускал

Павел Иванович Ягужинский (1683—1736). С 1701 г. он служил в гвардии, состоял при Петре I, выполнял дипломатические поручения. Ягужинский отличался прямотой, честностью и неподкупностью, неутомимостью в работе. Став в 1722 г. генерал-прокурором Сената, он пытался бороться с казнокрадством и другими служебными преступлениями. После смерти Петра I был вынужден лавировать между различными придворными группировками.

Алексей Васильевич Макаров (1675—1750) —«тайный кабинет-секретарь» Петра I. Макаров постоянно сопровождал царя в поездках. В личной канцелярии Петра, которой ведал Макаров, решалось (помимо Сената) огромное количество разнообразных государственных дел. Из рук Макарова выходили важнейшие указы Петра I, называвшиеся «именными» в отличии от «сенатских». Макаров отличался выдающимися способностями и огромным трудолюбием. После смерти Петра I он продолжал деятельность на важнейших государственных постах.

Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765). Данный портрет является копией единственного портрета Ломоносова, исполненного неизвестным художником под руководством самого ученого. Этот портрет хранился у наследников Ломоносова — Раевских и последний раз демонстрировался в 1911 г.

6. Зак. 1520 В. Ф. Антонов

чугун». Тут произошел характерный для Петра случай. Выковав за четыре недели, проведенные на заводе, несколько пудов железа, Петр потребовал у заводчика Миллера плату за свой труд. «Я выработал у тебя за осьмнадцать пуд осьмнадцать алтын; заплати! Бродя по заводу, избил я подошвы; возвратясь в Москву, на эти деньги куплю в рядах башмаки». Деньги получил, башмаки купил и всем показывал, говоря, что своими руками их заработал».

В «общении с Петром он,— пишут о Нартове,— приобрел суровую прямоту, непреклонную волю, сознание долга, пламенный патриотизм и стремление к новому, знаниям».

В 1718 г. в жизни Нартова произошло событие особой важности. Петр посылает его за границу. Это предпринято было, как вспоминал сам Нартов, «ради того, дабы приобрел он вящшие успехи в механике и математике... чтоб сделал там для собственного упражнения его величества токарные махины... сверх того поручено было в Лондоне домогаться получить сведения о нововымышленном лучшем парении и гнутии дуба, употреблявшегося в корабельном строении, с чертежом потребных к сему печей и собрать в обоих местах (Париже и Лондоне.— *В. А.*) для любопытства монарха своего лучших художников физических инструментов, механические и гидраулические модели...».

По пути в Лондон Нартов остановился в Пруссии и передал ее королю Фридриху Вильгельму I в дар от Петра собственноручно выточенную им табакерку и токарный станок, сконструированный Нартовым. Кроме того, двух солдат-великанов на службу в специальном королевском полку.

Случилось так, что в Пруссии не нашлось токаря, который мог бы быстро освоить работу на станке Нартова, и король оставил его у себя, чтоб научиться самому делать узорные («розовые») табакерки. За науку король наградил Нартова золотым медальоном со своим изображением на нем.

Следующая остановка в Гааге, где находилась резиденция князя Б. И. Куракина, руководителя русской заграничной дипломатии. Отныне Нартов должен был отчитываться перед ним в своих действиях. От него он получал и деньги на свое содержание. В Голландии посланец Петра не задержался. Побывав в Саардаме, где царь когда-то работал на верфи, и осмотрев эти места, он уехал в Лондон.

Сюда он вез чертежи машины, которую разработал вместе с Зингером. Конструкция была весьма сложной. Было намерение изготовить ее на английском заводе. Но Нартова постигло разочарование. Вот что он писал Петру о своих первых английских впечатлениях: «...как скоро прибыл в Англию, не приминул осмотреть всего лутчего, что касается ко оным делам... доношу, что я здесь таких токарных мастеров, которые превзошли российских мастеров, не нашел и чертежи машинам, которые ваше царское величество приказал здесь зделать, я мастерам казал и оные зделать по ним не могут». Потом он сам дома сделал этот станок.

Зато в других областях техники Нартов нашел немало полезного. «Мастера черепаховых коробок я здесь нашел и каково надобно оные коробки делать научился. Также и инструмент, к тому надлежащий, зделал...» Многое новое нашел он у англичан, со всего снял чертежи и отослал Куракину. Далее сообщает, что «присмотрел» в Лондоне машину, которая нарезает «лехким способом железные шурупы для монетного дела», «тянет свинец и надлежит до адмиралтейству»; нарезает легко «зубцы у колес железных»; легко «сверлит помповые медные

трубы»; «тянет золото и серебро в листы»; наконец, сообщает, что нашел «секрет к растоплению стали, что к токарному делу принадлежит для литья патронов...». Около девяти месяцев Нартов внимательно изучал английскую технику и получил основательную подготовку.

Кроме машин, Нартов изучал необходимую литературу и в большом количестве закупал ее для библиотеки Петра. Приобретал книги и для себя.

Он так потратился на покупку машин и книг, что остался даже без личных денег и хотел возвращаться домой. Писал Петру, что Куракин положил ему жалования только 400 руб. в год, чего ему недостаточно. Какую-то небольшую сумму он, видимо, получил от Куракина и отправился в Париж. Там, по его данным, было больше искусных мастеров, чем в Лондоне.

Действительно, Нартов убедился, что в Париже мог бы сделать машину по привезенным чертежам, но у него теперь не было для этого денег. Ему удалось поработать с французскими мастерами, чему-то поучиться у них, но и себя достойно показать. Но главным для него было обучение в Парижской Академии наук. В воспоминаниях Нартов пишет, что «сего ради препоручен он был особливо академии президенту аббату Биньону, астроному де-Лафаю, славному художнику (токарю) Пижону и математику Вариньену, при которых он знание свое в потребном и порученном ему от государя деле к пользе отечества и к чести своей усугубил». О том, насколько он преуспел в этих науках, сообщил Петру президент Биньон. Он писал в своей аттестации Нартова: «Постоянная его прилежность в учении математических наук, великие успехи, которые он учинил в механике, наипаче же в оной части, которая касается до *токарного станка* и иныя его добрыя качества дали нам знать», что его величество не ошибается в выборе подданных во всех делах. «Сей (Нартов) совершенно сходствует с тем делом, на которое ваше величество изволили его определить». Это весьма высокая оценка тем теоретическим познаниям, которые приобрел Нартов во Франции.

Но Нартов удивил своих французских учителей и своим мастерством токаря-художника. Отъезжая из Парижа, он оставил Академии в память о своем пребывании в ней три медали, им лично выточенные, на которых изображены Людовики XIV и XV и правитель дюк д'Орлеан. «Невозможно ничего видеть дивнейшего,— писал Биньон.— Чистота, исправность и субтельность (нежность, тонкость) находятся в них, а металл не лучше выделан выходит из-под штемпеля, якоже он выходит из токарного станка г. Нартова». Президент обратился к Нартову с просьбой показать секрет своей работы. Нартов согласился. «Умиляло меня, правду сказать,— продолжал свою аттестацию Биньон,— дивное досужество, с которым он изображает одним резом *лучка* черты и характеры, которые обыкновенными грабштихелями или рылцами трудно вырезать так хорошо, хотя ими водят гораздо тише».

Побыл бы Нартов во Франции и подольше, но денег не было, и он возвратился домой. Это уже был другой человек. Один биограф Нартова пишет, что первые письма Нартова из-за границы были привычно униженными. «Но постепенно, от письма к письму, Нартов как бы распрямился. Письма его становятся документами человека, исполненного важности государственного дела и сознающего значительность своей миссии. Они почтительны, но уже лишены прежней подобострастности. Нартов смело полемизирует с князем Куракиным, с чувством собственного достоинства сообщает новости А. В. Макарову».

В 1723 г. умер Зингер, и Петр назначил Нартова руководителем царских мастерских, повысил его жалование с 300 до 600 рублей. Нартов построил себе деревянный дом вблизи царского дворца.

Время работы Нартова в царских мастерских с 1712 по 1723 г. было весьма плодотворным: им было создано 11 станков. Причем после возвращения из-за границы Нартов создает станки нового типа: токарно-копировальный медальерный станок и гравировальный токарно-овальерный станок, работал над большим токарно-копировальным станком, который закончил в 1729 г. «Стиль конструкций всех станков, созданных Нартовым за период 1721—1725 гг.,— пишут специалисты,— характерен своим изяществом, художественностью внешнего оформления, а также технической целесообразностью и высокой культурой выполнения механизмов».

Петр поручает Нартову «разработать машины для механизации обработки гранитных камней, облицовки сухих доков в Кронштадте; создать конструкции ответственных механизмов доковых ворот». Эта работа оказалась трудоемкой. Нартов давал чертежи, консультировал строителей.

Начаты были работы по осуществлению задуманного Петром памятника всем свершениям в виде Триумфального столпа.

1724 г. стал годом высшей славы Нартова. Он был для него знаменательным и в личной жизни, и в общественной деятельности. В этом году родился у него старший сын Степан, крестником которого стал Петр Великий. Царь оказывал эту честь человеку, который был ему дорог своими заслугами перед родиной. Царь награждает Нартова золотым медальоном на золотой цепи с изображением собственного портрета. Награда, бывшая знаком особого и редкого отличия.

Нартов в этом году представляет Петру проект «Академии разных художеств» и пишет, что «о установлении таковой академии все мастера купно, с ревностным своим желанием просят». Тогда «многие, разные и светопохвальные художества» могут «размножитися и притти в свое надлежащее достоинство». Идея создания такой Академии была известна Петру или даже принадлежала ему, она обсуждалась с ним, Нартовым, и теперь предстала воплощенной на бумаге.

Академия должна состоять из четырех основных отделов, или, как тогда говорили, экспедиций. Первый из них составляли мастера первого ранга: специалист по гражданской архитектуре, механик по мельницам и шлюзам, живописец, скульптор и гравер. Они вместе с директором Академии входили в совет и производили аттестацию готовившихся в Академии специалистов.

К мастерам второго ранга относились специалисты иконных дел, тушеванных дел, по штампам медалей и монет; третьего разряда — мастера оптических дел, гидравлики, токарных дел, математических инструментов, медицинских инструментов, слесарных дел железных инструментов; четвертого разряда — плотники, столяры, замочники, типографы, мастера рельефных медных дел.

24 специальности, 24 мастера, у каждого из которых по 10 учеников; 9 человек «для письменных дел отправления»; типография; «человек для модели, с которого будут рисовать»,— таков должен быть штат Академии. Для Академии должно было быть построено здание со 115 «покоями». Нартов просил назначить его президентом: «...сие дело наблюдать хощу со всяким моим крайним, по возможности, усердием».

Петр просмотрел проект, уменьшил количество специальностей до 19.

По его приказу архитектор М. И. Земцов разработал проект здания Академии.

Замысел создать техническую Академию был грандиозным и вполне отвечал духу петровских преобразований. Нартов здесь выступает как один из образованнейших деятелей эпохи начала XVIII в. Нетрудно представить, каким бы мощным стимулом и средством развития производства, всего хозяйства могла бы стать проектируемая, но так и не появившаяся Академия. Петр в январе 1725 г. умер, и Нартов стал беспомощным. Уже при похоронах Петра его одели в то же платье, что и других мастеров. Все знали отношение к нему Меншикова и боялись прогневить его.

Печаль и горе Нартова были беспредельны. Утрата Петра для него была невосполнимой, каковой, как ему казалось, она стала и для России. Сам Нартов, как бы ни менялась обстановка в стране, всегда оставался верен заветам Петра. Он с убежденностью говорил, что «хотя нет более Петра Великого с нами, однако дух его в душах наших живет, и мы, имевшие счастье находиться при сем монархе, умрем верными ему и горячую любовь нашу к земному богу погребем вместе с собою. Мы без страха возглашаем об отце нашем для того, что благородному бесстрашию и правде учились от него».

Первым своим делом после смерти Петра Нартов считал увековечение его памяти и сразу принялся за написание воспоминаний, которые он назвал «Достопамятные повествования и речи Петра Великого». Эта работа у него заняла 1725—1727 гг.

Оставшиеся первое время у власти сподвижники Петра тоже проявляли заботу о сохранении его памяти. В мае 1725 г. Нартов получает задание приступить к отливке из металла задуманного самим Петром «Триумфального столпа» с изображением на нем «вечно достойных блаженной памяти императорского величества баталий». Для Нартова это было продолжение занятий над памятником.

Однако делами преобразований новые правители интересовались меньше, чем сохранением собственной власти. В. Н. Татищев, будучи в Швеции, увидел там «славных механиков» и «искусные и весьма государству полезные машины, что дивиться миру надобно», просил в апреле 1725 г. прислать в Швецию Нартова. В 1728 г. он повторил свою просьбу, но оба раза на нее никто не откликнулся.

О Нартове вспомнили, когда обнаружился развал монетного дела, а казне понадобилось срочно отпечатать два миллиона медных денег. Это было в 1727 г. Начальником Московского монетного двора был назначен генерал-лейтенант А. Волков. Его первое впечатление: «Непорядки и разорение монетных дворов изобразить никоим образом нельзя... нет ни форм, во что плавить, ни мехов к кузницам». Да и само правительство было обо всем хорошо осведомлено. Посылая туда же Татищева для наблюдения за восстановлением разоренного двора, оно отмечало: «По розыскам явилось, что денежных дворов мастера и работники крадут с денежных дворов золото, серебро и снасти для делания воровских денег...»

Нартову предстояло наладить техническую часть разваленного монетного дела. Он был готов к этому. Татищев вскоре доносил об успехах его работы: «Монетные дворы от бывшего их разорения в такое состояние, в каком они теперь, и в год привести было бы нельзя... Поистине удивительно, что в такое короткое время почти все вновь сделано». Основные работы Нартов начал в январе 1727 г., а Татищев докладывал в Петербург о них в апреле 1727 г.

Затем обнаружилась нехватка мелкой разменной монеты. Решено было штамповать ее на Сестрорецком металлообрабатывающем заводе. Это был один из лучших в России заводов. Один иностранец писал о нем: «...Все путешественники, видевшие этот завод... принуждены сознаться, что нигде не встречали такого совершенного железного завода». Волков, назначенный руководить чеканкой монет на заводе, потребовал к себе Нартова, который проработал здесь с марта 1728 по конец 1729 г.

В 1733 г. правительство реорганизовало управление Московским монетным двором. Учреждались две экспедиции. Одна — для «правления текущим делом», другая — как высшая контрольная контора. Царица Анна Ивановна, окруженная немцами, решила удалить Нартова от двора. Формально он оставался во главе придворной токарной мастерской. Штат ее состоял всего из 10 человек. Теперь он назначался асессором по механическим делам с сохранением прежнего оклада в 600 рублей в год и должен был заниматься контролем во второй экспедиции. Одновременно ему поручалось быть при литье и подъеме царь-колокола.

В качестве контролера Нартов проявлял черты, воспитанные в нем Петром. Честный и непреклонный, он никому не прощал злоупотреблений, упущений или нераспорядительности. В силу этого у него возник конфликт с управляющим монетным делом страны М. Г. Головкиным.

Власти, нуждавшиеся в его знаниях монетного дела, для них всегда затруднительного, иногда вынуждены были даже поддерживать его. В целом же они тяготились им, и вскоре представился случай и формально удалить его от двора.

В 1736 г. в Академию наук были переданы станки и имущество Петра, материалы «Триумфального столпа». Президент Академии Корф затребовал перевести Нартова в Академию. В марте того же года соответствующее распоряжение было подписано, и Нартов стал во главе академических мастерских. Он сделал все, чтобы сохранить для потомства станки и другие личные вещи Петра. Если сейчас мы заходим в места, где они хранятся, то должны помнить, что спасению их мы обязаны Нартову.

В Академии Нартов занял высокое место. Он был членом комиссии, аттестовавшей готовившихся в Академии мастеров токарного и механического дела. В этой комиссии заседал вместе с ним знаменитый математик Леонард Эйлер.

С 1721 г. Нартов стал готовить технические кадры — иметь своих учеников. В Академии эта деятельность стала одной из главных. В 1740 г. он имел 21 ученика.

После приведения в порядок хозяйства мастерских Нартов в 1742 г. реорганизовал их, объединив в одну «Экспедицию лаборатории механических и инструментальных наук».

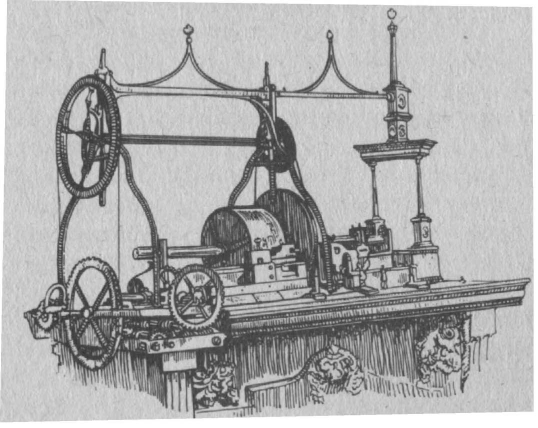
Приобретает еще больший размах и разносторонность, изобретательская деятельность Нартова. С 1736 по 1740 г. он изобрел станок для вытягивания свинцовых листов, машину для сверления пушек, станок для нарезывания винтов (с применением для чеканки и вырубки монет, «на фабриках сукон и на бумажных заводах», что, по мнению Нартова, избавило бы от ввоза заграничных винтов), «махину для контролирования правильной торговли водкой», станок для печатания ландкарт (географических карт), пожарно-заливную машину с подъемом воды на 7 метров, подъемную машину для царь-колокола, машину для обрезания прибылей у пушечных отливок и др.

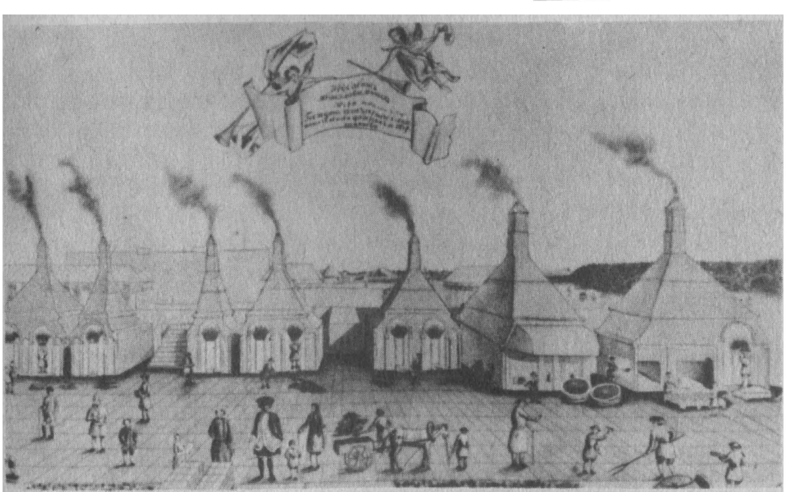
Громадный опыт по разработке машин Нартов обобщил в труде «Теат-

рум махинарум, то есть ясное зрелище махин...».

Второе крупное направление изобретательской деятельности Нартова было связано с артиллерией. Вряд ли мы сумеем разобраться в сложных наименованиях и тонкостях изобретений Нартова в области артиллерии. Отметим лишь, что в ноябре 1754 г. Нартов представил канцелярии Главной артиллерии и фортификации документ, в котором поименовал 30 своих изобретений в артиллерийском деле. Они были столь значительны, что принесли ему славу и существенные выгоды по службе. В 1741 г. с восшествием на престол Елизаветы Петровны его жалование было удвоено. Он стал получать 1200 руб. в год. В 1746 г. последовал новый указ Елизаветы о пожаловании «советника Андрея Нартова за его прилежные труды и показанное при артиллерии в пушечном деле в зачинке раковин и в свирленье цилиндров и литье новых пушек и обтачиванье чугунных ядер искусство (чего в России еще не было и через оное интересу нашему немалое имеет быть приращение)». Пожаловано ему 5000 руб., даны «в Новгородском уезде в разных пятинах, в усадище Крючкове и других з деревнями и

Бронзовый бюст Петра Великого. *Государственный Эрмитаж.*

Большой токарно-копировальный станок А. К. Нартова (1718—1729).

Полевский медеплавильный завод. В начале XVIII в. в России было открыто несколько месторождений меди (главным образом на Урале) и пущены в ход первые в России медеплавильные предприятия.

пустошами и со всеми к ним принадлежностями, в которых мужеска полу сто пятьдесят три души, в вечное владение». Несколько позже Елизавета даровала М. В. Ломоносову на вечное владение 211 душ крепостных крестьян. Правительство крепостников, крепостными же душами и вознаграждало своих подданных за заслуги.

Жизнь Нартова существенно изменилась. «Появился,— пишет биограф,— собственный дом, пригородная дача (мыза), верховые лошади (для одной из них имелся богатый выездной убор), выездная двухместная карета с парой лошадей, более десятка крепостных слуг». Это соответствовало уровню достатка помещика средней руки.

Творческая деятельность Нартова в Академии омрачалась засилием «немецкой партии», как тогда говорили о немцах, работавших в Академии. В то время, когда в нее был переведен Нартов, в списке ее членов значились одни немецкие фамилии. В нарушение правила, установленного Петром, при Анне Академией стал управлять не совет профессоров, а академическая канцелярия, во главе которой оказался Шумахер.

Службу свою в России он начал при Петре в качестве библиотекаря. В 1737 г. ему удалось добиться расположения президента Академии барона Корфа и получить место советника канцелярии Академии. В следующем году Корф сделал Шумахера хранителем денежных средств Академии.

Когда средства Академии оказались в его руках, Шумахер начал свободно пользоваться своими правами. Он сразу же прибавил жалование своему зятю академику Амману, перевел из студентов в адъюнкты (они готовились к научной деятельности) Тауберта, который стал его вторым зятем, а академика Крафта, женатого на сестре Тауберта, поставил во главе академической гимназии и прибавил ему жалование. В первую же очередь он не забывал себя.

Вольготная жизнь могла кончиться с восшествием на престол Елизаветы, но Шумахер, не теряя времени, успел заручиться поддержкой академика Штелина, который имел влиятельные связи при дворе, и могущественного лейб-медика царицы Лестока.

Между тем в Академии зрел протест против своеволия Шумахера. Недовольные им стали группироваться вокруг Нартова. Сам Нартов тоже испытывал притеснения со стороны Шумахера. Последний долго отказывал ему в квартире, затем не давал дров и свечей; отказывался выделить секретаря для механических мастерских, не давал жалования их персоналу. Несмотря на то что Нартову в 1741 г. было удвоено жалование, Шумахер, ссылаясь на то, что дополнительная сумма не предусмотрена сметой Академии, не стал выплачивать добавку.

Административный произвол Шумахера и засилие немцев стали причиной выступления Нартова во главе группы лиц, подавших жалобу на Шумахера. Среди жаловавшихся, кроме академика Делиля, который, кстати заметить, вскоре же стал искать союза с Шумахером, были русские студенты, мастера, словом, люди нижних чинов.

Поскольку обвинения Шумахера в своеволии, растрате академических средств выглядели внушительно, была создана комиссия в составе адмирала Н. Ф. Головина, князя Б. Г. Юсупова и генерала Игнатьева. Сначала дело, казалось, пошло ходко. 30 сентября 1742 г. Елизавета подписала указ о комиссии, 7 октября о нем стало известно в Петербурге (царица была в Москве на коронации), и сразу же были арестованы Шумахер, контролер Гофман, торговавший книгами Академии Прейсер и канцелярист Паули, опечатаны их личные вещи. Во главе

канцелярии был поставлен Нартов.

В этой должности в течение полутора лет он вписал в свою биографию еще одну славную страницу. Прежде всего он сразу разрешил хронический вопрос в жизни Академии — нехватку денег, добившись выделения ей необходимых средств. Упорядочил расходы денег. Почетные члены Академии, выехавшие за границу и не присылавшие Академии своих трудов, перестали получать академическую пенсию. Был издан приказ о возврате в кассу денег, числившихся за частными лицами в долгу. В представленном Нартовым списке должников значились бывший президент Академии Блюментрост —5240 руб., другой бывший президент Корф —4339 руб., адмирал Головин (глава следственной комиссии по делу Шумахера) — 97 руб. Всего долгу было 32 203 руб.

Учреждения и лица брали без уплаты стоимости книги, изданные в Академии, пользовались мастерскими для починки или изготовления личных вещей. Бесплатно печатались в академической типографии указы правительства. И здесь Нартов навел порядок.

Некоторые немцы, в том числе и те, которые были в личном услужении Шумахера, ничего не делали, но получали жалование. Всех их Нартов уволил.

А далее последовали меры, которые пришлись не по вкусу всем немцам. Учителями и даже учащимися академической гимназии (последние в большинстве) были немцы. Нартов уволил тех учителей, которые не знали русского языка, и назначил преподавателями гимназии В. К. Тредиаковского и М. В. Ломоносова. Наконец, восстановил отчет академиков о их научной работе.

Против этих мер восстала вся «немецкая партия», чем ловко воспользовался Шумахер. Благодаря поддержке влиятельных лиц при дворе комиссия все больше и больше стала склоняться на его сторону, все больше и больше обращать внимание на жалобы академиков на «притеснения» их со стороны Нартова. В чем только они его не обвиняли! Он и в науках ничего не смыслит, и языков не знает, и даже будто бы едва грамотен, потому-де его деятельность грозит развалом Академии и т. д.

В комиссии обратили внимание на то обстоятельство, что из 11 человек, подписавших жалобу на Шумахера, не было ни одного дворянина. Тут вскипело классовое чувство. «Бунт черни»! Так в конце концов расценили жалобу Нартова и его сторонников. Особенно активно выдвигал и отстаивал этот тезис князь Юсупов. Теперь обвинение стало формулироваться против жалобщиков. Академики-немцы требовали удалить Нартова и восстановить в должности Шумахера. Последний устроил мелкую, но многозначительную провокацию. Подговорив двух немцев, наказанных Нартовым за пьянство, он заставил их, улучив момент, броситься к ногам царицы с жалобой на Нартова. Они это и сделали.

В конце концов Шумахера и других освободили из-под ареста, восстановили его в должности. Наказаны были сторонники Нартова. Все они, кроме Нартова и переводчика Горлицкого, были наказаны плетьми и батогами. Решение вопроса о наказании Нартова комиссия оставила на волю царицы, Горлицкого приговорила к смертной казни. Однако Елизавета всех простила и велела восстановить на службу в Академии.

Нартов вновь возвратился в мастерские, но теперь его положение, как, впрочем, и всех членов Академии, стало значительно хуже. Шумахер, уверовав в свою безнаказанность, совсем распоясался. Академики, просившие за него, стали жаловаться, что

он публично стал требовать от них беспрекословного выполнения всех его требований и грозил наказанием за непослушание. Что же касается Нартова, то Шумахер, пользуясь своей властью, подчинил его мастерские надзору унтер-библиотекаря Тауберта. Затем последовало распоряжение перевести канцелярию в рисовальную и граверную комнаты, а их — в механические мастерские. Мастеров устроили кое-где, по углам разместили инструменты.

Считают, что из-за этой скученности в 1747 г. в Кунсткамере[1] произошел пожар. Пожар причинил Кунсткамере огромный ущерб. «Погорело в Академии,— читаем мы в рассказе об этом случае,— кроме не малого числа книг и вещей анатомических, вся галерея с сибирскими и китайскими вещами, астрономическая обсерватория с инструментами, готторпской большой глобус, оптическая камера со всеми инструментами и старая канцелярия с остававшимися в ней архивными делами». Нартов в первую очередь бросился спасать все, что связано было с именем Петра непосредственно: его личные вещи и станки.

Странное дело, но Шумахер пытался вести себя так, что ничего серьезного будто бы и не произошло. Следствие не было назначено, бесследно исчезнувшего сторожа никто не искал.

Именно с 1747 г. после описанных событий, нанесших серьезный ущерб мастерским Академии, Нартов переключает свою изобретательскую деятельность на артиллерию.

В 1754 г. ему было пожаловано Елизаветой звание статского советника, что соответствовало военному званию генерала. В это время Нартов, чувствуя ухудшение здоровья, стал добиваться, чтоб его дело в Академии передали младшему сыну Андрею, который окончил шляхетский корпус.

16 апреля 1756 г. Нартов умер. Своим трем сыновьям и четырем дочерям он оставил 2000 рублей долгу частным лицам и 1929 — казне. Все заботы о семье легли на плечи 19-летнего Андрея Андреевича. Благодаря энергичным хлопотам он добился решения Сената погасить долги отца, выделения себе и брату по 2000 рублей и по 100 душ крепостных крестьян; сестрам — по 3000 рублей. Но, пишет биограф, Елизавета, не любившая разбирать дела умерших, утвердила решение Сената только в 1760 г.

До 1765 г. Андрей Андреевич продолжал дело отца, затем был «президентом Берг-коллегии, директором горного училища... президентом Российской Академии, президентом Вольного экономического общества, почетным членом Академии художеств, Шведской Академии наук и т. д.». «Поэт, писатель, переводчик, историк, инженер... Андрей Андреевич, по отзывам современников, был человеком большого ума и знаний, веселым, приятным и беспечным». Он дослужился до чина тайного советника. Прожил с 1737 по 1813 г.

Имя отца его, Андрея Константиновича, вплоть до советского времени в литературе было запятнано теми обвинениями, которые были сформулированы во время работы комиссии по делу Шумахера. Он признавался не более как мастер-токарь. Его выдающаяся роль в развитии отечественной технической мысли, опережавшей свое время и в некоторых случаях достижения Запада, долго не была оценена. Только в наше время восстановлено значение Нартова в истории отечественной науки и техники.

---

[1] *Кунсткамера*, учрежденная при Петре I, первоначально хранила его личные коллекции, впоследствии в связи со значительным пополнением материалами превратилась в ряд отраслевых музеев.

МЕХАНИК АКАДЕМИИ НАУК

Весной 1767 г. власти Нижнего Новгорода, тогда уже значительного торгово-ремесленного центра, насчитывавшего 10 тыс. жителей и 1,5 тыс. домов, вдруг засуетились, забегали. Из оврагов, тут и там пересекавших город, спешно вывозили мусор и нечистоты; меняли старые, вконец изломанные, настилали новые дощатые тротуары; засыпали щебенкой обычно непролазную грязь улиц, где вязли лошади, ломались оси и колеса телег; запасались продуктами трактиры и постоялые дворы. Губернатор то журил за нерасторопность владельца постоялого двора, то теребил городские власти, а то и сам, оставив карету, брел к зловонному оврагу и там, на месте, торопил ход работ.

Наконец настал день, ради которого все это делалось: 20 мая к городу подошла флотилия галер. Город посетила императрица Екатерина II.

На другой день Екатерине представили местного самородка, часовых дел мастера и изобретателя Ивана Петровича Кулибина. Небольшого роста, статный, с острым и умным взглядом и окладистой бородой, он производил приятное впечатление. Но обычно веселый, словоохотливый, общительный и добродушный Иван Петрович на сей раз не походил на себя, держался робко, застенчиво и уж совсем смутился, когда стал читать сочиненную в честь Екатерины II оду. Императрица хвалила Кулибина, рассматривала его изделия.

Иван Петрович Кулибин родился 10 апреля 1735 г. в семье мелкого торговца мукой. Ранняя склонность Кулибина ко всякого рода поделкам при таких условиях, казалось, имела все возможности развиваться без помех, но отцу хотелось подготовить себе преемника по торговой части. Зазывать покупателей, развешивать муку было скучно, влекло и занимало совсем другое. Мальчик радовался, когда лавка пустела. Он тут же прятался за мешки и принимался что-нибудь вырезать перочинным ножом. А уж когда лавка закрывалась, для него наступал настоящий праздник. Им владела страсть мастерить.

Сначала его воображение больше всего занимали таинства мельничных механизмов. Однажды он сделал макет действующей мельницы. Окрыленный успехом, мальчик решил показать свою работу отцу, но тот, недовольный безразличием сына к торговле, не раз упрекая его за пустое времяпрепровождение у кузниц, мельниц, судов на пристани, так разгневался, что сломал мельницу и даже побил сына за «баловство». Но увлечение Вани не проходило — наоборот, становилось все серьезнее. Во дворе их дома был небольшой пруд. Стоячая вода в нем плесневела, рыба не водилась. И вот Ваня решил сделать пруд обитаемым, рыбным. Для этого он, как рассказывал современник, «искусными плотинами сделал водоем на ближайшей горе из бьющих там ключей и столь же искусным каналом провел их в пруд свой, а из него сделал спуск так, что в пруду всегда была проточная и свежая вода, и рыбы начали водиться и тучнеть». Теперь и отец был доволен.

Ваню давно привлекали к себе часы на башне Строгановской церкви, которые показывали движение небесных тел, фазы луны, созвездия. Никак не мог постичь мальчик устройство диковинных часов. Кого спросить? Ответ могли дать только книги.

Кулибин быстро понял, что ему недостает обычных знаний. Понадобилось несколько лет отдать самообразованию, изучить арифметику, геометрию. Только теперь можно было заняться механизмами.

Когда Кулибину шел восемнадцатый год, он впервые попробовал свои

силы в часовом деле. Увидев у соседа-купца деревянные часы с кукушкой, он выпросил их на время, разобрал, изучил и принялся мастерить копию с помощью своего универсального инструмента — перочинного ножа. Но часы не пошли. Кулибин понял, что нужны хорошие инструменты. Помог случай. Во время поездки в Москву ему встретился там часовщик Лобков. Он обратил внимание на любознательного приезжего, позволил ему наблюдать за своей работой, давал пояснения и на прощание уступил за небольшую цену старый токарный станок, резальную машину и мелкий инструмент. Дома, в Нижнем, Кулибин сделал новые деревянные часы, они сразу пошли, и кукушка закуковала.

Кулибину 28 лет. Отец умер. Торговля мукой оставлена, и открыта часовая мастерская. Новое дело пошло бойко, заказчиков было много, появился достаток. Однако владельцы дорогих часов предпочитали обращаться к московским мастерам.

Раз у губернатора вышли из строя стенные часы с музыкой и движущимися фигурками. Слуга тайком отнес их Кулибину, и вскоре губернатор с удивлением увидел исправленные часы на их привычном месте. После этого владельцы сложных часов со всей губернии стали обращаться к Кулибину.

Кулибин продолжает постигать премудрости математики, изучает физику и черчение. Сочетание практической работы с учением позволило Кулибину к тридцати годам стать не только опытным мастером, но и задуматься над изобретением своих часов. Эта мысль возникла у него в 1764 г., когда было объявлено о намерении Екатерины II посетить Нижний Новгород.

Друг отца, богатый купец М. А. Костромин, принял Кулибина с семьей работником на полное свое обеспечение и оплачивал все расходы по изготовлению часов.

Оставалось немного до окончания работы над часами «яичной фигуры», а Кулибин вдруг забросил все и принялся за новое дело. Купец Извольский привез в Нижний заграничные диковины: электрическую машину, телескоп, микроскоп и подзорную трубу. Кулибин не в силах был преодолеть желание тотчас же изучить их и изготовить такие же своими руками.

К работе над часами Кулибин возвратился только тогда, когда были изготовлены копии всех приборов.

Прошло более полутора лет со дня приема Кулибина Екатериной II. Шла зима 1769 г. Часы были готовы, и губернатор сообщил об этом в Петербург. Последовал вызов.

И. П. Кулибин, оказавшись перед императрицей, положил к ее ногам свои часы и копии с машин Извольского. Изделия изобретателя Екатерина II распорядилась передать в Кунсткамеру, а самого изобретателя определить на должность механика Академии наук.

Однако, прежде чем получить эту должность, Кулибин должен был пройти своего рода испытание. Оно заключалось в проверке его умения разбираться в различных по своему устройству и назначению академических приборах и ремонтировать их. 1 января 1770 г. после заключения комиссии академиков, подписания условий работы и принятия присяги И. П. Кулибина зачислили на должность механика и заведующего мастерскими Академии наук — инструментальной, слесарной, токарной, барометрической, оптической и пуансонной (по изготовлению печатей). Однако в отличие от ранее занимавшего эту должность иностранца Печекко, получавшего 550 рублей, Кулибину назначили жалованье только 350 рублей в год.

Основными обязанностями Кулибина, определенными подписанными им

условиями работы, было заведование мастерскими, ремонт приборов и обучение молодых специалистов. Особенно обременительной была для него работа по устройству многочисленных фейерверков, иллюминаций при дворе и в домах знати. На потеху «высшего света» уходило драгоценное время, необходимое Кулибину для творческой работы. К тому же и мастерские после смерти Ломоносова и ухода А. А. Нартова успели изрядно запустеть. Надо только удивляться, что Кулибину при его разнообразных и часто непроизводительных занятиях удалось не только поднять мастерские до уровня требований тогдашней науки, но и двинуть значительно вперед русскую технику.

Вот перед нами изумительный проект одноарочного моста через Неву. Его линии и общий вид не кажутся старомодными и в наши дни. Приехав в Петербург, Кулибин обратил внимание на отсутствие постоянного моста через Неву. Он сразу решает «искать способ о сделании моста», такого, чтобы он не мешал движению судов. Инженеры того времени подобную идею из-за быстроты течения Невы считали неосуществимой. Гений Кулибина как раз и проявился там, где обычные способы решения задачи казались непригодными. Раз быстрота течения препятствует устройству быков, значит, мост должен быть одноарочным.

В 1771 г. первая модель моста была готова, но комиссия нашла ее «несколько сумнительной» и отклонила. Эта неудача не охладила изобретателя, а заставила глубже продумать свою идею, найти более простое и совершенное ее воплощение, тщательнее произвести необходимые расчеты.

В процессе работы Кулибина над проектом моста в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1772 г.) появилось сообщение об объявлении Лондонским Королевским Обществом конкурса на создание одноарочного моста. Это было очень важно для поддержки идеи Кулибина. Воодушевленный, он заканчивает второй проект моста. Правда, и этот проект не выдержал испытания, но изобретатель уже знал, что стоит на верном пути.

На его замысел обратили внимание. И не кто-нибудь, а сам всесильный временщик[1] князь Г. А. Потемкин. Он как-то пришел посмотреть на работу Кулибина. У того как раз в этот день по случаю его дня рождения собрались гости. Потемкин поздравил изобретателя и даже выпил вина за его здоровье. Этот визит оказал Кулибину большую помощь. Дело не только в том, что многие из работников Академии и придворной знати, откровенно высмеивавшие самую идею Кулибина, поспешили теперь с поздравлениями к нему и перестали мешать его работе,— Потемкин добился выделения изобретателю тысячи рублей для постройки третьей модели моста.

Расчеты Кулибина проверял один из самых крупных математиков того времени Леонард Эйлер. Он подтвердил их правильность. Знаменитый Даниил Бернулли[2] писал в Петербург, интересуясь, как удается «великому артисту» (т. е. Кулибину) разместить на своей модели моста 350 пудов груза.

Изобретатель делал модель моста в десятую часть его натуральной величины — около 30 м в длину и 330 пудов веса. Она должна была выдержать девятикратную нагрузку, т. е. 2700 пудов, но Кулибин ручался и за больший вес.

---

[1] *Временщик* — возвысившийся по воле правителя и обладающий огромной властью человек. В народе о временщиках говорилось: «Временщики да любимцы — те же опричники. Сильны временщики, да недолговечны».

[2] *Даниил Бернулли* — швейцарский математик, член Петербургской Академии наук.

27 декабря 1776 г., после шестнадцати месяцев труда по созданию модели, она была подвергнута испытанию комиссией Академии наук, в которую входил и Л. Эйлер. Многие из присутствующих откровенно не верили в успех нового испытания.

— Мы уже изъездили два моста, станем доезжать третий,— сказал почти под общий хохот кто-то из членов комиссии.

— Этак Кулибин сделает нам скоро лестницу на небо,— злословил другой.

Но вот испытание началось. Рабочие, которыми руководил сам Кулибин, перетаскали на мост предельный по расчету груз в 3000 пудов, и он держался.

— Кладите остальное железо! — вдохновенно командовал Кулибин.

Прибавили еще 570 пудов. Тогда торжествующий изобретатель сам поднялся на мост и стал звать к себе членов комиссии и рабочих; все присутствующие прошли несколько раз туда и обратно по мосту.

Комиссия после этого вынуждена была признать изобретение Кулибина выдержавшим испытания, а Л. Эйлер трогательно обратился к нему:

— От всего сердца поздравляю вас, господин Кулибин, с желанным успехом, которого, признаюсь, несмотря на всю правильность исчислений ваших, я не надеялся видеть на практике.

После испытания мост благополучно простоял под нагрузкой еще 28 дней. Он стал гордостью Академии наук. В 1777 г., в дни празднования ее пятидесятилетия, мост был выставлен для всеобщего обозрения.

Скромный Кулибин, более всего думавший о пользе отечеству, не послал своего проекта одноарочного моста в Лондон для получения премии. Он хотел видеть свое изобретение не над Темзой, а над Невой. Власти как будто понимали значение проекта Кулибина.

5 мая 1778 г. в присутствии придворной свиты царица вручила ему специально для него выбитую медаль на андреевской ленте. С одной ее стороны был изображен портрет императрицы, с другой — две женские фигуры, символизирующие науку и искусство. В своих руках над именем Кулибина они держали лавровый венок с надписью — на одной стороне «достойному», на обратной — «Академия наук механику Ивану Кулибину».

А что же мост, какова его судьба? К сожалению, все кончилось показным вниманием к Кулибину. Сначала, как уже говорилось, мост сделали «приятным зрелищем публики», затем в 1793 г. его перевезли в сад Таврического дворца, где современники еще видели его в начале XIX в.; о дальнейшей его судьбе сведений нет. Сам Кулибин, идя в ногу с веком, впоследствии предлагал делать железные мосты, но и эти его предложения не были оценены и внедрены. Одноарочный же мост через Неву не стали возводить, ссылаясь на технические трудности, большие затраты и недолговечность деревянного сооружения.

Однажды (в 1779 г.) темноту осенней ночи со стороны Васильевского острова прорезал яркий луч. Изумленные петербуржцы выбегали из домов. Одни дивились чуду, другие со страхом крестились, принимая свет за небесное знамение.

Виновником происшествия оказался И. П. Кулибин. Свет исходил из окна его квартиры на четвертом этаже академического здания. Источником мощного света была простая свеча. Кулибин только поместил ее перед вогнутым зеркальным отражателем. Вскоре столичная газета сообщала своим читателям, что Кулибин с помощью искусно подобранных зеркал может «умножать свет» в 500 и более раз. Академия наук одобрила это «умопроизведение почетного господина

Кулибина», а само изобретение сразу вошло в быт и стало заменять на столбах, каретах, шлюпках, во дворцах, на рабочих местах «художников и мастеров», даже на мануфактурах масляные фонари и свечи.

Окрыленный успехом, изобретатель уже проектировал фонарь с четырьмя зеркалами, который позволил бы давать круговой свет для освещения площадей или мог использоваться в качестве маяка на море. Спрос на фонари был столь велик, что Кулибину пришлось организовать для их производства специальную мастерскую.

Кулибин стал истинным виртуозом и в применении отраженного света. Искусно расположив зеркала во дворе и внутри здания, он солнечными лучами осветил темный коридор Царскосельского дворца длиной более 100 м, в 1790 г. по прихоти Потемкина устроил с помощью одного отраженного света в китайской комнате царских палат изумивший всех фейерверк «без пороху и дыму».

В сравнительно недалеком от нас XVIII в. сообщения из одного города в другой передавались с помощью конных курьеров. Только к концу века француз Шапп изобрел телеграф. Сразу неизмеримо ускорялась связь. Для огромных просторов России новое средство связи было жизненно важным. Прослышав об успехах изобретения Шаппа во Франции, Екатерина II дала задание Кулибину создать свой аппарат. Кулибин, конечно, знал об изобретении во Франции, но создал собственную и более совершенную, чем у Шаппа, модель оптического телеграфа. Однако ни при Екатерине, ни при ее наследнике Павле I ничего не было сделано для использования кулибинского аппарата. А в 1835 г. царское правительство купило изобретение во Франции, заплатив за его «секрет» изобретателю 120 тыс. рублей.

Однажды офицер, потерявший ногу при штурме Очакова, обратился к Кулибину с такими словами:

— Вот Иван Петрович, много ты разных диковин выдумал, а нам, воякам, приходится таскать грубые деревяшки.

И Кулибин выдумал новую диковину: по разработанным им чертежам был сделан протез. Сначала офицер ходил на искусственной ноге с помощью трости, а затем легко стал обходиться и без нее.

По заказу двора Кулибин разработал проект самоката, в котором «один человек одного или двух праздных людей везти может». Это была оригинальная конструкция, имевшая рулевое управление, тормозное устройство и приспособление для переключения скорости. «Слуга,— рассказывал сын Кулибина Семен Иванович о действии самоката,— становился на запятки в приделанные туфли, поднимал и опускал ноги попеременно, без всякого почти усилия, и одноколка катилась довольно быстро». Она имела скорость до 30 км в час. Однако применения эта машина также не получила.

Яркие впечатления детства Кулибина о тяжелом труде бурлака на Волге сохранились у него на всю жизнь. В расцвете своего таланта он задался целью заменить бурлаков механической силой, сделать более дешевой доставку грузов. Наблюдение за судоходством на Неве в свою очередь подогревало эту мысль. Суда, приходившие в Петербург, продавались на дрова. Правительство то наказывало за это купцов, то поощряло их денежными премиями за возврат судов вверх по течению реки, что, однако, было делом трудным, так как требовался буксир для транспортировки.

Применение механизмов на реках началось задолго до Кулибина. Тем не менее, как и во всяком деле, он искал и здесь свое решение задачи. И вот в 1782 г. государственная

комиссия из высших сановников и адмиралов собралась для испытания изобретенного Кулибиным «машинного» судна[1].

Был ветреный ноябрьский день, по Неве ходили высокие волны, но, несмотря на ненастье, берега были усыпаны народом. «Глубокая тишина царствовала в толпе, когда судно, нагруженное 4000 пудов балласту, начало двигаться от Васильевского острова по Неве против сильного ветра и высоких волн,— рассказывалось об этом событии.— Когда же оно пошло так быстро, что двухвесельный ялик едва мог держаться с ним наравне, то громкое русское «ура!» грянуло в привет русскому самоучке, который, стоя на своем судне, сам управлял машиной». Испытание прошло успешно.

Кулибин сделал попытку найти спрос на свою «машину» и для этого добился разрешения съездить на Волгу, в родной город, однако потерпел неудачу, даже нажил врагов: против него явно настроились торговцы мелких лавок и владельцы кабаков, которым замена механизмами труда бурлаков грозила потерей дохода.

По мере расцвета таланта круг вопросов, которые интересовали Кулибина, расширялся, а времени для творческой работы становилось все меньше. Он пришел к выводу, что большую пользу принесет родине не «обыкновенным смотрением над мастерскими палатами», а как изобретатель. Вполне вероятно, что его тяготила служба под начальством возглавлявшей тогда Академию наук княгини Е. Р. Дашковой. Та относилась к нему явно неприязненно. Получив в январе 1787 г. заявление Кулибина об освобождении его от обязанностей руководителя мастерскими, она распорядилась «для лучшего и успешного в науке его упражнения уволить» Кулибина «от смотрения мастерскими», но обязала его при надобности безоговорочно исправлять какое будет «частное до него дело». За это первоначально сохранялись за ним квартира и жалованье.

[1] Описание действия «машины» Кулибина дается ниже.

Время появилось, но где было взять деньги на материалы, инструменты, опыты? Помогла поддержка влиятельного при дворе поэта Г. Р. Державина. По его просьбе Екатерина II повелела в 1792 г. выплачивать Кулибину для изобретательской работы дополнительно по 900 рублей в год. Между тем Кулибин тратил на свою работу много больше. Но главное — он был относительно свободен и мог отдаться изобретательству. Сохранился реестр (список) работ Кулибина за 1781—1786 гг. В это время он проектировал мельницы без плотин, машинное судно, механизм для подъема воды из Невы, механическую ногу (протез), самокат, подъемное кресло (лифт для Зимнего дворца), оптический телеграф, «особливое портепьяно» (фортепьяно), карманный хронометр и карманные планетные часы с шестью стрелками[2], «вечный двигатель» (тогдашнее повсеместное увлечение механиков).

Слава Кулибина перешагнула границы России. Многие выдающиеся люди за рубежом восторгались его достижениями.

Однажды А. В. Суворов, увидев на одном из приемов у Потемкина Кулибина, скромно стоявшего в глубине зала, подошел к нему и, остановившись сначала в нескольких шагах, отвесил низкий поклон со словами:

[2] Первая из стрелок циферблата проходила за 365 дней, показывая 12 небесных знаков зодиака; вторая — начало весны, лета, осени, зимы; третья — дни недели; четвертая — часы; пятая — минуты, шестая — секунды. Помимо того, часы должны были показывать движение Луны, восход и заход Солнца в Москве и Петербурге.

— Вашей милости.

Еще через шаг, поклонившись ниже, сказал:

— Вашей чести.

Наконец, став напротив и поклонившись в пояс, заключил:

— Вашей премудрости мое почтение.

Затем взял Кулибина за руки, справился о здоровье и, обращаясь уже ко всем присутствовавшим, сказал:

— Помилуй бог, много ума! Он изобретет нам ковер-самолет.

Кулибин был находчивым, остроумным человеком и в долгу не остался:

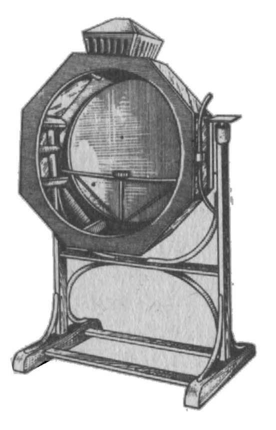
— Вашему сиятельству такой ковер не нужен. Вы и без него всегда летаете к победе,— ответил он Суворову.

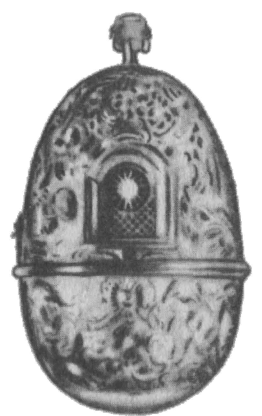
В 1800 г. в присутствии Павла I спускали на воду 130-пушечный корабль «Благодать». Корабль сначала тронулся, а затем застрял на стапелях. Грозила катастрофа. Царь разгневался и уехал. Кулибин уже предлагал морскому ведомству свой способ спуска кораблей, но там не обратили на него внимания. И вот инженеры-иностранцы оскандалились. Зная бешеный нрав Павла, все ждали беды. Пришлось обратиться к Кулибину. За одну ночь он произвел нужные расчеты, а назавтра, когда по его указанию были установлены канаты и блоки, Кулибин поднялся на палубу корабля и оттуда белым платочком подал сигнал рабочим. Те разом взялись за канаты, и корабль благополучно сошел в воду. Народ, ликуя по поводу торжества соотечественника, кричал «ура!». В момент этого ликования слышались слова:

— Спасибо русаку! Каков наш брат-бородач!

А «брат-бородач» между тем стал своего рода технической лабораторией своего времени. Даниил Бернулли, обращаясь к секретарю русской Академии наук, писал однажды: «Эйлер произвел глубокие исследования

И. П. Кулибин. На груди у него медаль с надписью: «Придворному механику».

Кулибинский фонарь — прожектор с зеркальным отражателем. Свет помещенной в нем свечи увеличивался в 500 раз. Кулибинский фонарь получил широкое распространение в быту и промышленности в XVIII—XIX вв.

«Часы яичной фигуры». Внутри позолоченного металлического яйца находился крохотный театр-автомат. Через каждый час раскрывались дверцы и было видно «чертог», в котором под музыку развертывалась сцена «воскресения Христа». В полдень часы играли музыку, сочиненную Кулибиным.

упругости блока... особенно вертикальных столбов... Не могли бы Вы поручить г. Кулибину подтвердить теорию Эйлера подобными опытами, без чего его (Эйлера) теория остается верной лишь гипотетически» (предположительно). Это было признание великого значения работ И. П. Кулибина для мировой науки того времени.

Между тем в своей стране Иван Петрович не находил должного к себе внимания и признания своих трудов.

Екатерина II ограничивалась, в сущности, показным вниманием к нему, считала его присутствие при дворе своего рода украшением общества. Подобно нижегородскому губернатору, она охотно представляла Кулибина как русское чудо приезжавшим с визитом в Россию австрийскому императору и шведскому королю, с удовольствием водила их по Кунсткамере, показывая изобретения Кулибина. Но все это только парадная сторона дела. В то же время в бюрократическом океане государственных ведомств тонули проекты изобретений Кулибина; всесильная правительница Академии наук княгиня Дашкова могла без помех распорядиться убрать из академического двора модель одноарочного моста, а самого изобретателя выселить из академической квартиры и тем самым лишить его возможности пользоваться лабораториями.

Кулибин, вознесенный талантом к вершинам царских палат, усвоил некоторые светские манеры, стал выглядеть внушительно, осанисто, но остался глубоко чуждым по своим интересам и помыслам придворному обществу, и оно мстило ему за это. Немало Кулибин страдал и от завистливых иностранцев-ученых.

Если бы все, что было изобретено Кулибиным, нашло применение в жизни, это привело бы к важным результатам в технико-экономическом развитии России. Сознавая это, изобретатель-патриот все более убеждался в нежелании властей идти на помощь.

Он старается самостоятельно искать возможности практического применения своим открытиям. Какая страшная трагедия таланта в крепостной России и в то же время какое мужество, какая убежденность в своей полезности родине одинокого человека!

Кулибиным все более овладевает мысль о возвращении в Нижний Новгород, на Волгу. Там, на ее просторах, он уже мысленно видел свои «механические суда», избавляющие человека от рабски изнурительного бурлацкого труда и дающие большие экономические выгоды при перевозке товаров. В 1798 г. он представил генерал-прокурору князю Куракину свои труды: «Описание выгод, какие быть могут от машинных судов на реке Волге», «План и расположение, каким бы образом удобнее и казне без отягощения было ввести во употребление машинные на реке Волге суда».— и просил командировать его на четыре года в Нижний Новгород для руководства строительством таких судов и доказательства их пользы. При этом Кулибин предлагал свои услуги на поставку государству соли на этих судах. Для осуществления своего проекта он просил у казны взаимообразно 30 тыс. рублей — 6 тыс. рублей на покрытие имеющихся у него долгов, 9 тыс. рублей — на постройку первых судов, остальные 15 тыс.— на строительство последующих судов. Князь Куракин отверг эти предложения. Казна находила средства на то, чтобы содержать бездельников-вельмож при царском дворе, оплачивать баснословно дорогие увеселительные иллюминации и фейерверки, приемы и балы, и не имела их для финансирования кулибинского плана механизации водного транспорта.

В том же году Кулибин вновь обратился к Куракину, но теперь ставил

иные условия: если ему выдадут 6 тыс. 553 рубля для уплаты долгов, он найдет помощников и при их содействии произведет испытание своего судна на Волге. При удаче ему необходима будет временная ссуда в 10 тыс. рублей из казны с рассрочкой на восемь лет и без процентов для постройки новых судов.

На этот раз Куракин нашел возможным принять проект Кулибина для рассмотрения, но он безрезультатно проблуждал по бюрократическим лабиринтам ведомств до времени восшествия на престол нового царя Александра I.

Воспользовавшись изданным Александром I указом о поощрении изобретений, Кулибин, воспрянув духом, обратился к нему с тем же предложеним о введении «механических судов». Он просил у царя 6 тыс. рублей на погашение долгов, сохранения за ним 3 тыс. рублей годового жалованья в качестве пожизненного пенсиона и выдачи ссуды в размере 6 тыс. рублей с вычетом ежегодно из пенсиона по 1 тыс. рублей для постройки все того же судна. В случае неудачи Кулибин обязывался взять на себя все убытки.

Александр I нашел проект Кулибина выгодным и 24 августа 1801 г. разрешил Кулибину выехать с семьей в Нижний Новгород. 18 сентября 1801 г. его исключили из состава Академии наук.

После 31 года служения родине в Академии наук, полный грандиозных замыслов, но уже стареющий, Кулибин возвратился в родной город.

Возвращение 65-летнего Кулибина в родной город — не просто смена места жительства. Это крутой поворот в его жизни, ценой которого он хотел добиться своей цели. Это был моральный подвиг патриота.

Уже в первый день по приезде в Нижний (25 октября) изобретатель совершил свою первую пробу на Волге, измеряя в разных местах скорость ее течения. Как рассказывал его сын, Кулибин до 1804 г. все время изучал «натуру мест реки Волги», воздушные течения, грузооборот судов по реке и многое другое. В то же время им строилась и механическая машина.

Кулибин, имея целью заинтересовать своим замыслом купечество, решил установить машину на обычном, давно известном на Волге судне — «расшиве». Правда, ему пришлось несколько перестроить его для более рационального расположения механизмов. Суть изобретения заключалась в том, чтобы использовать для передвижения судна не мускульную силу людей или животных, а силу течения. Для этого поперек средней части судна Кулибиным был установлен вал с гребными колесами на концах. На этом валу закреплялся один конец каната, а второй на лодке завозился вверх против течения и с помощью якоря цеплялся за дно реки. Сила течения вращала гребные колеса, и канат, наматываясь на вал, тащил судно.

28 сентября 1804 г., после нескольких опытов, начались официальные испытания судна. «Расшива», нагруженная 8500 пудами песку, стала двигаться вверх по Волге со скоростью, не уступавшей судам с бурлацкой тягой. Однако обслуживало ее вдвое меньше людей.

После испытания губернатор писал в Петербург, что использовать изобретение Кулибина «было бы для навигации небесполезно», но при этом обращал внимание на необходимость иметь для постройки, управления и ремонта судов нового типа людей, сведущих в механике.

Кулибин усовершенствовал свою машину,— упростил ее, увеличил скорость хода, разработал чертежи, дал описание и поставил судно на берегу Волги для всеобщего обозрения. «Все желающие пользоваться моим изобре-

тением могут оное видеть, скопировать чертежи и списывать копии с описанием»,— бескорыстно, но тщетно предлагал Кулибин свое изобретение любому охотнику. Изобретатель тяжело переживал это равнодушие. Он снова стал обращаться к царю и просил передать «машинное» судно государству, а ему оплатить лишь расходы по постройке. Царь удовлетворил эти просьбы Кулибина. Судно приняла на хранение городская дума. Оно стало гнить и в ноябре 1808 г. с разрешения царя было продано с аукциона на дрова за 200 рублей.

Уже старый и больной, Кулибин продолжал трудиться. Он возвратился к работе над грандиозным четырехарочным железным мостом через Неву, усовершенствовал протез, создал машину для солеваренных заводов Строгановых, конструировал сеялку. Но самой старой его мечтой, владевшей им уже с приезда в Петербург в молодые годы, была «самодвижущаяся машина» — «вечный двигатель», сооружение которого тогда еще считалось возможным.

Иван Петрович Кулибин умер 30 июня 1818 г. в возрасте 82 лет. До последних минут жизни он работал над «вечным двигателем».

Бедность, полное забвение заслуг перед родиной — это была обычная судьба талантливых людей из народа в условиях крепостной и самодержавной России.

КРЕЩЕНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Вступив на престол, Екатерина II начала щедро одаривать из государственной казны и земель тех, кто помог ей стать императрицей. Верное Екатерине дворянство получило от нее около 19 тыс. крестьян мужского пола. Без меры щедра была Екатерина к своим фаворитам — людям, особо к ней приближенным. За свое царствование (1762—1796) она раздала им приблизительно 2 млн. человек. Чинами, землей и крепостными наградила Екатерина II карателей Крестьянской войны 1773—1775 гг. Михельсону, одержавшему победу над Пугачевым, было пожаловано 600 душ, майорам карательного войска — по 300, капитанам — по 200, поручикам — по 150, подпоручикам — по 100 и прапорщикам — по 80 душ.

Правление Екатерины II — время высшего развития крепостной системы и торжества дворянства, которое получило полную свободу от службы, приобрело по «Жалованной грамоте дворянству» исключительные права и привилегии, превратилось в замкнутую касту господ. Ему все было дано, дозволено и подчинено. Украинский помещик Хорват восклицал: «Все мое, земля моя, небо мое, воды мои и черти в болотах — все мое!» Екатерина II в 1765 г. дала помещикам право без всякого суда отправлять крепостных на каторжные работы. Через два года она лишила крестьян даже права жаловаться на своих притеснителей под страхом наказания кнутом и ссылки в Нерчинск на вечную каторгу.

Власти и помещики, в сущности, относились к крепостным, как к рабам. В «Жалованной грамоте дворянству» крепостные указывались в числе недвижимого имущества, т. е. рассматривались как вещь, как хозяйственный инвентарь.

Крепостной люд не ждал добра с барского двора. Там раздавался свист бича, которым истязали людей по всякому поводу и без повода, просто ради потехи или от скуки.

Там, на барском дворе, торговали людьми: продавали их семьями, порознь детей и родителей, открыто, громко, на всю Россию. Вот выдержки из объявлений о продаже помещичьей собственности:

«У Николы Морского продаются банкетные скатерти, салфетки, 2 девки ученые и мужик».

«Продается 20 лет человек, парикмахер, и лучшей породы корова».

«Лучшие моськи продаются и семья людей за самую сходную цену».

«Литейной части, против Сергия продаются в церковном доме 2 человека, повар и кучер, годные в рекруты, да попугаи».

«Некто продает 11 лет девочку и 15 лет парикмахера, 4 кровати, перину и прочий домашний скарб».

«Продается малосольная осетрина, 7 сивых меринов и мужик с женой».

«В приходе церкви Николая чудотворца в школе продается 20 лет собою видная и к исправлению горничной работы способная девка и хорошо выезженная верховая кобыла».

Вереницами возов и даже целыми речными баржами везли рабов-крепостных «благородные» дворяне на ярмарочные торги, в том числе и в Петербург. Барина ничуть не смущало, когда он на торжище разлучал детей с отцом и матерью.

Вот выписки из одной купчей: «Лета тысяча семьсот шестидесятого, декабря в девятый на десятый день, отставной капрал Никифор Гаврилов сын Сипягин, в роде своем не последний, продал я, Никифор, майору Михееву сыну Писемскому старинных своих Галицкого уезда Корежской волости из деревни Глобенова крестьянских дочерей, девок: Соломониду, Мавру да Ульяну Ивановых... А взял я, Никифор, у него, Якова Писемского, за тех проданных девок денег три рубля».

За этими деловыми строками купчей — безмерное горе детей и родителей, с таким хладнокровием разлучаемых работорговцем-барином.

Били на торгах по рукам, спорили о достоинстве породистой собаки, которую меняли на двух или трех крепостных; проигрывали крепостных в карты, пропивали целые деревни и состояния.

С развитием товарно-денежных отношений, ростом личных потребностей дворян в XVIII в. резко возрастали феодальные повинности крепостных крестьян. Тяжела была барщина, часто доходившая до шести дней в неделю, непосилен оброк. Генерал Леонтьев со своих имений в 40-х гг. брал оброку 300 рублей в год, а через двадцать лет — около 4 тыс. рублей, т. е. в 13 раз больше. За вторую половину XVIII в. в Молодотудтской вотчине Н. П. Шереметева оброк увеличился в 12 раз, в Юхотской — в 15 раз и т. д. Еще тяжелее была доля дворового человека. Столичная аристократия, а в подражание ей и провинциальное дворянство все более и более расширяли штаты дворовой прислуги. Так, у графа Орлова было 500 дворовых. Даже самый плохонький провинциальный помещик старался держать при себе несколько человек в услужении. Во многих дворах знати дворовые составляли целые селения ремесленников и прислуги. Это были портные, сапожники, ткачи, рукодельницы, повара, горничные, лакеи, швейцары, конюхи, скотники, кузнецы, артисты — люди всех профессий, нужные для барской усадьбы и дома. Они вели барское хозяйство, одевали и обували, кормили и развлекали барина.

Беззакония, произвол и жестокость — вот чем в абсолютном большинстве платили господа своим дворовым.

Отдельные помещики вводили своего рода уголовные кодексы. Так, граф Румянцев в 1751 г. разработал для наказания своих крепостных «пункты», в которых предусматривались наложение штрафа от двух копеек до пяти рублей, арест с наложением цепей, сечение батогами и плетьми, отдача в рекруты и другие наказания за «провинности». А вот другой пример изу-

верского помещичьего законодательства. «Впредь,— писал один помещик,— ежели кто из людей наших высечется плетьми на дворнях, дано будет по 100 ударов, а розгами будет дано 17 тыс., таковым более одной недели лежать не давать, а которым дано будет плетьми по полусотни, а розгами по 10 тыс.— таковым более полунедели лежать не давать же, а кто сверх того пролежит более, за те дни не давать им всего хлеба, столового запасу и указного всего же; да из жалованья, что на те дни придется, вычесть из упущения».

Праздные, сытые, часто не только необразованные, но и просто неграмотные, помещики именно в истязаниях людей находили себе развлечение. Великий артист М. С. Щепкин, вспоминая свое крепостное детство, рассказывал об одной барыне, которая от тоски не знала, чем себя занять. Барыня эта всем представлялась больной, но никак не могла объяснить, в чем же состояла ее болезнь. Как-то одна из крепостных плохо выполнила работу, и барыня, распалившись, дала ей пощечину и сразу почувствовала, что ей стало лучше. С тех пор, разгоняя тоску, она раздавала пощечины по любому поводу. И вот однажды эта дама, приехав в дом графини, которой принадлежал Щепкин, удрученная и расстроенная, стала сетовать:

— Ах, графиня, мерзавка Машка решила в гроб меня загнать.

— Каким образом?

— Уж я нарочно задавала ей и уроки тяжелее и давала ей разные поручения: все мерзавка сделает и выполнит так, что не к чему придраться... Она, правду сказать, чудная девка и по работе и по нравственности... Да за что же я, несчастная, страдаю, а ведь от пощечины она бы не умерла!

Графиня посочувствовала ей, и та уехала, но дня через два явилась уже веселой и даже торжественной. Целуя, обнимая графиню, дама со слезами радости стала рассказывать:

— Графинюшка! Сегодня Машке дала две пощечины.

— За что, разве она что натворила?

— Нет, за ней этого не бывает. Но вы знаете, что у меня кружевная фабрика, а она кружевница; так я такой урок ей задала, что не хватит человеческих сил, чтобы его выполнить...

— И вам этого не совестно? — перебила ее графиня.

— Ах, ваше сиятельство! Что же мне, умереть из деликатности к холопке? А ей ведь это ничего, живехонька — как ни в чем не бывало.

Этот разговор, говорит Щепкин, происходил в воскресенье, а во вторник дама появилась почти в отчаянии. Оказывается, все та же Машка виной.

— Представьте себе,— возмущалась дама,— вчера такой же урок задала — и что же? Мерзавка не спала, не ела, а выполнила. И все это только, чтобы досадить мне!

Вот что, оказывается, выводило из себя барыню!

— А, мерзавка, говорю ей,— продолжала дама делиться своим горем,— значит, ты и третьего дня могла выполнить, а по лености и из желания сделать неприятность не выполнила: так вот же тебе! — и вместо двух дала три пощечины, и со всем тем до сих пор не могу прийти в себя.

Писатель Аксаков запечатлел образ помещика Куролесова, который, по его словам, был «соединением инстинкта тигра с разумностью человека». Это была, говорил Аксаков, кровожадная натура, воспламенявшаяся спиртными напитками до бешенства. Если помещик сердился и кричал, дворовые были спокойны. Но беда, если барин переходил на тихий и ласковый говор.

— Ну, любезный Григорий Кузьмич,— говорил в такой момент Куролесов вместо обычного «Гришка».—

Пойдем, надо мне с тобой рассчитаться.

И несчастного Григория Кузьмича валили наземь.

— Поцарапайте его кошечкой,— распоряжался барин.

Кошечка же эта — плеть из семи ремней с узлами на концах.

Тульский помещик Баташов морил своих дворовых голодом, всячески мучил их и даже распинал на кресте. Столетие спустя, когда перестраивали его дом, был обнаружен тайный ход из барского кабинета в подвал, пол которого оказался устланным костями людей.

Очевидец рассказал о невероятной жестокости княгини Козловской, которая, по его словам, «олицетворяла в себе понятия о всевозможных неистовствах и гнусностях». Сечь по любому поводу, с ожесточением и до смерти было ее потребностью. Обычно обреченного на избиение привязывали веревками к столбу и секли. Барыня, хладнокровно считая удары, требовала бить все сильнее. Ей постоянно казалось, что бьют слабо, и тогда она вырывала розги и исступленно палачествовала сама. Спасая эту фурию от мести крепостных, брат-вельможа отправил ее из Москвы в Петербург к другому брату, но и там княгиня вскоре так прославилась своими зверствами, что родственники запретили ей пользоваться для личных услуг крепостными. В конце концов стали наряжать на службу к княгине солдат...

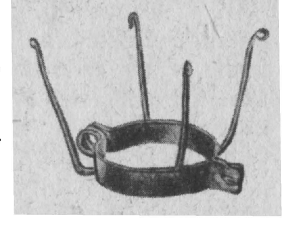
Рассказывая о преступлениях Козловской, современник писал: «Перо падает у меня из рук... кровь бросается в голову от стыда и омерзения... Я дал этому чудовищу принадлежащий ему титул княгини, не смея назвать ее женщиной из боязни осквернить это имя».

Лютой и жестокой помещицей была Дарья Салтыкова, прозванная в народе Салтычихой.

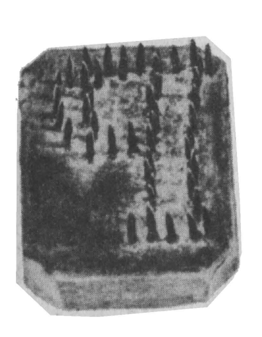
— Бей до смерти! — кричала она конюхам, которые секли Прасковью Ларионову.— Я сама в ответе и никого не боюсь... Никто ничего сделать мне не может!

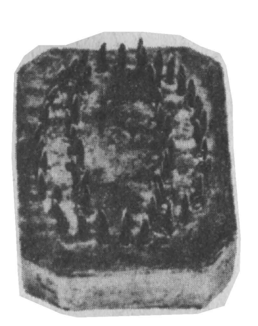
Редко кто из жертв ее выживал, но каждый раз после свершенного убийства Салтычиха, скрывая следы преступления, заявляла в полицию, что такая-то или такой-то из ее крепостных бежали и неизвестно где находятся.

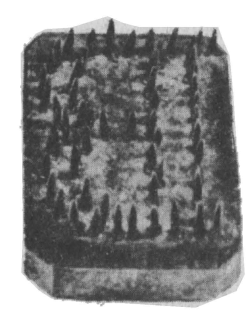
Двадцать один раз жаловались крестьяне на мучительницу местным властям, но всякий раз она улаживала эти дела. Как только поступала жалоба, Салтычиха отправлялась в дом начальника полицмейстерской канцеля-

Ошейник-рогатка — распространенное в XVIII в. орудие наказания крепостных и работных людей. Надевался на шею иногда на несколько суток.

Клейма — имели три буквы: «В», «О», «Р». Раскаленными гвоздями слово «вор» выжигали на лицах осужденных на каторжные работы. Клеймение существовало в России с 1754 по 1863 г. При Николае I была проведена «реформа», заменившая слово «вор» словом «кат».

рии: несла ему подарки, деньги. Щедрые подарки делали свое дело. При этом Салтычиха заявляла, что крестьянин, принесший жалобу, был в бегах и, чтобы спастись от наказания, клевещет на нее.

— Сколько вам ни доносить, мне они все равно ничего не сделают и меня на вас не променяют! — говорила она крепостным и тут же принималась избивать новую жертву.

Действия Салтычихи, как видим, не просто припадок бешенства, не прихоть и каприз, а обдуманная, прикрытая всесилием власти расправа с крепостными. Салтычиха убивала сознательно, преднамеренно, зная, что ей за это ничего не будет.

Салтычиха убила, по одним данным — 75, по другим — более 100 крепостных! Можно подумать, что в ее имениях устраивались сражения.

...Двадцать один раз приносили крепостные Салтычихи жалобы на ее невероятные злодеяния. Двадцать один раз, пользуясь связями и деньгами, она оставалась безнаказанной. Но двадцать вторая жалоба оказалась для нее роковой. Двум крестьянам, Ермолаю Ильину и Савелию Мартынову, в 1762 г. удалось подать жалобу самой царице. Екатерина II, только что вступившая на престол, чувствовала себя неуверенно. Порой она не знала, как ей быть. Вот и в этом случае она колебалась: наказать Салтычиху — можно вызвать недовольство дворян, оставить без наказания — еще страшнее гнев народный. Она приняла решение судить Салтычиху. Но царский суд на дворян был нескорым.

Оказалось трудным получить подтверждение вины Салтычихи. Одному судебному чиновнику почти все из ста опрошенных им крепостных и горожан, живших вблизи от дома Салтычихи на Кузнецком мосту, отвечали, что Салтычиха невиновна или они не знают дела. Никто не хотел связываться с сильным. Простые люди, зная на опыте, что барин всегда будет прав, боялись мести и говорили неправду. Сама же Салтычиха нагло и вызывающе отрицала все случаи убийства ею крепостных.

Разбирательство длилось шесть лет, в течение которых помещица, не унимаясь, продолжала зверствовать в своих имениях.

Лишь в 1768 г. она наконец была осуждена и наказана. Салтычиху лишили дворянства (было запрещено вообще называть ее каким бы то ни было именем) и приговорили к смертной казни, замененной позже пожизненным заключением в монастырской тюрьме, где Салтычиха и умерла.

Наказание Салтычихи — явление редкое. Ею пожертвовали в интересах самой же власти дворян. Вот-де, народ, смотри, какая у тебя добрая царица, твоя заступница. Обычно же помещик, убив крестьянина, избегал наказания. Если же кого для вида и наказывали, то это, как правило, были пустячные наказания. Так, жена действительного статского советника Ефремова за убийство крепостной Акулины Осиповой отделалась приговором к покаянию в церкви. Вдова генерала фон Эттингера за убийство крепостного была приговорена к месячному заключению в тюрьме и тоже к церковному покаянию.

Судьи, выгораживая убийц-помещиков, порой принимали смехотворные решения. По приказу и в присутствии чиновницы Масловой два ее дворовых насмерть засекли крепостную девушку. И что же судьи? Маслову за то, что она не определила меру наказания, приговорили к церковному покаянию, а вот дворовых, «дабы они впредь во исполнении госпожи своей приказаний были осмотрительнее» и «в страх другим», повелели высечь.

Масса помещиков, виновных в смерти крепостных, ускользала от наказа-

ний. Подобно Салтычихе, они умели прятать концы в воду с помощью своей же, помещичьей власти.

Муки крепостных были ужасны, а своеволие и жестокость помещиков-крепостников — безмерны. «Ни одна сталь, никакой камень не выдержал бы того, что должна была выносить и выносила человеческая натура»,— писал современник о невероятной доле крепостного крестьянства.

МУЗЫ В ЦЕПЯХ

Екатерина II, похвалявшаяся просвещенностью своего правления, наставляла одного из вельмож: «Черни не должно давать образования, ибо, если она будет знать столько же, сколько я и вы, то не будет повиноваться нам в такой степени, в какой повинуется теперь».

И все-таки в крепостном мраке люди-рабы сверкали блеском удивительного таланта. История бережно хранит имена таких самородков, как артистки П. И. Ковалева-Жемчугова и Т. В. Шлыкова-Гранатова, композиторы и дирижеры И. Е. Хандошкин и С. А. Дегтярев, живописцы Ф. С. Рокотов и Е. Д. Камеженков, отец и сын И. П. и Н. И. Аргуновы, архитекторы А. Н. Воронихин и П. И. Аргунов и многие другие. Большие театральные труппы, симфонические оркестры, стоявшие нередко на уровне лучших профессиональных коллективов, создавали из крепостных.

Но, увы, талант не давал привилегий, не освобождал от мук рабства. Напротив, человек искусства стократ острее и глубже чувствовал свою неволю. Барин, приходя в гнев, грубым насилием старался унизить достоинство крепостного, затоптать его в грязь.

Во второй половине XVIII в. в помещичьей среде заметно возрос интерес к искусству. Если до этого помещики находили развлечение в охоте, а дома для потехи держали шутов, то теперь, подражая столичным аристократам, они стали заводить своих артистов, танцоров, музыкантов и художников. И здесь барин глумился над своими крепостными. Один из таких помещиков имел обыкновение следить за ходом представления из-за кулис. При малейшей ошибке певшей актрисы он вылетал на сцену и давал ей при всей публике пощечину и вдобавок обещал после выпороть на конюшне. Актриса как ни в чем не бывало продолжала петь и играть прерванную роль. «Как ни бьешься, как ни стараешься,— писал современник о горькой доле невольников-артистов,— но никак не можешь представить себе, чтоб люди, да еще девицы, после розог и вдобавок розог кучерских, забывая и боль и срам, могли мгновенно превращаться или в важных графинь «с достоинством», или прыгать, хохотать от всей души, любезничать, летать в балете и т. п., а между тем делать были должны и делали, потому что они опытом дознали, что если они не будут тотчас из-под розог вертеться, веселиться, хохотать, прыгать, то опять кучера... Они знают горьким опытом, что даже за малейший признак принужденности их будут сечь опять и сечь ужасно. Представить ясно такое положение невозможно, а однакож все это было...»

Артисты не только оставались крепостными и выносили все тяготы своего положения, но и подчас превращались в настоящих узников своих господ. Тридцать красавиц-артисток генерала Измайлова были помещены во флигеле, который не имел дверей, а соединялся ходом с барским домом. На окнах были установлены решетки. В этом флигеле-тюрьме артистки жили под замком. Они не виделись даже с родными. Выпускали их из флигеля лишь для репетиций и выступлений.

Крупные и богатые помещики вроде Шереметевых создавали великолепные труппы актеров и оркестры. Набирая в своих необъятных вотчинах талантливых мальчиков и девочек, они затем учили их грамоте, иностранным языкам, пению, музыке, сценическому искусству. Держали для этого хороших педагогов. Особо же одаренных невольников посылали завершать образование за границу.

Один из крепостных музыкантов таким образом оказался в Италии. Его дарование было там скоро замечено, перед ним открылись богатые перспективы творчества, но тут барин потребовал его в Россию. Пришлось все бросить. Барин, решив похвастаться талантом крепостного, пригласил многочисленных гостей на его первый концерт. Юноша сыграл концерт, затем повторял его для каждого опоздавшего. Так беспрерывно продолжалось три часа. Музыкант изнемогал от усталости и обратился к барину с просьбой дать ему немного передохнуть.

— Нет, играй, а если будешь капризничать, то вспомни, что ты мой раб, вспомни о палках...— сказал в гневе барин.

Не в силах более выносить надругательства над собой, артист выскочил на кухню и со словами: «Будь проклят талант, если он не мог избавить меня от рабства!» — отрубил себе топором мизинец левой руки.

Подробнее познакомимся с жизнью трех талантливых крепостных — живописца Е. Д. Камеженкова, композитора С. А. Дегтярева и актрисы П. И. Ковалевой-Жемчуговой.

Ермолай Дементьевич Камеженков, крепостной тверского архиерея, в два года остался без отца; в шесть лет он уже работал на конюшне. Мальчик рано обнаружил страсть к рисованию. На его рисунки обратили внимание церковники и перевели его с конюшни в иконописную мастерскую.

Как раз в это время дворник петербургского дома архиерея запросился домой, в Тверь. Камеженков решил использовать случай и написал архиерею прошение.

«Великому господину преосвященнейшему Арсению епископу Тверскому и Кашинскому.

Покорнейшее прошение нижайшего раба дому Вашего преосвященства штатного служителя живописца Ермолая Дементьева о нижеследующем» — так начиналась его просьба. Далее Камеженков изложил суть вопроса (послать его вместо дворника в Петербург) и заключал: «А я, нижайший, на оное место с охотою моею желаю, для получения успеха в рассуждении искусства в моем художестве под призрением тамо имеющихся портретных мастеров».

Жадный церковник сразу прикинул, что желание юноши учиться можно использовать с выгодой для себя. Камеженкова перевели в Петербург, определив ему жалованье «половинное против прочих штатных служителей». Но молодой художник был и этому безмерно рад.

В начале 1778 г. Камеженков с матерью перебрался в Петербург. Но где учиться? Об Академии художеств и думать нечего. Екатерина II издала указ о даровании воли всем, кто оканчивал Академию. Впрочем, давать волю было некому: в Академию художеств крепостных не брали. Однако Камеженков нашел выход — он стал брать уроки у профессора живописи Г. И. Козлова.

Школа профессора Козлова была рассчитана на три года, но уже через год Камеженкова потребовали в Тверь. Лишь с большим трудом ему удалось добиться отсрочки. Потом снова последовало требование из Твери возвращаться. «Прошу, мой щедрый отец, взойти в мое состояние и рассмотреть подробно, как я продолжаю свое худо-

жество,— с мольбой писал Камеженков о новой отсрочке.— Первое, как мне препоручено в доме смотрение и из оного иногда мне бывает весьма хлопотливо; второе же, я для своей науки сношу недостатки в содержании себя и матери... Но и это для меня все сносно против моей любезной живописи. Я уже взошел в самый корень ее, и естли столько времени учась на своем коште (содержании), не докончивши оную покинуть, то надобно будет оплакивать все время жизни моей».

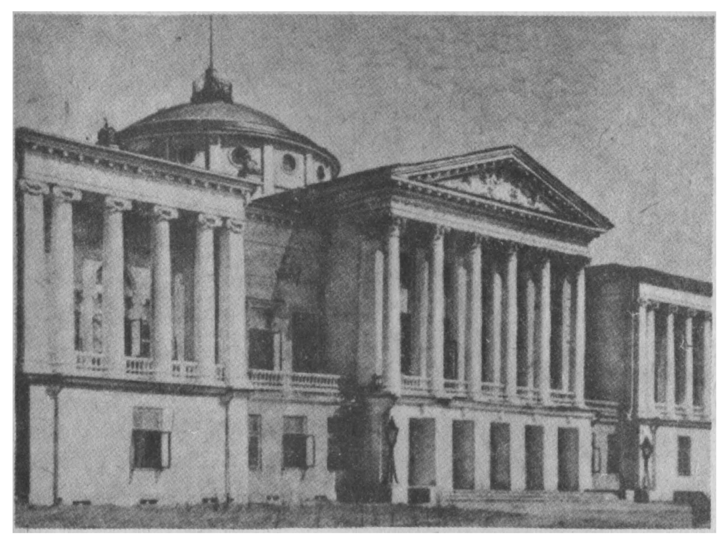
Скоро униженные просьбы об отсрочке перестали помогать. Камеженков в отчаянии. Он решается просить помощи у учителя. Профессор Козлов проникся уважением к художнику и принял участие в его судьбе. Он помог Камеженкову обратиться прямо к президенту Академии художеств И. И. Бецкому.

Рассказав о своих злоключениях, Камеженков писал Бецкому: «Ныне же, когда в моем искусстве приобрел я лутчее знание, когда могу пользу приносить отечеству, все сие уничтожается приписанием меня к Тверской епархии... Что горестнее для благомыслящего человека как рабство». Камеженков просил «извлечь его, несчастного, из ига неволи, удручающей дарование природы и саму добродетель, и сопричесть в число тех счастливых, кои наслаждаются свободой, которая, возвышая душу, приводит в совершенства художества».

Останкинский дворец (1791—1798). Останкино — усадьба-резиденция графов Шереметевых. Деревянный оштукатуренный дворец был построен Ф. Кампорези, П. И. Аргуновым и другими архитекторами. В строительстве и украшении усадьбы участвовали десятки выдающихся русских мастеров-крепостных. С 1918 г. в Останкино работает музей творчества крепостных.

Андрей Никифорович Воронихин (1759—1814). До 1785 г. он был крепостным графа А. С. Строганова, затем отпущен на волю. Развивая принципы своих учителей В. И. Баженова, М. Ф. Казакова и других, Воронихин создал новый простой и строгий тип общественного здания, выражающий мощь и величие России.

Прасковья Ивановна Ковалева-Жемчугова (1768—1803).

Весь Совет Академии художеств обратился к архиепископу с ходатайством об освобождении Камеженкова от крепостной неволи, так как он, говорится в этом документе, «будучи в рабстве, не только не может к дальнейшим успехам простирать своего искусства, но и приобретенное им потеряет».

И что же? Крепостник-церковник неумолим. Он настойчиво требует Камеженкова в Тверь. Но так как теперь за спиной художника была Академия, дело удалось затянуть, а затем пришел на помощь новый случай.

Как-то Екатерина II прогуливалась по Эрмитажу, где в числе других художников работал и Камеженков. Он снимал копию с картины. Мастерство Камеженкова поразило царицу. Этим воспользовались друзья художника и добились от нее указа об освобождении Камеженкова от крепостной зависимости. В 1785 г. художник получил желанную свободу, а в 1791 г. бывший крепостной Е. Д. Камеженков был избран академиком живописи.

Судьба Степана Аникеевича Дегтярева была иной. Родился он в 1766 г. в курской вотчине графа Шереметева, владельца, как уже говорилось, лучшего крепостного театра. В числе других способных детей крепостных Дегтярев был привезен в Москву. Он получил прекрасное образование в театральной школе Шереметева и деятельность свою в искусстве начал оперным певцом. Для совершенствования голоса его послали в Италию. Однако разносторонне одаренный Дегтярев вскоре выдвинулся как дирижер оркестра, а славу приобрел как композитор.

Помимо всех невзгод, которые выпадали на долю крепостных, Дегтярев испытал и трагедию человека, оказавшегося в расцвете сил и таланта не у дел.

К концу XVIII в. стало проходить барское увлечение театрами. Они закрывались, а великолепные певцы, трагики, танцоры и музыканты отправлялись на конюшни, скотные дворы, в лакеи, на барщину или оброк. Распадался и театр Шереметева. Часть артистов получила от барина вольную. Неизвестно, была ли дана воля Дегтяреву или нет, но ему пришлось с женой и тремя детьми быть в услужении у некоего курского помещика. Испытывая крайнюю нужду, он не выдержал, начал пить и умер от чахотки в 1813 г., не закончив последней оратории — «Бегство Наполеона». Всего им было написано около 60 концертов, в том числе такое крупное произведение, как «Минин и Пожарский, или Освобождение Москвы в 1612 г.».

Незадолго до смерти Дегтярева его творчество получило широкое признание. По отзывам, он был человеком «большого таланта... свободно писал и выделялся по мастерству из среды даже знаменитых своих современников вроде Сарти, Панзиелло, Бортнянского, Давыдова и др.».

1811 год был годом триумфа творчества Дегтярева. В этом году, когда все чувствовали над головой тучи надвигавшейся войны с наполеоновской Францией, шла патриотическая оратория Дегтярева «Минин и Пожарский...». Говорят, что по требованию публики оратория повторялась. «Рукоплескания... сопровождали каждую пьесу оратории, разделенной на три части,— писалось в одном из отзывов.— Сия приятная новость должна составить важную эпоху в нашей отечественной музыке. Теперь остается желать, чтобы С. Дегтярев издал в свет полную партитуру оратории и тем доказал иностранным артистам, что он может стать наряду с первейшими гениями музыки...»

Оратория «Освобождение Москвы» была переведена на итальянский язык и отправлена в Италию. Это было мировым признанием таланта Дегтя-

рева. Но, увы, сам он не испытал счастья этого признания.

Судьба Прасковьи Ивановны Ковалевой (театральный псевдоним Жемчугова) могла бы считаться по тем временам блистательной. Она родилась рабыней, а умерла графиней.

Может быть, ее жизнь прошла бы незаметно, как и у большинства живших до и после нее крепостных женщин, может быть, не блеснула бы ее яркая звезда на небосклоне искусства, если бы она не обладала внешним очарованием и необыкновенным природным талантом.

Комплектуя труппы своих театров, помещики особое внимание обращали на подбор девочек. В указе Шереметева по этому поводу говорилось: «Набрать... девочек для домового театру моего, чтоб были лицом и корпусом не развращены и при том грамоте умеющих», «15—16 лет девочек, которые чтоб были из себя получше и не гнусны видом и станом, отправить в Москву».

В числе таких попала к Шереметеву и Параша Ковалева. Уже в 11 лет она стала выходить на сцену, а в 13—14 лет заняла ведущее положение среди актрис. Шереметев давал своим актрисам новые (менее «мужицкие») фамилии. Вот почему Параша стала Жемчуговой.

Величавая осанка, сильный и красивый голос, глубокое перевоплощение, особенно в трагических ролях, где она достигала потрясающего воздействия на зрителя,— все это приносило П. И. Ковалевой-Жемчуговой неизменный успех. Ее игрой восторгались искушенные театралы, какими были графские гости; театр Шереметева посещали коронованные особы. В этих, для графа особенно важных и торжественных, случаях Жемчугова выходила на сцену в наряде, который украшали драгоценности стоимостью в 100 тыс. рублей.

Богатство, слава — все было у нее, но в то же время она чувствовала себя глубоко несчастным человеком. Параша влюбилась в своего барина. Полюбил и он ее. Однако разница положений препятствовала их браку. Это глубоко оскорбляло и ранило чувствительную и тонкую натуру актрисы.

В 1798 г. он дал ей вольную, а в конце 1801 г. тайно обвенчался с ней. Священник, получивший крупную сумму за венчание, молчал. Перед венчанием дана была вольная и всей семье Ковалевых (у Прасковьи Ивановны было четыре брата и сестра, тоже актриса). Однако моральное состояние Прасковьи Ивановны с замужеством и освобождением семьи не улучшилось. Прасковья Ивановна чувствовала, что муж тяготится своим неравным браком. В этой обстановке обостряется ее болезнь — туберкулез, и в 1803 г., через 12 дней после рождения сына, она умирает. Ей было всего тридцать лет.

Лишь со смертью Прасковьи Ивановны Шереметев объявил, что она являлась его законной женой, графиней Шереметевой. Родственники были потрясены этой невероятной для них вестью.

Н. П. Шереметев устроил пышные похороны Прасковьи Ивановны, но чванливое петербургское дворянство игнорировало их. За гробом покойной шли крепостные дворовые люди.

Судьба Параши Жемчуговой — яркий пример того, насколько глубока была пропасть между барином и крепостным.

* * *

Художник, композитор, актриса. Три дивных народных таланта. Таких было много, целое созвездие имен. Среди ученых, художников, актеров, музыкантов, скульпторов, архитекторов второй половины XVIII в. часто были выходцы из народа. Им принадлежит честь и слава развития русской культуры.

МАНИФЕСТЫ ПУГАЧЕВА

Прошло полстолетия после народной войны под предводительством Емельяна Ивановича Пугачева. А. С. Пушкин, глубоко интересовавшийся жизнью и борьбой народа с угнетателями, решил написать историю этой войны. Для этого он отправился на места событий. Ему хотелось самому побывать там, где шла борьба, отыскать нужные документы, да и со стариками поговорить.

— Расскажи мне, дедушка, про Пугача,— попросил он старожила слободы Берда под Оренбургом, где находился штаб Пугачева.

— Для кого Пугач, ваша милость, а для меня царь-батюшка Петр Федорович,— с достоинством ответил Пушкину старик.

Народный царь. Эта легенда широко была распространена как в годы восстания, так и много позже. Кто ее создал? Прямо и конкретно ответить на этот вопрос нельзя, но что родилась она в самом народе, это несомненно. Легенда о «народном» царе Петре Федоровиче отразила крестьянскую жажду воли, избавления от крепостного гнета и всяких податей, их наивную веру в «хорошего царя». Кто даст возможность жить по-людски? Хороший царь! Вот таким хорошим царем и представлялся народу император Петр III. Кто же этот царь и почему именно он в глазах народа был хорошим?

Петр III, хотя и приходился внуком Петру I, родился в немецкой Голштинии, воспитывался в духе казарменного пруссачества, фанатически преклонялся перед личностью короля Пруссии Фридриха II и ненавидел народ русский и все русское.

Петр III был дворянским царем. Он издал указ о вольности дворянства. Однако факт его быстрого исчезновения с престола (он и года не правил) породил в народе слух о том, что дворяне свергли его за желание дать волю будто бы и народу. Вот оно, счастье-то, оказывается, было совсем рядом! Не хотелось верить, что это счастье и в самом деле миновало народ. Появился слух о спасении царя, который где-то скитается и скоро объявится. И Петр III объявился. Самозванцев было много, но лишь один из них сумел встать во главе народа. Это был донской казак Емельян Иванович Пугачев, решивший в роли царя выступить защитником народа.

Заметили, что все крестьянские вожди прикрывались именем царя? И. И. Болотников выступал как воевода царя, С. Т. Разин говорил, что на его стругах плывут царевич и патриарх, а вот Е. И. Пугачев уже сам царем объявился. Тогда была сильной вера в царя. Плохо, тяжело живется — крестьянин ждет, что с приходом нового царя все изменится к лучшему. Его вожди хорошо знали эти надежды крестьян. Другой идеи, способной поднять крестьян на борьбу, тогда еще не было. Идея доброго царя жила в народе и широко пропагандировалась во время восстаний.

Один из полковников Пугачева, обращаясь к жителям Челябинска, писал, что дворянство «премногощедрого отца отечества, великого государя Петра Федоровича за то, что он соизволил при вступлении своем на престол о крестьянах указать, чтоб у дворян их не было во владении... изгнали всяким неправедным наведением, и так через то принужденным нашелся одиннадцать лет отец наш странствовать, а мы, бедные люди, оставались сиротами». Полковник Пугачева, как видим, поддерживал легенду о добром царе, изгнанном дворянами за намерение его дать волю крестьянам.

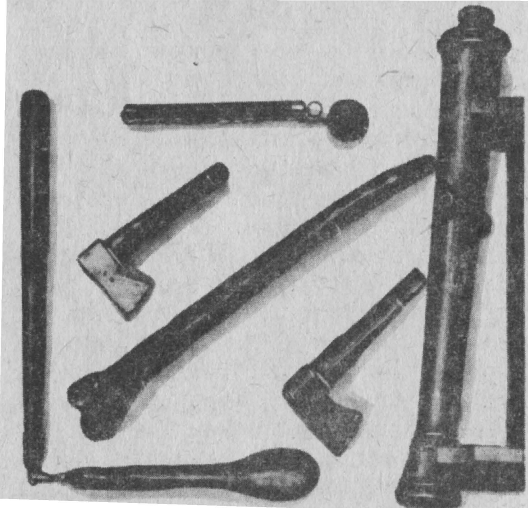
Использовав имя Петра III для придания «законности» своему выступлению во главе масс, Пугачев начал

борьбу против помещиков и царских властей.

Это и нашло отражение в его манифестах и указах. Сохранились они далеко не все, но и те, что дошли до нас, говорят о многом. Знакомство с содержанием указов и манифестов позволяет нам узнать, на кого Пугачев опирался в своей борьбе, интересы какого класса он выражал и как думал устроить будущее России и народа.

Пугачев придавал большое значение распространению своих манифестов. Он приказывал снимать с манифестов копии и пересылать их «из города в город, из крепости в крепость». Это способствовало расширению восстания. Пугачева заметно волновало, верит ли народ в то, что он — Петр III. Ведь Екатерина II не только послала против Пугачева войска, но и стремилась разоблачить его как самозванца. Вот почему уже в первых манифестах 1773 г. Пугачев старался укрепить веру народа в подлинность своего императорства. В конце сентября Пугачев писал в связи с этим: «По-

«История Пугачевского бунта» А. С. Пушкина. Книга великого поэта, ставшего также одним из родоначальников русской исторической науки, вышла в 1834 г. Этот первоклассный исторический труд заканчивался словами: «Народ живо еще помнит кровавую пору, которую так выразительно прозвал он пугачевщиной».

Портрет Е. И. Пугачева, закованного в кандалы. Сделан неизвестным художником с натуры в Симбирске в октябре 1774 г. по заказу главнокомандующего правительственными войсками П. И. Панина.

Оружие восставших крестьян.

веления мои послушайте и исполните. А что точно ваш государь сам едет, с усердием вашим для смотрения моего светлого лица встречу выезжайте». Несколько указов неизменно начинались со слов о том, что он, Петр III, «общего покоя всероссийского и по всем правам принадлежащего престола» лишен был; или: «Слушайте! Подлинно мы государь!»

Конечно, сами по себе эти словесные заверения ничего бы не значили, если бы в манифестах и указах Пугачева угнетенные массы не находили отражения своих чаяний. Зная из посланий Екатерины II, что под именем Петра III выступает донской казак Е. И. Пугачев, в народе тем не менее говорили: «Хотя бы Пугачев-батюшка пришел, мы бы все своими головами к нему пошли».

В первое время программа Пугачева была проста. Уральских казаков он жаловал «рякою с вершин и до устья и землею, и травами, и денежным жалованьем, и свинцом, и порохом, и хлебным провиантом». То же самое он обещал и «киргизскому войску»: землю, воды и травы, ружья и провиант, реки и соль, хлеб и свинец, одежду и обувь. Не забывал он жаловать нерусские народы их верой и законом. Присоединившихся к нему раскольников (старообрядцев) жаловал «крестом и бородою». Когда же к началу зимы восстание охватило весь юг Урала и Зауралье, огромные просторы левобережья Волги, Камы и Западный Казахстан, манифесты Пугачева принимают все более и более ярко выраженный антифеодальный характер. В манифесте 17 октября 1773 г., обращаясь к работным людям уральского завода, Пугачев обещает участникам движения «вольность». В указе от 1 декабря 1773 г. он жалует своих сторонников «землею, рыбными ловлями, лесом, бортями, бобровыми гонами и протчими угодьями, также вольностью». Сверх того, крестьянский вождь объявлял, что снимает с тех, кто ему верой и правдой служит, всякое «отягощение». Далее Пугачев писал: «А если кто не будет на сие мое воздаваемое милосердие смотреть, яко то: помещики и вотчинники, тех, как сущих преступников закона и общего покоя, злодеев и противников против воли моей императорской, лишать их всей жизни, то есть казнить смертью, а домы и все их имение брать себе в награждение».

В июле 1774 г. восстание достигло наивысшего подъема.

31 июля Пугачев обнародовал следующий манифест: «Жалуем сим имянным указом с монаршим и отеческим нашим милосердием всех, находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственной нашей короне и награждаем древним крестом и молитвою, головами и бородами, волностью и свободой и вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и протчих денежных податей, владением землями, лесными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями, и соляными озерами без покупки и без оброку и освобождаем всех прежде чинимых от злодеев и дворян и градцких мздоимцев-судей крестьянам и всему народу налагаемых податей и отягощениев... А как ныне имя наше властию всевышней десницы в России процветает, того ради повелеваем сим нашим имянным указом: кои прежде были дворяне в своих поместьях и вотчинах, оных противников нашей власти и возмутителей империи и раззорителей крестьян ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами. По истреблении которых противников и злодеев-дворян, всякой может восчувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжаться будет».

В этом документе, как видим, объявлялось о ликвидации крепостной неволи, о передаче помещичьей земли крестьянам без всякого выкупа и обязательств, освобождении крестьян от рекрутской (военной) повинности, отмене самого обременительного для трудящихся налога — подушной подати и всех других податей, народ призывался к истреблению своих классовых врагов — дворян. Несколько туманно представлено будущее политическое устройство страны. Пугачев жалует «вольностью и свободой и вечно казаками». Значит, после победы восстания Пугачев думал ввести в государстве казацкую организацию управления, когда население станиц, сел, деревень и городов «на кругу» (общих собраниях) выбирало бы своих вольных атаманов и старшин. При этом воображению Пугачева рисовалось время такого счастливого правления, когда «всякий может восчувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжаться будет».

Если теперь оглянуться назад и проследить за содержанием манифестов с начала движения до июля 1774 г. (наивысший подъем восстания), мы увидим, как по мере разрастания крестьянской войны все более четко вырисовывались перед ее руководителями, и прежде всего Е. И. Пугачевым, задачи борьбы. В первых манифестах Пугачев обещает наградить своих сподвижников землей и водой, «бородой» и верой, свинцом и порохом, денежным жалованьем и хлебным провиантом. Здесь еще не выражена антифеодальная сущность движения, не говорится, чья будет жалуемая земля. Но стремительный размах народной борьбы вскоре позволил Пугачеву глубже понять суть движения, во главе которого он стоял.

В последующих манифестах появляется требование свободы (вольности), избавления народа от всяческого «отягощения», т. е. поборов, повинностей и т. п. Четче всего антифеодальные требования восставших выражены в манифесте от 31 июля 1774 г. Слова манифеста о вольности и свободе, о ликвидации всех податей и повинностей вместе с ликвидацией самого господствующего класса феодалов, о тишине и спокойной жизни народа «до века» отразили самые насущные нужды крестьянских масс. Но следует помнить, что воззрения Пугачева и его сподвижников на конечные цели восстания не шли дальше наивных представлений народных масс о возможности построения крестьянско-казацкого государства во главе со справедливым «мужицким» царем.

БАТЫР БАШКИРСКОГО НАРОДА[1]

«Горизонт постепенно заволакивался тучами... Тучи надвигались все ближе и ближе, в воздухе уже стояла духота как перед грозою. Чувствуется, как что-то неслышно подходит... Как из земли вырос, встал Пугачев перед Яицким городком, а в Башкирии явился Салават» — так иносказательно изображал обстановку перед Крестьянской войной 1773—1775 гг. писатель прошлого века Ф. Нефедов.

...Тяжело приходилось трудовому люду. Страдало от непосильного гнета и нерусское население страны, в том числе башкиры. Неудивительно поэтому, что слух о Петре III в Башкирии стал распространяться задолго до появления Пугачева. Когда Пугачев выступил под именем Петра III, к нему подались многие башкиры. С. Т. Котельников, крепостной рабочий одного из уральских заводов, на допросе рас-

[1] *Батыр* (богатырь, силач, храбрец) — почетное звание, дававшееся за воинские подвиги.

сказывал, что ему приходилось слышать от башкир о царе — Пугачеве: «Подлинно государь Петр III, а не злодей Пугачев восходит по-прежнему на царство; быв он по своему государству и разведывал тайно обиды и отягощения крестьянства от бояр и заводчиков, и еще было-де, хотел он три года о себе не дать знать, что жив, но не мог претерпеть народного разорения и тягости и принужден себя объявить».

Народ Башкирии, другие народы Урала и Поволжья, крепостное крестьянство страны видели в Пугачеве царя-заступника, царя-избавителя. Уже в конце сентября 1773 г., первого месяца своего выступления, Пугачев обратился со специальным манифестом и к башкирскому народу, в котором призывал поддержать его.

Одним из первых примкнул к Пугачеву башкир Кинзя Арсланов, а вскоре в лагерь восставших привел свой отряд и Салават Юлаев, выдающийся борец за свободу своего народа.

Салават родился в 1754 г. в горном ауле Юлаеве Сибирской дороги (административная единица Башкирии) Уфимской провинции. Отец его, Юлай Азналин, был человеком богатым и являлся выборным старшиной. Умный и влиятельный, Юлай пользовался авторитетом в народе.

Салават учился в башкирской школе, горячо любил отца и мать, рос удалым и храбрым. Небольшой ростом, но коренастый, он не знал равных себе по силе и ловкости, был лучшим наездником, стрелком и охотником.

В народной песне о Салавате-подростке есть такие слова:

Сколько лет Салавату?
На голове его зеленая шапка: он батыр.
Но если ты хочешь знать о летах Салавата,
То ему всего четырнадцать...

Природа не поскупилась наградить Салавата и поэтическим даром. Вот он, очарованный видом гор, запел о красоте и величии Урала:

Урал мой благодатный!
Я хочу петь про тебя песню
И славить величие твоей красоты.
Когда я гляжу на тебя,
Я сознаю все могущество бога
И его дивные дела.
Урал! Твои чудные вершины
Поднимаются высоко и касаются небес.
Ночью, когда проснется месяц
И окинет взором землю,
Твои вершины светят чистым серебром;
Когда солнце встанет
И озарит лучами землю,
Твои вершины золотятся и огнем горят.
Везде, куда ни взглянешь,
Горы и леса,
Широким ковром расстилается зеленая степь,
Вся украшенная цветами...
Ах, Урал! Я пою про тебя,
Но у меня нет слов... воспеть тебя...
Нет, видно, моя песня будет песня без конца!

Глубоким лирическим чувством проникнута песня Салавата, обращенная к любимой:

...Если бы ты знала, какой любовью
Горит к тебе мое сердце!
В твоих глазах я вижу то кроткое небо,
Усеянное звездами и с красавицей луной,
То океан неизмеримый и глубокий...
В котором отразился сам рай...
Зюлейка! Я так люблю тебя,
Но как — не умею сказать!

Но вот настал момент борьбы. Царское правительство сразу с начала пугачевского выступления разослало по всей стране специально размноженный печатный манифест, в котором спешило разоблачить Пугачева как самозванца и требовало организовать против него поход.

Уфимская провинциальная канцелярия послала этот указ и старшине Юлаю Азналину, потребовав от него немедленно выделить отряд башкир для помощи осажденному Оренбургу. Старшина не смел ослушаться и, собрав 95 человек, под командованием своего сына Салавата отправил его, как того требовали власти, к Стерлитамакской пристани под начальство командира Богданова. «Ехал до оной

пристани,— показывал на следствии Салават,— пятнадцать дней и, по приезде в оную, явился с командою своею у того Богданова».

Генерал Кар, назначенный главнокомандующим в борьбе с восставшими, приказал Богданову направить новобранцев на соединение с ним к деревне Биккуловой. Но башкирские отряды и не собирались выполнять приказ генерала. Они верили Пугачеву и решили идти к нему. Когда Салават и присоединившийся к нему другой отряд башкир подходил к деревне, их неожиданно встретили 2 тыс. пугачевцев. Салават выхватил саблю и, прикрепив к ней белый лоскут, поскакал к пугачевцам. Он доложил, что сам желает служить государю Петру III и привел с собой больше 2 тыс. его верных слуг.

После этого отряд башкир влился в пугачевскую армию и действовал под Оренбургом. Салават стал ближайшим соратником Пугачева. Своим мужеством, распорядительностью он завоевал симпатию и доверие крестьянского вождя. Пугачев по достоинству оценил полководческие способности Салавата — присвоил ему звание полковника. Это было сделано «по просьбе... бывших в его команде башкирцев», т. е. башкир, подчиненных Салавату.

О доверии Пугачева к Салавату уже на первом этапе крестьянской войны свидетельствует и такой факт. Юлаев был послан в Башкирию поднимать на восстание башкир родной ему стороны — Сибирской дороги.

В ноябре 1773 г. к восстанию присоединился отец Салавата Юлай Азналин. Когда Салават прибыл в родные места, верные властям башкирские старшины хотели схватить его и выдать. Особенно усердствовали три брата Аптраковы. Однако Салавата и его сторонников поддержало большинство местного населения, Аптраковы были убиты.

— Так будет со всеми государевыми ослушниками! — сказал Салават. То же самое гласили его письма, разосланные по всей Башкирии. Но у повстанцев было гораздо больше друзей, чем врагов. Внимая пламенным призывам Салавата и Юлая, население Башкирии поднималось на борьбу против угнетателей. По свидетельству генерала Деколонга, командовавшего одним из отрядов карательных войск, «башкирский народ генерально взбунтовался и сущим неприятелем сделался». Присоединилось к Салавату и русское подневольное население Башкирии.

— Мы теперь вольные каза́чки! — восклицали радостные и гордые свободой крепостные крестьянки.

Салават и Юлай запретили трогать и разрушать христианские церкви. Не религиозное, а классовое сознание руководило вождями башкирского народа. Они стремились сблизить мусульманское и христианское по вере население Башкирии.

С каждым днем пополнялось войско Салавата, успешно формировались повстанческие отряды. Начались боевые действия. 25 декабря при поддержке Ивана Басова Салават овладел Сарапулом и, оставив там Басова «для управления», сам направился к Красноуфимску. В начале 1774 г. город без боя сдался ему и подошедшему на помощь со своими силами Канзафару Усаеву.

Некоторое время Салават оставался в Красноуфимске и проводил здесь важную работу по налаживанию управления городом. Вот одно из его распоряжений по этому поводу: «По указу его величества государя императора Петра Федоровича, самодержца всероссийского, и прочая, и прочая, и прочая.

Дан сей от армии его императорского величества походного полковника Салавата Юлаева, приклонившего-

ся с ревностью его императорскому величеству к верноподданнической службе».

Далее говорилось о назначении Макара Иванова, человека «к службе доброжелательного, а при том и состояния доброго и трезвого», атаманом Красноуфимска, «коему в помощь дан есаул Матвей Чигвинцев». Как видим, в соответствии с манифестами Пугачева восставшие вводили самоуправление по казацкому типу.

В распоряжении указывалось, что, поскольку Иванов и Чигвинцев поставлены «по высочайшей от его императорского величества милости», им должно быть оказано во всем беспрекословное повиновение «под опасением за неисполнение тягчайшего штрафа».

Таким образом, устанавливался твердый порядок новой власти. Каков же характер этой власти?

«Напротиву ж того и вам, атаману Иванову и есаулу Чигвинцову,— писал Салават,— подтверждается равным образом со здешними гражданами поступать добропорядочно: обор, притеснений и налог ни под каким видом не чинить, ко всяткам (взяткам) не касаться. Если же, паче чаяния, с коейлибо стороны будет на его императорское величество бунт или другое что, то всевозможно стараться до последней капли крови охранить и оборонять. Как о сем, так и о состоянии команды почасту меня рапортовать. В случае же и вашей оплошности и нерачительности, не минуете и вы по состоянию дела смертной казни...

Полковник Салават Юлаев
Есаул Абдрешит Чекаев
Выборный и переводчик капрал
Адил Бигашев
Походный полковой писарь
Петр Лутохин»

Приведенный документ свидетельствует о попытках установления сподвижником Пугачева Салаватом Юлаевым власти, отвечающей интересам народа. Народ объявлялся свободным от каких бы то ни было податей.

Новая власть должна была беспощадно и решительно подавлять малейшее проявление бунта против «законного» царя Петра III.

После Красноуфимска Салават Юлаев, Канзафар Усаев и назначенный Чикой Зарубиным «главным российских и азиатских войск предводителем» казак И. С. Кузнецов безуспешно пытались взять Кунгур. Салават Юлаев был ранен, и ему пришлось уехать домой лечиться.

В дальнейшем Салават снова набрал отряд и участвовал во многих сражениях с регулярными войсками. Он то ускользал от них, то смело кидался в бой. Об одном таком бое сообщал в своем рапорте подполковник Михельсон, главный преследователь Салавата, а затем и самого Пугачева. «Мы нашли такое сопротивление,— рапортовал Михельсон,— какого не ожидали: злодеи, не уважая нашу атаку, прямо пошли нам на встречу; однако, помощию божию, по немалом от них сопротивлении были обращены в бег».

Весной 1774 г. с небольшими силами направился в Башкирию и сам Пугачев. Он шел на соединение с Салаватом. 2 июня в деревне Верхние Киги они встретились. Пугачев очень обрадовался, найдя под командой Салавата боеспособный отряд башкир.

На следствии Пугачев говорил, что он «пришел в башкирские селения, нашел на конях башкирцев до трех тысяч человек» под командованием Салавата Юлаева. Салават же тогда ответил ему:

— Это стоит наше башкирское войско, и мы дожидаемся вашего величества.

За то, что Салават в тяжелейших условиях борьбы с регулярными войсками сумел сохранить значительные

силы, Пугачев присвоил ему звание бригадира, что по тогдашним соотношениям рангов значило среднее между полковником и генералом.

Хотя Пугачев соединился с Салаватом Юлаевым, Михельсон дважды одержал победу над повстанческим войском. Понеся значительные потери, оно отступило к городу Оса. По пути Салават вновь овладел Красноуфимском, Бирском, а затем оказал Пугачеву помощь при штурме Осы.

Получив ранение в ногу, Салават опять едет лечиться в родные края, а Пугачев устремляется к Казани. Возможно, Пугачев сознательно оставил Салавата Юлаева в Башкирии — нужно было не дать погаснуть здесь пламени восстания и одновременно сковать действия карательных отрядов в тылу. Канзафар Усаев показывал следователям, что Пугачев специально послал его в Башкирию «возмутить спокойно живущий народ» и для «набрания толп». Но для этой цели еще более подходил Салават Юлаев.

Во второй половине июля отряд Салавата возобновил боевые действия против карательных войск. Восстание разгорелось с новой силой. Оставшийся верным властям старшина-башкир Кулей Балтачев так отзывался о действиях Салавата в этот период: «Когда уже злодей Пугачев был пойман и находился под караулом, а потом и все тамошние селения пришли уже в должное повиновение, то и тогда оный Салават от произведения своего злодейства не отказался, а, набрав подобных себе бездельников, чинил разорения, столь громкие, что имя его, Салавата, в тамошних местах везде слышно было, а посему для поимки его и посланы были военные команды, с которыми он неоднократно сражался».

Этот старшина, как и другие старшины, оставшиеся на стороне правительства, питал злобную ненависть к Салавату, но все же и он вынужден был признать огромный успех народного вождя, теперь возглавившего восстание во всей Башкирии. Лето и осень местные феодалы-башкиры жили в страхе перед Салаватом. В письме, адресованном царскому полковнику И. К. Рылееву, они просили его от имени «живущих в Елдяцкой окружности» «почетных» и «доброго состояния» людей не уходить со своей командой, «не приведя народ в хороший порядок», иначе дома и дети их «приведены будут в сущее разорение».

Документы свидетельствуют, что и на этом этапе восстания Салават продолжал выражать интересы всего трудового народа — как башкир, так и русских. Это видно из обращения Салавата и его отца Юлая к рабочим Катавского завода, администрация и хозяева которого возглавили борьбу против восстания в своей округе. В обращении они писали: «Если к нам в плен попадет ваш человек, мы его не убиваем и не причиняем ему увечья. Если же наш человек попадет к вам в плен, вы его арестовываете, а некоторых убиваете. Если бы в наших сердцах была злоба против вас, мы могли бы при желании захватить в плен и убивать большее число ваших людей, чем вы. Но, поскольку в наших сердцах отсутствует злоба к вам, мы их не трогаем. Нам с вами, башкирам и русским, нельзя быть вне согласия и разорять друг друга, ибо мы все верноподданные его императорского величества, государя Петра Федоровича Третьего».

В сентябре происходили упорные бои с войсками полковника Рылеева. 22 сентября полковник доносил, что он имел «прежестокое» сражение «с башкирцем Салаваткою». Полковник был поражен искусством Салавата вести бой. «Их прожект (план боя.— *В. А.*),— писал в рапорте Рылеев,— столь был сделан с их злодейскими мыслями против вверенных мне войск

вреден, которых я от такого вероломного народа никогда не воображал, однако ныне видел в настоящем деле».

Салават потерпел поражение, но победа далась Рылееву нелегко.

Правительство в это время не только усиливало военный нажим на восставших, но и широко пользовалось средствами агитации — оно во множестве рассылало по местам восстания письменные увещания, в которых «мятежники» призывались к покорности, за что им обещалась царская милость.

В конце октября 1774 г. П. С. Потемкин послал увещание к Салавату. «Покайся,— писал он ему,— признай вину свою и приди с повиновением... Уверяю тебя, что получишь тотчас прощение. Но если укоснешь еще за сим увещанием, то никакой уже пощады не ожидай».

Ни каяться, ни повиноваться властям Салават не собирался. Он мужественно продолжал борьбу и вместе с отцом старался не допустить обмана населения этими увещеваниями. Когда старшины Сибирской дороги собрались «для принесения подданнического повиновения», Юлай их «разогнал и в повиновение придти не допустил».

Но положение становилось все труднее. Наседают правительственные отряды, число которых теперь в Башкирии возрастает. Кольцо окружения сжимается. И вот Салават, оставшись с небольшой группой верных ему людей, вынужден стать на лыжи и попытаться уйти лесом от преследователей.

На его поимку был послан усиленный отряд под командой поручика Лесковского. 25 ноября 1774 г. солдаты обнаружили в лесу Салавата и схватили его. На допросе Салават признался, что «не имея уже другого средства к избавлению, укрываться намерился в лесу с тем, что как скоро услышит о приближении войска, уйти прямо лесами и горами в Киргизию, к чему все его товарищи согласны были». Пленника немедленно доставили в Уфу, где находился уже отец его Юлай. Из Уфы отца и сына отвезли в Казань для допроса в секретной комиссии П. С. Потемкина. Докладывая о поимке Салавата и своем распоряжении доставить его с отцом в Казань, Потемкин писал Екатерине II: «Третьего дня вступил ко мне рапорт о поимке и последнего уже из главных предводителей минувшего бунта, башкирца Салаватки... Оного Салаватку, как и отца его... приказал я вести под самым крепким караулом в Казань; Вашего императорского величества всеподданнейше испрашиваю повеления, что предписать о них изволите, яко конечно о самых главных башкирских народных предводителей».

Допрашивали их в Казани семь дней. Но тут последовало распоряжение Екатерины II: «Салаваток обоих прикажите привести сюда в тайную экспедицию при Сенате». Эта экспедиция находилась в Москве. Тут же был и главный палач Шешковский.

Допросы в Москве ничего не дали. И вот «по причине непризнания их (т. е. Салавата и Юлая) в причиненных ими злодействах» отца и сына для окончательного приговора отправили в Оренбург. В сопроводительной инструкции оренбургскому губернатору Рейнсдорпу давалось указание «о всех его (Салавата.— *В. А.*) злодействиях в самую точность на месте в Оренбургской губернии... исследовать и обличить... через тех людей, кои самолично свидетели были чинимых им самых бесчеловечных убийств». Когда это будет установлено, тогда повелевалось наказать Салавата «во всех тех башкирских селениях, где от него злодейства и убийства происходили, кнутом, и, наконец, в последнем из оных селений, вырвав ноздри и поставя знаки «вор и убийца», послать для употребления в тяжкую каторжную

работу вечно в Рогервик» (ныне город Палдиски Эстонской ССР).

Когда через 20 дней пути Салават и Юлай были доставлены в Оренбург, губернатор послал их отсюда в Уфу с повелением Уфимской провинциальной канцелярии провести окончательное следствие на местах событий. Чиновник Третьяков, получив задание, выехал в башкирские селения, откуда он возвратился с 200 показаниями и семнадцатью сопровождавшими его «обличителями» Салавата.

Салават тем временем сидел в одиночной камере. Хотя его старались держать в условиях строгого режима, тем не менее в его распоряжении всегда были бумага и чернила. Стремясь опередить выехавшего на следствие Третьякова, Салават написал письмо на волю и в нем предупредил, чтоб напрасно на него «не показывали, а показывали б правду... А когда напрасно... что-либо покажут, то и мы,— предупреждал он,— что знаем покажем же и сим образом друг против друга будет ответствовать. Не почитали б они того, что пришедшие в повиновение избавятся, ибо все их дела нам небезызвестны».

В то же время Салават писал, чтобы его не опасались: «Мы на живущий ныне в домах народ никаких показаний не дадим, а желаем оному благополучия».

15 июля 1775 г. губернатор утвердил приговор, согласно которому Салавата и Юлая должны были наказать кнутом. При этом они должны были получить ударов:

Юлай Азналин — на Симском заводе — 45; Катав-Ивановском — 45; Усть-Катавском — 45; в дер. Орловке — 40.

Салават Юлаев — на Симском заводе — 25; в дер. Юлаевой — 25; Красноуфимске — 25; Кунгуре — 25; Осе — 25; близ Елдяка — 25.

После наказания кнутом осужденным вырвали ноздри и поставили на лице знаки «В» (вор) и «У» (убийца).

Шли недели. Наступил конец сентября. Власти собрались отправлять осужденных на каторгу, но тут обнаружилось, что «у них ноздри и теперь уже совсем заросли, а у Юлайки,— как говорилось в рапорте,— ставленные знаки почти не видны». И снова, как и в первый раз, была произведена кровавая расправа.

Только 2 октября 1775 г. «заклейменных, в ручных и ножных железах», и сильно охраняемых Салавата и Юлая отправили в Рогервик. На дорогу им было определено по две копейки на день. К концу месяца они прибыли на каторгу.

В связи с происходившим в 80—90-е гг. крестьянским движением в Эстонии местные власти хотели выслать из Рогервика каторжан и по этому поводу приказали составить «статейный список» заключенных. Из него видно, что в 1797 г. и Юлай и Салават были живы. Отцу тогда было 75 лет, и он отмечен как очень больной человек, сын же в свои 45 лет сохранял полное здоровье.

Умер Салават Юлаев 26 сентября 1800 г.

Царское правительство, естественно, принимало все меры к тому, чтобы вытравить среди башкир всякую память о Салавате, но добиться ему своей цели не удалось. Память о народном герое сохранилась. О нем слагали легенды, пели песни. Салават представлялся в них как народная опора:

Локтями мы на землю опираясь,
Сгибали лук, летела вдаль стрела.
На Салават-батыра опираясь,
Свершили небывалые дела.

Пели о батыре башкирского народа и в русских селениях:

Салават наш воевал,
Три кольчуги надевал,
Порох, ядра забирал,
Сорок пушек заряжал,
Во Кунгур-город стрелял...

В 1890 г. Гариф Султанов из деревни Кадырбаш был подвергнут аресту за исполнение песни о Салавате.

Ф. Нефедов, словами которого начинался этот рассказ, передал волнующее впечатление, вызванное слышанной им в Башкирии в 80-х гг. XIX в. песней ямщика. «Ямщик,— писал Ф. Нефедов,— пел о Салавате, любимейшем башкирском герое и батыре. Невозможно передать, с каким увлечением, с какой страстью пел джигит: песня всецело завладела певцом и унесла его далеко: он забыл себя, весь мир. Своеобразен и дик напев этой песни, в ней слышались и необузданная вольность с несокрушимой энергией и отвагой, и призывный клич народного вождя. И потрясающий душу вопль отчаяния, сменяющийся глухими стонами погибающих, и переходящий в беспредельно широкое уныние. Горы и леса, внимая певцу, сотнями голосов повторяли слова песни и торжественно свидетельствовали, что они хорошо помнят Салавата».

Однако только после Великой Октябрьской социалистической революции страна получила возможность воздать должное одному из выдающихся героев прошлого за его подвиг во имя народа. Теперь именем Салавата Юлаева названы город, предприятия, колхозы, районы. Ему воздвигают памятники, о нем свободно поют песни.

ЦАРЬ ПЕСНОПЕНИЙ

Сын Армении Саят-Нова[1] — гордость Закавказья. Он слагал и пел песни на армянском, грузинском и азербайджанском языках.

Сведения о жизни великого поэта дошли до нас в легендах, редких документальных записях и автобиографических строках песен. Отец великого ашуга[2] Закавказья Карапет Саядян был родом из северного торгового города Сирии Алеппо. Странствуя, он оказался в Тбилиси и здесь женился. В 1712 г. у него родился сын Арутюн. Когда мальчику шел двенадцатый год, его отдали учиться ткацкому ремеслу. Одновременно он учился грамоте. В том и другом Арутюн проявил большие способности. По преданию, он будто бы так овладел ткачеством, что даже усовершенствовал станок, на котором работал. Тогда же мальчик изучил несколько языков.

Однако особой страстью Арутюна были песни ашугов. «В те времена,— читаем мы в одной из кратких биографий Саят-Новы,— в селах и городах ашуги часто состязались меж собой в искусстве поэтической импровизации... Один ашуг пел, аккомпанируя себе на инструменте, и в песне задавал противнику какой-нибудь вопрос, а тот отвечал ему также песней. Когда ашуг был уже не в состоянии задать вопрос или ответить на него, он считался побежденным». Очень любил эти состязания ашугов Саят-Нова. Сам он писал о себе, что с отрочества до тридцати лет с рвением и старанием изучал всякие песни и овладевал мастерством игры на чианури, чонгури и амбре[3].

А вот стихотворные строки, несколько уточняющие этапы развития поэтического дарования Саят-Новы:

Когда мне стало лет семнадцать — еще ашугом не был я,
Когда мне стало девятнадцать — Абаш и Инд увидел я[4].

[1] Подлинное имя поэта — Арутюн Саядян. Саят-Нова — псевдоним.

[2] *Ашуг* — странствующий народный певец-исполнитель. Некоторые ашуги, как, например, Саят-Нова, были одновременно и поэтами.

[3] *Чианури, чонгури, амбра* — народные музыкальные инструменты.

[4] *Абаш* — Абиссиния, современная Эфиопия; *Инд* — Индия.

В 30-х гг. XVIII в. под властью иранского владыки Надир-шаха оказалась обширная империя от Закавказья до Инда. Собираясь в 1737 г. в поход против Индии, Надир-шах призвал в свое войско воинов всех покоренных им земель. В их числе оказался и Арутюн. Видимо, в это время он становится ашугом:

Прозвучали мои струны и печали над Ираном.
Песни люду и владыкам я певал по разным странам.

Первые песни Саят-Новы — песни печали. Его родина порабощена жестоким завоевателем, и он вместе со своим народом мечтает об ее освобождении. Не увидел поэт радости и в жизни угнетенных феодалами народов Ирана и других стран.

Его песни печали были созвучны их настроениям и мыслям.

Вскоре к Саят-Нове приходит слава. Вести о нем дошли до дворца Ираклия II, царя Кахетии. Ираклий II слыл покровителем искусств. Он пригласил Саят-Нову ко двору. «Я умел играть на сазе[1],— вспоминал впоследствии поэт.— Сочинил грузинские песни и подобрал к ним персидские мелодии. Этого до меня никто не делал. Когда царь Ираклий призвал нас, музыкантов, в меджлис (здесь — дворцовый прием.— *В. А.*), я запел по-грузински на персидский мотив. Царю это очень понравилось, и он меня наградил — даровал халат. После этого многие захотели последовать моему примеру».

Саят-Нова становится придворным поэтом. «Я,— говорил он тогда,— сазандар[2] грузинского царя, по имени Арутюн, прозванный Саят-Новой».

Передовые люди Закавказья связывали с именем Ираклия II надежды на избавление от иностранного ига. Не случайно поэтому и Саят-Нова прославляет его в своих песнях.

В то же время поэт слагает удивительно проникновенные песни о любви. У царя Ираклия была красавица сестра по имени Анна. Ее-то и полюбил поэт. Ей он посвятил много вдохновенных строк:

Я был в Абаше, я весь мир прошел до края, нежная,
Тебе подобной нет нигде, ты отблеск рая, нежная,
Ведь на тебе и холст простой — ткань парчевáя, нежная,
Недаром все творят хвалу, тебя встречая, нежная...
Ты драгоценна вся насквозь, твоя сверкает красота,
Весна твоих густых волос янтарной нитью повита.
Глаза — два кубка золотых, граненых чашечек чета,
Ресницы — строем острых стрел разят, пронзая, нежная...

Как соловей, томилась ты.
Как роза, распустилась ты.
Водой из роз омылась ты...
Ты светишь солнцем и луной.
Я по тебе томлюсь тоской.
Ты носишь пояс золотой,
Ах, золотой!..
О мне заплачет и скала.
Какие ты творишь дела!
Саят-Нову с ума свела,
С ума свела.

Попав ко двору царя, Саят-Нова оказался в кругу чуждой ему феодальной знати. Завистникам удалось восстановить царя и его сестру против Саят-Новы.

В 1752 г. поэт был изгнан разгневанным царем, но тот еще не утратил веры в своего благодетеля, считал возможным возвращение к нему. Боль обиды, унижения и в то же время надежда на то, что царь поймет поэта,— все это ярко выражено в таких стихах:

Твоему суду сердце будет радо,
Ты — пресветлый царь, Грузии услада.
Люди говорят — я, мол, их досада,
Мусор я дрянной, кладезь, полный яда,
Мол, не обессудь — высказаться надо.
Неженат живу — где искать привета?
Я — мужик: толкнут — и не ждут ответа;

[1] *Саз* — струнный музыкальный инструмент.
[2] *Сазандар* — музыкант-исполнитель.

Вот я целью стал для насмешек света;
Сердце я раскрыл — молвят мне на это:
«Холм бесплодный ты меж грядами сада!»
Я царю предстал в чистом облаченье,
Саза моего чуя нетерпенье,—
Мне б грузинских слов позабыть значенье! —
Прочь меня прогнал царь в ожесточенье:
«Грязный войлок ты, поношенье взгляда!»
Сказано: гора встретится с горою.
Боже, будь твоя милость надо мною!
Неужели я и суда не стою?
Лучше бы казнил царскою рукою —
Ты, наставник мой, ты, моя отрада.
Грудь мне сокруши — все равно я вскоре
Возвращусь к тебе с жалобой во взоре...
Пой, Саят-Нова, пой, лелея горе!
Горе да беда — вот твоя награда.

Первое удаление Саят-Новы от двора было недолгим, однако вскоре последовало второе, более продолжительное. Примерно в середине 60-х гг. наступил окончательный разрыв. Саят-Нова пишет, обращаясь к Ираклию II:

Злобным быть, как иной, не хочу совсем,
Пышной жизни мирской не хочу совсем,
Мстить вам речью дурной не хочу совсем,
Честь забыть хоть порой — не хочу совсем,
Князем быть, смерд простой, не хочу совсем.
Отойди, чашей кровь ты мою не лей:
Люди знают, что я поценней камней.
Как обычай велит, я в руке твоей,
Ты в атласах меня да в шелках лелей,
Рясы с черной каймой не хочу совсем...
Хлеб и соль есть с тобой не хочу совсем!

В этом стихотворении перед нами предстает благородный образ поэта, чуждого злобы, мести и в то же время гордого честью простого человека, звание которого для него выше княжеского. Слова «Рясы с черной каймой не хочу совсем» говорят о том, что поэта насильно стремились постричь в монахи.

Изменила отношение к Саят-Нове и его возлюбленная. Красавице льстили песни, которые ей посвящал ашуг, и она относилась к нему благосклонно, но когда придворное общество отвернулось от поэта, Анна тоже не пожелала его больше знать. И вот зазвучали песни-рыдания:

...Ты меч напрасно занесла: обезоружен я стою,
Зачем ты причинила боль рыдающему соловью?..
Казнив беднягу без вины, ты славу думаешь снискать?
Иль достоянием своим считаешь голову мою?..

Поэт в первое время еще надеялся вернуть себе расположение Анны. Он пишет в новом стихотворении:

...Зачем отринула того, кто жалок, немощен и слаб?
Не обижай меня, я сам горю на медленном огне.
Не двоедушен я, поверь, коварство не по сердцу мне.
Я — соловей, Саят-Нова! Открой же, роза, дверцу мне —
В златую клетку...

Когда оказались тщетными все старания убедить царя и возлюбленную в том, что его оклеветали злые люди, Саят-Нова говорит: «Меня дворцы не слышат», «я в Грузии, среди князей, напрасно жизнь растрачу». Ему становится ясным, что «один срывает розу в жизни, шипы другой».

Поэт гордится тем, что, оказавшись в лживом придворном мире, он «сохранил достоинство, изведав бед немало», тем, что всегда был и остался «слугой народа». Его вера в силу народа выражена в словах:

Кто сердцем благороден, душой высок,
Сорвет, воспрянув гордо, оковы с ног!

Поэт знает, что народ не забудет своего поэта и певца:

Благословен строитель, возведший мост!
С ним камень свой прохожий в лад положит.
Народу жизнь я отдал,— за это мне
Могильную плиту мой брат положит...

Как будто подводя итог своему творчеству, Саят-Нова писал:

Я лишь слуга ашугов искушенных,
Я тот, кто чтит судьбою обойденных.
И я мудрей тобой со мной сравненных,
Я тот, кто даст ученикам познанье.
Кто смел, тот людям правду скажет просто.
В душе любовь, взрастая, жаждет роста.
Бед восемьдесят у меня... нет!... до ста!
Я тот, чья жизнь и чья душа — страданье.
Беря плоды — их обаянье ведай.
Беря коралл — его названье ведай.
Саят-Нову, его созданье ведай;
Я тот, кто — свет, но кто не знал признанья.

Поэту пришлось стать священником, а затем монахом.

Гонения не сломили его.

«Нет,— восклицал он,— Саят-Нова, не раб ты с робким взглядом! И царя, пред кем все пали, ты не знаешь!»

Тем не менее поэт проникается чувством пессимизма. Размышляя о жизни, он пишет: «Мир — ничто,— мне кто-то шепчет меж ветвей», «сегодня хуже, чем вчера». У него уже «нет сил терпеть насмешек злых». И душа его «изнемогла». Забвенье суждено ашугам:

Все ушли, любовных слов не дождались,
Их сомкнулись рты, плодов не дождались.

И поэт, испытавший все муки жизни, ничего не ждет от нее и не жалеет о ней:

«Живите во благе! Ухожу и ног не поверну я вспять».

И вот Саят-Нова в монастыре. Нашел ли он свое место там? Об этом мы можем судить по стихотворению, которое передает новые настроения поэта:

Прощай, головушка! Доколе
Посмешищем служить в мирской юдоли?
Куда ни сунусь — расшибусь до боли.
Достоин я глумленья поневоле.
Кого винить мне в этом — не пойму.
Рассудок мой причиною всему!
Как в золотом ларце хрусталь граненый,
Я красовался, славой упоенный.
Теперь я говорю себе, смятенный:
«Башка твоя набита камнем, что ли?»
. . . .
Был голубем, а стал я перепелкой!
Был рисом я, а стал овсом,— что толку?
Обет я дал, стал чернецом, что толку?
Благодаря моей несчастной доле...
Пришла арба и, в счет налога, разом
Все погрузили вместе с франкским сазом.
«За что?» — спросил я. Не сморгнули глазом.
«За то, что ты лачужник!» — укололи...
Саят-Нове будь пристанью от бури.
Ходить к султанам — не в моей натуре.
Хотя и деревянным чианури,
А все ж прославлен я в родном застолье!
Кого винить мне в этом,— не пойму,
Рассудок мой причиною всему!

О жизни Саят-Новы в монастыре сохранилось очень мало сведений. Известно, что поэт не забыл песни и там. В одной из биографий Саят-Новы передается любопытный рассказ о посещении поэта духовным лицом Ионой Хелашвили. «Хозяин,— пишет биограф,— угощал гостя обедом и вином и в середине пира снял со стены висевший на ней чонгури, начал играть и петь:

Уж не рис — ячмень я! Вижу со страхом:
Стал дроздом, взлетел же голубя взмахом.
Для чего, скажи мне, стал я монахом?
Знать от злой судьбины все пошло прахом.

Когда Иона Хелашвили заметил Саят-Нове, что, поскольку он отрекся от мира, подобало бы ему отказаться и от чонгури и песен, Саят-Нова заявил:

— То же говорил мне и мой игумен. Но я поставил условие, что, пока струны на моем сазе целы и не оборвались, я от них не откажусь. Когда меня постригали в иноки, эти струны оказались у меня в кармане и были освящены со мною вместе, так что я играю на освященных струнах.

О том, что Саят-Нова оставался поэтом, что не угас в нем великий дар ашуга, рассказывает и первый издатель его стихов Г. Ахвердян. По его словам, узнав, что в Тбилиси прибыл из Ирана прославленный ашуг и вызвал всех местных ашугов на соревнование, Саят-Нова, несмотря на сильный снегопад и метель, тайно исчез из монастыря и отправился на состязание. Бегство его, однако, было обнаружено. За ним снарядили погоню, но, когда монахи прибыли в Тбилиси, Саят-Нова уже был победителем.

В 1795 г. в Закавказье вторглись полчища иранского шаха Ага-Мохаммед-хана. Полный патриотических чувств, Саят-Нова отправляется в Тбилиси. «Я родился здесь, здесь же хочу и умереть в бою против врага!» — писал он царю Ираклию.

В городе уже хозяйничали иранцы.

Враги не пощадили великого ашуга: он был схвачен в церкви и убит.

Долго литературное наследие Саят-Новы хранилось в народной памяти. Часть стихов-песен поэт записал при жизни в «книгу» («давтар»). Книга находилась у родственников поэта. В середине XIX в. творческим наследием Саят-Новы заинтересовался Геворг Ахвердян. Он стал собирать его стихи, документы, легенды о нем. Ему и досталась в подарок от внука поэта, Мовсеса Саядяна, тетрадь со стихами Саят-Новы. В 1852 г. Ахвердян опубликовал в Москве армянские стихи Саят-Новы. Годом раньше, по сведениям, полученным от Г. Ахвердяна, о Саят-Нове написал статью в газете «Кавказ» русский поэт Я. П. Полонский. Так впервые о Саят-Нове заговорила печать, впервые его великие творения увидели свет.

15 мая 1914 г. в Тбилиси был открыт памятник Саят-Нове (на месте его гибели). На мраморе памятника высечены строки Саят-Новы:

Не всем мой ключ гремучий пить:
Особый вкус ручьев моих.
Не всем мои писанья чтить:
Особый смысл у слов моих.
Не верь: меня легко свалить,—
Гранитна твердь основ моих.

Волнующим было открытие памятника. Тысячи людей участвовали в этом знаменательном событии. У каждого в петлице любимая поэтом алая роза. Присутствовал на торжестве и Иосиф Грушашвили. Юный поэт решил отыскать и опубликовать грузинские песни Саят-Новы. Четыре года напряженной работы, и вот в 1918 г. с предисловием Грушашвили грузинские песни Саят-Новы выходят в свет.

После этого долго оставались неизданными азербайджанские песни поэта, но в 1945 г. и они стали появляться в печати.

В советское время широкое издание и изучение творческого наследия Саят-Новы привело как бы ко второму рождению великого ашуга. Его имя стало всемирно известным и признанным. В 1963 г., по решению Всемирного Совета Мира, было отмечено 250-летие со дня рождения Саят-Новы.

ПОТЕМКИНСКИЕ ДЕРЕВНИ

Иногда мы слышим ироническое выражение «потемкинские деревни». Что это за деревни, почему они называются потемкинскими и почему о них говорят с иронией? Для ответа на эти вопросы мы должны обратиться к истории царствования Екатерины II.

В 1776 г. Екатерина II назначила своего фаворита Г. А. Потемкина новороссийским, азовским и астраханским генерал-губернатором. В 1783 г. он успешно осуществил проект присоединения Крыма к России, за что был пожалован императрицей титулом светлейшего князя Таврического.

Накануне войны с Турцией 1787—1791 гг. Потемкин по поручению Екатерины II провел ряд важных мероприятий по реорганизации армии, созданию Черноморского флота и укреплению южных границ Российского государства. Под его руководством проходило заселение пустынных южных территорий страны, строительство дорог, основание новых городов. Им был представлен царице план на случай военных действий с Турцией. В октябре 1786 г., полагая, что война с Турцией в ближайшее время неизбежна, Екатерина II писала Потемкину: «С особенным удовольствием приемлем мы план, вами начертанный... вверив вам главное начальство над армией, даем вам полную власть и разрешение распространить все поиски, кои к пользе дела и к славе оружия нашего служить могут».

Особое положение Потемкина при дворе вызвало зависть у многих при-

ближенных Екатерины II. Недоброжелатели стали распускать слухи, что Потемкин ведет дела во вверенных ему губерниях и в армии из рук вон плохо. Жил он на широкую ногу. Получая жалованья 20 тыс. рублей в месяц, имея бесплатный роскошный стол и экипаж, он ухитрялся тем не менее делать немалые долги, которые оплачивались за счет казны. Нетрудно было поверить, что и средства, отпускаемые на нужды южных губерний, шли на пиры и разного рода увеселения светлейшего князя. Недруги Потемкина говорили, что Екатерина II решила проверить, так ли это, и на лето 1787 г. назначила поездку в Крым. Сама Екатерина II в беседе с сопровождавшим ее в поездке французским послом Сегюром свое путешествие объясняла желанием видеть людей, дать им возможность видеть себя, принимать от них жалобы и таким образом «поправить многие неудобства, злоупотребления, упущения и несправедливости».

Истинная цель путешествия царицы состояла в том, чтобы продемонстрировать перед агрессивно настроенной

Григорий Александрович Потемкин (1739—1791). Происходил из мелких смоленских дворян. В 1760 г. вместе с Н. И. Новиковым был исключен из гимназии Московского университета «за леность и нехождение в классы». Служил затем в гвардии. После сближения с Екатериной II стал всемогущим человеком в стране.

Придворное платье из шелка с золотой вышивкой и шелковыми кружевами.

Путешествие Екатерины II в Крым.

Турцией свое величие и власть над Новороссией и Крымом.

Потемкин заранее, уже в конце 1786 г., выехал на юг и развил кипучую деятельность по подготовке встречи царицы.

Заблаговременно составили и несколько раз уточнили маршрут путешествия. Было определено 76 станций от Петербурга до Киева и 35 по губерниям, управляемым Потемкиным.

Специальный указ Сената предписывал для обеспечения перевозки свиты царицы на 76 станциях до Киева сосредоточить тысячи лошадей, на каждой станции иметь столовую посуду и столовое белье. Подробно говорилось о заготовке съестных припасов. Они, писалось в указе, «должны быть нижеследующие: где назначено быть обеденным столам или ночлегам, надобно иметь в заготовлении возможных рогатых скотин на станции по три, телят, хорошо напоенных, трое, баранов 10, птиц: курей 15, гусей 15 и диких птиц сколько можно; муки крупичатой 2 пуда, сыр голландский, масла коровьего пуд, сливок 2 ведра, яиц 500, окороков 6, чаю фунт, кофе полпуда, масла прованского полдюжины, сельдей бочонок, сахару 2 пуда... вина белого и красного французских по 3 ведра, водки французской, сладкой и крепкой водки штофов по пяти, англицкого пива по 4 дюжины, лимонов 50 и служителей в хорошем одеянии...»

«Желательно,— говорилось далее в документе,— чтобы многие съестные припасы, а если можно и все, кои в хозяйствах дворянских имеются и много им стоят, не были покупаемы, да и покупать зазорно, а даны б были из домов дворянких безденежно, яко-то: волы, птицы, бараны, масло коровье, молоко, сливки, окороки, водка крепкая, мука крупичатая, телята и все подобное...» Однако не дворяне, а их крестьяне должны были обеспечить яствами стол царицы и ее многочисленных спутников. Обязанность дворян была в том, чтобы принудить крестьян нести это дополнительное и, как видим, нелегкое бремя натуральных повинностей.

Сенатский указ обязывал ближние губернии поставлять лошадей, а дальние — платить специально по этому случаю установленный налог. Нормы были такие — казенные поселяне поставляли по лошади с погонщиками от каждых тридцати человек, а монастырские и поповские крестьяне — от десяти душ; купцы и мещане — от тридцати душ. В губерниях, откуда не поставляли лошадей, налог брался деньгами. Это был очень обременительный налог для народа.

Во всех губерниях разрабатывался порядок встречи царицы. Вот что требовал от своих подвластных харьковский генерал-губернатор: все жители должны выйти навстречу в лучших одеждах. «...При проезде императорской кареты да сделают они все обыкновенный поклон, и лучшие обыватели могут поднести по обычаю их хлеб и соль, а женщины цветы, а прочие изъявят свои восхищения приличными поступками...» Губернатор обязывал выбелить дома по пути следования процессий, крыши и заборы исправить, над окнами повесить венки из трав и цветов, а двери и окна украсить сосновыми ветками. Из окон же на улицу вывесить ковры или иные дорогие украшения и закрыть ими заваленки.

Строжайше запрещалось подавать царице жалобы. За ослушание губернатор пригрозил имеющим чины отдачей навсегда в солдаты, не имеющим чинов — каторгой, публичными наказаниями или поселением в Нерчинск. Требовал он обратить внимание и на рынок. «Цены чтоб не взвинчивали, плохим товаром не торговали, чтоб торговцы были одеты опрятно».

Так местные власти стремились представить царице благополучие и

процветание управляемых ими территорий. Но более всех в этом деле преуспел Потемкин.

В Екатеринославской и Таврической (Крым) губерниях, которыми управлял Потемкин, подготовка к встрече царицы началась еще в 1784 г. Сначала он руководил работами издали, а с конца 1786 г., как уже говорилось, сам выехал на юг, побывал во всех местах, где должна была проезжать царица, и остановился в Киеве, откуда наблюдал за ходом работ.

О том, сколь грандиозны и разнообразны были эти приготовления, весьма красноречиво рассказывает перечень архивных дел: дело о фейерверке; дело о приготовлении мундиров для встречи ее императорского величества и отдании поклона; дело о путевых дворах, приготовляемых к высочайшему шествию и о покупке г. Тарановым для дворцов вещей в Москве; дело о приготовлении к освещению дорог смоляными бочками; дело о вспахивании земли по большой дороге, назначенной для высочайшего шествия; дело о делании в Перекопе триумфальных ворот; дело о наряде людей и лошадей для шествия ее величества по Таврической области; дело о делании мостов и о исправлении дорог как к высочайшему шествию, так и после того, в разных местах области Таврической; дело о счете, деланном всем издержкам, во время шествия употребленным, и т. д.

На станциях в степной местности устанавливались войлочные дворцы[1], которые изготовлялись в Донской области, а в городах воздвигались деревянные дворцы. Во дворцах содержалась большая прислуга. Так, в Бахчисарайском дворце Екатерина пользовалась услугами 188 человек. Кроме того, 300 гренадеров занимались устройством иллюминации дворца.

Уже в 1784 г. Потемкин распорядился старые дома в Крыму «поновить, и который из оных поболее, тот отделать получше для въезда ее императорского величества»; принять меры «к поправлению дорог и мостов и тому подобное». Тогда же он повелел обо всем, как идут дела, докладывать ему через каждые две недели.

С 1785 г. стали заготавливать камень и кирпич для начавшегося строительства. Например, в Бахчисарае Потемкин приказал «большую улицу, где имеет быть выезд» императрицы, «застроить хорошими домами и лавками... на манер тамошний покрывать же черепицей». У озер по распоряжению губернатора должны были открыть большие соляные магазины, «мокрые» места засадить деревьями.

Особое значение Потемкин придавал устройству садов, посадке деревьев по всему пути следования царицы. В сентябре 1786 г. Потемкин направил в Крым несколько «художников»-иностранцев — садоводов, виноделов, шелководов.

В ряде городов Турции агент Потемкина закупил семена различных цветов и деревьев, а также саженцы оливы, кедра, кипариса, шелковицы, лавра, персика, виноградных лоз и др.

Крым тех лет походил на живой муравейник. «В губерниях светлейшего князя,— писал один из подчиненных Потемкина,— все теперь в превеличайшем движении. Строение дворцов, наряд лошадей, многие другие приуготовления и собрание всех отовсюду...»

В ноябре 1786 г. Потемкин велел «приуготовить музыку турецкую ханскую, одев оную (имеются в виду музыканты.— *В. А.*) в красное платье с чалмами турецкими и с хорошею обувью». Военные портные шили мундиры для армии и штатских чинов.

Велась деятельная подготовка к

---

[1] *Войлочные дворцы* — передвижные сооружения в виде кибиток.

фейерверкам. Так, в одном месте над устройством фейерверка трудилось 10 преображенских пушкарей и 100 солдат, причем для его изготовления им потребовалось 150 пудов пороха.

В марте 1787 г. Потемкин послал в Крым из Киева 53 столяра и плотника, 16 маляров и золотильщиков для отделки дворцов. Шла расстановка подвижных дворцов-кибиток, назначались караулы: на обеденных станциях по 24 человека, на ночлежных — по 60 рядовых во главе с офицером.

По указанию Потемкина было послано распоряжение капитанам-исправникам уездов Крыма весьма любопытного содержания: «Не оставьте внушать всем сельским жителям уезда,— говорилось в нем,— чтобы каждый по своему состоянию прилежнейшее имел рачение об устроении своего домоводства и умножении хлебопашества, которое есть прямым источником богатства и благоденствия каждого поселянина. А дабы его Светлость (т. е. Потемкин.— *В. А.*), высокий наш начальник, мог с удовольствием усмотреть, что здешние жители не в празности и лености дни свои провождают, то предписуется вам приложить старание, отступя десять сажен, чтоб везде около большой дороги, назначенной для высочайшего Ее Императорского Величества шествия, все удобные места к посеянию хлеба были вспаханы и засеяны».

К 1 мая 1787 г. были готовы триумфальные ворота на Перекопе. Потемкин, старавшийся подольше задержать Екатерину II в Киеве, теперь мог с успехом разыграть подготовленное им парадное представление.

Поскольку все путешествие царицы представляет определенный интерес, кратко проследим за ним с момента выезда процессии из Зимнего дворца.

2 января 1787 г. в 11 часов утра при пушечной пальбе, колокольном звоне и большом стечении народа Екатерина II торжественно выехала из дворца. Ее огромная свита разместилась в 14 каретах и 124 санях. За этой процессией следовало 40 запасных экипажей. В числе свиты были придворные вельможи, чиновники и иностранные послы. «Быстрота санной езды,— писал французский посол Сегюр,— делала большие расстояния незаметными, а свет огромных костров на каждых 30 саженях дороги рассеивал мрак длинных ночей». Наблюдательный путешественник, восторгаясь роскошью езды и отдыха, сумел подметить и бедность сгоняемого для встречи народа. «Бедные поселяне, с заиндевевшими бородами, несмотря на холод, толпами собирались и окружали маленькие дворцы, как бы волшебной силой воздвигнутые посреди их хижин, дворцы,— писал он,— в которых веселилась свита императрицы, сидя за роскошным столом и на покойных широких диванах, не замечая ни жестокости стужи, ни бедности окрестных мест; везде находили мы теплые покои; отличные вина, редкие плоды и изысканные кушанья». И так было всюду.

Увеселительное и вместе с тем торжественное путешествие до Киева длилось немногим больше месяца. Здесь Екатерина II была встречена генерал-губернатором Румянцевым-Задунайским и его многочисленной свитой. Она поселилась в специально выстроенном для нее дворце, где начались бесконечные балы и приемы. Киев сделался как бы столицей страны.

Екатерина II писала в Петербург: «Ежедневно здесь гостей пребывает не токмо от окрестных, но и от всех подсолнечных народов... Сроду я столько не видывала, хотя привыкла видеть наций разных». «Князья имперские без счета, поляков тьма, американцы, французы, немцы, швейцарцы; на многих страницах имен их не перепишешь...»

Красочно описывал это столпотворение людей граф Сегюр: «Победо-

носная императрица, богатая и воинственная аристократия, князья и вельможи, гордые и роскошные, купцы в длинных кафтанах с огромными бородами, офицеры в различных мундирах; знаменитые донские казаки в богатом азиатском наряде и которых длинные пики, отвагу и удальство Европа узнала недавно», татары, калмыки, грузинские князья — «весь Восток собрался здесь, чтобы увидеть новую Семирамиду[1], собирающую дань удивления всех монархов Запада. Это было какое-то волшебное зрелище, где, казалось, сочеталась старина с новизной, просвещение с варварством, где бросалась в глаза противоположность нравов, лиц, одежд самых разнообразных».

Проявляя гостеприимство, Екатерина II велела многих знатных иностранцев содержать на казенный, т. е. на народный, счет. Сегюру, например, был отведен прекрасный дом, назначена разнообразная прислуга, выданы «чудесное серебро, белье, фарфоровый сервиз, прекрасные вина». «У меня,— писал он,— было все, чтобы жить роскошно».

А в стороне от этого великолепия жил в Киево-Печерском монастыре Потемкин. Довольно часто он пребывал в мрачном расположении духа и не принимал участия в увеселениях. Лишь изредка в полном парадном облачении он вдруг появлялся во дворце. Потемкин был озабочен ходом работ в его губерниях. Близилась весна, а они еще не были завершены. Когда начался ледоход, Екатерина II стала торопиться с отъездом в Крым, но Потемкин принимал все меры, чтобы подольше задержать ее в Киеве.

Все же 22 апреля императрица вместе со своей огромной свитой тронулась в путь. Несмотря на богатство и пышность жизни в Киеве, Екатерина осталась недовольна видом самого города, что и было передано губернатору Румянцеву. Герой русско-турецкой войны ответил на это: «Скажите ее Величеству, что я фельдмаршал ее войска, что мое дело брать города, а не строить их, а еще меньше их украшать».

Красочное и величественное зрелище представлял собой днепровский рейд 22 апреля 1787 г. На волнах Днепра качались выстроенные в римском стиле галеры. Поражая своими необычайными размерами и богатством убранства, они в окружении множества лодок создавали впечатление праздничной торжественности. На 80 судах разместилось до 3 тыс. человек свиты и прислуги. «Впереди,— писал Сегюр,— шли семь нарядных галер огромной величины, искусно расписанных, с множеством ловких матросов и в одинаковой одежде. Комнаты, устроенные на палубах, блистали золотом и шелками... Каждый из нас имел комнату и еще нарядный и роскошный кабинет, с покойными диванами, с чудесной кроватью под штофною занавеской и с письменным столом красного дерева. На каждой из галер была своя музыка. Множество лодок и шлюпок носилось вокруг... эскадры, которая, казалось, создана была волшебством». А волшебником этим был Потемкин. По мере того как караван судов продвигался вниз по Днепру, взорам путешественников открывались новые и новые необычные виды.

На всем протяжении водного пути по берегам толпился согнанный народ. Везде раздавались громкие возгласы приветствия. На остановках путешественники садились в лодки и совершали увеселительные прогулки.

«Порою на береговых равнинах Днепра,— писал Сегюр,— маневрировали легкие отряды казаков. Города, деревни, усадьбы, а иногда простые

[1] *Семирамида* — по легенде, воинственная царица Ассирии, которая наряду с победоносными походами прославилась и сооружением «висячих садов».

хижины так были украшены цветами, расписанными декорациями и триумфальными воротами, что вид их обманывал взор, и они представлялись какими-то дивными городами, волшебно созданными замками, великолепными садами... Когда мы подъезжали к большим городам, то перед нами на определенных местах выравнивались строем превосходные полки, блиставшие красивым оружием и богатым нарядом... Стихии, весна, природа и искусство, казалось, соединились для торжества этого могучего любимца» (Сегюр имеет в виду Потемкина).

Князь преобразился, казался исполином, способным сокрушать горы, «побеждать природу, сокращать расстояния, скрывать недостатки, обманывать зрение там, где были лишь однообразно песчаные равнины», рассеивать мрак южной ночи.

25 апреля флотилия сделала остановку в городе Каневе. Здесь Екатерину II ожидал польский король Станислав Август, ее бывший фаворит. Хотя встреча их была сдержанной, тем не менее Потемкин озарил ее необыкновенно красочным ночным фейерверком. «Когда наступила ночная темнота,— писал очевидец,— каневская гора зарделась огнями; по уступам ее была прорыта канава, наполненная горючим веществом; его зажгли, и оно казалось лавой, текущей с огнедышащей горы; сходство было тем разительнее, что на вершине горы взрыв более 100 тыс. ракет озарил воздух и удвоил свет, отразившись в водах Днепра. Флот наш тоже был великолепно освещен».

В Кременчуге Екатерину II ожидали новые сюрпризы. Для нее выстроили прекрасный дворец с английским садом, огромные деревья которого были посажены по повелению Потемкина. Сюда он собрал все дворянство губернии, купцов с разных концов страны, войска... 45 эскадронов конницы и многие пехотные полки произвели перед Екатериной захватывающие маневры. «Здесь нашла я,— писала Екатерина в Петербург,— треть конницы той, про которую некоторые незнающие люди твердили доныне, будто она лишь числится на бумаге, а в самом деле ее нет, однако же она действительно налицо и такова, как, может быть, еще никогда подобной не бывало, в чем прошу, рассказав любопытным, ссылаться на мое письмо, дабы перестали говорить неправду и отдавали справедливость усердию ко мне и империи в сем деле служащим».

В Кременчуге Потемкин окончательно торжествовал над своими недругами. «До самого Киева я могла думать,— говорила Екатерина,— что механизм администрации в моей империи испорчен; здесь же я нахожу, что он действует с полной силой». Ей казалось, что в губерниях Потемкина «все части устроены как можно лучше и порядочнее; войска, которые здесь, таковы, что даже чужестранные оные хвалят неложно; города строятся; недоимок нет. В трех же малороссийских губерниях, оттого что ничему не давано движения, недоимки простираются до миллиона, города мерзские и ничего не делается».

Недалеко от Екатеринослава Екатерину II встретил австрийский император Иосиф II. Эта встреча и дальнейшая их совместная поездка в Крым демонстрировала перед Турцией сближение России и Австрии.

После Екатеринослава начинались пороги, и дальнейшее путешествие было продолжено по суше. Прежде чем пересадить свиту Екатерины II с галер в кареты, послушаем, что говорили о картинах днепровского пути современники. В их изображении большинство приднепровских селений представляли собой «не что иное, как театральные декорации»; толпившееся по берегам население было пригнано издалека; стада скота, постоянно маячив-

шие перед глазами путешественников, пять или шесть раз ночами перегонялись с места на место; когда царице показывали амбары, она не знала, что мешки были заполнены не пшеницей, а песком. И не удивительно. «Императрице,— писал Сегюр,— показывали лишь казенные помещения, она не прогуливалась пешком и поэтому видела меньше, чем некоторые из ее спутников».

Путь от Екатеринослава до Херсона Екатерина проделала в великолепной коляске в обществе Иосифа II с Потемкиным. При въезде в город, как было заранее предусмотрено Потемкиным, народ отпряг лошадей и ввез коляску на себе. Екатерина была в восторге от города. Вот что она писала в Петербург о Херсоне: «Мы приехали в Херсон. Дитя сие не существовало восемь лет назад. Сначала проехали каменные казармы шести полков, потом повернули направо, въехали в крепость, которая за себя постоит... Внутри крепости военные строения многие окончены, некоторые приходят в отделку... повернули мы в адмиралитет, в котором все магазины и строения каменные покрыты железом. На стапеле нашли мы готовый 80-пушечный корабль, который в субботу, даст бог здоровья, на воду спустим; возле сего 66-пушечный почти готовый; возле сего фрегат 50-пушечный. Сии корабли из моего дома, из той комнаты, в которой к вам пишу, видны, и сад сего дома возле адмиралтейства и стапели...» Екатерина писала, что и «народу здесь, окромя военных, великое множество и разноязычные из большей части Европы». Письмо царицы — важный документ. С одной стороны, оно свидетельствует о большой энергии и размахе деятельности Потемкина, с другой — его умении приукрасить, создать обманчивое впечатление всеобщего процветания. Город казался многолюдным. Зная, что Екатерина остановится в Херсоне на полмесяца, Потемкин сумел согнать сюда купцов и таким образом организовать бойкую торговлю. В Херсоне собралось немало политических деятелей Европы. Ведь как-никак вместе с Екатериной находился австрийский император Иосиф II, что уже само по себе обостряло интерес европейских политиков к этому путешествию.

Из Херсона через Перекоп путь лежал в Крым. Потемкин постарался «дорогу от Казикермена до Перекопа сделать богатою рукою, чтобы не уступала римским». Я назову ее, говорил Потемкин, Екатерининский путь.

В Крыму были разыграны новые сцены тщательно подготовленного спектакля. Устраивались пышные приемы делегаций южных народов России, балы, фейерверки. Возведенные в разных местах дворцы для приема Екатерины соперничали друг с другом красотой и богатством. Великолепный вид открывался с Инкерманских высот. Здесь был сооружен дворец. Когда Екатерина в окружении свиты сидела за обедом, вдруг был отдернут занавес и открылась панорама севастопольской бухты. На рейде можно было насчитать до 40 судов,— крупных и мелких. Они салютовали императрице пушечными залпами. Все были поражены. Это грозно заговорил только что рожденный черноморский флот. Вечером севастопольский рейд, освещенный иллюминированными судами, казался сказочным видением.

Разнообразя всевозможными затеями обратный путь, Потемкин приготовил последний сюрприз в Полтаве. Здесь, на месте победы Петра I над шведами, была точь-в-точь «повторена» знаменитая полтавская битва. Отсюда Иосиф II отправился домой, а Екатерина поехала в Москву.

Путешествие Екатерины II, длившееся более полугода, обошлось очень дорого народу. Первоначально планировалось израсходовать на него 10 млн.

рублей, но в действительности истрачено было больше. Однако если все доходы казны в 1796 г. составляли 73 млн. рублей, то и сумма в 10 млн. выглядит очень внушительно.

Все показное, что устраивалось временщиками Екатерины II, а позже и другими лицами в целях скрыть действительное положение дел и изображение благополучия там, где его не было, и стало с конца XVIII в. образно именоваться «потемкинские деревни». Имя Потемкина имеет к этому самое прямое отношение. Потемкин немало сделал для заселения управляемых им южных губерний, строительства флота, армии, городов, но не меньшую известность снискали бутафорские сооружения, временные, но дорогие дворцы, строившиеся по его распоряжению, и прочая подобная «деятельность» Потемкина напоказ.

ЭПИСТОЛЯРНЫЙ[1] ЗАНАВЕС

«Крещеная собственность» — крепостные массы томились в рабской неволе. Росли барщина, оброк, налоги. В первые десять лет царствования Екатерины II — с 1762 по 1772 г. — в разных местах России произошло до 40 крупных крестьянских выступлений, а затем разразилась крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева.

Между тем Екатерина II, ища себе популярность в Европе, ведет оживленную переписку с французскими просветителями, в частности с Вольтером[2], и всячески старается представить Россию страной, где процветают науки и справедливые законы, а ее народ изобразить сытым и счастливым.

Переписка эта довольно обширна и занимательна. Между строк, представляющих собой типичную светскую болтовню, нет-нет, да и попадаются выражения, которые нельзя читать без удивления.

Вот письмо Екатерины II Вольтеру от августа 1765 г. Вспомним, что именно в этом году Екатерина II дала помещикам право ссылать своих крепостных крестьян на каторгу. «Мой девиз,— лицемерно писала она Вольтеру,— пчела, летающая с одного растения на другое и собирающая мед для отнесения в улей, с надписью: полезное». Вольтер отвечает ей изящным комплиментом:

> Польза пчелы всем известна,
> Любят ее, не меньше боятся;
> Смертным к добру она служит;
> Мед всех питает,
> Воск освещает...

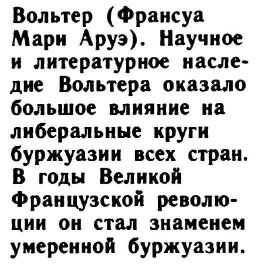
Польщенная Екатерина заверила его, что всецело отдается «своему необъятному улью», т. е. стране. В то же время красивыми жестами она умело создавала себе авторитет благодетельницы. Зная о материальных затруднениях другого великого французского просветителя — Дидро, она купила его библиотеку и постаралась придать этому факту широкую гласность. Вот-де, смотрите, во Франции Дидро доведен до нужды, а императрица России приходит ему на помощь. Вольтер приветствовал поступок Екатерины. Он писал ей: «Все ученые люди в Европе должны повергнуться к стопам Вашим». Сама же Екатерина с наигранной наивностью отвечала ему: «Никогда я не воображала, что покупкой библиотеки я могла вызвать себе столько похвалы и приветствий: я слышу это теперь со всех сторон по поводу библиотеки г. Дидро».

Наступил 1767 год. С одной стороны, Екатерина II отметила его одним из

[1] *Эпистола* (лат.) — письмо, послание.
[2] *Вольтер* (1694—1778) — великий французский просветитель, философ, писатель, публицист, историк. Выражал интересы крупной буржуазии и просвещенной монархии.

самых варварских своих законов — запрещением крестьянам жаловаться на господ под страхом отправления на каторжные работы, с другой же — объявила о созыве Комиссии для составления новых законов. Екатерина писала Вольтеру: «В июне месяце начнутся заседания этого великого собрания, которые выяснят нам, что нужно, а затем будет приступлено к выработке законов, за которые, я надеюсь, будущее человечество не наградит нас порицанием».

Вольтер (Франсуа Мари Аруэ). Научное и литературное наследие Вольтера оказало большое влияние на либеральные круги буржуазии всех стран. В годы Великой Французской революции он стал знаменем умеренной буржуазии.

Екатерина II (1729—1796). Обширная литературно-публицистическая и журнальная деятельность царицы (статьи, комедии, издание журнала, переписка) служила ее политическим задачам, стремлению к правительственной опеке над умами.

Несколько позже царица послала Вольтеру свой «Наказ», составленный специально для руководства депутатам Комиссии в их работе. Этот документ был написан ею на основании работ европейских просветителей и, в сущности, представлял собой пересказ этих работ. Екатерина хотела приобрести в глазах Вольтера и его друзей славу просвещенной правительницы. «И я,— писала она Вольтеру по поводу «Наказа»,— спешу послать его вам в рукописи, дабы вы могли лучше видеть нашу исходную точку. Я думаю, что не найдется в этом сочинении ни единой строки, которую не согласился бы охотно признать каждый честный человек».

Вольтер не замедлил рассыпать бисер похвал: «Как! государыня, в то время, когда Ваше Императорское Величество собирается бить турецкого султана, Вы находите возможным созидать еще уложение христианских законов!» Сказав далее, что он уже читает «Наказ» Екатерины II, Вольтер продолжал: «Все в нем ясно, точно, твердо, целесообразно и вполне гуманно. Будьте уверены, что в памяти потомства никто не стяжает себе большего имени, нежели Вы».

Вольтер, сочиняя это письмо в конце февраля 1769 г., не знал, что в январе этого года Екатерина перестала играть в реформатора и приказала распустить Комиссию об уложении. Вся затея с законодательством ей потребовалась лишь для того, чтобы проверить настроение различных слоев русского общества, различных сословий. Она увидела, что большинство депутатов Комиссии проявили себя вполне верноподданными и надежными крепостниками. Им хотелось лишь одного — добиться для себя побольше прав и привилегий. Таким образом, со стороны дворянства ей ничто не угрожало. Но в Комиссии несколько депутатов от дворян, солдат, крестьян и казаков говорили о недостатках крепостного права. Один из депутатов даже поднял вопрос о фактическом изъятии крепостных из-под власти помещиков. Это было опасно. Пользуясь начавшейся в 1768 г. войной с Турцией, Екатерина II прекратила общие заседания Комиссии.

«Извольте, Ваше Величество, сами судить,— писал Вольтер по этому поводу,— сколь прискорбно мне видеть, что

турки принуждают Вас откладывать миролюбивые Ваши великие предприятия для одной только войны, которая, не считая того, что, может быть, потребует великих издержек, похитит вместе с тем часть Вашего человеколюбия и Вашего времени».

Он признавался, что устраиваемые Екатериной II в стране поселения[1], «развитие всех родов искусств, создание добрых законов и терпимость (религиозная) — все это и его, Вольтера, «заветные страсти». Он пророчил ей, что и во внешней политике — в отношениях с Турцией и Польшей — она восторжествует, и на медалях, которые появятся в ее честь, будет выгравировано: «Победительнице Оттоманской империи и умиротворительнице Польши».

Ответы Вольтера льстят самолюбию Екатерины, но она жалуется ему, что не все его соотечественники верят в ее способность сделать что-либо хорошее. Императрица старается показать, что слава ее зависит не от речей льстецов, а от ее принципов и действий.

«Вы говорите, что разделяете вполне мои взгляды на то, что мною уже сделано, и принимаете участие в моих делах. Ну, так знайте же,— писала она Вольтеру,— что вопреки всем уверениям, моя прелестная Саратовская колония (поселения.— *В. А.*) достигает уже теперь до двадцати семи тысяч душ... что колонисты мирно возделывают свои поля и что целых тридцать лет им не придется платить никаких податей и повинностей».

«Надо вам заметить сверх того,— продолжала она, уповая, видимо, на крайнюю наивность адресата, существовавшую лишь в ее воображении,— что вообще наши повинности столь малы, что в России нет крестьянина, который бы не ел курицы, когда это ему угодно, а с некоторого времени в некоторых провинциях они стали даже предпочитать курицам индеек...» Ниже Екатерина писала, что «земледелие год от года увеличивается...» Тут же она сочла нужным вновь коснуться законов.

«Наша законодательная работа идет своим чередом: законы вырабатываются потихоньку. Правда, что работа эта отошла теперь на второй план, но от этого она ничего не потеряет. Вырабатываемые законоположения отличаются терпимостью (к религиям); никого они не будут ни преследовать, ни убивать, ни сжигать...»

В другом письме, как бы стараясь дорисовать все детали создаваемой ею фальшивой картины жизни в России, Екатерина писала: «Солдаты мои идут на войну с турками совершенно так, как бы они шли на свободу».

Вольтер, обладая тонким и проницательным умом, конечно же, понимал фальшь Екатерининых слов о сытости крестьян, готовности солдат умирать на войне как в борьбе за свободу. Он делает вид, что не замечает их, и в дальнейшем касается только двух вопросов — введения в России законов и победы России над Турцией. «Мне остается попросить Вас еще об одной милости, а именно: поторопиться окончить эти две великие работы, чтобы я имел удовольствие сообщить о них Петру Великому, которому я думаю скоро представиться на том свете»,— писал Вольтер в марте 1770 г. (ему было под 80 лет).

В июле 1770 г., надеясь на скорую победу в войне, которая даст возможность Екатерине II иметь время для работы над законами, Вольтер снова взялся за перо. «Эти законы,— писал он,— будут лучшими памятниками Европы и Азии, потому что в других государствах они составлялись слишком поспешно».

---

[1] Имеется в виду колония в Поволжье немцев-переселенцев, наделенных Екатериной II землей.

Время шло, а Екатерина продолжала отделываться отговорками: «Мы очень заняты войной; она нас слишком развлекает (здесь — занимает.— *В.А.*), чтобы призвать необходимое внимание к этому громадному труду». «Сознаюсь,— писала она,— что этот свод (законов), для которого еще готовится много материала, а другой уже готов, наделает мне много хлопот, прежде чем достигнет той степени совершенства, на которой я желаю его видеть».

Не окончив войны с Турцией, Екатерина II распорядилась послать войска против восставшей Речи Посполитой. Нельзя не заметить, с какой развязностью она писала Вольтеру по поводу тех французов, которые выехали туда для участия в борьбе против русских войск на стороне поляков. Екатерина II заявила Вольтеру, что у нее есть лекарство для этих французов: «Это лекарство — происхождения сибирского, с ним они познакомятся на месте. Его целебные свойства — действительны и чужды всякого шарлатанства».

Затем в переписке появляется имя Е. И. Пугачева. Боясь распространения вести о его восстании, Екатерина II в своем январском письме 1774 г. стремится представить народную войну как «шаловливую выходку» Пугачева, который «является в иных местах под именем Петра III, а в других под именем его уполномоченного». Она называла Пугачева обыкновенным разбойником с большой дороги, «который грабит Оренбургскую провинцию».

Эта нарочитая небрежность суждения Екатерины II о восстании народа под предводительством Е. И. Пугачева дала повод Вольтеру так писать в своем ответе: «Ваше Величество, по-видимому, не особенно озабочено безрассудною затеею г. Пугачева».

Однако в августе, когда самое страшное было уже позади, царица призналась Вольтеру: «Маркиз Пугачев наделал мне порядком хлопот в нынешнем году; я была принуждена в течение шести недель заниматься этим делом, и заниматься беспрерывно...»

Из переписки видно, что Вольтера интересовал вопрос, от имени кого выступал Пугачев, не являлся ли он агентом иностранной державы. Однако Екатерина II продолжала внушать Вольтеру, что Пугачев обыкновенный разбойник, самозванец, жестокий, как Тамерлан, и совсем безграмотный. Она старалась подчеркнуть, что, будучи донским казаком, он не пользовался ни малейшей поддержкой даже своего Дона и никак не был связан с ним.

Мы знаем, что после подавления крестьянской войны 1773—1775 гг. Екатерина II провела губернскую реформу. Лишь в декабре 1777 г. Вольтер получил от нее переведенный на немецкий язык текст этого закона по реформированию управления территориями страны. Губернская реформа Екатерины II сопровождалась ликвидацией Запорожской Сечи, упрочением на Дону, Урале, в Башкирии административно-полицейской власти.

Вольтер восторженно писал о реформе Екатерины II:

«Государыня, я получил вчера один из залогов Вашего бессмертия, свод Ваших законов по-немецки, которым Ваше Императорское Величество удостоило наградить меня. С сегодняшнего же утра я перевожу его на язык кельтов (французский язык); он будет переведен и по-китайски и на все языки: он сделается всемирным евангелием».

А как же «Наказ», которым «просвещенная государыня» столь пленила Вольтера? Что стало с ним? Воплотился ли он в жизнь?

Что действительно думала Екатерина II о своем «Наказе», мы узнаем из ее письма французскому писателю Гримму. Восхваляя Гримму свои законы о губерниях, она писала: «Перед этим трудом наказ мне в эту минуту

представляется пустою болтовней». Да, либеральный «Наказ» оказался пустой болтовней, а вот губернская реформа, которая усилила дворянскую диктатуру на местах, была уже конкретным и желанным делом крепостницы.

Напомним, что последняя треть XVIII в. в России — время начала разложения феодализма. В его недрах тогда стал формироваться капиталистический уклад.

В такие эпохи феодальные монархи, желая приспособиться к требованиям капитализма, вынуждены идти на уступки «духу времени», проводить отдельные реформы. Власть королей, царей, императоров принимает форму просвещенного абсолютизма. Но эти «просветители на троне» в своих вынужденных реформах уступали зарождавшемуся капитализму лишь столько, сколько это было выгодно самому феодальному государству и классу феодалов. В целом главная цель этих реформ — приспособление феодального строя к новым условиям жизни, укрепление его крепостнических основ. Ярким примером тому является деятельность Екатерины II.

В ее переписке с Вольтером отразилась двойственность просвещенного абсолютизма: проведение реформ и сохранение в их либеральной оболочке крепостнического содержания.

ЧЕСМЕНСКИЙ БОЙ

Турция, поощряемая западными державами, в 1768 г. начала войну против России. Ее 600-тысячная армия должна была тремя колоннами вторгнуться на русскую территорию, и как полагали турецкие правители, быстро и легко одержать победу.

Но Россия готовила достойный отпор на суше и, чего враг совершенно не ожидал, решила перебросить Балтийский флот в Средиземное море, открыв новый фронт с юга. Эта идея удара флота с юга принадлежала братьям Г. Г. и А. Г. Орловым (они в числе небольшой группы дворян сыграли главную роль в возведении Екатерины на престол). Удачу операции Орловы связывали с надеждами на восстание греческого народа против османского ига.

Было решено поручить осуществление морской экспедиции А. Г. Орлову.

В три этапа Балтийский флот был переброшен в Средиземное море. Первую эскадру было поручено вести одному из замечательных русских флотоводцев адмиралу Григорию Андреевичу Спиридову. Уже с десятилетнего возраста он стал моряком. Куда только не бросала его судьба! Он был на Каспии, Азовском и Белом морях, на Волге, а в Семилетнюю войну отличился, командуя 2-тысячным морским десантом при штурме прусской крепости Кольберг. До нового назначения Спиридов командовал Кронштадтской эскадрой. Ему было 57 лет, и хотя здоровье не позволяло ему идти в столь трудный и далекий поход, какой ему предстоял, он согласился.

Эскадра Спиридова в составе 15 кораблей, в том числе 7 линейных, 1 фрегата, 1 бомбардирского судна и 6 более мелких судов, в июле 1769 г. отправилась в плавание. Среди капитанов судов — талантливые командиры: С. К. Грейг (корабль «Три иерарха»), Ф. А. Клокачев (корабль «Европа»), А. И. Круг (корабль «Евстафий»), С. П. Хметевский (корабль «Три святителя»).

Эта морская экспедиция России вызывала иронические суждения в Европе. Там не верили, что она окончится удачей. И действительно, русскому флоту, пришедшему после Петра I в упадок, выпало трудное испытание. Многие корабли так пострадали уже от первых штормов, что, едва добравшись до Англии, вынуждены были стано-

виться на ремонт. Еще труднее пришлось людям. На кораблях, кроме команды, находился морской и сухопутный десант. Призванные в армию и флот из деревень, эти воины мучительно переносили морское путешествие. Большая часть их болела. Только за два первых месяца плавания — от Кронштадта до Гулля в Англии — умерло в пути 100 человек, да за время стоянки в Гулле еще 83.

Лишь в ноябре 1769 г. Спиридов, державший свой адмиральский флаг на «Евстафии», пришел в порт Магон на острове Менорка в Средиземном море. За ним в течение нескольких месяцев подтягивались сюда и другие корабли. Но из-за штормов не все они дошли до цели путешествия.

В задачу флота входило поднять восстание в Греции и, поддерживая его, стремиться оттянуть как можно больше турецких сил с главного дунайского театра военных действий. В то же время надо было разгромить или нейтрализовать турецкий флот, блокировать пролив Дарданеллы и тем самым отрезать Турцию от ее средиземноморских колоний, т. е. баз ее снабжения.

В январе 1770 г. флот Спиридова начал действовать. Через месяц он прибыл в порт Виттуло. Русская эскадра была встречена греками восторженно. На полуострове Пелопоннес вспыхнуло антитурецкое восстание. Русский флаг поднял греческий 26-пушечный фрегат под командованием Паликутти. Через неделю его примеру последовал фрегат «Генрих» с капитаном Алексиано.

Первоначально русские и восставшие греки добились успеха. Была занята значительная часть Пелопоннеса, захвачена крупная крепость и порт Наварин.

А. Г. Орлов, командовавший до сих пор действиями русского флота из Ливорно в Италии, теперь прибыл в Наварин. Это было в середине апреля 1770 г. К этому времени Турция сумела подтянуть силы на полуостров и одержать победы над восставшими греками. Порт Наварин становится главной базой русского флота, но, правда, ненадолго. Все больше и больше вражеских войск стягивалось на полуостров и угрожало порту. В то же время Орлов узнал о готовности турецкого флота напасть на порт. Оставаться в Наварине становилось опасно. Было принято решение 23 мая взорвать крепость и, выйдя в море, дать бой турецкому флоту.

В это время в район греческого архипелага прибыла вторая русская эскадра, которую возглавлял контр-адмирал Эльфинстон. Она вышла из Кронштадта в октябре 1769 г. в составе 3 линейных кораблей, 2 фрегатов и 3 вооруженных транспортов. Эльфинстон узнал от греков о нахождении турецкого флота в заливе Наполи-ди-Романья и 16 мая решил напасть на него. Силы были неравными. Против 5 боевых кораблей Эльфинстона стояло 10 линейных кораблей, 6 фрегатов и много мелких турецких судов, но русские смело начали бой. Однако турецкое командование уклонилось от боя и отбуксировало свои корабли в бухту под прикрытие береговых батарей. Им, очевидно, показалось, что перед ними только передовые корабли русской эскадры, а дальше стоит весь флот.

Эльфинстон, имея небольшие силы, решил блокировать турецкую эскадру в гавани до прихода кораблей Спиридова, а затем выйти на соединение с ними, что и произошло 20 мая. Через четыре дня, воспользовавшись переменой ветра, турецкая эскадра стала уходить из порта. Ее главнокомандующий, капитан-паша, так рассуждал, уклоняясь от боя: «Русские рискуют потерять только свой флот, а Турция — целую часть империи». Другой турецкий флотоводец Гассан Джесайрлы (из Алжира) не разделял трусливой тактики капитан-паши. Он был сторонником решительных действий, но придерживался слиш-

ком примитивного порядка боя: перед отплытием из Константинополя он заявил султану, что, имея больше кораблей, чем у русских, в бою будет сцеплять свои корабли с кораблями противника и взрывать их и пусть такой ценой, но добудет верную победу.

Пока же турецкий флот уходил, адмиралы решили преследовать его, но догнать из-за большей скорости турецких судов не смогли. Спиридов был очень расстроен этой неудачей и обвинял Эльфинстона в том, что тот упустил врага, когда представлялась удобная возможность одним разом уничтожить его или сразу в бухте, или в ходе преследования.

Началась погоня, но 27 мая турецкий флот скрылся из виду. Орлов писал в эти дни в Петербург, что Спиридов «в подкрепление Эльфинстону гоняется за турецким флотом, который после двух ошибок бежит сломя голову от них, но они его добудут, хотя бы это было в Царьграде».

Орлов, взорвав Наваринскую крепость, отплыл к эскадре. Он соединился с ней 11 июня и приказал поднять на корабле «Три иерарха» флаг главнокомандующего. Флот тринадцатью залпами отдал ему салют. Пришла пора решительных действий. Надо было запастись пресной водой, для чего русский флот зашел на остров Парос. Оказалось, что три дня перед тем тут набирал воду и турецкий флот. На русском флоте воодушевление. Орлов всячески торопит окончание хозяйственных работ, а пока они идут, рассылает во все стороны греческие суда на разведку и таким образом вскоре получает известие о том, что турецкий флот направляется к северу. Тут возникла опасность, что неприятель уйдет в Дарданеллы. Сразу принимается решение не пустить его туда и разгромить в водах архипелага.

19 июня начался новый поиск, а 23 июня турецкий флот, находящийся в Хиосском проливе, был обнаружен. Чтобы отрезать ему путь на север, русские стали обходить остров Хиос и к вечеру заняли северный выход пролива.

Наступила ночь. Она была настолько светлой, что можно было обмениваться сигналами с помощью флагов. Орлов созвал командиров кораблей и адмиралов на совещание. Задача была нелегкая. Турецкая эскадра представляла собой внушительную силу: на рейде в проливе стояло 16 линейных кораблей, 4 фрегата, несколько десятков мелких вооруженных судов при 1430 орудиях и 15 тыс. команды. Турецкие корабли занимали боевую позицию, выстроившись в две линии. Первую занимали 10 линейных кораблей. Под флагом Орлова находилось 9 линейных кораблей, 1 бомбардирский, 3 фрегата и 4 вспомогательных судна, при 730 орудиях и с 6500 человек личного состава. Как видим, силы были далеко не равны. В своем донесении Екатерине II Орлов откровенно писал: «Ужаснулся я и был в неведении, что мне предпринять, но храбрость войска... рвение всех... принудили меня решиться и, несмотря на превосходные силы, отважиться атаковать, пасть или истребить неприятеля».

На совещании было решено атаковать турецкий флот. В начале четвертого часа, на рассвете 24 июня, по сигналу Орлова русские корабли тремя колоннами пошли на неприятеля. В авангарде, которым командовал адмирал Спиридов, находились 3 линейных корабля и фрегат; среднюю колонну составляли 3 линейных корабля и 3 фрегата; ею руководил капитан флагманского корабля «Три иерарха» Грейг (здесь же находился и Орлов). В арьергарде шел Эльфинстон во главе 3 линейных коралей и 3 фрегатов. Всей артиллерией в сражении командовал И. А. Ганнибал (брат О. А. Ганнибала — деда А. С. Пушкина). О том, что русский флот приготовился «пасть или истребить неприятеля», свидетельствует

и тот факт, что орудия кораблей были начинены двойным зарядом (для сближения с противником и стрельбы в упор).

В 9 часов утра в виду турецкого флота Орлов дал команду «построить линию боя», после чего русские корабли стали выстраиваться в две линии. В 10 часов утра у Орлова новое совещание командиров для выработки окончательного плана боя.

11 часов 30 минут. Авангард, шедший на сближение с турецкой линией необычно — под прямым углом, стал разворачиваться бортами к турецким кораблям и отвечать на их шквальный огонь мощными залпами. Первым шел в атаку корабль капитана Клокачева «Европа». За ним, чуть не касаясь его, следовал Спиридов на «Евстафии». Торжественно и дерзко шел в атаку храбрый адмирал. На палубе играла музыка. Он, Федор Орлов, брат главнокомандующего, и капитан Круг стояли тут же в мундирах. Канониры[1] находились у орудий правого борта.

Залп «Европы» был обрушен на турецкий флагманский корабль «Реал-Мустафа». Все снаряды врезались в его борт. Спиридов порадовался удачному началу боя, но вдруг увидел, что корабль «Европа» неожиданно стал круто разворачиваться и выходить из боя. Так как он близко прошел мимо борта «Евстафия», адмирал успел в рупор крикнуть: «Господин Клокачев, поздравляю вас матросом». Ему казалось, что Клокачев струсил. А дело было совсем иначе. После залпа греческий лоцман заметил, что «Европа» идет на камни. Спасая корабль, Клокачев вынужден был выйти из боя, но он тут же сделал дугу и снова вступил в сражение.

Между тем «Евстафий», заняв место «Европы», сблизившись с флагманом, также дал по нему залп. Все вокруг заволокло дымом, но скоро стало видно, что «Реал-Мустафа» горит. Это придало новые силы команде «Евстафия». Спиридов, отдавая приказания, ходил по палубе. Музыка, несмотря на ураган боя, продолжала играть.

Вдруг шедший за «Евстафием» корабль «Три святителя» стал «уваливаться» в середину турецкого флота: он потерял управление. Очутившись среди врага, корабль вел неистовый огонь с обоих бортов. Огонь его был губительным. Паля с близкого расстояния, русские пушки успели дать по турецким кораблям более 600 залпов. За время этого прохождения «сквозь строй» команда сумела починить мачту.

А тем временем все корабли первой и второй колонн вели обстрел. Гром канонады сотрясал воздух, огонь и дым нависли над узким проливом.

«Свист ядер летающих и разные опасности представляющиеся, и самая смерть, смертных ужасающая, не были,— писал в Петербург о ходе сражения Орлов,— довольно сильны произвести робость в сердцах сражавшихся со врагом... россиян, истинных сынов отечества».

И вот кульминация боя. Ветер стал стихать, а «Евстафия» между тем несло течением прямо на охваченный ярким пламенем «Реал». На турецком корабле паника. Команда в ужасе мечется по палубе, многие кидаются за борт. Когда «Евстафий» сошелся бортом с «Реалом», русские моряки взяли его на абордаж и вступили в схватку с командой противника. В пылу боя один из матросов кинулся к турецкому флагу, но тут его ранило в правую руку; он потянулся за флагом левой и получил по ней удар саблей; тогда отважный матрос вцепился в полотнище флага зубами и так держал его. Несмотря на тяжелые ранения, он не выпустил флага и доставил его Спиридову.

Захватив «Реал», русские пытались погасить пожар на нем, но безуспешно.

---

[1] *Кáнонир* — рядовой артиллерист.

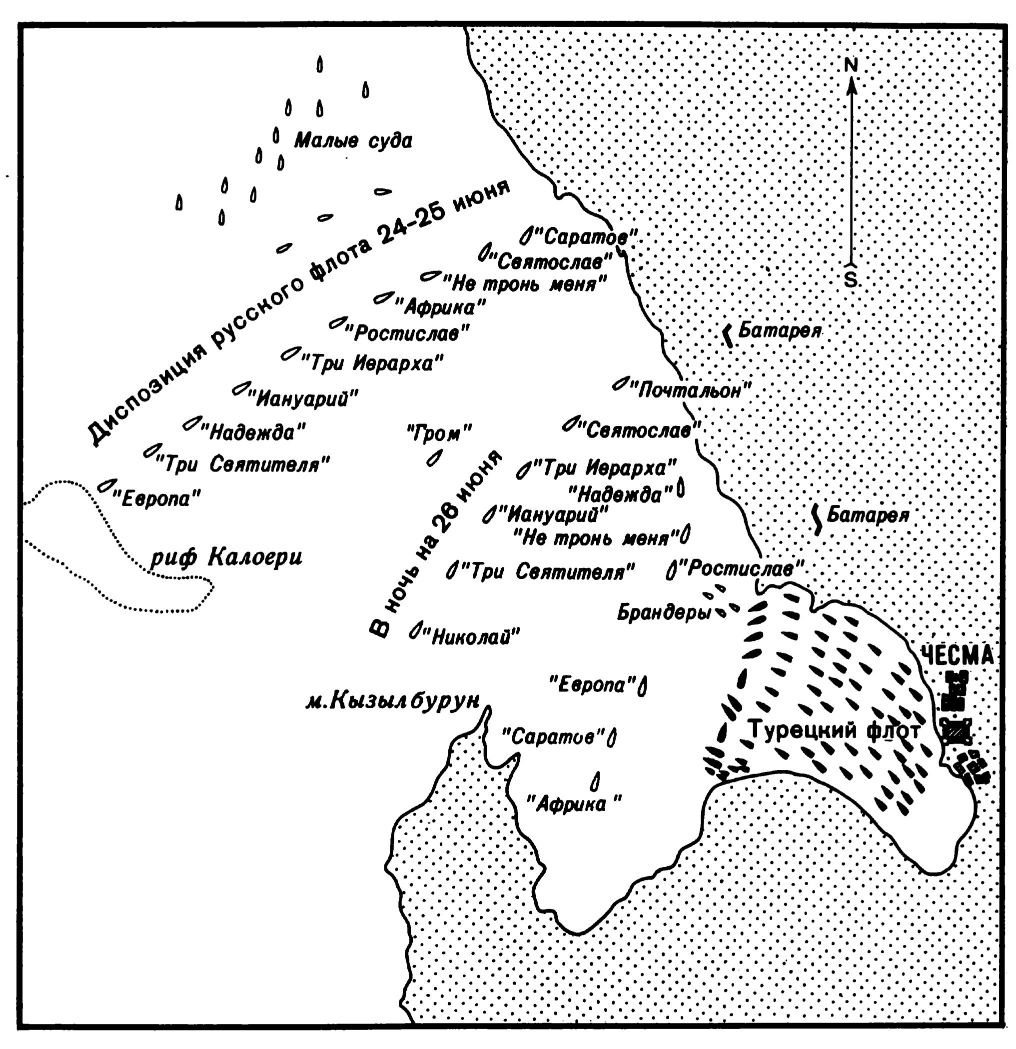

Схема Чесменского сражения.

Тогда воочию предстала опасность для самого «Евстафия», пришвартованного к горевшему, как бумага, турецкому кораблю. С кораблей стали посылать ему на помощь гребные суда, но им не удалось отбуксировать «Евстафия». Гибель его была уже близка, и Спиридов, согласно морскому уставу, обязывавшему его, как командующего боем, оставить гибнущее судно, с Ф. Г. Орловым и частью штаба покинул его.

Почти вслед за этим на «Евстафий» повалилась пылавшая мачта турецкого флагмана. Капитан Круг немедленно дал команду закрыть люк порохового погреба. Матросы бросились исполнять приказ, но в тот же миг раздался невероятной силы взрыв, и «Евстафий» взлетел на воздух. Искра попала в погреб раньше. Воздушной волной Круга выбросило за борт, но он чудом остался жив и вскоре был подобран своими.

Взрыв «Евстафия» всех потряс. Бушующий ураган боя разом смолк. Сердца русских сжались болью тяжелой утраты. Мгновение наступившей тишины было мгновением прощания с погибшими героями. А затем стали раздаваться залпы с такими ожесточением и силой, что, казалось, не выдержат огня и сами пушки. Через четверть часа на воздух взлетел и «Реал-Мустафа». Горящие части «Евстафия» и «Реал-Мустафы», обрушившись на турецкий флот, подожгли несколько судов. На кораблях противника стали спешно рубить канаты и укрываться в рядом находившейся бухте Чесма. Впопыхах команда не успела или забыла перерубить канат на 100-пушечном корабле, и он медленно стал поворачиваться к ведшему с ним бой русскому кораблю «Три иерарха» кормой, в результате чего русские получили беспрепятственную возможность в течение четверти часа расстреливать его продольным огнем без малейшей опасности для себя.

Когда турецкий флот обратился в бегство, русские корабли стали преследовать его, «пальбу производя беспрерывно». За дымом, заслонившим все впереди, турецкие корабли, обгоняя друг друга, сталкиваясь, сплошной массой вошли в Чесменскую бухту. Бой прекратился. Был на исходе второй час дня.

Орлов приказал капитану Грейгу перейти на корабль «Гром», бывший под командой Ганнибала, и разведать положение врага в бухте. Русский флот к вечеру занял приблизительно ту позицию, которую занимала во время боя турецкая эскадра. Корабли образовали дугу, которая полностью закрывала врагу выход из бухты.

Пока «Гром» гремел, обстреливая турецкий флот, Орлов созвал командиров на совещание. Здесь стало известно, что на «Евстафии» погибло 629 человек. Спаслись же всего 12 офицеров и 51 матрос. На остальных судах потери были невелики. Враг, очевидно, считал, что прежде всего необходимо лишить противника возможности двигаться и управлять кораблем, поэтому стрелял под большим углом по парусам и мачтам, тогда как сам получал залпы в борта и по палубе. Вот почему русские корабли, имея небольшие потери в живой силе, в то же время выглядели внешне довольно потрепанными.

Теперь турецкий флот, запертый в бухте, был обречен. Гассан-паша хорошо понимал это и предлагал воспользоваться попутным ветром и прорваться на своих более быстроходных судах, но капитан-паша не стал его слушать, всецело полагаясь на срочно возводимые по берегам при входе в бухту батареи. Пушки для них снимались с части второстепенных судов.

Между тем на совещании у Орлова было решено сжечь турецкий флот с помощью брандеров[1].

Эту операцию задумали так. Учитывая малые размеры бухты, атаковать турецкий флот собирались только частью судов: 4 линейными кораблями и 2 фрегатами. Они, согласно приказу Орлова, должны были незаметно около полуночи с 25 на 26 июня подойти как можно ближе к турецкому флоту, «чтобы выстрелы могли быть действительны». После усиленной пальбы, когда турецкий флот скроется за завесой дыма, на него будут пущены брандеры. В это же время 2 фрегата, выделенные для участия в операции, должны были нейтрализовать береговые батареи. Остальные суда составляли резерв.

Подготовка к бою началась с ночи на 25-е июня. Стали срочно делать брандеры. Для этого воспользовались 4 греческими торговыми судами. Под

---

[1] *Брандер* — судно, нагруженное горючим или взрывчатым веществом, употреблявшееся для поджога судов врага или затопляемое у входа в гавань для преграждения доступа в нее.

руководством Ганнибала их начинили горючими материалами. К полудню 25 июня эти работы были закончены.

Для выполнения опасной операции комплектовали добровольцев. Нужно было отобрать на десятивесельные катера по 10 человек команды и по офицеру. О степени мужества русских моряков можно судить по тому, что участвовать в вылазке вызвалось значительно больше людей, чем было нужно. Из офицеров это были капитан-лейтенант Дугуэль, лейтенанты Ильин и Мекензи (будущий адмирал), мичман Гагарин.

Ночь была тихой и лунной. В сторону бухты дул легкий, попутный для русских судов ветерок, флаг С. К. Грейга, назначенного руководить операцией, был поднят на корабле «Ростислав». Ровно в полночь на «Ростиславе» загорелось три фонаря — сигнал сниматься с якорей. По выработанной на совещании у Орлова 25 июня диспозиции первым должен был выходить фрегат «Надежда» для подавления батареи, установленной на берегу, но он замешкался, и Спиридов в рупор приказал Клокачеву, командиру «Европы», идти вперед. Видимо, адмирал хотел дать возможность Клокачеву показать себя, веря, что он будет стараться загладить досадное происшествие в бою 24 июня.

Русский корабль, приближавшийся к турецкой эскадре, конечно, сразу был замечен и при сближении с неприятелем принял огонь всего его флота на себя. В течение получаса он один вел ожесточенный бой с врагом, паля одновременно и по береговой артиллерии. Но вот на помощь подошел «Ростислав», за ним другие корабли, и каждый, становясь на якорь, открывал убийственный огонь.

В начале второго часа ночи зажигательным снарядом с «Грома» был вызван пожар на одном из турецких судов. Искры и головни с пылавшего корабля летели на другие, и на них занималось пламя.

«Ура!» — гремело с русских кораблей, а враг был в смятении. В этот момент с «Ростислава» взлетели две ракеты. Брандеры снялись с якорей и на всех парусах понеслись на неприятеля.

Величественной и грозной была картина боя. Бледный свет луны, смешавшись с кровавым заревом, разгоравшимся на турецком флоте, освещал путь брандерам. Первый из них шел под командой Дугуэля, но его перехватили и пустили на дно две турецкие галеры.

Вторым шел брандер Мекензи. Ему удалось сцепиться с турецким кораблем, но к этому моменту на нем уже возник пожар, и он был обречен. Есть и другой рассказ. По этому варианту, брандер Мекензи, стремясь атаковать турецкий корабль, прижался слишком близко к берегу и сел на мель. Мекензи поджег судно, которое потом, очевидно, было отнесено течением на корабль противника. Пользуясь ярким пламенем горевшего брандера, которое ослепило турецкую батарею, фрегат «Надежда» подошел ближе к ней и повел эффективный огонь всеми орудиями.

И вот настал черед героя боя Ильина. Его брандер сблизился с 84-пушечным турецким кораблем, сцепился с ним, после чего Ильин приказал зажечь брандер. Шлюпка Ильина благополучно добралась до флагманского корабля. С его палубы отважный лейтенант видел, как турецкий корабль внезапно охватило яркое пламя, как пожар перекидывался на другие, рядом стоящие суда.

Брандер Гагарина тоже был подожжен, но тут уж трудно было сказать, отчего загорелся корабль, с которым он сцепился. Турецкий флот горел.

Как только брандеры закончили свои действия, вся русская эскадра открыла беглый огонь, стремясь тем

самым помешать противнику тушить пожар. Турецкий флот прекратил всякое сопротивление.

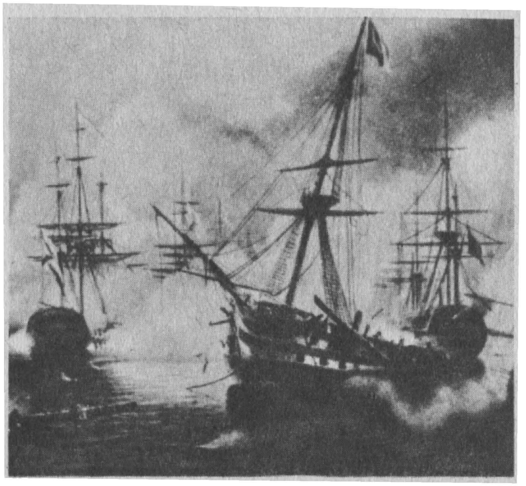
«Пожар турецкого флота,— читаем в «Собственноручном журнале» Грейга,— сделался общим к трем часам утра. Легче вообразить, чем описать ужас, остолбенение и замешательство, овладевшие неприятелем. ...Целые команды в страхе и отчаянии кидались в воду; поверхность бухты была покрыта бесчисленным множеством несчастных, спасавшихся и топивших один другого...» По словам турецкого историка, «от ударов пушек поверхность моря запылала». Турецкие корабли, догорая до пороховых погребов, один за другим взлетали на воздух. Взрывы, начавшиеся в третьем часу ночи, прекратились в десятом часу утра.

В четвертом часу утра огонь с русских кораблей прекратился. Проявляя гуманность к поверженному врагу, русские моряки на весельных судах стали спасать турок.

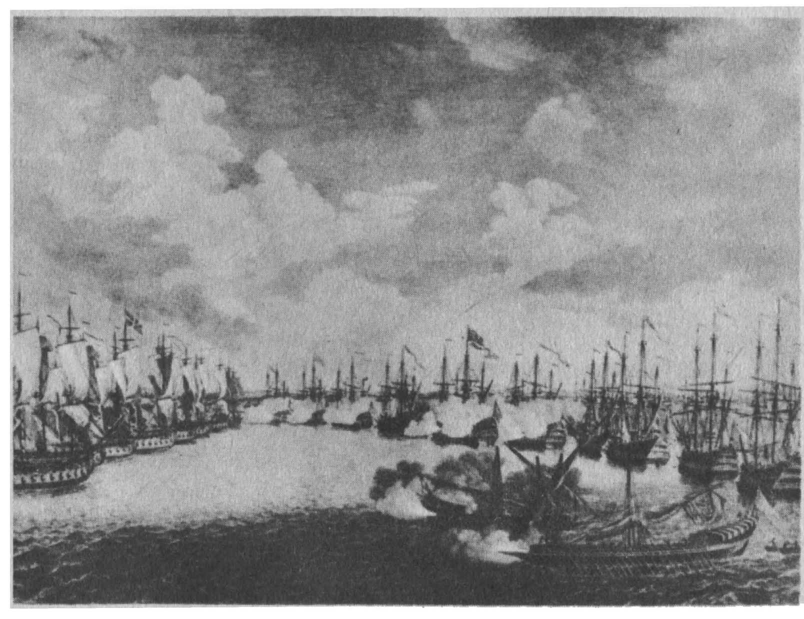
Для занятия крепости Чесма на берег сошла команда под руководством

Серебряная медаль в честь победы в Чесменском сражении. За руководство боем А. Орлов получил орден Георгия 1-й степени и почетное наименование Чесменский, Спиридов — звезду Андрея Первозванного, Грейг — Георгия 2-й степени.

Гибель турецкого флота в Чесменской бухте. ***Деталь картины И. К. Айвазовского.***

Первый этап Чесменского сражения — бой 24 июня 1770 г. в Хиосском проливе. Русский флот начал атаку турецких кораблей, которые открыли по нему огонь.

полковника Обухова, но ни войск, ни жителей в городе не застала. Страх у турок, писал Грейг, «был до того велик, что они не только оставляли суда, еще не загоревшиеся, и прибрежные батареи, но даже бежали из замка и города Чесмы, оставленных уже гарнизоном и жителями». Рассеявшись по побережью, беглецы всюду подымали панику.

По приказу Орлова, «дабы флот имел себе более славы», были сняты турецкие медные пушки «с погоревших неприятельских днищ» и с берега.

В этом бою турецкий флот потерял 15 линейных кораблей, 6 фрегатов и около 40 мелких судов. Было убито или утонуло 13 тыс. моряков. На русских судах потери были незначительными. На корабле «Европа», раньше всех вступившем в бой, погибло 8 человек, на корабле «Не тронь меня» — 3 человека, а «Ростислав», ближе всех подошедший к противнику, не потерял ни одного. Правда, паруса и снасти русских кораблей сильно пострадали. Некоторые суда получили пробоины. Например, корпус «Европы» имел 14 пробоин, из них 7 подводных.

В 5 часов утра передовой отряд русских кораблей возвратился на свои места в эскадре. В его честь был дан салют 27 пушками. Победоносный залп прозвучал и в тот момент, когда перед строем русских судов проходили захваченные галеры во главе с кораблем «Родос».

В духе будущих суворовских реляций[1], кратких и выразительных, Спиридов писал в Петербург в своем донесении Адмиралтейств-коллегии: «...Честь всероссийскому флагу! С 25 по 26 неприятельский военный флот атаковали, разбили, разломали, сожгли, на небо пустили, потопили и в пепел обратили... а сами стали быть во главе архипелага... господствующими».

С уничтожением турецкого флота русские стали хозяевами в водах архипелага. Турция была блокирована и отрезана с юга от своих баз. Задача флота была выполнена. В июне — июле 1770 г. неприятель потерпел сокрушительные поражения и на суше при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле. В турецкой столице воцарились уныние и страх. Петербург же ликовал. День Чесмы стал днем ежегодного праздника. В честь победы отлили из серебра для награждения команд судов медаль, на лицевой стороне которой изображен горящий турецкий флот с надписью над ним: «Был». Первый же линейный корабль, сошедший со строительных стапелей, назвали «Чесма». Два других новых корабля получили названия «Евстафий» и «Европа». Эти названия сохранялись в русском флоте до первой мировой войны.

РОЖДЕНИЕ ФЛОТА И ГОРОДА СЛАВЫ НА ЧЕРНОМ МОРЕ

«Не может быть, чтобы при мысли, что вы в Севастополе, не проникло в душу вашу чувство... гордости и чтобы кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах»,— писал Л. Н. Толстой, свидетель и участник героической защиты Севастополя в годы Крымской войны (1853—1856).

Подвиг Севастополя и его героев в годы Великой Отечественной войны — беспримерное проявление мужества и патриотизма.

Непреходяща слава Севастополя, но город-герой молод, моложе многих городов нашей страны; в 1983 г. ему исполнилось 200 лет. Уже на роду ему была предназначена судьба щита Родины. Его замышляли в годину войны,

[1] *Реляция* — письменное донесение о действиях войск.

его первые зодчие — полководцы, первые кирпичи севастопольских зданий заложили воины, а сами эти здания были первыми военными укреплениями.

Турция в 1768 г. объявила войну России. Поскольку предстояла борьба не только на суше, но и на море, правительство России сразу же направило на Дон только что произведенного в контр-адмиралы А. Н. Сенявина. Он должен был возродить петровские верфи, построить на них боевые суда, а затем вывести их на Азовское и Черное моря для борьбы с турецким флотом.

18 ноября 1768 г. последовал царский указ о приготовлении для строительства флота лесов «к строению судов разной величины», при этом Адмиралтейств-коллегии поручалось «употребить всевозможные старания примыслить род вооруженных судов, кои бы против тамошних морских судов с пользой действовать могли». И далее «к рассуждению и сочинению» типов таких судов повелевалось призвать лучших адмиралов — вице-адмирала Г. А. Спиридова и контр-адмирала А. Н. Сенявина.

А «рассудить и сочинить» типы боевых судов — дело непростое. Трудно было построить на реке достаточно мощные и мореходные боевые корабли. Собственно, построить такие суда для русских кораблестроителей не составляло труда. Со времен Петра I в этом деле был приобретен огромный опыт. А вот как провести боевые корабли по речному мелководью в море? Предстояло разработать новую конструкцию судов: они должны были иметь низкую осадку и в то же время обладать достаточной маневренностью, скоростью, грузоподъемностью, мощным вооружением.

Прошло некоторое время, и Коллегия доложила, что она, «входя (в) общее с господами вице-адмиралом Спиридовым и контр-адмиралом Сенявиным рассуждение, за всем своим старанием и домышлением и по непреоборимым препятствиям в рассуждение мелководности мест, по имеющимся в коллегии известиям, не могла иных судов изобрести, как только четырех родов...»

Что же это были за «изобретения»? Суда 1-го рода должны были иметь осадку с грузом до 2,7 м, а на вооружении иметь 16 пушек; осадка судов 2-го рода предусматривалась до 2,4 м, а вооружали их 14 пушками и 2 гаубицами; тип судна 3-го рода — бомбардирский с 8 пушками, мортирой и 2 гаубицами с осадкой до 1,5 м; наконец, 4-й тип судов должны были составить своего рода буксирные и транспортные суда — «для помощи в переводе через мели судов, тоже и подвозу провианта». Однако и они основательно вооружались (12 пушками) и, таким образом, вполне годились для участия в боях.

Кроме того, предусматривалось строительство и вспомогательных судов: одного брандера, галер и каиков[1].

На строительство судов казна отпустила всего только 100 тыс. рублей. Рассчитано было, что на эти деньги можно сделать 12 судов.

Петровские верфи проснулись, на них закипела работа. Со всех сторон потянулись грузы. Везли лес, пеньку, железо и другой строительный материал; сгоняли мастеров и рабочих.

Между тем шла война. В 1769 г. русские войска отразили натиск вторгшихся турецких отрядов, а в 1770 г. под руководством выдающегося полководца П. А. Румянцева разбили превосходящие силы противника и вышли к Дунаю.

После разгрома турецкого флота в Чесменской бухте флот России стал хозяином архипелага Эгейского моря. Каково же было удивление, когда рус-

[1] *Каик* — небольшое речное судно.

ский флот появился и в Черном море!

Вот при каких обстоятельствах это произошло. Для овладения Крымом была выделена 38-тысячная армия генерала В. М. Долгорукова. Идя главными силами на Перекоп, Долгоруков послал 8-тысячный корпус генерала Щербакова в тыл турецко-крымской армии.

Вот тут-то и оказался нужным флот. Главнокомандующий Румянцев торопил Сенявина. «Операции вашей флотилии,— писал он ему в октябре 1770 г.,— весьма бы споспешествовали военным нашим действиям, если вы пройдете с вашими судами в Черное море и отрежете всю помощь к крепостям неприятельским, что лежат при берегах морских в Крыме, которые потому и были бы уже в руках наших».

К весне 1771 г., когда стала действовать армия Долгорукова, Сенявин не только выполнил намеченную программу строительства флота, но и сумел уже сосредоточить его в бухте Таганрога. Дело это оказалось нелегким. Сначала суда строили без мачт и надпалубных сооружений и в таком виде перетаскивали к крепости Св. Дмитрия Ростовского (потом Ростов-на-Дону), здесь их оснащали, вооружали и переправляли в Таганрог. Так в Таганроге, кроме упомянутых 12 кораблей, оказалось 5 паромов, имевших по 20 крупных пушек на своих двух ярусах, 8-пушечную шлюпку, палубный бот с 2 гаубицами и 6 пушками и 58 мелких вооруженных судов.

Какую гордость испытывали моряки и Сенявин, ставший к этому времени вице-адмиралом, любуясь видом боевых кораблей на таганрогском рейде! «При всей моей скуке и досаде на то, что я еще к выступлению не готов,— писал Сенявин в апреле 1771 г. в Петербург графу И. Г. Чернышеву,— Ваше сиятельство, вообразите себе и мое удовольствие: видеть с высоты стоящие перед гаванью в Таганроге суда под военным российским флагом!»

Сенявина не пускал в море разыгравшийся шторм. Но вот шторм стал утихать. 17 мая торжественно взвился черноморский боевой флаг на флагманском корабле «Хотин», а на другой день корабли снялись с якорей и под парусами пошли на помощь генералу Щербакову.

В том, сколь еще слабо была готова к схваткам с морскими бурями эта флотилия, пришлось убедиться при первом же испытании. Новый шторм застал ее 29 мая в районе Бердянской косы; волны бросали суда на мель, и в результате оказались потопленными 1 корабль, 3 груженые лодки и 2 шлюпки. Мелководье Азовского моря, как писал Сенявин, не позволяло «находиться на вольной воде, а разве только валяться в грязи».

С грехом пополам, благодаря мастерству Сенявина, труду и отваге моряков, флот наконец 13 июня прибыл к Геническу, но Щербаков днем раньше успел вплавь через Генический пролив переправить в Крым свой авангард. Сенявин тотчас же взялся наводить своими средствами мост на 14 лодках, по которому на Арабатскую стрелку и переправился корпус Щербакова.

После этого Щербаков и Сенявин, один по узкой Арабатской стрелке, другой чуть впереди, вдоль ее берега, стали параллельно продвигаться в направлении к крепостям Еникале и Керчь, к Керченскому проливу. Однако в проливе была уже турецкая эскадра из 30—40 кораблей, как могли подсчитать русские моряки, подошедшие сюда 17 июня.

Вот, казалось, и настало первое боевое крещение морского флота, но его не произошло. Корабли Сенявина стали сближаться с противником на пушечный выстрел, но он, не принимая боя, отступил.

Турецкий флот, помня чесменскую

катастрофу, видимо, был ошеломлен появлением русского флота, которого, казалось, по самой природе здесь не должно было быть. Эту мысль отражал в своем докладе в Петербург и Сенявин. «Я думаю,— писал он,— что турки таких судов в Азовском море видеть не уповали. Удивление их тем больше может быть, что, по известности им азовской и таганрогской глубины, там великим судам быть нельзя... и по справедливости сказать турки могут, что флот сей пришел к ним не с моря, а с азовских высоких гор. Удивятся они и еще больше, как увидят в Черном море фрегаты и почувствуют их силу».

Как ни называй русские корабли — хоть призраками, а считаться с ними было нужно. Через покинутый противником пролив русский флот вошел в Черное море и стал успешно помогать Щербакову овладевать прибрежными крепостями. Некоторые из них матросы брали сами с помощью десантов.

Долгоруков тем временем через Перекоп вторгся в Крым и стал быстро продвигаться на юг. Совместными усилиями армии и флота немногим больше чем через месяц Крымский полуостров был взят. Крымско-турецкая армия сдалась и была разоружена.

Военные действия в Крыму кончились, но опасения, что вот-вот у его берегов появится новый турецкий флот, который лихорадочно строился после Чесмы на всех верфях Турции, все возрастали. Однако Сенявин не только не уходил из Черного моря, но и сам ждал подхода с Дона новых, там строящихся кораблей.

Удобной бухты для русского флота в безопасном месте не было, и он стоял на рейде у Еникале. Временами отсюда отходило по нескольку кораблей для охоты за противником у берегов Крыма. Чаще всего дело ограничивалось тем, что они отгоняли появлявшиеся турецкие суда. В основном же русский флот занимался промеркой вод то в Азовском море, то по берегу Крыма. Специалистами составлялась навигационная карта.

В 1772 г. наступило перемирие. Русский флот, пополненный 2 новыми фрегатами, построенными на Дону, базировался в бухте Балаклавы. Одним из кораблей Азово-Черноморского флота, 16-пушечной «Мореей», командовал лейтенант Федор Федорович Ушаков, будущий великий флотоводец.

С возобновлением в 1773 г. военных действий русский флот пополнился с Дона еще 2 фрегатами — мощными кораблями, на бортах которых было от 30 до 46 пушек.

Хотя война снова разгорелась, турецкий флот не доставлял беспокойства русским кораблям, поэтому моряки, продолжая сторожевую службу, все дальше и дальше шли по берегу, изучая его топографию и глубину. Очень важной была работа, которую проводил с партией топографов штурман Иван Батурин. Он первым провел обследование и составил карту будущей Севастопольской бухты. Поскольку единственным близлежащим жилым поселением была деревушка Ахтиар (Белый утес), Батурин и бухту назвал Ахтиарской. Но одновременно в других документах она значится Инкерманской — по имени соседних Инкерманских высот.

По Кючук-Кайнарджийскому миру (1774 г.) Россия приобрела Азов, Керчь, Еникале, устье Днепра и крепость Кинбурн. Крым же стал формально независимым.

Выход России в результате войны к берегам Черного моря открывал новые перспективы и возможности строительства флота. И вот в 1775 г. Сенявин получает из Петербурга повеление осмотреть устье Днепра и найти там удобное место для строительства корабельных верфей. В это время Г. А. Потемкин становится наместником Новороссийского края. Мысль по-

строить судоверфь на Днепре энергично начинает проводиться им в жизнь. В июне 1778 г. на берегу Днепра было положено начало городу Херсону и его судостроительной верфи. Первым руководителем работ здесь был контр-адмирал С. Б. Шубин, но вскоре после основания города он умер, и его место занял генерал И. А. Ганнибал. Через год в Херсоне был заложен первый 60-пушечный линейный корабль Черноморского флота, который в угоду императрице Потемкин назвал «Слава Екатерины». Теперь сюда, в Херсон, перевели на время и флотилию, построенную на Дону. В то же время на Дону продолжалось строительство начатых 8 кораблей.

В Крыму в результате происков турецких агентов вскоре после окончания войны на ханский престол был посажен враждебный России Девлет-Гирей. Однако Россия не хотела уступать завоеванных на полуострове позиций и стала деятельно поддерживать свергнутого хана Шагин-Гирея. В Крыму началась междоусобная война ханов. В этой напряженной обстановке сторонниками Девлет-Гирея в Крыму была разграблена русская почта, а казаки, ее сопровождавшие, убиты.

В ответ на это русское правительство в ноябре 1776 г. послало в Крым 25-тысячный отряд войск, командование которым было поручено А. В. Суворову.

Турция, со своей стороны, не хотела сдавать свои позиции и для восстановления на престоле свергнутого теперь хана Девлет-Гирея послала в Крым 8 боевых кораблей, которые избрали местом своей стоянки Ахтиарскую бухту.

Все это чрезвычайно обостряло отношения между Россией и Турцией. Русское правительство не могло мириться с присутствием турецкого флота в Крыму.

Перед Суворовым ставится сложная задача: в случае попыток Турции высадить в Крыму свои войска решительно отбросить их, а пока, не предпринимая военных действий, найти средство вытеснить турецкий флот из Ахтиарской бухты.

Задача действительно сложная. Но Суворов не был бы Суворовым, если бы не справился с таким делом. В своем донесении П. А. Румянцеву он в июне 1778 г. писал: «Сего месяца на пятнадцатое число по три батальона дружественно (мирно.— *В. А.*) расположились с обеих сторон Инкерманской (Ахтиарской.— *В. А.*) гавани с приличною артиллериею и конницею и при резервах вступили в работу набережных ее укреплений».

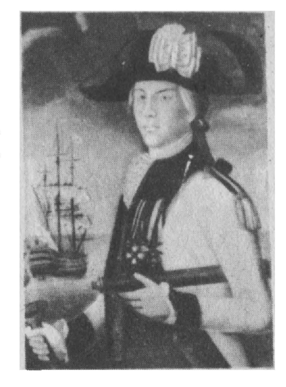
Строительство укреплений вынудило турецкий флот покинуть теперь уже ставшую опасной западную бухту.

Суворов же, оценив ее важное стратегическое значение, не ушел оттуда, а решил охранять ее, для чего оставил 2 батальона. Строительные работы из-за отсутствия необходимых инструментов и твердости грунта оказались очень затруднительными.

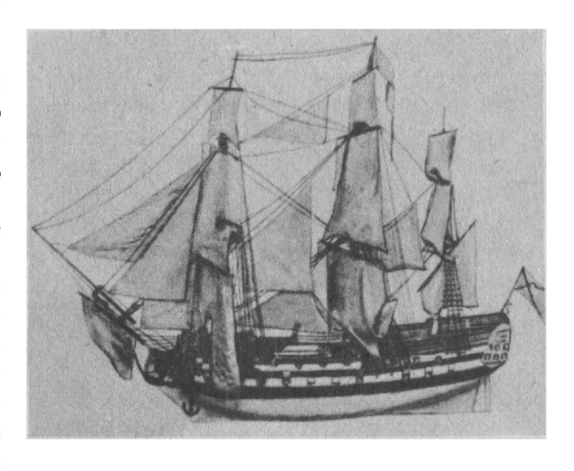
Начало 80-х гг. XVIII в. было временем рождения новой гавани. В 1780 г. в нее вошел первый русский корабль, а вскоре русский флот обосновался тут навсегда.

В 1782 г. в Крыму поднялось восстание против хана, поддерживаемого Россией. В результате нового осложнения обстановки были приняты срочные меры по подготовке флота к боевым действиям. Сначала в мае под командованием капитана Т. Г. Козлянинова 8 небольших кораблей Азовской флотилии блокировали берега Крыма, затем к ним присоединилось еще 5. До осени они несли береговую службу, а к зиме, изрядно потрепанные бурями, ушли на зимовку в Керчь. Но Ахтиарскую бухту уже не оставляли без защиты. Для содействия русским войскам в Крыму было выделено два фре-

Ф. Ф. Ушаков (1744—1817). Великий русский флотоводец внес неоценимый вклад в развитие и укрепление Севастополя, строительство Черноморского флота. Благодаря его усилиям к началу русско-турецкой войны 1787—1791 гг. Черноморский флот имел 5 линейных кораблей, 19 фрегатов и 12 вспомогательных судов. Кроме того 8 линейных кораблей строились на черноморских верфях.

Модель 54-пушечного фрегата. Фрегаты по своим мореходным качествам обладали наибольшей скоростью и использовались для крейсирования, состояли при флотах как посыльные и разведывательные суда.

гата Херсонской флотилии — «Храбрый» и «Осторожный». Руководимые капитаном первого ранга И. М. Одинцовым, они в ноябре 1782 г. вошли на зимовку в Ахтиарскую бухту.

Моряки построили для себя казарму, которая и стала первым зданием будущего Севастополя. По приказанию Одинцова были проведены новые топографические работы — обмерялась глубина бухты, делалась съемка местности, размечались будущие береговые сооружения Севастополя.

Желая еще более упрочить свои позиции на Черном море, правительство в январе 1783 г. назначило главнокомандующим флота Черного и Азовского морей вице-адмирала Ф. А. Клокачева, одного из героев Чесменской битвы. В марте Клокачев был уже в Таганроге, а в апреле 1783 г. во главе 11 судов Азовской эскадры отплыл в Ахтиарскую бухту, куда прибыл в начале мая. Вот его первые впечатления о бухте: «...При самом входе в Ахтиарскую гавань дивился я хорошему ее с моря положению, а вошедши и осмотревшись, могу сказать, что во всей Европе нет подобной сей гавани — положением, величиною и глубиною. Можно в ней иметь флот до ста линейных судов... ко всему же тому сама природа такие устроила лиманы, что сами по себе отделены на разные гавани, то есть военную и купеческую. Без собственного обозрения нельзя поверить, чтоб так сия гавань была хороша. Ныне я принялся аккуратно сию гавань и положение ее места описывать и, коль скоро кончу, немедленно пришлю карту».

Кроме того, Клокачев высказывал соображение, что если «благоугодно будет Ее Императорскому Величеству иметь в здешней гавани флот, то на подобном основании надобно здесь будет завесть порт, как в Кронштадте».

Сделанная по приказанию Клокачева капитан-лейтенантом Берсеневым новая карта Ахтиарской бухты в июле 1783 г. была отправлена в Петербург. Она-то и стала «руководством ко всем последующим соображениям по устройству в Ахтиарской бухте нового военного порта».

Между тем город уже строился. В апреле 1783 г. на берег бухты пришли 2 полка, батальон и полевая артилле-

рия. Солдаты стали строить казармы, складские помещения. Новому порту придавали большое значение. В мае сюда пришло 6 судов из Херсона. Правительство для оперативного руководства строительством Черноморского флота и управления им образовало в Херсоне Черноморское армиралтейство. В мае 1783 г. Клокачев был переведен в Херсон и там принял под свое командование всю «черноморскую портовую администрацию», т. е. все военно-административные учреждения, верфь, построенные и строящиеся корабли.

В свою очередь сам Клокачев в мае 1783 г. распорядился «для порядочного течения экономических дел» учредить в строящемся порту Ахтиарской бухты контору. Она состояла из 4 департаментов (отделов). Так появился первый орган власти в будущем городе.

А строительные работы развернулись вовсю. Матросы были сведены на берег. Они вырубили на берегу кустарник и мелкий лес и, расчистив таким образом место, принялись возводить постройки. Так на южном берегу появились пристань, казармы, жилые дома для офицеров, адмирала Мекензи, назначенного сюда после Клокачева, госпиталь, складские помещения. В окрестностях находили строительный лес и камень и занимались заготовкой того и другого.

Фактическое руководство строительством порта осуществлял капитан Д. Н. Сенявин, двоюродный племянник вице-адмирала А. Н. Сенявина, будущий выдающийся русский флотоводец. Пока же он был начальником штаба порта. В его записках живо передана атмосфера строительных работ и показан их характер. «Командиры судов,— рассказывал Сенявин,— принялись за дело. Сперва каждый назначил себе место, куда поставить свое судно на зимовку. Потом начали строить для себя небольшие домики и казармы для людей; все эти строения делали из плетня, обмазывали глиной, белили известью, крыли камышом на манер малороссийских хат».

Но одновременно строились и более добротные дома. В июне было заложено 4 каменных здания и «все приведены к концу весьма скоро... Часовня освящена 17 августа, кузница была готова в три недели, пристань сделана с небольшим в месяц, а в дом перешел генерал и дал бал на новоселье 12 ноября. Вот,— заключал Сенявин,— откуда начало города Севастополя».

Тогда же появились первые два тротуара строящегося города. Один шел от пристани к дому адмирала, другой — от него к часовне. По обочинам тротуаров в четыре ряда стояли высаженные матросами фруктовые деревья. К весне 1784 г., по словам Д. Н. Сенявина, город «довольно уже образовался, все строения отштукатурены, выбелены, хорошо подкрашены палевой или серой краской, крыши на всех черепичные, и все это вместе на покатости берега делало вид очень хороший».

В строящемся городе плохо обстояло дело с питьевой водой. Ее приходилось привозить издалека, и это было обременительно и трудно. Стали искать воду вблизи города и обнаружили ее в 8 километрах. Нужно было устраивать водопровод. Для этого принялись заготавливать гончарные трубы. Производили их тут же, на месте. И вот 21 августа 1784 г. лента водопровода потянулась из Сарандинакиной балки (названа так по месту дачи капитана Сарандинаки) в город.

Строительство порта привлекло в него мастеровых и торговых людей. Весной 1784 г. в порт вошли и первые торговые суда, на которых со своими товарами прибыли купцы Керчи и Таганрога.

Новый порт сначала именовался Ахтиаром, но в феврале 1784 г. специальным указом объявлялось о созда-

нии военно-морского порта с крепостью и военным городом, который по предложению Г. А. Потемкина был назван Севастополем. Севастополь в переводе с греческого означает «город славы».

В марте 1784 г. правительство специальным указом оповещало все страны, что город Севастополь, «одаренный превосходной широкой гаванью», объявляется открытым «для всех народов, в дружбе с империей нашей пребывающих, в пользу торговли с нами». «Вследствие сего,— говорилось в указе,— сим торжественно объявляем, что все помянутые народы на собственных их или наемных судах под флагами их могут нагружать суда и оттуда по своему произволению отплывать». Хотя правительство и провозгласило Севастополь открытым торговым портом, прежде всего он был основной базой военно-морского флота на Черном море. К концу 1784 г. на рейде его бухты было уже 27 боевых кораблей с командой более 4 тыс. моряков. Бухту охраняло 10 земляных батарей, 2 из которых стояли по обе стороны — северную и южную — входа в нее.

«Сие место,— писал Г. А. Потемкин о необходимости превращения Севастополя в мощную крепость,— должно быть столь сильно укреплено, что, хотя неприятель облег крепость с земли и с моря, она могла бы его нападению противиться, доколе из других пределов России не прибудут на помощь войска». Стремясь претворить свою идею в жизнь, Потемкин разработал план строительства военных укреплений в городе и в пределах его тыловых окрестностей, но Екатерина II отказала выделить ему на это требующиеся 6 млн. рублей.

Насколько мощными были бы замышлявшиеся Потемкиным военные сооружения для обороны Севастополя с их стоимостью в 6 млн. рублей, мы можем заключить из того, что в последующие 55 лет, т. е. до начала Крымской войны, когда Севастополь совершил свой первый великий подвиг, на строительство его береговых укреплений было израсходовано лишь 3,4 млн. рублей.

В августе 1785 г. по предложению Г. А. Потемкина были утверждены первые штаты для Черноморского флота. В них значилось: 80-пушечных кораблей — 2; 66-пушечных — 10; 50-пушечных — 8; 32- и 22-пушечных по 6; 12-пушечных ботов — 5.

Кроме того, было по одной 80-, 66- и 32-пушечных камели[1], 10 беспалубных портовых судов, 8 транспортных судов. При каждом из них имелось по нескольку катеров, шлюпок, баркасов.

Первое серьезное боевое крещение новый флот на Черном море получил в очередную войну с Турцией в 1787—1791 гг. Здесь отличился Ф. Ф. Ушаков, с именем которого надолго будет связана судьба Севастополя и его боевого флота.

ВОПРОСЫ ФОНВИЗИНА

Денис Иванович Фонвизин был не только автором известного сатирического произведения «Недоросль», но и выдающимся просветителем своего времени. Многие годы он был личным секретарем Н. И. Панина, руководителя внешней политики России. Оба они, пользуясь тем, что Панин был учителем Павла, сына Екатерины, стремились сделать из него противника политики матери. Но Панин был отстранен от службы. Это случилось в 1781 г., а в 1782 г. в отставку подал и Фонвизин.

Он решил теперь бороться за осу-

---

[1] *Камелями* назывались спаренные плоскодонные суда, которые предназначались для подъема и проводки кораблей по мелководью.

ществление своих политических идеалов на поприще литературы. Этому, кажется, способствовало приглашение крупным писателям, в том числе и ему, участвовать в новом издании с длинным, как тогда это было принято, названием: «Собеседник любителей Российского слова, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых Российских писателей». Истинным вдохновителем «Собеседника» была Екатерина II, хотя ее причастность к нему некоторое время оставалась тайной. Цель издания «Собеседника» состояла в том, чтобы оказывать влияние на литературу своего времени, давать ей нужное самодержавию направление. Конечно, открыто Екатерина об этом не заявляла. Напротив, «Собеседник», как говорилось в предисловии, готов был «отверзать двери истине», приглашал к смелой критике своих статей. Екатерина похвалялась, что она разрешает говорить все, что кому угодно.

Фонвизин решил воспользоваться этим разрешением и послал в «Собеседник» двадцать своих вопросов. «Издатели онаго,— писал он, сопровождая свои вопросы,— не боятся отверзать истине; почему и беру вольность представить им для напечатания несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особливое внимание». При этом он обещает, что, если представленные им вопросы будут напечатаны, он немедленно пришлет новые. «Публика заключит тогда по справедливости, что естьли можно вопрошать прямодушно, то можно и отвечать чистосердечно». Этими словами он стремился как бы предотвратить отрицательную реакцию на свои вопросы. И далее пишет: «Ответы и решения наполнять будут «Собеседника» и составлять неизсыхаемый источник размышлений, извлекающих со дна истину, столь возлюбленную Монархине нашей». Намерения автора, как видим, выражаются им в полном соответствии с тем, о чем заявили сами издатели.

Однако, оказывается, одно дело слова, другое — дела. Получив вопросы Фонвизина, Екатерина первое время растерялась и не знала, что с ними делать. Она явно не ожидала, что кто-либо осмелится затронуть в открытой печати острые вопросы жизни. Но она нашла выход из положения и написала Дашковой: «... я внимательно перечитала известную статью и менее, чем прежде, против того, чтобы возражать на нее. Если бы возможно было напечатать ее вместе с ответами, то сатира будет безвредна, если только повод к сравнениям не придаст большей дерзости». Так она решила реагировать на вопросы Фонвизина: опубликовать их и тут же дать на них свои ответы, тем самым обезвредив их политическую остроту.

Надо заметить, что, поскольку Фонвизин, посылая вопросы, не поставил под ними своего имени, Екатерина не знала, от кого исходит эта опасность. Наконец, ей показалось, что им мог быть обер-камергер граф И. И. Шувалов, прогрессивно настроенный деятель, который хотя и входил в кружок Екатерины II, но был недоволен ее правлением. В одном из разделов второго номера «Собеседника» императрица назвала его нерешительным человеком. «Это,— то есть вопросы,— идет несомненно от *обер-камергера* в отмщение за портрет *нерешительного человека* во второй части...» — писала она далее Дашковой.

Посмотрим же вопросы и ответы на них:

1. От чего у нас спорят сильно в таких истинах, кои нигде уже не встречают ни малейшего сомнения?

На 1. У нас, как и везде, всякой спорит о том, что ему не нравится или непонятно.

Уже в ответе на первый вопрос, как видим, Екатерина стремится уходить от его сути, отделаться шуткой.

2. От чего многих добрых людей видим в отставке?

На 2. Многие добрые люди вышли из службы, вероятно, для того, что нашли выгоду быть в отставке.

Панин, сам Фонвизин и многие другие уходили тогда в отставку или увольнялись со службы по политическим соображениям. Это и имел в виду в своем вопросе Фонвизин, но Екатерина придала ему своим ответом совершенно безобидное значение.

3. От чего все в долгах?

На 3. От того в долгах, что проживают более, нежели дохода имеют.

В последней трети XVIII в., во время правления Екатерины II, начинается разложение феодально-крепостнического строя в России. Снижается производительнот труда: крестьяне, доведенные до положения рабов, не заинтересованы в работе на барина. В то же время дворянство стремится к роскоши. Передовой агроном своего времени Андрей Болотов писал: «Роскошь и непомерное мотовство большей части наших дворян скоро произведут то, что большая часть наших сел и деревень принадлежать будет фабрикантам, купцам, подьячим, секретарям, докторам и лекарям, и не мы, а они господами и владельцами будут».

Фонвизину была ясна причина всего этого. Она заключалась в сохранении крепостного права, которое тормозило развитие экономики страны.

4. Естьли дворянством награждаются заслуги, а к заслугам отверзто поле для всякаго гражданина, от чего же никогда не достигают дворянства купцы, а всегда или заводчики или откупщики?

На 4. Одни быв богатее других, имеют случай оказать какую нинаесть такую заслугу, по которой получают отличие.

Купцы, откупщики и промышленники в своей массе выходили из крестьянства и горожан, но их имущественное положение и права были неодинаковы.

Д. И. Фонвизин (1744—1792).

Наиболее привилегированное положение занимали промышленники. Купцы Демидовы, при Петре I превратившиеся в крупнейших горнозаводчиков Урала, уже тогда получили дворянское звание. Екатерина II, реформирую «Табель о рангах», включила в нее должности чиновников, которые назначались управлять казенными заводами или занимать на них другие руководящие должности, что давало некоторым из них право получать высшие ранги — от 8-го до 5-го и, таким образом, становиться дворянами. Царское правительство было крайне заинтересовано в развитии промышленности. Казенные заводы не столько приносили доходы, сколько обеспечивали

нужды армии. Поскольку при Екатерине II войны были частыми, она и стремилась всячески поощрять промышленников.

В ответе на четвертый вопрос Фонвизина Екатерина была искренна. Ей тут нечего было лукавить: серое в своей массе купечество, часто еще бывшее в крепостном состоянии, и баснословно богатая элита откупщиков и промышленников в ее представлении не могли иметь равных прав.

5. От чего у нас тяжущиеся не печатают тяжеб своих и решений правительства?

На 5. Для того, что вольных типографий до 1782 года не было.

Задавая этот вопрос, Фонвизин тем самым осудил сословный и закрытый феодальный суд и высказался за гласность суда, введенного буржуазными западными странами. Одновременно затрагивался вопрос о свободе печати. Все это пришлось явно не по душе Екатерине, и она отделалась формальной ссылкой на отсутствие в стране до 1782 г. типографий. Ее указ о вольных типографиях был издан 15 января 1783 г. Но типографии — и немало — были и до этого указа.

Пятилетие 1769—1774 гг. считалось расцветом русской журналистики XVIII в., после чего наступила длительная реакция, многие журналы были закрыты. Екатерина стала жестоко преследовать «вольномыслие». Это была реакция властей на крестьянскую войну 1773—1775 гг. Вопрос Фонвизина, таким образом, не только возбуждал идею гласности суда и свободы печати, но и указывал на реакционный курс самодержавия.

6. От чего не только в Петербурге, но и в самой Москве перевелися общества между благородными?

На 6. От размножившихся клобов.

Под «обществами между благородными» Фонвизин имел в виду тайные организации масонов. Впервые они появились в Англии в начале XVIII в., а в 30-е гг. их идеи уже проникли в Россию. Немногочисленные масонские организации (всего 2500 человек) состояли почти исключительно из дворян и действовали главным образом в столицах.

Масоны «трактовали человеческую натуру как злую, антиобщественную, а человеческое общество — как арену всеобщей вражды». Порядки в стране представлялись им царством зла. Они заявляли, что стремятся к перерождению внутреннего мира человека, к совершенствованию всего общества.

Екатерину II раздражала неконтролируемая ею тайная деятельность масонов. С 1780 г. она повела с ними борьбу, что привело к сокращению масонских лож. Это гонение и вызвало вопрос Фонвизина. В дальнейшем масонство стало приобретать религиозно-мистический характер.

7. От чего главное старание большой части дворян состоит не в том, чтоб поскорей сделать детей своих людьми, а в том, чтоб поскорее сделать их, не служа, гвардии унтер-офицерами?

На 7. Одно легче другого.

Дворянство России всегда домогалось для себя особых прав и привилегий, а царское правительство из века в век все больше шло навстречу ему. Сначала оно искало службы и поместий, затем стало требовать превращения поместий в вотчины, и, наконец, упрочив свое экономическое положение, оно стало тяготиться службой и искало всякую возможность от нее освободиться, сохраняя, однако, все политические привилегии господствующего класса. С открытием в 1731 г. Шляхетского кадетского корпуса давалась возможность многим дворянам избежать службы в армии в качестве рядовых. Выпускники корпуса получали офицерский чин. Но у них была и иная возможность не посылать своих детей на службу в армию в качестве

рядовых. Уже с детских лет они могли записывать детей в полки. Дети росли, рос и стаж их «службы». Достигнув совершеннолетия и не имея никакого понятия о самой службе, они получали офицерские чины. Вот несколько любопытных примеров. В 1724 г. фельдмаршал князь М. М. Голицын записал сына солдатом в гвардию, а когда ему исполнилось 18 лет, он получил чин капитана Преображенского полка. В 1726 г. годовалого А. А. Нарышкина сразу произвели в мичманы флота! Это — знатные господа. А небогатый дворянин Петр Аронов в 1765 г. семи лет от роду был записан в Преображенский полк и вскоре получил чин прапорщика.

В дальнейшем льготы дворян умножались, а с 1762 г. Манифестом о вольности дворянской они и вовсе освобождались от службы. Дворянство все больше и больше превращалось в паразитический класс общества. Оно даже тяготилось образованием, считая для себя унизительным занятие науками и искусством.

В Московском университете со дня его образования и до конца XVIII в. учились преимущественно дети разночинцев. Деятелями культуры — художниками, артистами, архитекторами в основном были люди «низшего» звания, часто крепостные. Просветителю Фонвизину был ненавистен паразитизм дворянства. Своим вопросом он обличал его, но Екатерина оценивала положение дворян совершенно иначе и вполне оправдывала их стремление искать легкий путь в жизни. Своей же Жалованной грамотой 1785 г. она предоставила ему все права и привилегии, превратив этот класс в замкнутую касту эксплуататоров.

8. От чего в наших беседах слушать нечего?

На 8. От того, что говорят небылицу.

Своим вопросом Фонвизин хотел показать пустоту праздной жизни дворянского общества своего времени, которое развлекалось карточной игрой, охотой, балами, приемами. В массе своей это общество было чуждо возвышенных интересов, его вполне устраивала даровая жизнь за счет труда крепостного крестьянства. Екатерина понимала смысл вопроса, но постаралась отделаться от него ничего не значащим ответом.

9. От чего известные и явные бездельники принимаются везде равно с честными людьми?

На 9. От того, что на суде не изобличены.

Словом, по народной пословице «Не пойман — не вор». Таков смысл ответа царицы. А между тем и этот вопрос Фонвизина затрагивал одну из больных сторон жизни. Столичное дворянство, владея имениями в разных местах страны, или вовсе не служило, или, занимая посты, думало только о чинах и наградах. Фонвизин осуждает придворный и чиновный карьеризм. Но Екатерина поняла и другой смысл вопроса Фонвизина. Тогда в армии и флоте, в государственном аппарате процветало казнокрадство. Но для Екатерины они не преступники, и раз «на суде не изобличены», могут быть приняты везде равно с честными людьми.

10. От чего в век законодательный никто в сей части не помышляет отличиться?

На 10. От того, что сие не есть дело всякого.

Фонвизин своим вопросом возбуждает неприятное для Екатерины воспоминание о 1767 г., когда она с большим шиком играла в либерализм, старалась показать себя просвещенной правительницей: тогда в стране были проведены выборы делегатов от всех сословий (кроме крепостных крестьян) для выработки нового Уложения о законах. Комиссия начала рассматривать наказы, которые привезли с собой делегаты. Составила свой «Наказ» и Екатерина, позаимствовав для него мысли из сочинений передовых мыслителей Запада.

Выше уже было сказано, что она послала свое творение Вольтеру, непомерно хвастаясь своими стараниями о введении законности на Руси. Но эта игра продолжалась недолго. Как только в Комиссии стали раздаваться голоса о злоупотреблении помещиков в отношениях с крепостными крестьянами, она сначала на время, а затем и навсегда прекратила общие заседания Комиссии. В период реакции, обострившейся после крестьянской войны 1773—1775 гг., она не только не помышляла о пересмотре законов, но даже не позволяла распространять свой собственный «Наказ». И вот теперь Фонвизин дерзко напоминает ей обо всем этом, но Екатерина ловко уходит от ответа на его вопрос, почему «никто» не помышляет отличиться в деле законодательства; она говорит, что это «не есть дело всякого». Формально это правильно: не всякий, а только специалист может принимать участие в разработке Уложения о законах, но смысл вопроса Фонвизина в другом: почему вообще никто не занимается делом законодательства?

11. От чего знаки почестей, долженствующие свидетельствовать истинныя отечеству заслуги, не производят по большей части к носящим их, ни малейшаго душевного почтения?

На 11. От того, что всякий любит и почитает лишь себе подобнаго, а не общественныя и особенныя добродетели.

Вопрос касался распространенных в XVIII в., как, впрочем, и в любом другом веке, фаворитизма и карьеризма. Фавориты царей и высокопоставленных лиц в государстве — любимцы и любовники — делали головокружительные карьеры. До начала 70-х гг. был жив А. Г. Разумовский. Сын украинского казака, он был в 1731 г. взят в придворную певческую капеллу, где его заметила и приблизила к себе Елизавета Петровна. Став царицей, она быстро возвысила его по службе, даровав ему звание фельдмаршала, титул графа, имения, крепостных и большие суммы денег. Он стал одним из самых богатых людей России. Но он почти не занимался государственными делами.

Процветал фаворитизм и при дворе Екатерины II. Она щедро одаряла своих любимцев землей, крепостными, должностями. Пользуясь высшими почестями, они в то же время, как пишет Фонвизин, не вызывали к себе «ни малейшего душевного почтения». Вопрос Фонвизина — смелый протест против возвеличения лиц, которые не выказали «истинныя отечеству заслуги». Находясь в зените своей власти, Екатерина II не церемонилась с ответом и с откровенным пренебрежением к общественному мнению писала, что «всякий любит и почитает лишь себе подобнаго, а не общественныя и особенныя добродетели».

12. От чего у нас не стыдно не делать ничего?

На 12. Сие не ясно: стыдно делать дурно, а в обществе жить не есть не делать ничего.

Этот вопрос Фонвизина развивал смысл предшествующего вопроса, но и на него надо было давать прямой ответ. Однако царица опять уклонилась от него. Жить «в обществе», то есть, находиться при дворе, в царской свите — это, по ее мнению, и есть уже деятельность. Если Петр I не терпел возле себя бездельников, то Екатерина II, напротив, окружила себя многочисленной толпой придворных и, устраивая пышные, расточительные празднества и путешествия, старалась подчеркнуть этим величие своей власти.

13. Чем можно возвысить упадшие души дворянства? Каким образом выгнать из сердец нечувственность к достоинству благороднаго звания? Как сделать, чтоб почтенное титло дворянина было несумненным доказательством душевнаго благородства?

На 13. Сравнение прежних времен с нынешними покажет несумненно, колико души ободрены либо упали, самая наружность, походка и проч. то уже оказывает.

Начало разложения феодально-крепостнического строя сопровождалось крайним усилением власти дворянства над крепостными. Увеличивая барщину и оброк, помещики все меньше сами занимались хозяйством, уезжали в города, где проживали крестьянские деньги. К знаниям они вовсе не стремились и совсем не смущались, если обнаруживалось, что они не знают даже простой грамоты. В открывшийся университет посылать детей они считали для себя зазорным, унизительным. Вот этакий невежественный, но всесильный барин, нередко становился истинным животным в обращении с крестьянами. «Звери алчные, пиявицы ненасытные...» — называл дворян А. Н. Радищев и призывал крестьян обратить на этого общественного злодея их человеколюбивое мщение.

Из ответа Екатерины II на вопрос Фонвизина видно, что она не только не видела никакой надобности смягчать сердца или облагораживать души дворян, но, напротив, рекомендовала сравнивать их нынешнее положение с прошлым по наружности, походке, а это сравнение показывало, что екатерининский вельможа одевался много богаче своего предшественника хотя бы петровского времени, перед народом шел барственнее, величавее, а при дворе выучился не скользить даже по самому гладкому паркету. Знать процветала, народ страдал, но это трогало только фонвизиных да радищевых.

14. Имея Монархиню честнаго человека, чтобы мешало взять всеобщим правилом, удостоиваться ЕЯ милостей одними честными делами, а не отваживаться проискивать их обманом и коварством?

На 14. Для того, что везде во всякой земле и во всякое время род человеческий совершенным не родится.

Своим вопросом Фонвизин обнажает и средства — коварство и обман, с помощью которых приобретались тогда и общественное положение, и богатства, и награды. Гражданская честность, о которой говорит Фонвизин, тогда была несовместима с порядками продвижения лиц по службе, с оценкой явлений жизни и т. п. Гражданская честность, то есть стремление ко благу Родины, стоила Новикову тюремного заключения, а Радищеву — каторги.

Екатерина увернулась от ответа и на этот, для нее неприятный, вопрос, отделавшись ничего не значащим заявлением о несовершенстве рода человеческого вообще.

14. (У Фонвизина этот вопрос стоит также под № 14.)
От чего в прежния времена шуты, шпыни (острый и дерзкий насмешник) и балагуры чинов не имел; а нынче имеют, и весьма большие?

На 14. Предки наши не все грамоте умели. NB. Сей вопрос родился от СВОБОДОЯЗЫЧИЯ, котораго предки наши не имели; будеже бы имели, то начли бы на нынешняго одного десять преждебывших.

Сначала приближенных и отличаемых царицей Фонвизин называет бездельниками, не вызывающими к себе «ни малейшего душевного почтения», или упадшими душами, стремящимися добиться почестей обманом и коварством, а теперь, усиливая свою критику установленных в стране порядков, он уже говорит о получении высоких чинов людьми, похожими на шутов и балагуров. Этого Екатерина уже не выносит. Слово «свободоязычие» только теперь срывается с ее языка, но это — оценка всех вопросов Фонвизина. Царица раздражена и решает прибегнуть к угрозе, которая рассчитана не только для автора вопросов, но и для всех, кто разделяет его мнения. Вопросы Фонвизина и свои ответы Екатерина поместила в журнале, с ними все знакомились. Она, таким образом, давала установку, как надо думать и относиться к поставленным вопросам, в которых она видит проявление свободоязычия. Это означало, что говорить о них небезопасно.

15. От чего многие приезжие из чужих крев, почитавшиеся тамо умными людьми, у нас почитаются дураками, и наоборот от чего здешние умницы в чужих краях часто дураки?

На 15. От того, что вкусы разные, и что всякой народ имеет свой смысл.

Несомненно, речь в этом вопросе идет о дипломатической службе, о том, кто представляет интересы страны за границей. Несомненно также и то, что почетные дипломатические должности приобретались теми же способами, что и положение внутри страны, то есть, обманом и коварством. Ясно, что и их обладателями становились люди ловкие — бездельники, шуты и балагуры. Они-то и выступали «в чужих краях часто дураками», как это квалифицировал Фонвизин. Екатерина и этот вопрос свела к различию вкусов разных народов.

16. Гордость большой части бояр где обитает, в душе или в голове?

На 16. Тамо же, где нерешимость.

Иначе говоря, по чести, долгу, по совести живут русские вельможи или хитростью, размышлением над тем, выгодно или невыгодно делать в жизни тот или другой шаг? Могут ли они пойти ради благородного дела навстречу опасности или каждый раз будут сообразовывать свои поступки с личной пользой и т. п.? Екатерина II и здесь не постеснялась указать на связь поступков вельмож с их послушностью, трусостью: гордость их там, где нерешимость,— ответила она, думая при этом о Шувалове.

17. От чего в Европе весьма ограниченный человек в состоянии написать письмо вразумительное, и от чего у нас часто преострые люди пишут так безтолково?

На 17. От того, что тамо учась слогу одинако пишут, у нас же всяк мысли свои не учась на бумагу кладет.

В своем вопросе Фонвизин коснулся распространенной неграмотности господствующего класса дворян. Это был факт, которого и Екатерина II не стала отрицать, поэтому и дала правдивый на него ответ.

18. От чего у нас начинаются дела с великим жаром и пылкостью, потом же оставляются, а не редко и совсем забываются?

На 18. По той же причине, по которой человек стареется.

Вопрос Фонвизина имел двоякий смысл. С одной стороны, естественные порывы к лучшему, новому, разумному тут же гасились при деспотическом режиме и люди, принимавшиеся за дело « с великим жаром и пылкостию», оказывались перед стеной, которую не могли преодолеть и вынужденно бросали задуманное или начатое дело. Это новое и разумное противоречило установившимся понятиям, законам, порядкам и разбивалось о них. Так, на конкурсе о том, какой труд выгоднее, крепостной или свободный, победил проект в пользу вольного труда, но при Екатерине II нельзя было и думать об осуществлении его в жизни. Напротив, она известна как последовательная крепостница.

С другой стороны, и само правительство принималось за важные дела, но бросало их. Екатерина II с большим размахом взялась за подготовку к созданию нового Уложения о законах, собрала в 1767 г. комиссию, но затем бросила все. Самодержавие и законность были несовместимы. Не случайно, поэтому, ни Екатерина II, ни последующие за ней самодержцы России так и не допустили создания нового Уложения о законах.

Объяснение Екатериной II этого вопроса было просто уловкой, пустяковой и бессмысленной отговоркой.

19. Как истребить два сопротивные и оба вреднейшие п р е д р а з с у д к и: первый, будто у нас все дурно, а в чужих краях все хорошо; второй, будто в чужих краях все дурно, а у нас все хорошо?

На 19. Временем и знанием.

Первый «предрассудок», с одной стороны, в какой-то мере отражал настроения народа и передовых людей, недовольных крепостническим строем и деспотизмом. Просветители, впервые поднявшие голос против крепостничества, со знанием дела высказывались о преимуществах некоторых сторон жизни в других странах. С другой стороны, в «высших» кругах начинали проявляться признаки низкопоклонничества перед Западом. Против решительно выступили русские просветители.

Другой «предрассудок» шел от власти. Россия была потрясена крестьянской войной под руководством Е. И. Пугачева. Ширился круг просветителей, стали появляться программы революционных преобразований[1]. В таких условиях Екатерина II развернула внутри страны и за границей широкую пропаганду о процветании жизни народа. Разоблачить этот обман открыто никто не решался. Фонвизин своим вопросом хоть и не прямо, но намекнул на это, однако и он послал вопросы без подписи.

Екатерина II поняла, что хотел выразить Фонвизин, но уклонилась от ответа по существу, сославшись на время и знания, которые будто бы и должны разрешить указанные Фонвизиным «предразсудки».

20. В чем состоит наш национальный характер?

На 20. В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корени всех добродетелей, от Творца человеку данных.

Оба, Фонвизин и Екатерина II, вопросом и ответом подводили итог. Он спрашивал, какими чертами характера должен обладать современный человек. Ему отвечали, что он должен быть сообразителен, но в духе послушания, обладать добродетелями, внушаемыми ему от бога: а это опять же покорность, смирение, почитание власти и господ. В подданных своих она хотела видеть безгласных рабов, способных только повиноваться и терпеливо ждать благостей жизни сверху.

Если иметь в виду не только прямой, но и скрытый смысл вопросов Фонвизина, можно определенно говорить. что в них была развернута целая программа реформирования политической жизни страны.

Фонвизин почти во всех случаях подчеркивает вред неограниченной власти царицы и таким образом требует ее ограничения. Он требует руководствоваться в государственных делах разумом. Управлять страной должны люди честные, грамотные, трудолюбивые. Отличать людей следует по их стараниям и заслугам. Надо стремиться к образованию и просвещению молодежи. Он за создание дворянских обществ, за свободу мнений и слова.

Крепостного права Фонвизин прямо не касался, но косвенно задевал и его, когда говорил об упадших душах дворянства, о том, что дворяне лишены душевного благородства. Именно наличием этих качеств просветители объясняли жестокость в обращении дворян с крепостными, и самого крепостного права. Просвещение, думали они, вызволит крестьян из тьмы невежества, а также смягчит нравы помещиков, внушит им не только необходимость быть гуманными в отношениях с крестьянами, но и приведет к отказу от крепостного права.

Острая критика Фонвизиным господствовавших в стране порядков, будучи обнародованной, дошла до сознания «умных и честных людей». Царица же своим раздражением против СВОБОДОЯЗЫЧИЯ доказала всем, что больше не позволит «отверзать двери истине» на страницах «Собеседника» и таким образом разоблачила фальшивость своего приглашения к смелой критике.

---

[1] К концу XVIII в. революционные взгляды разделял не один А. Н. Радищев.

СОДЕРЖАНИЕ

В. М. Васнецов.
После побоища
Игоря Святославича
с половцами.

В. И. Суриков.
Покорение Сибири
Ермаком.

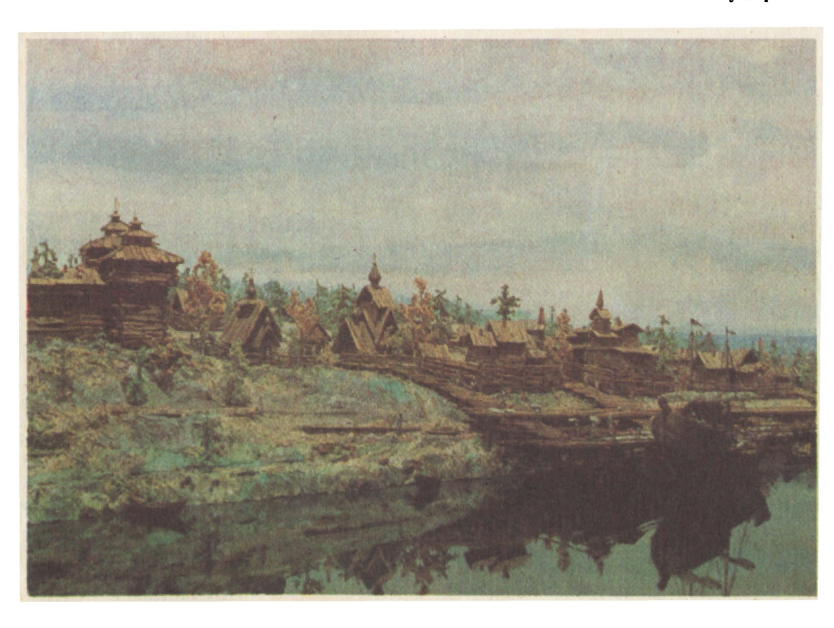
9 Зак. 1520 В. Н. Антонов, вклейка

С. В. Иванов.
Приказная изба.

П. Костенко.
Панорама города Мангазеи XVIII в.

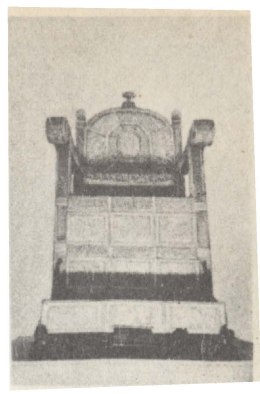
А. П. Боголюбов.
Базар в Нижнем Новгороде.

А. П. Рябушкин.
«Сидение» царя Михаила Федоровича с боярами в его государевой комнате.

Трон Ивана IV

Неизвестный художник.
Портрет Петра I.

В. И. Суриков
Боярыня Морозова.

В. Г. Перов.
Суд Пугачева.

А. П. Антропов.
Екатерина II.

Н. В. Неврев.
Торг.

В. Е. Рачев.
Демидовские рабочие.

Учебное издание

Антонов Василий Федорович

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ ПО ИСТОРИИ СССР С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XVIII ВЕКА

Зав. редакцией *А. И. Самсонов*. Редактор *В. В. Артемов*.
Младший редактор *А. В. Тимофеев*. Редактор карт *Л. Ф. Восканян*.
Фотограф *А. А. Волков*.
Художественный редактор *М. Я. Турбовской*. Технический редактор *Г. Е. Петровская*.
Корректор *И. Н Панкова*.

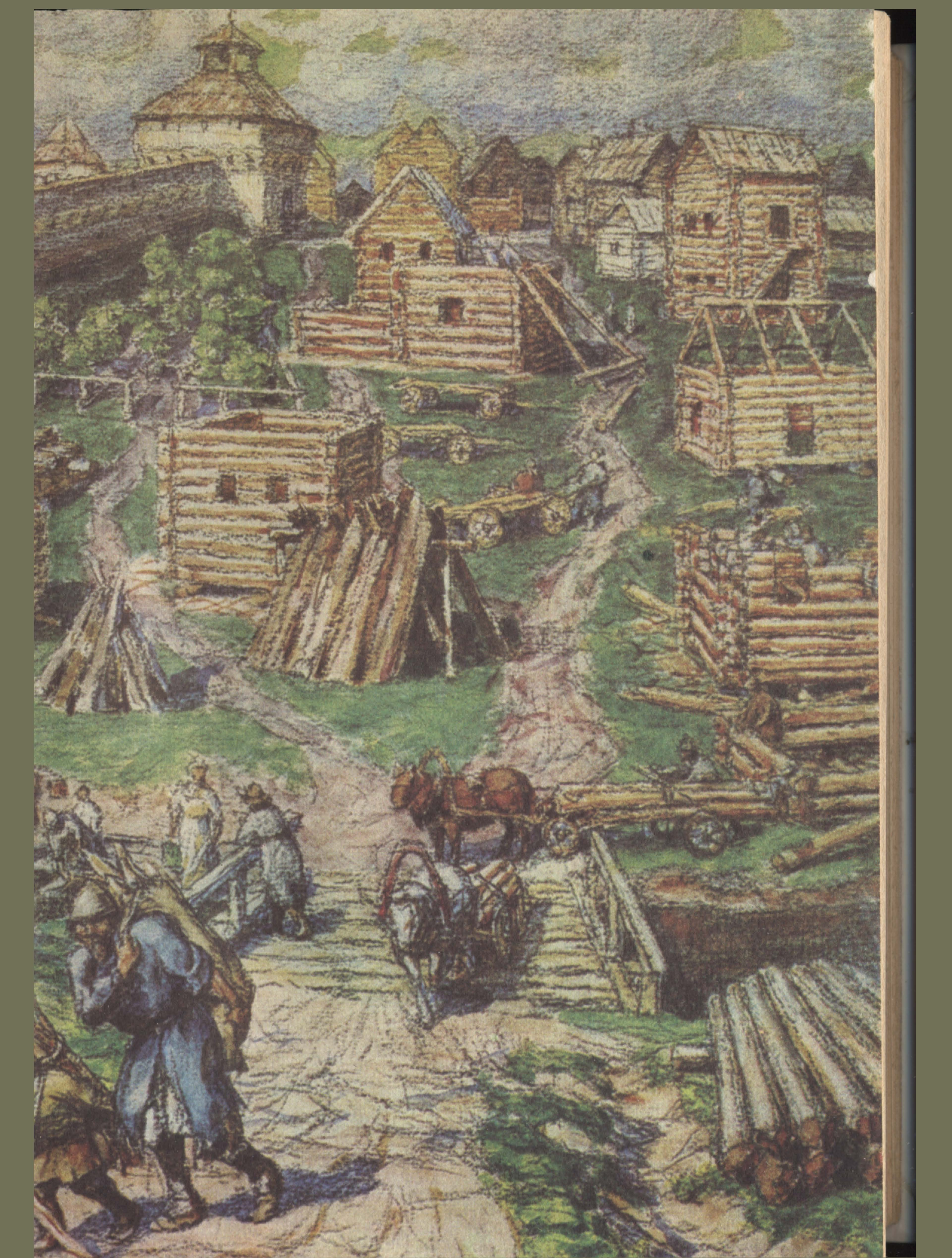
ИБ № 10841

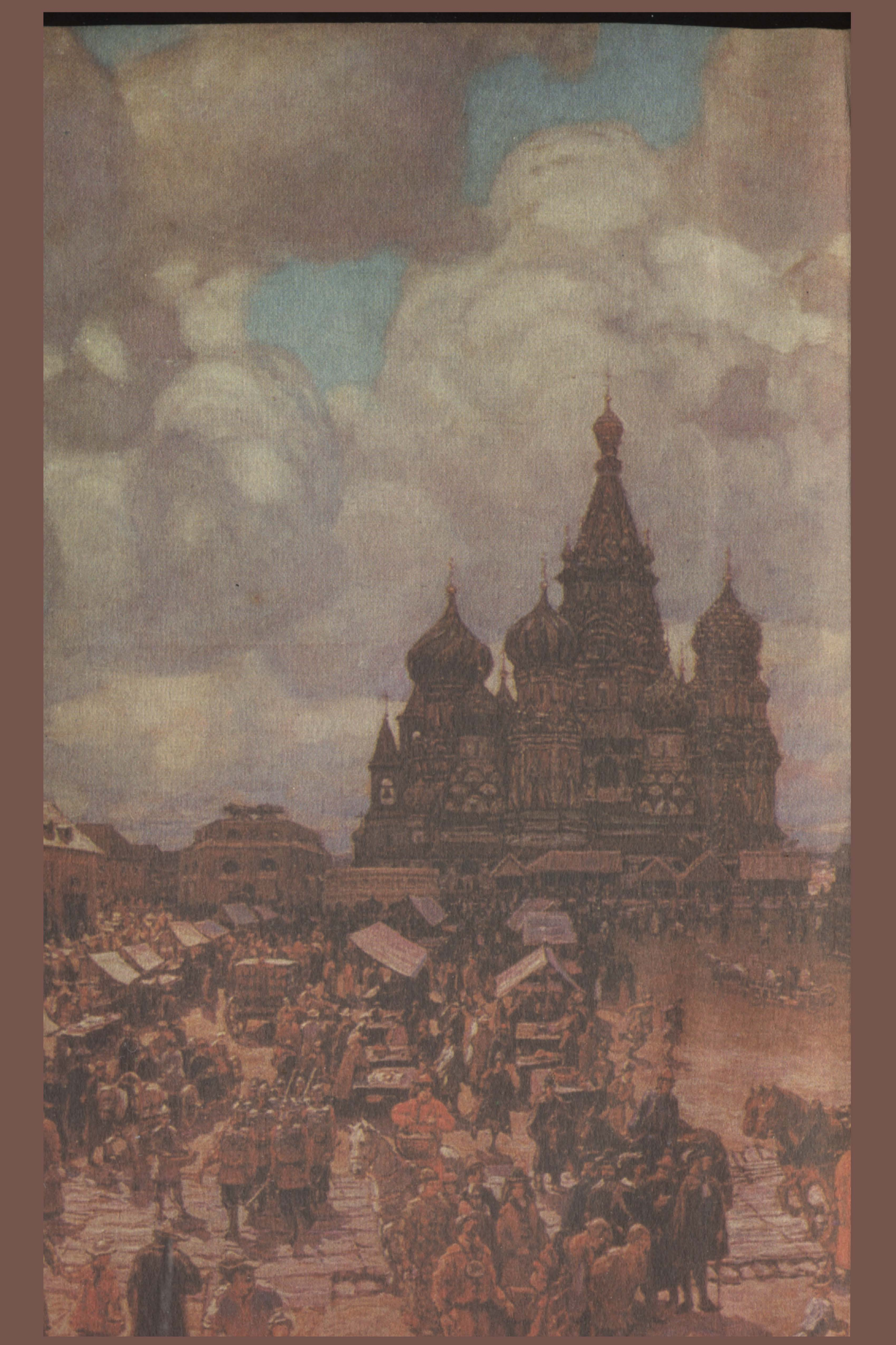
Сдано в набор 07.05.87. Подписано к печати 10.03.88. А 05656. Формат 70×90[1]/16. Бум. офсетная № 2. Гарнит. литерат. Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,55+ +0,58 вкл. +0,29 форз. Усл. кр.-отт. 21,42. Уч.-изд. л. 19,74+0,60 вкл. +0,49 форз. Тираж 269 000 экз. Заказ 1520. Цена 1 руб. 20 коп. с пленкой.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Смоленский полиграфкомбинат Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

1р.20к.

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ ПО ИСТОРИИ СССР
с древнейших времён
до конца XVIII века